DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1

ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2017. Том 5, № 1

GOLDEN HORDE REVIEW
2017. Vol. 5, no. 1

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории
им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Журнал основан в апреле 2013 г.

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИЯ:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5 (юрид.)
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная),
292 00 19

Подписной индекс в каталоге
«Каталог Российской Прессы» – **31999**

ЖУРНАЛ ИНДЕКСИРУЕТСЯ В:

Российском индексе научного
цитирования (РИНЦ)
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
WorldCat
Международной базе
данных Ульрих
Научной электронной библиотеке
открытого доступа КиберЛенинка

Academic Journal

FOUNDER:

State Institution
«Sh.Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences»

Certificate of registration in the mass media
ПИ № ФС77–54682 given by Roskomnadzor
on 9 July 2013

Journal was founded in April 2013

Published 4 times a year

EDITORIAL OFFICE:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5 (juridical)
420111, Kazan, Baturin Str., 7
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception),
292 00 19

Subscription index in the «Catalogue
of the Russian Press» – **31999**

THE JOURNAL IS INDEXED BY:

Russian Science Citation
Index Database
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
WorldCat
International databases of
the Ulrich's Periodicals Directory
Scientific Electronic Open Access
Library CyberLeninka

<http://goldhorde.ru>

E-mail: zolutayaorda.centra@mail.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2017
© «Золотоордынское обозрение», 2017

Главный редактор:

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., адъюнкт-профессор истории, университет Майами (Оксфорд, Огайо, США)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почекаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Редактор английских текстов:

Роман Хаутала, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия)

Технический редактор:

Л.С. Гиниятуллина, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный за выпуск:

Э.Г. Сайфетдинова, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Editor in chief:

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive editors:

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Council:

D.V. Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Adjunct Professor of History, Miami University (Oxford, Ohio, USA)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

English texts editor:

Roman Hautala, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland)

Technical editor:

L.S. Giniyatullina, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Responsible for issue:

E.G. Sayfetdinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Гарустович Г.Н. Кого почитали «Правдивый хан», «Вожделенный хан» и их потомки	6
Галимов Т.Р. Церковная иерархия и церковно-ордынские отношения в период татаро-монгольского вторжения 1237–1240 гг. в оценках современников	29
Иштван Вашари. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде	56
Султанов Т.И. К историографии этнополитической истории улусов Джучи и Чагатай	74
Marie Favereau. The Golden Horde and the Mamluks	93
Сайфетдинова Э.Г., Гамаль Абдель Рехем И.Х. Династический брак мамлюкского султана Египта ан-Насира и царевны Тулунбай по данным средневековых арабских летописей	116
Зайнулдинов Д.Р. Ученый из Сарая – Мавляна Зада ас-Сарай (754/1353–791/1389) – в биографическом словаре ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365–845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (Большая рифмованная книга)	126
Аксанов А.В. Русские летописи о московско-казанских отношениях: опыт герменевтического исследования	138
Гулевич В.П. Венецианская дипломатия и Большая Орда в 70-е гг. XV в.	149
Хайдаров Т.Ф. Историография эпидемии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи (1814–2016)	164

Документы

Роман Хаутала. Письмо Ладислава, францисканского кустодия Газарии (Каффа, 10 апреля 1287 года)	193
Горский А.А. «Речи» гонца Сигизмунда II Михаила Гарабурды крымскому калге Мухаммад Гирею (1559 г.)	200
Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских беев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян	206
Дерья Дерин Пашаоглу. Родословие крымских ханов согласно «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми	213

Наследие

Роман Хаутала. Вымышленное сватовство безымянного астраханского хана	220
---	-----

Рецензии

Dejan Radičević. “Under the Shadow of the Dog” – A New Monograph about the Golden Horde and Its Presence in the Balkans (Book Review: Aleksandar Uzelac. Pod Senkom psa. Tatari i južnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka [Under the Shadow of the Dog. Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Belgrade: Utopija Publ., 2015. 324 p. + 12 p. with color illustrations)	226
Веселов Ф.Н., Майоров А.В. «...нам неизвестно, что это за народ, откуда он взялся, и куда стремится». Монгольская экспансия в свете публикуемых письменных источников	230
Тычинских З.А., Габдрахманова Г.Ф. «История и культура татар Западной Сибири»: некоторые заметки о книге	239

Хроника

Почекаев Р.Ю. Международная научно-практическая конференция XIII «Фаизхановские чтения» «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии» (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.)	244
Гиниятуллина Л.С. Расширенное заседание редакционной коллегии журнала «Золотоордынское обозрение» (Казань, 18 марта 2017 г.)	248

CONTENTS

Publications

Garustovich G.N. Who Was Honored by “Truthful Khan”, “Coveted Khan” and Their Descendants	6
Galimov T.R. Hierarchy of the Russian Church and Relations between the Horde and the Russian Church during the Tatar-Mongol Invasion of 1237–1240 according to Contemporary Estimates	29
István Vásáry. Multilingualism and Cultural Interactions in the Golden Horde	56
Sultanov T.I. Historiography of the Ethnic and Political History of the Jochid and Chaghataid Uluses	74
Marie Favereau. The Golden Horde and the Mamluks	93
Sayfetdinova E.G., Gamal Abdel Rehem I.H. Dynastic Marriage of Mamluk Sultan of Egypt al-Nasir and Princess Tulunbay according to Medieval Arab Chronicles	116
Zaynuddinov D.R. A Scholar from Saray: Mawlana Zada al-Sarayi (754/1353–791/1389) in the Biographical Dictionary of Taqi al-Din al-Maqrizi (766/1365–845/1441) “Kitab al-Muqaffa al-Kabir” (The Great Rhymed Book)	126
Aksanov A.V. Russian Chronicles on the Moscow-Kazan Relations: An Experience of the Hermeneutic Research	138
Gulevich V.P. Venetian Diplomacy and the Great Horde in the 1470’s	149
Khaydarov T.F. Historiography of the Epidemic of “Black Death” on the Territory of Juchid Ulus (1814–2016)	164

Documents

Roman Hautala. A Letter of Ladizlaus, the Franciscan Custodian of Gazaria (Caffa, April 10, 1287)	193
Gorsky A.A. “Speeches” of Sigismund II’s Courier, Mikhail Garaburda, Addressed to the Crimean Qalga Muhammad Giray (1559)	200
Akhmetzyanov M.I., Mirgaleev I.M. On the Allotment of Nogai Biys from the Usergen, Kipchak, Burjan and Tamyan Clans with the People, Land, Forests and Waters	206
Derya Derin Paşaoğlu. Genealogy of the Crimean Khans according to “Umdet al-Akhbar” by Abdulgaffar Kyrými	213

Legacy

Roman Hautala. Fictional Marriage Proposal of Anonymous Astrakhan Khan	220
---	-----

Reviews

Dejan Radičević. “Under the Shadow of the Dog” – A New Monograph about the Golden Horde and Its Presence in the Balkans (Book Review: Aleksandar Uzelac. Pod Senkom psa. Tatari i južnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka [Under the Shadow of the Dog. Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Belgrade, Utopija Publ., 2015. 324 p.+ 12 p. with color illustrations)	226
Veselov F.N., Maiorov A.V. “... We do not know, who are they, where are they from and what are their aims”. The Mongol Expansion in the Light of Published Latin Sources	230
Tychinskikh Z.A., Gabdrakhmanova G.F. “The History and Culture of the Western Tatars”: Some Notes about the Book	239

Chronicle

Pochekaev R.Yu. The International Scientific-Practical Conference XIII Faizkhanov Readings “The Heritage of the Golden Horde in the Nationhood and Cultural Traditions of the Peoples of Eurasia” (St. Petersburg, May 4–6, 2016)	244
Giniyatullina L.S. Extended Meeting of the Editorial Board of the “Golden Horde Review” (Kazan, March 18, 2017)	248

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 299.4

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.6-28

КОГО ПОЧИТАЛИ «ПРАВДИВЫЙ ХАН», «ВОЖДЕЛЕННЫЙ ХАН» И ИХ ПОТОМКИ

Г.Н. Гарустович

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской Академии наук
450071, Уфа, Башкортостан
E-mail: garustovich03@mail.ru*

Целью работы является рассмотрение вопросов особенностей языческих верований – исконной религии шаманизма тюрков и монголов – в освящении авторов письменных источников эпохи Средневековья: китайских, арабских, западноевропейских, русских, и т.п. (которые выступают в качестве главных материалов исследования). **Научная новизна:** до сих пор конкретные реалии тюрко-монгольского шаманизма в России изучены все еще не в полной мере, несмотря на издание многочисленных работ историков, этнографов, археологов, лингвистов, специалистов других научно-познавательных дисциплин. **В результате** работы выясняется, что авторы средневековых нарративов сумели подметить целую серию интересных и важных элементов традиционной религии степных народов.

Обожествление кочевниками природных стихий способствовало формированию у них ярко выраженного политеизма с многочисленным перечнем духов и демонов, разработке сложной и разветвленной ритуалистики, приведших к выделению у них прослойки профессиональных служителей культа – шаманов (камов, бугэ, удоган). Жреческое сословие выступало в качестве посредников между сообществом живых людей и сверхъестественным миром богов и гениев, общаясь с представителями идеального мира через своих духов-помощников (в процессе камланий). Служители культа выполняли в обществе множество важных функций (защитно-охранительную, целительскую, очистительную, консервативно-традиционалистскую, и др.). Поскольку в нарративных источниках хроникеры очень мало обращали внимание на структуру пантеона богов и на догматику шаманизма, в работе больше рассматриваются функции шаманов в обрядовой практике. Жрецы участвовали в семейной обрядности (на похоронах и поминках, при сватовстве и рождении ребенка), являлись носителями традиций, врачевали больных и лечили скот, «боролись» со злыми духами, магическими способами воздействовали на противников в войнах, гадали и предсказывали будущее, а главное – выступали распорядителями на регулярных родовых и племенных жертвоприношениях предкам. Шаманы входили в окружение ханов, занимаясь их идеологической поддержкой и проблемами легитимации правлений тюрков и монголов раннеклассового периода. Жизненный опыт и знания элементов природных явлений (особенностей окружающей среды) не исключали использование ими анимизма и магических методов (очистительной силы огня, камня «яда», и т.д.).

Ключевые слова: шаманские верования, средневековые кочевники, тюрки и монголы, письменные источники.

Для цитирования: Гарустович Г.Н. Кого почитали «Правдивый хан», «Вожделенный хан» и их потомки // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 6–28. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.6-28

Много лет назад Н.Я. Бичурин, рассказывая о жужанях конца V – начала VI вв., приводил имена Чуло-хана (от слова «правда») и Хэуце Фуфа Кучже-хана (т.е. «вожделенный» хан), и других степных властителей [4, с. 193, 196], а также обращал внимание читателей на примеры достаточно экзотических форм взаимодействия политической власти и служителей культа у степных кочевников. Скажем, «Чэуну по вступлении на престол, вдруг потерял малолетнего сына по проименованию Цзухой и, несмотря на все разыскания, не мог найти его. Вызвалась одна Чабганца (шаманка – Г.Г.), фушенмиева жена, по имени Дэухунь Дивань, двадцати лет роду. Она лечила и волховала, т.е. шаманила силой духов, и Чэуну всегда имел веру к ней: почему она часто ходила к нему и сказывала, что сын его теперь живет на небе, и она может призвать его. Чэуну с матерью обрадовались. По прошествии года, в 15 день восьмой луны, поставили среди большого озера юрту; держали пред сим семидневный пост; во всю ночь молились духу Неба. Вдруг Изухой очутился посреди юрты и сказал, что он постоянно жил на небе. Чэуну с матерью в радости обняли его, сделали большой пир для вельмож; Диване дал титул святой жены и принял ее к себе в ханьши; мужу ее Фушенму дал княжеское достоинство, и подарил ему 3000 голов быков, лошадей и овец. Дивань, заняв почетное место, стала пригожее. Чэуну очень уважал и любил ее и, поступая по ее советам, привел государственное управление в запутанность. Таким образом прошло несколько лет. Когда Цзухой подрос, то мать спросила его о прошедшем. Цзухой сказал, что он всегда жил в доме Дивани, а на небе никогда не бывал; и сказать, что он жил на небе, Дивань научила его. Мать все это пересказала Чэуну. Чэуну сказал ей: Дивань предвидит отдаленное; нельзя не верить ей; не слушай наветов. Но Дивань, из опасности, оговорила Цзухой пред Чэуну, и Чэуну тайно убил его. В первое лето правления Чжень-гуань, 520, Гюйле, по приказанию чеунуевой матери, удавил Дивань...» [4, с. 197–198].

Здесь мы имеем некий «эмоционально-психологический срез» средневекового потестарного кочевого общества, с его динамикой и жестокостью, суевериями, неизменными интригами, произволом, корыстью, заурядным обманом и неистребимой жаждой власти. Цена человеческой жизни была невысокой, даже для сумевших прорваться в самое окружение хана. Китайский автор данного пассажа видел в этом событии пример воздаяния за несправедливость и ложь. А мы обращаем внимание на обрядовые действия кочевников, а также на то, с какой легкостью жрец (либо шаманка) мог лишиться своей «священной» жизни. И это при том, что шаманы в кочевых сообществах пользовались большим влиянием и уважением. В конце XIII в. доминиканец Рикольдо де Монте Кроче (ум. в 1309 г.) подчеркивал: «Надо знать, что татары неких людей почитают больше всего на свете, а именно бокситов (баксы, шаманов – Г.Г.) – языческих понтификов... Все они владеют магическими искусствами, пользуются помощью и советами демонов, выделяют множество фокусов, а некоторые даже предсказывают будущее... (здесь и далее нами выделены функциональные возможности методы практики шаманов – Г.Г.) Некоторые из них утверждают, что существует триста шестьдесят пять богов. Дру-

гие же говорят, что насчитываются сто туманов богов. Туман – это десять тысяч» [40, с. 155]. Вот так, в период язычества шаманов и почитали, и боялись, и использовали, а при случае – убивали...

Своей целью в данной работе мы считаем задачу показать элементы традиционных тюрко-монгольских верований периода политеизма в освящении авторов средневековых хроник и отчетов. Предпочтение при этом отдается информации непосредственных наблюдателей описываемых событий, поскольку они менее предвзяты в оценках и более достоверны в описаниях. Преобладание ссылок на ритуалистику монголов носит объективный характер из-за фрагментарности описаний в средневековых нарративах элементов тюркских языческих верований. Принципиальными моментами в нашем изложении являются: 1) констатируемое отечественными исследователями генетическое родство народных верований и обрядов тюрков и монголов (при естественных особенностях в деталях ритуальной практики различных этносов); 2) автор не поддерживает стремление многих средневековых и современных историков представить религию кочевников как некий вид стихийного монотеизма. Иерархичность структуры их пантеона (с Кок Тенгри во главе), вовсе не исключает их последовательного политеизма со множеством богов и духов («второстепенных гениев»). Это – не более чем подмена понятий. Скажем, греков с верховным Зевсом никто почему-то не подозревает в монотеизме. Например, по словам Н.В. Пигулевской: «Религия монголов имела черты примитивного монотеизма; небо – *tangri* – было главным божеством. Хотя оно и не было антропоморфно, но такое представление могло способствовать усвоению идеи монотеизма, принятию мусульманства и христианства» [см.: 17]. Но абсолютно то же самое вправе говорить о любой религиозной системе потестарных или раннеклассовых сообществ, в разных концах земного шара. Мы имеем дело с общепринятым стадияльным явлением, не более того.

Итак, шаманизм – древняя стадия развития политеизма, основанная на обожествлении стихий и созданий природы, с эклектическим совмещением элементов анимизма и тотемизма, фетишизма и магии, с разветвленной системой ритуалистики и со сложным сочетанием языческой догматики. Характерной чертой данной культовой практики является выделение сословия жрецов, их экстатическое общение с духами и потусторонним миром. Считать данную форму религии архаичной можно, но называть ее какой-то неразвитой правомерно лишь в сравнении с более поздними, монотеистическими доктринами. Неслучайно, шаманизм фиксировался у народов, находившихся (по старой нашей терминологии) на стадии «варварства» или «военной демократии» [43, с. 266, и др.]. Трудно также согласиться со словами И.П. Петрушевского: «Монголы времени Чингиз-хана ... были примитивными язычниками-шаманистами, стоящими на той стадии культурного развития, которой религиозная исключительность еще чужда» [34, с. 14], поскольку религиозные реалии соответствовали стадии их политического развития. Но о религиозной исключительности они действительно не заботились.

Еще римляне говорили о гуннах: «Они... не связаны уважением ни к какой религии или суеверию» [2, с. 398]. Когда средневековые мусульманские или христианские авторы писали об отсутствии веры у монголов (татар), под этим надо подразумевать не стихийно-атеистическую направленность их

идеологии, а лишь непонимание кочевниками доктрин единобожия. «У этих татар нет веры» – написал в 1247 г. коннетабль Армении Смбат Спарамет [19, с. 126]. У монголов, – утверждает Давид из Эшби («Деяния татар»), – «нет никаких определенных установлений о том, как поклоняться Богу. И они не придерживаются никакого из [существующих] законов на этой земле: ни иудейского, ни сарацинского, ни христианского. Да и неизвестно, чтобы они почитали каких-либо идолов, кроме тех, которые у них были изначально; но они придерживаются естественного разума и имеют у себя собственные правила» [19, с. 135]. Позднесредневековый компилятор констатирует: «Они ни во что не верят. Нет у них разрешенного, нет запретного: они едят все что попадается» [1, с. 103]. О том, что по своей сути верования кочевников являлись формой обожествления сил природы, подметили те же средневековые вояжеры. В «Путешествии по святой земле» брат Рикольдо (в главе «О татарах») достаточно четко формулирует эту мысль: «Религией они... отличаются от всех прочих народов... В Бога же они веруют как в некий закон природы. Так и живут природными установлениями, словно животные и птицы...» [40, с. 150–151]. Показательна приведенная выше фраза доминиканского миссионера Рикольдо, что у монголов «существует триста шестьдесят пять богов», – то есть каждый день у них был сакральным и почитаемым.

Именно адепты мировых религий, исходя из своих приоритетов (часто просто выдавая желаемое за действительное), запустили в литературу тезис о веровании кочевников в некоего единого бога. К примеру, персидский автор Фахрэддин Мубаракшах Мерверруди (ум. в первое десятилетие XIII в.) в своей «Истории» (точнее – «Шеджере-и нисбет», ‘Дереве родословий’) утверждает, что даже тюрки-язычники «признают творца и знают о пророках». Он приводит свой перевод тюркских слов, связанных с их религиозными представлениями: Tanrı – божество; idi или ulugtanrı – владыка; bajat – божество; jalavac – посланник; saqci – пророк; buazun – этот мир; olazun – тот мир; ulugkun – великий день; usmaq или usmah – рай; samuh или tamug – ад; sakizucmah – восемь раев, и т.д. [44, с. 114]. Тенгри представляется не просто как один из богов (пусть и верховный), а в качестве синонима арабского – Аллах. Тем самым на Востоке постепенно утверждается расхожее представление о том, что тюркским народам изначально присуще единобожие (как бы мы сказали – стихийный монотеизм). В последующие столетия у многих тюркских народов слово «тенгри» превращается просто в обозначении бога, наряду с термином «худай» (перс. ‘бог’).

И о значительном влиянии жрецов буквально на все стороны социально-политической жизни населения Центральной Азии также писали путешественники (причем, практически единодушно). Приведем лишь слова китайских историков о тюрках (по Н.Я. Бичурину): «Поклоняются духам, веруют волхвам». А монголы, по утверждению Плано Карпини, «всю свою надежду... возложили на подобных лиц» (т.е. шаманов) [35, с. 32]. Отметим при этом, что данное явление было полностью характерно для патриархально-родового или раннефеодального общества, везде и всюду. Сословие жрецов в тюрко-монгольских сообществах никогда не было однородным, ни по уровню способностей его конкретных представителей, ни по их популярности в народе, ни по степени поддержки шаманов властными структурами. На «элите» данной социальной группы, приближенной к политическим верхам обще-

ства, мы сейчас не будем особо акцентировать внимание читателей (это тема требует специального рассмотрения). Постараемся подробнее приглядеться к статусу и функциям шаманов внутри всего кочевого социума: они жили в этом обществе и были его органической составной частью. Уже сам факт длительного сохранения т.н. «пережитков шаманизма» в народе говорит о том, что способности камов были весьма популярны и действительно востребованными внутри общества. И еще, рассуждая о шаманизме, не будем забывать о принципиальном выводе Л.Н. Гумилева о том, что язычество у кочевников в эпоху средневековья было не только синкретичным, но и многоуровневым (дифференцированным) изнутри.

Начнем с того, что шаманами у средневековых кочевников Центральной Азии могли быть как мужчины (тюрк. 'кам', монг. 'бугэ'¹), так и женщины (монг. 'удоган'), которые могли иметь жен и мужей [36, с. 132]. «У калмыков есть чародеи или шаманы... Чародей называется 'бе', а чародейница 'удугунь'» [33, с. 529]. Кыргызы «шаманов называют гань» ('кам') [4, с. 353]. По словам византийского историка, у аваров «был некий скиф, носивший прозвище Боколабра... Переделав скифское слово на эллинский язык, мы получим толкование: маг (что то же самое, что священнослужитель)». Шаман выделился благодаря любовной связи с ханской женой, но, опасаясь последствий, вынужден бежать «к своему родному племени. Это были гунны, жившие на востоке, по соседству с персами, которых большинство более привыкло называть тюрками» [47, с. 5]. Для этих людей главным было не столько богатство или благородство происхождения, сколько факт обладания т.н. «шаманским даром», то есть конкретными способностями, которыми камов якобы наделяли потусторонние силы (отсюда термин «избранники духов»). Нельзя сказать, что большинство жрецов изначально стремились стать служителями культа. Не каждый был готов жить в некотором отчуждении от своих соплеменников, поскольку люди боялись шаманов и их способностей. Очень часто жреческую стезю выбирали дети шаманов, что еще обуславливалось необходимостью специфической и сложной «профессиональной подготовки», обязательного личного прохождения обряда инициации (т.е. подтверждения функциональных и мистических способностей), с привлечением «личных помощников» из разряда духов. Важнейшей чертой шаманской практики считалось умение входить в транс (определенное психическое состояние, близкое к экстазному) в процессе камлания (от слова 'кам'). В ходе транса как раз и происходит общение жреца с персонифицированными представителями одухотворенной природы и духами (демонами), а также его медиаторные «путешествия» по трем основным структурным уровням мира: Верхнему, Среднему и Нижнему. К определяющим моментам относились знание комплекса духовно-нравственных традиций народа, ориентация в нормах обычного права, а также индивидуальный жизненный опыт. В любом случае, эти люди выделялись из общей среды своими экстраординарными способностями и знаниями.

Отвлекаясь от проблем прослойки «профессиональных» женоподобных энареев у древних кочевников-скифов (по Геродоту, Псевдо-Гиппократу и

¹ Здесь необходимо учитывать не только монгольское слово 'бык', но и тунгусо-манчжурское 'буга' (бува, боа), в значении «сила природы» и дух – хозяин верхнего мира.

др.) и иных номадов; отметим, что, пожалуй, одним из наиболее ранних и, при этом, очень ярких описаний культовой практики степных народов считаются рассказы византийских послов Земарха (568 г.) и Валентина (579 г.), побывавших при дворе тюркских каганов. Люди из «племени [тюрков], которые самих себя называли и про которых говорили, что они изгоняют порчу, рядом с Земархом прыгали и все вещи [посольства] перенесли с молитвой по обычаю на середину. На огне из молодых ростков ладанового дерева² просушили их, шепча какие-то варварские слова на скифском языке, звонили в колокола и били в бубны. Сверху над вещами проносили горящие листья ладанового дерева, выкрикивая и вместе с тем, сатанея и бесясь, так что казалось, будто бы плохое изгоняли. Предотвращающие несчастья считаются защитниками от нечистых сил. Выгнав, таким образом, все несчастья, они и самого Земарха перевели сквозь пламя, думая, что совершили священный обряд» [14, с. 12]. «В один из этих дней печали (т.е. поминок – Г.Г.) Турксант, между прочим, принес в жертву покойному отцу четырех пленных гуннов. Он велел умертвить их вместе с отцовскими конями, причем громким голосом поручил им отправиться к отцу вестниками от его народа...» [28, с. 376]. Данный пассаж объективно является важнейшим показателем сходства традиционных верований тюрков и монголов, поскольку позднее подобных кудесников, способы их камланий, иступленные пляски и очистительные огненные обряды, посланничество к предкам и даже человеческие жертвоприношения, мы обнаруживаем у средневековых монголов.

По словам анонимного персидского автора «Худуд ал-Алам» («Пределы мира», 982–983 гг.): «Они (т.е. тюрки – Г.Г.) поклоняются каждой вещи, которая (чем-нибудь) хороша или удивительна. Они почитают лекарей и всякий раз, как видят их, поклоняются им. Эти лекари (шаманы) распоряжаются и жизнью, и имуществом их» [27, с. 211]. В конце VI в. Феофилакт Симокатта писал о тюрках: «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом. Ему в жертву они приносят лошадей, быков и мелкий скот и своими жрецами ставят тех, которые, по их мнению, могут дать им предсказание о будущем». «Климатарх Тавгаста называется “таисан”, что на эллинском языке означает “сын бога”. Власть в Тавгасте никогда не нарушается мятежами – только наследственность дает там право на звание вождя. У этого племени поклоняются идолам, но законы справедливы, и жизнь исполнена добродетели» [47, с. 48, 49].

Пожалуй, самым популярным в истории шаманом у западных тюрков считается легендарный мудрец и сказитель Коркут («Китаби деде Коркуд»), но информация о нем подверглась за века литературно-фольклорной обработке и очень фрагментарна. А самым известным монгольским шаманом был Кокэчу (Тэб-Тэнгри; в «Сокровенном сказании» (§ 244) – Тэб-тэнгэри) из племени уряутов, сын Мунлика-эчигэ (за которого была выдана замуж мать Темучжина – Оэлун-экэ). «Он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: «Бог со мною беседует, и я посещаю небо!». Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!». И

² Ладановое дерево в регионе не растет (все же, это не Йемен и не Сомали). Видимо, перевод Г.С. Дестуниса – «дерево ливана» – ближе к истине. Под «ливанскими ветвями» византиец имел в виду сосновые сучья (от ливанского кедра – лат. «*Cedrus libani*»).

чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав [при этом]: «Повелением бога имя твоё таково должно быть!». «У Тэб-Тэнгри вошло в привычку в [самое] сердце зимы, в местности Онон-Кэрулэн, одной из самых холодных [местностей] тех областей, садиться голым на лед. От тепла его [тела] замерзшая вода растаивала, и от воды поднимался пар. Монгольское простонародье и отдельные лица говорят, – и [это] стало общеизвестным, – что он ездил на небо на коне» [36, с. 167].

В этом месте беспристрастность летописца изменяет Рашид-ад-дину: подобные утверждения язычников явно коробили слух убежденного и образованного мусульманина, каким был иранский историк и чиновник правительства ильханов. Он пишет: «[Разумеется, все] это несообразности и вранье простых людей...». Шамана он явно считал шарлатаном, который «владел каким-то обманом и притворством; с Чингиз-ханом он говорил дерзко, но так как некоторые [его слова] действовали умиротворяюще и служили поддержкой Чингиз-хану, то последнему он приходился по душе» [36, с. 167]. «Впоследствии, когда [Тэб-Тэнгри] стал говорить лишнее, вмешиваться во все и повел себя спесиво и заносчиво, Чингиз-хан полностью [своего] разума и проныцательности понял, что он – обманщик и фальшивый человек. И в один день он со своим братом Джочи-Касаром принял решение и повелел, чтобы [Тэб-Тэнгри] прикончили, когда он явится в орду и начнет вмешиваться во все, его не касающееся... Итак, когда явился Тэб-Тэнгри и начал во все ввязываться, ему дали два-три пинка ногой, выбросили из орды и убили. Отец [же] его сидел на своем месте; он поднял его шапку и не представлял себе, что того убьют. Когда убили [Тэб-Тэнгри], он промолчал» [36, с. 167–168]. Или, по его же словам: «Кокэчу Тэб-Тэнгри..., был провидцем, претендовавшим на совершение чудес. Он неоднократно перед этим заверял [Темучжи-на]: “Всевышний господь дарует тебе царствование над поверхностью земли!”... В этот день он выступил и, выразив притязание на обнаружение [у себя сейчас] знаков того чудесного предвидения...» [37, с. 253].

Понятно, что до тех пор, пока идеологическое содействие Кокэчу в политической сфере было выгодно Чингиз-хану, он поддерживал экзальтированного кудесника; но как только тот превысил свои полномочия, хан не потерпел вмешательства [20, с. 176–179; 22, с. 194–199]. Тэб-Тэнгри должен был умереть. Присутствие Мунлика-эчигэ при казни его сына (подчеркиваю – на запланированной акции) было проверкой лояльности старика хану. И тем, что Мунлик-эчигэ промолчал, он выдержал испытание, и поэтому «постоянно был уважаем и почитаем, имел [под своим началом] тысячу из левого крыла [армии]. У него было три других сына, все они [были] старшими и почтенными эмирами» [36, с. 168; 37, с. 268, 270]. Правда, возможна еще одна причина «невмешательства» родителя в конфликт. Брат ка'ана спровоцировал шамана на единоборство, а у монголов, «когда два человека борются, никто не смеет вмешиваться, даже отец не смеет помочь сыну» [11, с. 102]. В любом случае, хан не терпел конкуренции и вторжения в дела своего правления, но и мелкая мстительность была ему чужда. Всем воздавалось «по делам его», и привилегированное положение, в этом случае, не играло определяющей роли [10, с. 78]. Оценки деятельности и самой личности Тэб-Тэнгри в средневековых нарративах практически единодушны: везде подчеркивается его заносчивость

и властолюбие, и при этом указывается на его популярность в народе как жреца, наделенного незаурядными способностями [9, с. 116–117].

Как видим, уважаемых шаманов поддерживали, использовали их авторитет в народе, но могли и к смерти приговорить. Причем, в случае конфронтации с «власть предержащими» их ответственность, вне зависимости от гендерной принадлежности и социального положения, была одинаково жесткой. Разве что примеры, когда женщин-шаманок в нарративных источниках обвиняли в колдовстве (неизменным наказанием за что была смерть), пожалуй, встречаются чаще... В разделе о кераитах Рашид-ад-дин говорит о сыне Маркуза-Буюрука – Курджакузе: «Его жена Турагаймиш занималась колдовством; всякий раз, когда он выезжал на охоту, она немедленно заставляла его спешиться. Так как он находился в беспокойстве от ее руки, то приказал имевшейся у него наложнице умертвить ее. Так и сделали» [36, с. 130].

Но если для устранения неугодной женщины-шаманки можно было использовать яд или простой навет, то для казни мужчин-чародеев требовались более веские «доказательства» (либо хотя бы их видимость). «Они не карают никого смертным приговором, если он не будет уличен в деянии или не сознается... Точно также умершвляют колдуний..., так как считают подобных женщин за отравительниц» [11, с. 102]. Так, в 1265 году Хулагу обвинил в колдовстве эмира Балакана, присланного ему в помощь джучидом Берке (от слова ‘сложный’, ‘затруднительный’ хан). Правитель Золотой Орды утвердил это подозрение (поскольку обвиняемый сам сознался), и эмир был казнен [38, с. 81; 39, с. 54]. В целом, обвинения в колдовстве в Еке Монгол улусе были действенным инструментом в непрекращающейся внутрисполитической борьбе, и безотказным способом расправы со своими противниками.

Один шиит решил оклеветать Фатиму-хатун, служанку и доверенное лицо Туракины-хатун. Ее обвинили в том, «что она околдовала Кудена, так что тот занемог. Так как болезнь его усилилась, то он послал к своему брату Гуюку [передать], что приступ болезни есть следствие колдовства Фатимы-хатун, и что если что-нибудь случится, чтобы он взыскал с нее». Под палками женщина созналась в содеянном, и ее утопили. Но обвинения в колдовстве и казни в орде и после этого не прекратились [38, с. 117]. В начале правления ильхана Ахмеда (1282–1284) сановника Маджда-Мулька Йезди обвинили в колдовстве. «Так как монголы очень чужаются колдовства, то они испугались написанного, подвергли суду и много спорили вокруг него». В конце концов, его признали виновным, после чего «он был убит в местности Аладаг, и члены его разослали в разные стороны» [39, с. 101; 41, с. 171].

Проигравшим в политической борьбе предъявляли обвинения в самых различных проступках (иногда в реальных, но очень часто – в мнимых). «Было раскрыто, что вдовствующая государыня Дин-цзуна (это посмертное имя хана Гуюка) вместе с матерью Ширемуна совершали чародейские жертвоприношения, обоих предали смерти. [Менгу] сослал Ширемуна, Есу, Бури и других в земли Моточи. Ходжа, Наку, Есун-Тока и другие были арестованы внутри воинского лагеря» [15, с. 188]. О том же заговоре родственников Угедэя 1252 года Н.Я. Бичурин (по «Ган-му») высказался так: Мункэ «ханьне Куюковой и матери Шилмыневой, обеим за волхование приказал умереть» [3, с. 317–318]. Понятно, что ка’ан сам подобострастно относился к религии, но все же трудно не заметить удобство использования обвинений в колдовстве при сведениях

счетов с противниками: доказательства не нужны, и оправдаться сложно... Не случайно, что в обществе все прекрасно осознавали политическую (а не религиозную) подоплеку событий: «Мункэ, досадуя, что князья думали вопреки его интересам, и будучи недоволен волхвованием старых ханьш, одних переселил, других убил, а иных сослал. Действительно, можно ли обмануть Небо? Посему-то Ган-му написала о них, по положению безвинных, чтобы тем выказать вину хана Мункэ» [3, с. 317–318]. Но уж если в государствах, созданных кочевниками, языческие религиозные традиции могли ограничивать жизнь верховных правителей, то что уж там говорить о шаманах и лицах, заподозренных в колдовстве. Ярким примером религиозного ограничения сроков правлений ханов могут служить обычаи хазар, у которых практиковались убийства каганов («божественных властителей») по истечении срока, установленного в ходе архаического обряда [см.: 48, с. 281–300, гл. XXIV].

Языческая религия в жизни и обществе тюрков и монголов играла ту же социальную (стабилизирующую) роль, как и всякая структурированная идеологическая доктрина: с функциями мировоззренческой, легитимирующей, интегрирующей и регулирующей. При этом она должна была отражать и адаптировать в местных условиях новации, социальные и политические изменения в социуме, при обязательном сохранении стабильности. Последняя из названных задач предопределяла внимание и поддержку жреческой верхушки со стороны власть предержащих, наделяя служителей культа политическим статусом и повышенным достатком.

Средневековые хроникеры и писатели, а priori не являясь научными систематизаторами и теоретиками, все же сумели подметить множество важных функциональных характеристик служителей культа у кочевников. а) Так, одной из важнейших социальных задач шаманов считалось сохранение народных традиций, а также воссоздание внутренней стабильности и общественной устойчивости. «Когда род Чингиз-хана производит устройство [государственных] дел, а оно у них состоит в правильном применении их правил и обычаев, то за всем тем, что относится до сего порядка, обращаются к сему племени (йисут), и [его] шаманы, как у них принято, осуществляли [это] исправление» [36, с. 193–194]. Многие авторы регулярно подчеркивают приверженность кочевников своему укладу жизни и своим традициям (в том числе и мировоззренческим); как выразился в пространном панегирике тюркам араб ал-Джахиз (Абу Осман ибн-Бахр), – в «силу привычки к обычаю» [25, с. 237]. Жрецы были убежденными сторонниками консерватизма, они выступали гарантами миропорядка «завещанного предками». И здесь их устремления совпадали с желанием укрепляющейся ханской власти. Не случайно Чингиз-хан распорядился: «Я не позволю исчезнуть обиталищу и местожительству предков и не допущу уничтожить их пути и обычаи...» [37, с. 130]. Важнейшей формой национального и социального единения этноса было обязательное участие ханов, аристократии и простых аратов в регулярных жертвоприношениях предкам, сопровождавшихся празднествами, пирами и играми молодежи (хакасы «жертву духам приносят в поле», в память умерших «в известные времена производят плач» (т.е. совершают поминки)) [4, с. 353]). Тюрки-теле «для принесения благодарности духам заколают множество разного скота и сжигают кости его; потом объезжают это место на лошадях; иногда скачут до нескольких сот кругов. На это собрание сходятся мужчины и женщины без разбора возраста. Те, у

которых все благополучно, поют песни, пляшут, играют на музыкальных инструментах; а семейства, у которых смерть похитила кого-либо, от горести плачут, проливая слезы» [4, с. 215–216].

Далее, рассматривая функции религиозной практики, будем также обращать внимание на конкретные выражения форм и методов ритуальности. б) «Избранники духов» повсеместно занимались врачеванием. Когда Угедэй-ка'ан заболел, «Тулуй-хан пришел к его изголовью, а шаманы по их обычаю камлали и отмывали его болезнь в воде в деревянной чаше. Тулуй-хан от чрезмерной любви, которую он питал к брату, взял ту чашу и сказал с горячей мольбой: “Боже вечный! Ты всеведущ и знаешь, если [это] за грехи, то я [их] больше сделал... Прости его и вместо него позови меня к себе!”. И, сказав эти слова, с горячей мольбой выпил ту воду, в которой отмывали болезнь. Угедэй получил исцеление, а [Тулуй; монг. ‘зеркало’] ...заболел и скончался» [38, с. 24, 110]. Этот случай «целительства» был детализирован в «Сокровенном сказании». При болезни Угедэя был проведен традиционный обряд выкупа его души у демонов. Духам («владыкам Китадских земель и вод») шаманы предлагали принять вместо души ка'ана выкуп (драгоценности, скот, и т.п.). Однако выяснилось, что здоликом (выкупом) в этот раз может выступать только родственник больного, и Тулуй предложил им свою жизнь. Выпив заговоренную жрецами воду, он умер (1232 г.).

Поскольку «волхвы» получали плату за свою медицинскую помощь (и довольно значительную), требования к врачевателям были высокими. Широко известен сюжет о ссоре монголов и татар, переросший в перманентное кровопролитное противостояние родственных племен. Рашид-ад-дин в «Сборнике летописей» повествует о том, что, когда у монголов заболел Сайн-тегин (из племени кунгират, брат жены Кабул-хана), они «для лечения попросили у татар [прислать] шамана по имени Чаркил-Нудуя. Он пришел и совершил камлание, но Сайгин-тегин умер. Над шаманом учинили насилие и отослали домой. После того старшие и младшие братья Сайн-тегина отправились и убили этого Чаркила шамана [кам]...» [36, с. 104]. Понятно, что это был лишь повод для вспыхнувшей вражды соперничающих племен, появление которой имело более серьезные, глубинные причины (в первую очередь – политические и экономические). Но и повода оказалось достаточно для многолетней войны: крупных потерь у монголов и почти поголовного уничтожения татар...

в) Уважительное отношение к шаманам внутри этнического сообщества определялось тем, что они обязательно привлекались на все главные события из категории семейной обрядности (свадьбы, рождение ребенка и похороны умерших). На жрецов возлагалась необходимость провожать души умерших в подземный мир и руководство поминками. Тюрки, по описаниям китайских хроникеров, «тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола заклывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач, кровь и слезы совокупно льются, таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойный ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойным сожигают: собирают пепел и зарывают в определенное время в могилу. Умерших весной (так у автора; видимо, надо ‘осенью’ – Г.Г.) хоронят, когда лист на деревьях и

растениях начнет желтеть и опадать; умерших осенью или зимой хоронят, когда цветы начнут разворачиваться. В день похорон, также как в день кончины, родные предлагают жертвоприношения, скачут на лошадях и надрезают лица... По принесении овец и лошадей в жертву до единой, вывешивают их головы на вехах» [4, с. 230].

К слову сказать, помимо родственников особые виды поведения во время похорон накладывались даже на стадо умершего. Пережитки подобной обрядности отмечены этнографами у казахов и таджиков: «Кроме людей траур держали также домашние животные семьи умершего и посаженное им дерево. Если у умершего была лошадь, в день похорон ее наряжали и еще три дня держали на видном месте двора в убранстве» [49, с. 292].

Жертвоприношения и поминальные плачи проводились не только по недавно умершим, но по погибшим ранее. Рассказывая о сянбийцах Дома Тоба (события первой половины I тыс. н.э.), Н.Я. Бичурин сделал такой перевод сведений китайского хроникера: «Муюн Чуй при переходе Сэньхе-пхо увидел гору наваленных в кучу скелетов (убитых годом ранее 50 000 пленных) и расположился принести жертву. Ратники зарыдали и воплями потрясли горные долины» [4, с. 175]. Понятно, что за правильностью всех этих сложных ритуалов наблюдали «волхвы», распоряжаясь их периодичностью и полнотой.

г) Важнейшей обязанностью шаманов считались очистительные обряды, после воздействия потусторонних вредоносных сил или разгула разрушительных стихий. Скажем, теле «любят громовые удары. При каждом громовом ударе производят крик, и стреляют в небо; потом оставляют это место, и расходятся. В следующем году, осенью, как лошади пожиреют, опять собираются на место громового удара; зарывают барана, и зажигают светоч с ножом; шаман читает молитвы, подобно как в Срединном государстве при удалении несчастья. Толпы мужчин на верховых лошадях делают множество кругов около этого места; потом мужчина берет пук ивовых или осокорековых ветвей, ставит комлем вверх и обливает кумысом. Женщины, обернув бараньи кости в кожу, ставив на голову себе, а волосы вокруг завивает в локоны и спускает, что представляет вид диадемы... Если кто умрет от громового удара или от повальной болезни, то молятся о счастье» [4, с. 215–216].

Общеизвестно, что монголы боялись громовых раскатов и молний (которые осмыслились ими в виде дракона), и в случае грозы прятались, а потом проводили защитные и очистительные ритуалы [36, с. 156; 38, с. 49]. В «Мэн-да бэй-лу» (1220 г.) сказано: «Когда [монголы] слышат гром, то пугаются и не смеют отправляться в поход. “Небо зовет!” – говорят они» [31, с. 79]. Вариации в отношении различных групп номадов к одному природному явлению показывает расхождение в деталях обрядовых норм тюрков и монголов. Но здесь исключение лишь подтверждает правило, поскольку в обоих случаях кочевники (и их «священнослужители») не оставляли стихийное событие без внимания.

д) В случае войны заклинатели обязаны были магическими методами воздействовать на врагов. «Хунну перед приходом китайского войска на всех дорогах и при реках, где надлежало проходить ему, велели шаманам зарыть баранов и волов с заклинанием на китайское войско. Шаньюй прислал Сыну Неба ергак (т.е. мех из конских кож) и всегда велел шаманам производить заклинания над связанной лошадей» [5, с. 202]. Гадания шаманов перед по-

ходами (и другими важными общественными предприятиями) устраивали кидани [26, с. 195] и все иные кочевые народы. «Они («ведуны» монголов – Г.Г.) указывают наперед дни счастливые и несчастные для производства всех дел; отсюда татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова; они (татары) давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого...» [11, с. 176]. Жрецы постоянно находились при войске монголов. Скажем, в ходе среднеазиатского похода Чингиз-хана, при посещении их лагеря даосский монах Чан Чунь (20-е годы XIII в.) отметил, что визиты ему наносили не только военачальники, но также медик и гада-тель [см.: 32].

е) Но, пожалуй, самым популярным колдовским способом противодействия противнику письменные источники называют многочисленные примеры «чародейского» влияния на погоду у тюрок и монголов, посредством камня 'яда' (монг. 'джада'). Упоминания о применении этого метода встречаются в хрониках на протяжении от раннего средневековья и вплоть до этнографической современности на просторах всего Великого пояса степей Евразии и на сопредельных территориях. В книге арабского географа рубежа IX–X вв. «Китаб ахбар ал-булдан» («Книга стран») Ибн ал-Факиха говорится, что «среди тюрок есть такие, которые вызывают дождь в путешествии и других [случаях], и он идет, и они вызывают, что хотят – дождь, снег и тому подобное». Непогоду вызывают особые люди с помощью специальных камней. «А тот, которого они упомянули, был у них как бы жрецом, и они утверждали, что он создает облака снега и града и посылает их на того, кого хотят погубить» [27, с. 153–154]. В «Бейши» (гл. 97), в повествовании о владении Юебань (а их «обыкновения и язык одинаковы с гаогюйскими»), расположенного к северо-западу от Усуня, в контексте событий V века говорится: «Сказывали, что в их государстве есть такие волхвы, которые вовремя жужаньских набегов могли произвести продолжительный дождь, сильный буран и даже наводнение. Из жужаньцев 2/10 и даже 3/10 тонули или погибали от стужи» [5, с. 258–259]. Вождь тюрок «Нишиду мог наводить ветры и дожди. Он взял за себя две жены, из коих одна, как сказывают, была дочь духа лета, другая – дочь духа зимы. Первая родила четырех сыновей, из коих первый превратился в Ивиса» [4, с. 221]. Как видим, даже некоторые каганы не чурались деяний религиозной направленности.

Позднее, «Буйруг-хаган (найман) и Худуга (ойрат) сражались (с Темучжином), зная волшебство. Учинив волшебство, они вызвали грозу, но именно над ними-то и разразилась гроза, так что они не могли идти, падали в рытвины (точнее в ущелья – Г.Г.) и бежали беспорядочно, говоря: «Не угодны мы Небу!» [22, с. 113]. У монголов «прорицатели также возмущают воздух своими заклинаниями, и, когда от естественных причин наступает столь сильный холод, что они не могут применить никакого средства, они выискивают тогда каких-нибудь лиц в становище, обвиняя их, что через них наступает холод, и тех убивают без всякого замедления» [11, с. 178]. Здесь интересна также фраза о том, что служители культа могли назначать виновных в неблагоприятных событиях, и это приводило к смерти подозреваемых. Понятно, почему люди боялись шаманов и старались не вступать с ними в конфликты.

В ходе завоевания Угедэем Китая, «Тулуй-хан велел колдовать. А этот вид алхимии, [связанный] с существованием разного рода камней, природное свой-

ство которых таково, что когда их извлекают и кладут в воду и моют, тотчас же, [даже] если будет середина лета, [поднимается] ветер, начинается холод, дождь, снег и ненастье. Между ними был один канглы, который хорошо знал этот способ. Согласно приказу [Тулуй-хана], он приступил. Тулуй-хан приказал, чтобы все (монголы) одели дождевики, и трое суток не расставались со спиной лошади... А тот канглы колдовал так, что позади монголов начался дождь, а в последний день пошел снег и прибавились [еще] холодный ветер и метель. Китайское войско, увидев летом такой холод... оробело и пришло в ужас» [38, с. 23–24]. В Монголии, Тибете и у тюркских кочевников было распространено поверье, что безоар – желчный камень рогатого скота – обладает свойством вызывать дождь и ненастье, если над ними будут произнесены определенные заклинания [см.: 29, с. 101]. Показательно упоминание тюрк-канглы в связи с использованием магии ‘яда’. Дело в том, что примеры колдовства тюрков с погодой (в войне тюркютов с персами, у аваров, огузов, карлуков, кимаков) можно найти даже чаще, нежели у монголов. Эта традиция доживает у тюркского населения вплоть до этнографической современности [24, с. 151–160], как и другие пережитки шаманской практики [см.: 23]. Комментаторы текста Рубрука говорят о том, что путешественник по Центральной Азии Фернан Гренар указывает, что в Синьцзяне шаманы употребляют нефритовые камни для вызывания дождя [11, с. 241]. А.И. Малеин упоминает рассказ д’Осона о камнях, вызывающих при обмакивании их в воду снежные вихри и чрезмерный холод, даже среди лета [11, с. 241, № 279].

В целом, в истории монголов подозрения в манипуляциях с погодой возникали неоднократно. Тогон-Тэмур (1320–1370) построил крепость «Барсхото и жил там. Китайские воины построили [крепость] Хирса-хото и там поселились. Тогда сын Ухагату-хагана Билигту, действуя волшебством джада, вызвал сильную снежную бурю, ненастье, которое было столь сурово, погубило людей и мерингов китайского войска. Говорят, что когда оставшиеся после этого воины бежали, то монгольские воины преследовали их до Великой стены и порубили...». Да и позднее возникали подобные прецеденты [22, с. 253, 262].

В источниках такие примеры обычно приводят в связи с военными действиями. Однако информация Марко Поло позволяет говорить о регулярном «воздействии на погоду» монголов и в обычные дни, называя это чудом. «Когда великий хан живет в своем дворце и пойдет дождь, или туман падет, или погода испортится, мудрые его звездочеты и знахари колдовством да заговорами разгоняют тучи и дурную погоду около дворца; повсюду дурная погода, а у дворца ее нет. Знахари эти зовутся тибетцами и кашмирцами; то два народа идолопоклонников» [18, с. 87]. Не будем забывать также о поверье, что камень яда помогает от укусов змей. «Гром, дождь, буря, снег и чрезмерно знойные дни – говорил Н.П. Рычков – имеют они (речь идет о казахах – Г.Г.) силу делать, когда только им вздумается; что, сказывают, будто бы они делают способом некоего волшебного камня» [42, с. 133]. Да и рассуждая о способах влияния на погоду, не забудем о разнообразии методов воздействия на нее. Рассказывая о лесных урянкатах, Рашид ад-дин упомянул об их поведении в грозу: «У них есть такой обычай: когда падает много молний, они поносят и небо, и тучи, и молнии и кричат на них» [36, с. 156].

ж) Не менее широко в источниках говорится о гаданиях, весьма популярных у скотоводов (у ханов, и у простых пастухов). Еще перед битвой гуннов в Галлии, – сообщает Иордан, – Аттила «приказал через гадателей спросить о будущем. Они, взглядывая по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда» [16, с. 105]. Гаоцзюйский вождь «Бэйхоули, – по словам автора «Вэй-шу», – искусно владел 50 способами гадания на тысячелистнике, его предсказания счастливых или несчастливых событий всегда сбывались...» [26, с. 403]. Рассказывая о событиях 620 г., Н.Я. Бичурин (со слов китайских хроникеров, «Синьтаншу», гл. 140а) приводит слова тукюесского Чуло-хана: «Ворожба (гадания – Г.Г.) предсказывают неудачу: неужели духи не знают этого?» [4, с. 246–247]. Гаданиями занимались даже сами правители. Так, о хане Сымо китайский историк говорит, что он «от природы был остр; искусно гадал» [4, с. 260].

Монголы «самих гадателей... называют как бы своими жрецами» [11, с. 103]. «Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И, когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог» [35, с. 31]. Сюй Тин утверждает, что «их [черных татар] гадание – это исследование обожженных костей бараньих лопаток. Знаки на них определяются по их [направлениям] – вперед или назад – как определяющее счастье или несчастье, и тогда выясняется окончательное решение – отказало Небо или Небо пожаловало. [Черные татары] очень искренне верят в это. Называется оно [гадание] – «обжигание пи-па». Нет дела, мелкого или крупного, которое [делалось бы] без гадания. Гадание [по всяким случаям] непременно [делают], по многу раз и постоянно» [15, с. 44]. Отметим находку гадательной лопатки на Волге. В 1961 году в руинах одного из зданий Сарая ал-Джедид была найдена лопатка быка с надписью, сделанной (по определению Э. Наджипа) на кыпчакском языке [46, с. 246; 45, с. 246].

В «Чжун-шу лин Елюйгуншэнь-даобэй» Сун Цзы-чжэня сказано: «[Чингиз-хан] каждый раз перед выступлением в карательный поход непременно приказывал его превосходительству заранее погадать о счастье и бедствии. Император также сжигал баранью бедренную кость, чтобы сличить с ним [результаты]» [30, с. 71]. Гадание по трещинам от огня на бараньей лопатке весьма распространено у монгольских племен и сохранилось до наших дней. Монгольские ханы лично гадали об исходе своих предприятий, хотя при них всегда находились шаманы и китайские астрологи. О гадании Чингиз-хана сообщается в надписи на могиле Елюй Чу-цая, а также в тексте у Рубрука [11, с. 149, 152, 156, 237 (прим. 221)]. Обряд предсказания будущего по лопатке у кочевых народов доживает до современности; скажем, у казахов [42, с. 144] или монголов [12], которые «гадают для познания предбудущей судьбины». Да и у нынешних монголов при раздаче мяса гостям соблюдаются древние традиции. «Наиболее почетной частью (приготовленного мяса – Г.Г.), кроме головы, считалась лопатка (дал). Она употреблялась при гадании и жертвоприношениях; ее подавали духовным лицам, а до введения буддизма – шаманам. Лопатку нельзя было съесть одному и нельзя было поделить с женщиной» [8, с. 27].

з) При случае, в Средние века на шаманов возлагались посольские обязанности. У одной из родовых групп сяньби – тугухунь, переселившихся в район

Тибета, – упомянут шаман (волхв), выполнявший функции посла [21, с. 152]. Посольство монголов к русским князьям возглавляла женщина, связанная с ритуальной практикой. «И оттоле (от Онузы) послаша (Батый) послы своя жену чародейцу и два мужа с нею ко князем Рязанским, просящее у них десятины во всем» (Никоновская летопись) [7, с. 100]. Н.И. Веселовский обоснованно заметил: «Жена чародейка есть не кто иной, как шаманка. Шаманки существуют рядом с шаманами и в настоящее время (эти слова написаны в начале XX в.), но обыкновенно преимущество отдается мужчинам» [7, с. 100]. Как видим, не только мужчины, но и женщины входили в элиту служителей культа. В период господства язычества в Золотой Орде, посольство хана Менгу-Тимура в Константинополь возглавлял епископ Афиноген из Сарая (по Б. Ишболдину); посланнические миссии правителя Улуса Джучи к императору Михаилу VIII исполнял епископ Феогност в 1278 (?) г. [6, с. 191–192].

и) В исторической литературе популярно рассмотрение функции магической охраны вождя и его ставки, когда шаманы руководили проведением огненных очистительных ритуалов. Об очищении огнем у кочевников, при которых приезжих людей и их скarb, а также скот, проводили между кострами, написано очень много. На подобный обряд в становище тюрок, со слов Ф. Симокатты, мы обращали внимание выше. А сейчас отметим (по сообщению Г. Рубрука), что жрецы имели от такого обряда доход. Монголы «переправляют между огнями все, посылаемое ко двору, и имеют от этого надлежащую долю. Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все, принадлежащие ему отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено огнем. Так, видел я, поступили с двором той госпожи, которая скончалась, пока мы были там. Отсюда брату Андрею и его товарищам надлежало пройти огнями по двум причинам: во-первых, они несли подарки, во-вторых, эти подарки были назначены лицу уже умершему, а именно Кен-хану... Если какое-нибудь животное или что-нибудь другое упадет на землю, пока они проводят это таким образом между огней, то это принадлежит им...» [11, с. 176]. Монгольские шаманы – указывает Плано Карпини – очищали от «скверны» даже территорию кочевых стойбищ («им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку и то, что в ней находится, пройти между двух огней») [35, с. 30].

к) на жрецах также лежала обязанность охранять и сопровождать войлочные изображения умерших предков и следить за отсутствием чужестранцев (фактически, иноверцев) при родовых молениях [11, с. 130]. «Они (т.е. монголы – Г.Г.) делают из войлока изображения своих умерших, одевают их драгоценнейшими тканями и кладут на одну повозку или на две. К этим повозкам никто не смеет касаться, и они находятся под охраной их прорицателей, которые являются их жрецами... И когда они должны ехать, эти прорицатели предшествуют им, ...и они выбирают место, где разбить лагерь, и затем первые снимают свои дома, а за ними весь двор» [11, с. 130].

Как видим, круг обязанностей шаманов в общественной жизни был очень широк, и касался он практически всех сторон жизни социума. Важную информацию Гильом Рубрук сообщает о наличии определенной иерархии в шаманской среде у монголов. «Прорицателей много, у них всегда имеется глава, как бы папа, всегда располагающий свое жилище вблизи главного дома Мангу-

хана, перед ним, на расстоянии полета камня. Под охраной этого жреца... находятся повозки, везущие их идолов. Другие прорицатели живут сзади двора, в местах им назначенных; к ним стекаются из различных стран мира люди, верующие в их искусство. Некоторые из них, и в особенности первенствующий, знают нечто из астрономии и предсказывают им затмение солнца и луны» [11, с. 175–176]. Здесь мы наблюдаем пример взаимовыгодного взаимодействия властных и идеологических структур. «Эти прорицатели находятся всегда пред двором самого Мангуя и других богачей. Ибо у бедных их нет, за исключением принадлежащих к роду Чингиса...» [11, с. 130].

По мере совершенствования структуры государственной власти в феодальных империях, фиксируется процесс постепенного сращивания политических и религиозных институтов, а также неизбежная в таких случаях имущественная дифференциация в жреческом сословии. В этой ситуации отмечается стремление шаманов увеличить свою роль в жизни общества за счет большего вовлечения их в хозяйственные и бытовые сферы. Из слов Гильома Рубрука однозначно следует, что жреческая прослойка в Монголии во второй половине XIII в. уже имела отчетливую иерархичность, и высшие слои этой структуры группировались возле представителей ханской власти.

Главный метод превращения простых служителей культа и обычных целителей в элиту жреческого клана, основывался на личных «профессиональных» способностях, которые определяли их популярность в народе и привлекали внимание к ним феодальной аристократии. Скажем, это могло быть счастливое (сбывшееся) предсказание представителю «золотого рода» чингизидов о занятии им престола Еке Монгол улуса. В «Юань ши» рассказывается о словах мудрого человека («который умел понимать знамения Неба»), что Менгу достигнет высшей власти [15, с. 180]. Понятно, что, когда предсказания сбылись, данные пророчества были должным образом оценены правителем. Но на этом пути отдельные представители жреческого сословия также не брезговали пускать в ход обман и интриги (как это описано в цитате, с которой мы начали нашу статью). В любом случае, и в Средние века, и позднее у народов Южной Сибири шаманы занимали привилегированное положение. Об этом еще в 20-е годы XX века со всей определенностью писали этнографы, отмечая разделение представителей «священного» сословия на ряд групп, в зависимости от их профессиональной значимости и престижа [13, с. 30].

В целом, в основе высоких социальных позиций жреческой прослойки лежат: 1) представления о волхвах, шаманах, гадателях и т.п., как о специалистах по сверхъестественному; необходимых посредниках между обществом и божественными силами; обладателях магических свойств, действующих, в целом, на благо всего коллектива; 2) фактическая монополизация членами этой прослойки части общественно-полезных знаний и опыта, а также действий по их воспроизводству; 3) выполнение ими функции ритуально-религиозного поддержания общественного единства и воплощение в жизнь социальной стабильности; 4) частичный контроль за общественными фондами; 5) иногда – отправление судебной функции. Конкретная роль каждого из этих факторов в обеспечении привилегированного положения жречества в различных сообществах неодинакова, зависит она от множества реальных обстоятельств и их комбинаций. Однако, в той или иной степени, многие из них прослеживаются у кочевников. Хотя «жреческие кланы» у них обычно не

достигают такого могущества и влияния на общественные дела, как у многих земледельческих народов, но само их наличие вполне совместимо с канонами цивилизации номадов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абд Ар-Рашид ал-Бакуви*. Китаб талхис ал-асарва'аджа'ибал-малик ал-каххар («Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего») / Перев. З.М. Бунятова. М.: Наука, 1971. 273 с.
2. *Аммиан Марцелин*. «История» / Перев. Ю.А. Кулаковского // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань: «Рухият», 2002. С. 396–400.
3. *Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб.: Тип-я К. Крайя, 1829. 456 с.
4. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
5. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 334 с.
6. *Вернадский Г.* Монголы и Русь. М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2013. 512 с.
7. *Веселовский Н.И.* О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть LXIX (1916, № 7, июль), отд. 2. Пг.: Сенат. тип-я, 1916. С. 81–101.
8. *Викторова Л.Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
9. *Владимирцов Б.Я.* Упоминание имени Теб-тенгри в монгольской письменности // Доклады Российской Академии Наук. Л., 1924. С. 116–117.
10. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.
11. *Гильом Рубрук*. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодати 1253 // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 84–194, 222–245.
12. *[Гомбоев Г.]* Глубокомудрая Чуга по кости лопатки, изложенная Манджуширием: Гадания на бараньей лопатке / Автор. пер. Г. Гомбоев. Улан-Удэ: Наран, 1991. 33 с.
13. *Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: «Наука» ЛО, 1975. 164 с.
14. *Жданович О.П.* Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). Казань. С. 6–20.
15. Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: Тип-я «Наука», 2009. 339 с.
16. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Перев. и комм. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. (Серия: «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»). 436 с.
17. История маар Ябалахи III и раббан Саумы / Перев. с сирийского Н.В. Пигулевской. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 162 с.
18. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от р.х. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1990. 352 с.
19. Книга странствий / Перев. с лат. и старофранц. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. 320 с.
20. *Козин С.А.* Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 611 с.

21. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 392 с.
22. *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Перев. и комм. Н.П. Шастиной. М.: «Наука» ГРВЛ, 1973. 440 с.
23. *Малов С.Е.* Шаманство у сартов Восточного Туркестана (К пояснению коллекции Музея антропологии и этнографии по восточно-туркестанскому шаманству) // Сборник МАЭ. Т. V. Вып. 1. Ко дню 80-летия академика В.В. Радлова (1837–1917). Пг., 1918. С. 1–20.
24. *Малов С.Е.* Шаманский камень яда у тюрков Западного Китая // Советская этнография. 1947. № 1. С. 151–160.
25. *Мандельштам А.М.* Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху бен Хакану» ал-Джахиза // ТИИАЭ. Т. 1 / Отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 227–250.
26. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Перев. и комм. В.С. Таскина. М.: Наука. ГРВЛ, 1984. 486 с.
27. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1 / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.
28. [Менандр Протектор] Византийские историки / Перев. Г.С. Дестуниса. СПб.: Тип-я Л. Демиса, 1860. 526 с.
29. *Минаев И.П.* Путешествие Марко Поло // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XXVI / Под ред. В.В. Бартольда. СПб.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1902. 355 с.
30. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965. 224 с.
31. *Мункуев Н.Ц.* Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). М.: ГРВЛ, 1975. 288 с. («Памятники письменности Востока». XXVI).
32. *Палладий (Кафаров П.И.)*. Путешествие даосского монаха Чан-чуня на Запад // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб.: Тип-я Штаба Военно-учеб. заведений, 1866. С. 261–434.
33. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1773. 786 с.
34. *Петрушевский И.П.* Рашид-ад-дин и его исторический труд // В кн.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7–38.
35. *Плано Карпини*. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: ГИГЛ, 1957. С. 23–86, 195–221.
36. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей / Перев. с перс. Л.А. Хетагурова. Т. I. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
37. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей / Перев. с перс. О.И. Смирновой. Т. I. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
38. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей / Перев. с перс. Ю.П. Верховского. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
39. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей / Перев. с перс. А.К. Арендса. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
40. *Рикольдо де Монте Кроче*. Путешествие по святой земле // Книга странствий / Перев. с лат. и старофранц. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 141–200.
41. *Рыкин П.О.* К вопросу об обычае расчленения и скальпирования у средневековых монголов // Сибирский сборник–1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 169–177.
42. *Рычков Н.П.* Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкой степи, 1171 г. // Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. 2013. № 4. Уральск. С. 133–153 (продолжение).

43. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
44. Умняков И.И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха // Вестник древней истории. № 1 (2). М., 1938. С. 108–115.
45. Усманов М. О языковых особенностях надписи из Нового Сарая // Советская археология. 1963. № 3. С. 246.
46. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая // Советская археология. 1963. № 3. С. 246.
47. Феофилакт Симокатта. История / Перев. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.
48. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Эксмо, 2006. 960 с.
49. Хамиджанова М.А. Некоторые архаические погребальные обряды таджиков // Памяти А.А. Семенова. Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии / Под ред. Б.И. Искандарова. Душанбе: «Дониш», 1980. 360 с.

Сведения об авторе: Геннадий Николаевич Гарустович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук (450071, Проспект Октября, 71, Уфа, Башкортостан). E-mail: garustovich03@mail.ru

Поступила 17.01. 2017 г.

Принята к публикации 10.03. 2017 г.

WHO WAS HONORED BY “TRUTHFUL KHAN”, “COVETED KHAN” AND THEIR DESCENDANTS

G.N. Garustovich

*Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Ufa 450054, Russian Federation
E-mail: garustovich03@mail.ru*

The **objective** of this study is to consider issues of the features of the pagan beliefs – the primordial religion of shamanism of the Turks and Mongols – described in writings of the authors of the Middle Ages: Chinese, Arab, Western, Russian, etc. (which act as the main **research materials**). **Novelty of the research:** until now the specific realities of the Turko-Mongol shamanism in Russia have been studied, but still not fully, despite the publication of numerous works of historians, anthropologists, archaeologists, linguists and specialists in other scientific and educational disciplines. As a **result** of the work, it appears that the authors of medieval narratives managed to notice series of interesting and important elements of the traditional religion of the steppe people.

The deification by nomads of natural disasters contributed to the formation of their polytheism, with a large list of spirits and demons, and the development of complex branched rituals; it led to the isolation of their stratum of professional clergy – of the shamans (kams, buge, udogan). Priestly class served as intermediaries between the community of living people and the supernatural world of gods and genii, communicating with the ideal world through its spirit helpers (in the rites). Ministers of religion in society per-

formed number of important functions (protective-preservative, healing, cleansing, conservative-traditionalist, et al.). As the narrative sources chroniclers paid little attention to the structure of the pantheon of gods and dogmas of shamanism, this paper objects rather the shamans' function in ritual practice. The priests involved in family rituals (at the funeral and wake, with courtship and the birth of a child) were carriers of traditions, healed sick and treated animals, "struggled" with evil spirits, magically influenced their enemies, guessed and predicted future, and most importantly – they were managers of regular generic and tribal ancestors sacrifices. Shamans belonged to the khans' approximates providing their ideological support and resolving legitimation problems of the boards of the Turks and the Mongols in early class period. Their life experience and knowledge of the elements of nature (characteristics of the environment) did not rule out the use of animism and magical practices (cleansing power of fire, stone "jada", etc.).

Keywords: shamanic beliefs, medieval nomads, Turks and Mongols, written sources.

For citation: Garustovich G.N. Who Was Honored by "Truthful Khan", "Coveted Khan" and Their Descendants. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 6–28. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.6-28

REFERENCES

1. Abd Ar-Rashid al-Bakuvi. *Kitab talkhis al-asarva'adzha'ibal-malik al-kakhkhar* («Sokrashchenie [knigi o] «Pamyatnikakh» i chudesa tsarya moguchego») [Kitab talkhis al-athar wa'ajaib al-mulk al qahhar (Abbreviation [of the Book about] "Monuments" and the Wonders of the Mighty King)]. Perv. Z.M. Bunyatova. Moscow, Nauka Publ., 1971. 273 p. (In Russian)
2. Ammian Martselin. «Istoriya» [The History]. Perv. Yu.A. Kulakovskogo. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. V semi tomakh*. Vol. 1. *Narody stepnoy Evrazii v drevnosti*. [History of Tatars from Ancient Times. In Seven Volumes. Peoples of Steppe Eurasia in Ancient Times]. Kazan, Rukhiyat Publ., 2002, pp. 396–400. (In Russian)
3. Bichurin N.Ya. (Iakin). *Istoriya pervykh chetyrekh khanov iz doma Chingisova* [History of First Four Khans from the Chinggis' House]. St. Petersburg, Typografiya K. Krayya Publ., 1829. 456 p. (In Russian)
4. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information about Peoples That Lived in Middle Asia in Ancient Times]. Vol. I. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 382 p. (In Russian)
5. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information about Peoples That Lived in Middle Asia in Ancient Times]. Vol. II. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 334 p. (In Russian)
6. Vernadskiy G. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Moscow, Lomonosov Publ., 2013. 512 p. (In Russian)
7. Veselovskiy N.I. O religii tatar po russkim letopisyam [On Tatars' Religion according to Russian Chronicles]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. Novaya seriya. Chast' LXIX (1916, № 7, iyul'), otd. 2. Petrograd, Senat. tip-ja, 1916, pp. 81–101. (In Russian)
8. Viktorova L.L. *Mongoly: Proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury* [The Mongols: The Origin of the People and Culture Sources]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 224 p. (In Russian)
9. Vladimirtsov B.Ya. Upominanie imeni Teb-tengri v mongol'skoy pis'mennosti [A Mention of Teb-Tengri's Name in Mongolian Script]. *Doklady Rossiyskoy Akademii Nauk* [Reports of the Russian Academy of Sciences]. Leningrad, 1924, pp. 116–117. (In Russian)

10. Vladimirtsov B.Ya. *Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm* [Social Organization of the Mongols: Nomadic Mongol Feudalism]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1934. 224 p. (In Russian)
11. Guillaume de Rubruck. *Puteshestvie v vostochnye strany Vil'gel'ma de Rubruk v leto blagosti 1253* [Travel to the Eastern Countries of Guillaume de Rubruck in 1253 AD]. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of John of Plano Carpini and Guillaume de Rubruck]. Pod red. N.P. Shastinoy. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury Publ., 1957, pp. 84–194, 222–245. (In Russian)
12. [Gomboev G.] *Glubokomudraya Chuga po kosti lopatki, izlozhennaya Mandzhushiriyem: Gadaniya na baran'ey lopatke* [Deeply Wise Chuga Based on Scapula Bone Expounded by Manjushiry: Divination with the Ram's Scapula]. Avtor. per. G. Gomboev. Ulan-Ude, Naran Publ., 1991. 33 p. (In Russian)
13. D'yakonova V.P. *Pogrebal'nyy obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskiy istochnik* [Burial Rite of Tuvinians as a Historical and Ethnographic Source]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 164 p. (In Russian)
14. Zhdanovich O.P. *Posol'stvo Zemarkha v stavku tyurkskogo kagana (perevod i kommentarii fragmentov truda Menandra Protektora)* [The Embassy of Zemarkh to the Residence of the Great Kaghan (fragmentary translation and commentary of the work of Menander Protector)]. *Golden Horde Review*. Kazan, 2014, no. 2 (4), pp. 6–20.
15. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. T. III. *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources. Vol. 3: Chinese and Mongol Sources]. Sost. R.P. Khrapachevskiy. Moscow, Nauka Publ., 2009. 339 p. (In Russian)
16. Iordan. *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov. Getica*. Perv. i komm. E.Ch. Skrzhinskoy. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1960. (Seriya: «Pamyatniki srednevekovoy istorii narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy»). 436 p. (In Russian)
17. *Istoriya maar Yabalakhi III i rabban Saumy* [History of Mar Yahballaha and Rabban Sauma]. Perv. s siriyskogo N.V. Pigulevskoy. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1958. 162 p. (In Russian)
18. *Kniga Marko Polo o raznoobrazii mira, zapisannaya pizantsem Rustikano v 1298 g. ot r.kh.* [The Book of Marco Polo]. Alma-Ata, Nauka, Akademiya nauk KazSSR Publ., 1990. 352 p. (In Russian)
19. *Kniga stranstviy* [The Book of Travels]. Perv. s lat. i starofrants. N. Gorelova. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2006. 320 p. (In Russian)
20. Kozin S.A. *Sokrovennoe Skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [The Secret History of the Mongols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 611 p. (In Russian)
21. Kyuner N.V. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese Accounts on the Peoples of Siberia, Central Asia and Far East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961. 392 p. (In Russian)
22. Lubsan Danzan. *Altan Tobchi («Zolotoe skazanie»)* [Altan Tobchi (“The Golden Tale”)]. Perv. i komm. N.P. Shastinoy. Moscow, Nauka Publ., 1973. 440 p. (In Russian)
23. Malov S.E. *Shamanstvo u sartov Vostochnogo Turkestana (K poyasneniyu kollektsii Muzeya antropologii i etnografii po vostochno-turkestanskomu shamanstvu)*. [Shamanism among the Sarts of Eastern Turkestan: To Explaining the Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography on the Eastern Turkestan Shamanism]. *Sbornik MAE*. Vol. V. Iss. 1. *Ko dnyu 80-letiya akademika V.V. Radlova (1837–1917)* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. To the 80th Anniversary of Academician V.V. Radlov (1837–1917)]. Petrograd, 1918, pp. 1–20. (In Russian)
24. Malov S.E. *Shamanskiy kamen' yada u tyurkov Zapadnogo Kitaya* [Shamanistic Stone Jada among the Turks of Western China]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1947, no. 1, pp. 151–160. (In Russian)

25. Mandel'shtam A.M. Kharakteristika tyurok IX v. v «Poslanii Fatkhu ben Khakanu» al-Dzhakhiza [Characterization of the Turks of the 9th century in the "Letter to Fath bin Hakan" of al-Jahiz]. *THAE* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography]. Vol. 1. Otv. red. V.F. Shahmatov. Almaty, Akademiya nauk KazSSR Publ., 1956, pp. 227–250. (In Russian)
26. *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu* [Materials on the History of Ancient Nomadic People Belonging to Dunhu Group]. Perv. i komm. V.S. Taskina. Moscow, Nauka Publ., 1984. 486 p. (In Russian)
27. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on the History of the Turkmen and Turkmenistan]. Vol. 1. Pod red. S.L. Volina, A.A. Romaskevicha, A.Yu. Yakubovskogo. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1939. 612 p. (In Russian)
28. [Menander Protector]. *Vizantiyskie istoriki* [Byzantine Historians]. Perv. G.S. Destunisa. St. Petersburg, Tipografiya L. Demisa, 1860. 526 p. (In Russian)
29. Minaev I.P. *Puteshestvie Marko Polo* [Marco Polo's Travel]. Zapiski RGO po otdeleniyu etnografii. T. XXVI. Pod red. V.V. Bartol'da. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1902. 355 p. (In Russian)
30. Munkuev N.Ts. *Kitayskiy istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh. Nadgrobnaya nadpis' na mogile Elyuy Chutsaya* [A Chinese Source on the First Mongol Khans. An Epitaph on the Tomb of Ye-lu Chu-cai]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 224 p. (In Russian)
31. Munkuev N.Ts. *Men-da bey-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar)* [Men-da Bei-lu (Complete Description of the Mongol-Tatars)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1975. 288 p. (In Russian)
32. Palladiy (Kafarov P.I.). *Puteshestvie daoskogo monakha Chan-chunya na Zapad*. [Journey of Taoist Monk Chang-Chung to the West]. *Trudy chlenov Rossiyskoy dukhovnoy missii v Pekine* [Proceedings of the Members of the Russian Spiritual Mission in Beijing]. Vol. IV. St. Petersburg, Tipografiya Shtaba Voen.-Ucheb. Zavedeniy, 1866, pp. 261–434. (In Russian)
33. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii*. Part I [Journey in Various Provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1773. 786 p. (In Russian)
34. Petrushevskiy I.P. Rashid-ad-din i ego istoricheskiy trud [Rashid al-Din and Historical Work]. V kn.: Rashid-ad-din. *Sbornik letopisey*. Vol. 1. Book 1 [In the Book: Rashid al-Din. Compendium of Chronicles.]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952, pp. 7–38. (In Russian)
35. Plano Carpini. Istoriya mongalov [History of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels in the Eastern Countries of Plano Carpini and Guillaume de Rubruck]. Pod red. N.P. Shastinoy. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury Publ., 1957, pp. 23–86, 195–221. (In Russian)
36. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Perv. s pers. L.A. Khetagurova. Vol. I. Book. 1. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 221 p. (In Russian)
37. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Perv. s pers. O.I. Smirnovoy. Vol. I. Book. 2. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 315 p. (In Russian)
38. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Perv. s pers. Yu.P. Verkhovskogo. Vol. II. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 248 p. (In Russian)
39. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Perv. s pers. A.K. Arends. Vol. III. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1946. 340 p. (In Russian)

40. Ricolto de Monte Croce. Puteshestvie po svyatoy zemle [Journey across the Holy Land]. *Kniga stranstviy* [The Book of Wanderings]. Perv. s lat. i starofrants. N. Gorelova. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2006, pp. 141–200. (In Russian)
41. Rykin P.O. K voprosu ob obychnye raschleneniya i skal'pirovaniya u srednevekovykh mongolov [To a Question about Custom of Partitioning and Scalping among the Medieval Mongols]. *Sibirskiy sbornik-1. Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Book II [Siberian Collection-1. Burial Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories.]. Otv. red. L.R. Pavlinskaya. St. Petersburg, MAJe RAN, 2009, pp. 169–177. (In Russian)
42. Rychkov N.P. Dnevnye zapiski puteshestviya v Kirgiz-Kaysatskoy stepi, 1171 g.. [Daily Notes on the Travel in the Kirghiz-Kaisak Steppe, 1171]. *Voprosy arkheologii i istorii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of Archaeology and History of Western Kazakhstan]. 2013, no. 4. Ural'sk, pp. 133–153 (continuation). (In Russian)
43. Tokarev S.A. *Rannie formy religii* [Early Forms of Religion]. Moscow, Politizdat, 1990. 622 p. (In Russian)
44. Umnyakov I.I. «Istoriya» Fakhreddina Mubarakshakha [“History” of Fahr al-Din Mubarak Shah]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], no. 1 (2). Moscow, 1938, pp. 108–115. (In Russian)
45. Usmanov M. O yazykovykh osobennostyakh nadpisi iz Novogo Saraya [About Linguistic Features of an Inscription from New Saray]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1963. 1963, no. 3, p. 246. (In Russian)
46. Fedorov-Davydov G.A., Vayner I.S. O nadpisi i risunke na kosti iz Novogo Saraya [About Inscription and Drawing on the Bone from New Saray]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1963, no. 3, pp. 246. (In Russian)
47. Theophylact Simocatta. *Istoriya* [The History]. Perv. S.P. Kondrat'eva. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1957. 224 p. (In Russian)
48. Frazer D.D. *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Comparative Religion]. Moscow, Jeksmo, 2006. 960 p. (In Russian)
49. Khamidzhanova M.A. Nekotorye arkhaiskie pogrebal'nye obryady tadzhikov [Some Archaic Burial Rites of the Tajiks]. *Pamyati A.A. Semenova. Sbornik statey po istorii, arkheologii, etnografii i iskusstvu Sredney Azii* [In Memory of A.A. Semenov. Collection of Articles on the History, Archaeology, Ethnography and Art of Middle Asia]. Pod red. B.I. Iskandarova. Dushanbe, «Donish», 1980. 360 p. (In Russian)

About the author: Gennady N. Garustovich – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Archaeological Research Department, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (71, Prospekt Oktyabrya, Ufa 450054, Russian Federation). E-mail: garustovich03@mail.ru

Received January 17, 2017

Accepted for publication March 10, 2017

УДК 94(47).031"12"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55

**ЦЕРКОВНАЯ ИЕРАРХИЯ И ЦЕРКОВНО-ОРДЫНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО
ВТОРЖЕНИЯ 1237–1240 ГГ. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ**

Т.Р. Галимов

*Казанский государственный архитектурно-строительный университет
420043, Казань, Российская Федерация
E-mail: galimov_t_r@mail.ru*

Цель: В предлагаемом исследовании предпринят анализ деятельности церкви в лице её высших иерархов в период наиболее активной фазы русско-ордынского противостояния (1237–1240 гг.).

Материалы исследования: Основным источником информации о деятельности церковной иерархии в обстоятельствах военно-политического противостояния русских княжеств и Орды остаются древнерусские летописи, повести и слова. Как показали исследования последних лет, предложенный в них комплекс сюжетов, рисующих противостояние завоевателям, не так однозначен, как это было принято считать в отечественной исторической науке на протяжении многих десятилетий. Данное обстоятельство открывает возможность нового прочтения сообщений о церковной жизни Руси в наиболее острый период русско-ордынской войны.

Результаты и научная новизна: События 1237–1240 годов привели к принципиальному изменению существовавшего на Руси положения дел. Это касалось не только властных, но и церковных институтов. Результаты данного исследования позволяют утверждать, что основной причиной изменений в социально-политической и экономической сферах древнерусской церковной организации, стало поведение церковных иерархов. Оно выразилось в принятии церковью господства Орды над Русью, а последовавшие за этим ордынские льготы и пожалования лишь укрепили лояльность высшего духовенства к власти ханов. Данное обстоятельство потребовало от церкви декларации её позиции в отношении новых властей. В итоге, необходимость принятия сложившихся церковно-ордынских отношений нашла своё обоснование в концепции «Казней Божиих». Такое идейное обоснование постигших Русь бед снимало ответственность с завоевателей и оправдывало церковно-ордынские контакты. Древнерусские источники не дают прямых оценок поведению епископата. Но при прочтении летописных сообщений создаётся впечатление, что в глазах современников такое поведение церкви оценивалось весьма неоднозначно и, скорее всего, предосудительно.

Ключевые слова: Церковно-ордынские отношения, иерархи Древней Руси, битва на Калке, нашествие Батыя на Русь, епископ владимирский Митрофан, епископ черниговский Порфирий, епископ ростовский Кирилл, история Русской церкви.

Для цитирования: Галимов Т.Р. Церковная иерархия и церковно-ордынские отношения в период татаро-монгольского вторжения 1237–1240 гг. в оценках современников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 29–55. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55

Историческая реконструкция церковно-ордынских отношений в значительной мере может быть осуществлена на основе того, как эти связи оцени-

вались современниками. Приходится признать, что восприятие различными слоями Древней Руси своего рода диалога, сформировавшегося между Русской Церковью и Ордой во второй половине XIII – XIV вв., остаётся малоизученным. Выявление и анализ таких оценок позволил бы не только разобраться в поведении церкви в кризисных условиях конца эпохи, лучше осознать действия татаро-монгольской администрации, но и приблизиться к пониманию системы смысловых координат древнерусского человека¹.

Круг источников, позволяющих выявить оценки русско-ордынских связей современниками и потомками тех событий, не столь значителен. К тому же и имеющиеся письменные свидетельства немногословны. Аналогичная ситуация присутствует и при рассмотрении церковно-ордынских отношений. Такое молчание или предельная осторожность летописцев и агиографов в суждениях о происходившем в жизни церкви в период господства Орды видятся странными. В итоге требует своего объяснения не замеченная в большинстве памятников эпохи роль церкви и её священной иерархии в жизни Руси и в военно-политических процессах, сопровождавших русско-ордынскую войну и последовавшие за ней события на покоренных степной империей территориях. Сложившаяся ситуация разительно отличается от той, что присутствует в отношении западноевропейских источников. При всем том ужасе, который испытали европейцы во время походов, предпринятых внуками Чингиз-хана в 1241–1242 гг., татаро-монгольское вторжение для Европы оказалось хоть и трагичным², но кратковременным эпизодом, чего нельзя сказать о Руси и месте ордынцев в её истории. Тем не менее, в многочисленных латинских источниках роль Римской церкви в лице её иерархии и её отношение к пришедшим с Востока захватчикам прослеживаются несопоставимо лучше и рельефней³, чем деятельность русского священноначалия в древнерусских литературных памятниках того времени. В результате при работе с древнерусскими текстами «кричащим» видится уже само их немногословие или же молчание.

Летописи, повести и слова. Важнейшим источником по истории церковно-ордынских отношений должно быть признано русское летописание. Данная группа известий в общей хронологии событий распределена неравномерно, обладая такой же неравномерностью объёма сообщаемой информации. Дело осложняется ещё и тем, что русские летописи по-разному излагают и интерпретируют анализируемые в данном исследовании события.

¹ Термин, использованный в работе Рудакова, целесообразно применить и в данной ситуации относительно церковно-ордынских отношений [62, с. 174].

² Походы татаро-монголов, совершенные на Польшу, Моравию, Венгрию, Чехию, Боснию, Сербию и Болгарию, хоть и принесли многочисленные беды местному населению, но никак не отразились на государственном устройстве этих держав. См. подр.: [75, с. 108–109; 84, с. 215–230]. Разбор татаро-монгольского похода в Европу см. подр.: [51, с. 163–164, 169; 53, с. 222; 52, с. 216].

³ Данная особенность западноевропейских источников лучше всего обнаруживается в сохранившихся письмах и в восточноевропейских хрониках того времени, значительно лучше и подробнее описавших вторжение татаро-монгольских Орд. Стараниями авторов текстов запечатлены не только действия захватчиков, но и детально прописаны усилия по отражению агрессии «татар». Наиболее интересна в этом отношении переписка знатных лиц с Римским Престолом. Перевод и подробный источниковедческий разбор данной группы эпистолярных памятников см.: [78].

При этом число сюжетов, связанных с деятельностью русской церкви или в которых присутствует хоть какое-то упоминание о ней применительно к событиям первых 70 лет татаро-монгольского господства, невелико. Наиболее отчётливо идентифицируются следующие группы сообщений:

1. Битва на Калке;
2. Нашествие Батыя на Русь (падение Владимира, Рязани, Москвы, Суздаля, Переяславля, Чернигова);
3. Образ «погибшей» Руси.

Битва на Калке. Известие о первом боевом столкновении татаро-монголов с русскими князьями присутствует практически во всех древнерусских летописях [57, стб. 445–446; 58, стб. 744, 745; 59, л. 143–145 об.]. Появление этой хорошо изученной записи большинством исследователей относится к 80-м годам XIII в.⁴ Однако в её основе лежат воспоминания и тексты значительно более раннего происхождения. О том, насколько значимо было произошедшее в 1223 г. боевое столкновение русских и татаро-монголов, завершившееся полным разгромом объединённых русских дружин и избиением стоявших во главе них князей, можно судить уже на основании того, что известия об этой военной трагедии вошло и в некоторые западноевропейские хроники и письма [78]. Между тем взгляды древнерусских летописцев на причины, приведшие к трагедии, ход сражения и его последствия обладают существенными различиями. Наиболее наглядно данное обстоятельство прослеживается в известиях, изложенных в трех важнейших и старейших летописях: Лаврентьевской, Новгородской Первой и Галицко-волынской⁵.

Практически все древнерусские книжники смотрели на произошедшее через призму «казней Божиих» [62, с. 34–44; 74, с. 91–92; 32, с. 22–23; 4, с. 296]. Однако причины и истоки постигших Русь бедствий виделись во Владимире⁶, в Новгороде⁷ и на Волыни⁸ по-разному. Не менее примечательно

⁴ О датировке битвы на Калке см. подробнее: [3, с. 106–107, 264–268; 8, с. 11–34; 68, с. 218; 26, с. 10; 82, с. 521; 24, с. 484–488, 618–620]. О трудностях датировки и об особом предпочтении указания пятницы, как дня битвы см.: [13, с. 234]. Об авторстве и датировке летописного известия, а также о месте его создания (ростовская версия) см.: [63, с. 141; 5, с. 346–347; 42, с. 66; 43, с. 34]. О рязанском происхождении первоначального текста известия о битве на Калке см.: [28, с. 75–77]. О наиболее раннем происхождении текста (1223–1228 гг.) и об историографии вопроса см.: [39, с. 18–20, 22–23; 18, с. 432–434].

⁵ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку: «... много бо зла створиша ти вкании Половци Рускои земли. того ради всемлѣвьи Бѣ хотѣ погубити. и наказати безбожныѣ сѣны Измаиловы Куманы. ꙗко да ѿмѣстятъ кровь хрѣъаньскую...» [57, стб. 445–446]. Галицко-волынская летопись: «...Данилови же избивающе ихъ своимъ полкомъ. И Сѣлгови Коурьскомоу крѣпко бившимся. инѣмъ полкомъ. сразившимся с ними грѣхъ ради нашихъ. <...> Татаромъ же побѣдившимъ Роусьскыѣ князѣ. за прегрѣшение крѣтъское пришедшимъ. и дошедшимъ до Новагорода. Сѣполчского. не вѣдающимъ же Роуси лѣсти ихъ. исходахоу противу имъ со крѣтъ. вни же избиша ихъ всихъ. Ожидалъ Бѣ покаѣниѣ крѣтъаньскаго и вбрати и воспати на землю восточную и воеваша землю Таногустьскую и на инѣ страны.» [58, стб. 744, 745]. Новгородская Первая летопись: «Томъ же лете по грехамъ нашимъ, придоша языци незнаемы... Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити безбожные сыны Измаиловы Куманы, ꙗко да отомстятъ кровь крѣтъаньскую... И тако за грехи наша Богъ вложи недоуменье въ насъ, и погубе много бѣщисла людий; и бысть вопль и плачъ и печаль по городомъ и по сѣломъ» [59, л. 143].

⁶ Главным мотивом прихода татаро-монгольских завоевателей в 1223 год для Суздальской летописи служило божественное наказание половцев за «кровь христианскую». Одна-

ещё одно обстоятельство. Казалось бы, известия о смерти представителей правящего рода и о практически полном разгроме объединённых сил Руси должны были содержать и описания церковного участия в разразившейся драме. По крайней мере, история домонгольской Руси содержит значительное число примеров того, как церковь напутствует, сопровождает и провожает в последний путь своих князей⁹. Однако в комплексе сюжетов, посвященных

ко, сообщая о походе князей и извещая о мотивах их поступка, летописец, человек, несомненно, церковный, не симпатизировал и не поддерживал намерение руководителей объединённых дружин вступить в бой. По мнению автора текста, действия дружин выражали недоверие божественному промыслу. Отмстителем за преступления степных орд должен был стать Господь: «всемлѣствии Бѣ хотя погубити . и наказати безбожныѣ снѣы Измаиловы Куманы . аѣко да ѿмьстятъ кровь хрсѣаньску» [57, стб. 446]. И вина за это непонимание, по мнению летописца, всецело лежит на князьях. Именно их действия послужили причиной новых угроз со стоны Степи: «[Татары] придоша близъ Руси. идеже зоветься валь Половечьскыи. и слышавше ꙗзъ Русстии князи . . . здумаша итии на нѣ . мнѣше ꙗко ти поидутъ к нимъ» [57, стб. 446]. Вероятно, летописец считал действия князей неправильными. Тем более, что дружины вступились за тех, против кого была направлена карающая рука Господа, коей и являлись «татары». Жертва русских воинов была напрасной. По всей видимости, летописец горевал по поводу смерти участников похода: Мстислава Киевского и других его соратников, а также большого числа бояр. Однако не менее искренней была и радость о спасении Галицкого князя Василька Константиновича, не участвовавшего в этой битве: «Се же слышавъ Васильку . приключышесѣ в Руси . възвратисѣ ѿ Чернигова сохранѣнь Бѣмъ и силою крѣта чѣстнаго . и млтѣвою ѿѣа своего Костантина . и стрѣаъ своего Георгия . и вниде в свои Ростовъ слава Бѣи и стѣую Бѣю» [57, стб. 447].

⁷ Описание событий 1223 г. в Новгородском летописании, в отличие от записей Владимира, более расширено. С одной стороны, по мнению новгородцев, вступившись за половцев, дружины стремились пресечь нависшую над Русью угрозу, а с другой стороны, явили гордую самонадеянность: «И тако думавше много о себе, и яша по пути и поклона деля и молбы князей половецких». Ситуация усугублялась «избиением» татарских послов, пришедших предупредить об отсутствии злого замысла в отношении Руси. По сути, князья отвергли и второе посольство. В итоге главной причиной неудачи, постигшей русских князей и совместный русско-половецкий союз, стали трусость и предательство половцев, а также измена воевод. Бежавшие с поля боя половцы, смели на своём пути стоявшие в тылу русские дружины [59, л. 145–л. 145 об.].

⁸ Иначе данный сюжет интерпретировало Галицко-Волынское летописание, автором которого, вероятно, было мирское лицо. В рассказе отсутствуют какие-либо слова о божественном вмешательстве и о небесных карах. Отсутствуют и упреки в адрес половцев. Содержание летописной записи оказалось не столь категоричным и в оценках битвы. По мнению автора записи, разыгравшаяся на берегах Калки трагедия стала результатом неудавшегося, но необходимого превентивного удара князей против возможного агрессора: «бывшую же свѣтоу. всихъ князѣи. во градѣ Кыевѣ. створиша свѣтъ сице. лоуче ны бы есть приати ꙗ на чюжеи землѣ. нежели на своеи.» [58, стб. 743]. Галицко-Волынская версия примечательна ещё и тем, что в ней отсутствуют какие-либо уничижительные слова в отношении князей, а образ Даниила Романовича приобрел эпические черты. Именно этим она разнится с новгородским и суздальским версиями описания событий 1223 г. [58, стб. 743–744].

⁹ Под 1101 г. Суздальская летопись извещает: «Заратисѣ Ярославъ . Ярополчичъ Берестыи . и иде на нѣ Сѣю|полкъ . и заста и в градѣ . и смѣи . и ѿкова и приведе и Кыеву и молишъ в немъ митрополитъ . и игумены . и оумолиша Сѣюполка . и заводиша и оу раку . стѣю Бориса и Глѣба . и снаша с него ѿковы . и пустиша и Томъжъ лѣтъ . совокупшасѣ всѣ брагѣ . Сѣюполкъ . Володимерь . и Дѣдъ . и Сѣлегъ . Ярославъ брагѣ ею . на Золотычи . и прислаша Половци слы ѿ всѣхъ князии . ко всеи брагѣи просаще мира . и рѣша имъ Русскыи князи . да аще хочете мира . да совокупимсѣ оу Сакова . и послаша по Половцѣ . и снашасѣ оу Сакова . и створиша миръ с Половци . и поѣша тали межи собою . мѣсѣ . семъ . въ . еѣ . днѣ . и разидошасѣ разнѣ» [57, стб. 275]. Не менее интересна запись 1103 года:

первому татаро-монгольскому вторжению на Русь, когда, казалось бы, деятельность иерархов, духовенства и монашества должна была хоть как-то проявиться, участие пастырей и святителей в событиях того года в отечественных источниках никак не обозначено.

Как уже было отмечено, описания событий 1223 г. разительно отличаются от того, как представлялись подобные же столкновения в домонгольском летописании. Во всех упоминаемых известиях, описывающих боевые действия против половцев или междоусобные столкновения, князья и горожане, по рассказам летописцев, прибегали к небесной помощи. Подобным образом, судя по записи южнорусского летописца, поступили в 1223–1224 гг. и жители городов, обреченных татарами на гибель. Правда, примечательно, что летописание не упоминает названий поселений и городков. Более того, данный сюжет, хоть и касался пограничных крепостей северо-восточной Руси, однако присутствует не в Лаврентьевском и Новгородском летописании, что было бы логично, а лишь в Галицко-Волынском летописании. Не менее интересно и то, что летописная оценка мольбы и судьбы обреченных горожан разительно отличается от того, как подобные воздыхания интерпретировались в записях более раннего периода. На этот раз, в отличие от описания похода 1111 г. Владимира Мономаха на половцев [58, стб. 265–268] и сообщений о событии 1170 года (поход суздальцев на Новгород)¹⁰, усилия осажденных в 1223 г.

«Русский же князи и вои вси молахуть Ба и вбѣты вздаеху Бу. и Мѣри его. вѣв кутьсю. вѣв же млстнею оубогым. Инии же манастиремъ требованъ. и сице молашимъ. поидоша Половци. и послаша предъ собою [в] сторожъ» [57, стб. 278].

¹⁰ В 1170 г. объединенные силы владимирского, смоленского, рязанского, муромского и полоцкого княжеств осадили Новгород. Оборонявшиеся новгородцы сумели сдержать натиск превосходящих сил и на четвертый день осады отразили приступ. Судя по суздальскому летописцу, заслуга в торжестве справедливости над междоусобным разложением и предательством древних устоев полностью принадлежит Богу: «слышахомъ бо преждѣ трии лѣтъ. бывшее знаменье Новѣгородѣ всѣмъ людемъ выдашимъ. в трехъ бо црквахъ Новгородскихъ. плакала на трехъ иконахъ сѣа Бѣа. провидѣвши бо мѣи Бжїа пагубу хоташую быти. надъ Новымъгородомъ и надъ его волостью. молашеть сѣа своего со слезамі. дабы ихъ втинудъ неискоренилъ. аекоже преже. Содомы и Гоморы. но аеко Ниневгитаны помилуетъ. аекоже и быс. вчивѣсто бо Бѣ и мѣи Бжїа. избави ае млстью своею. занехрѣане суть. наказаае накажи ма речъ Гси. а смрти не предажъ мене. глѣ Двѣдъ. тако и сїа люді Новгородскыае наказа Бѣ. и смрти ае дозѣла. за преступленье. А крѣтнею. и за гордость ихъ наведе на нѣ. и млстью своею избави градъ ихъ. не глѣмъ же прави суть Новгородци. аеко издавна суть свободени Новгородци. прадѣды князь нашихъ. но аще бы тако было то велѣли ли имъ преднии князи крѣсть преступити. | или внуки. или правнуки. соромлати. а крѣсть чѣстныи цѣловавше. ко внукомъ ихъ. и к правнукомъ. то преступати. то доколѣ Бгви терпѣти надъ нами. за грѣхы навель. и наказаль по достоаеню. рукою блгѣвѣрнаго князя Андрѣа.» [57, стб. 362]. В Новгородской летописи под этим годом содержится более конкретное указание на виновников Божественной помощи – новгородцев, «благоверного владыки» Илии и епископа Тарасия, возносивших свои молитвы к Богородице [59, л. 36 об. – л. 37]. Впоследствии данному событию придали более яркие черты и представили в отдельном сказании – «Слове о знаменнии святыя богородица в лето 6777-е». Явленное же в дни осады новгородцам и суздальцам чудо запечатлелось в иконописном образе «Богоматерь Знамение». Подробнее о «Сказании о битве новгородцев с суздальцами» и о чтимой чудотворной иконе см.: [27, с. 126–128; 79, с. 129–130; 83, с. 120–123, 151–154; 40, с. 263–264; 60, с. 239–240, 296; 34, с. 63–64 [ил. 51], 152 [ил. 103]; 19, с. 95–148, 281–284].

татаро-монголами мирных горожан, поддавшихся «татарской лести»¹¹, оказались напрасными. Более того, текст позволяет заключить, что, подчеркивая напрасное обращение горожан к силе священных реликвий, Бог ожидал от несчастных не молитвенной помощи о небесном заступничестве в битве с врагом, а иного: «Ожидаа Бѣ покаѣниа крѣстьяньскаго» [58, стб. 745].

В итоге, умолчание источников о каком-либо участии церкви в описываемых событиях 1223 г. не случайно и не может быть списано на краткость записей. Отмеченное нуждается в объяснении и, вероятно, вызвано рядом не исключающих друг друга причин.

Во-первых, ко времени создания сказания в древнерусском обществе утвердилось представление о царском положении ханов. Поэтому действия ордынской власти не могли быть поставлены под сомнение даже в «исторической» ретроспективе.

Во-вторых, если допустить, что церковь действительно оказалась непричастной к событиям на Калке и ее участникам со стороны русского объединенного войска, что крайне сомнительно, виновниками произошедшего следовало бы считать самих князей, которые не позаботились о церковном напутствии своих дел. Во всяком случае, ни один из участвовавших в битве Рюриковичей не представлен как человек, ищущий божественного заступничества.

В-третьих, умолчание о церковном участии в описываемых событиях могло извиняться и поведением духовенства, его пассивностью.

Однако первое объяснение видится недостаточным, что же касается второго и третьего, то и они не обладают убедительностью. Маловероятность такого развития событий объясняется укорененностью в дружинно-княжеской среде церковных представлений¹². Но даже если допустить, что князья все же оказались равнодушны к церковным молитвам перед грядущей битвой, то крайне сомнительно, чтобы родственники погибших не совершали поминание убитых. Принимая же во внимание ктиторийский характер значительной части храмов и монастырей домонгольского периода, по смерти князя о нем непременно бы совершали заупокойные молитвы. К тому же упоминавшиеся выносы крестов горожанами, встречавших татаро-монголов, также не могли быть совершены без участия духовенства. Таким образом, церковь не была способна избежать своего участия в происходящем. Иное дело, она предпочитала не упоминать даже о возможности своей причастности к актам, имевшим антиордынскую направленность. В итоге предложенные выше объяснения видятся крайне шаткими, и нам приходится иметь дело с текстом, подвергшимся существенной редакторской правке.

Примечательно еще одно обстоятельство. После битвы на Калке летописцы ни разу не отметили возможные последствия произошедшего. Скла-

¹¹ Выбранное автором текста слово «лесть» не случайно. Под лостью, несомненно, подразумевались обман или хитрость [67, с. 68]. В.Н. Рудаков обратил внимание на то, что мотив «татарской лести» неоднократно встречается в Ипатьевской летописи. В итоге исследователь заключил, что такая характеристика прежде всего подчеркивала особо негативное отношение современников к завоевателям. [62, с. 42]. Однако лость – явление дьявольское, inferнальное. Поэтому, скорее всего, в подобного рода записях вернее видеть не столько негативное отношение к завоевателям, сколько сожаление о неспособности жителей правильно понять происходящее, распознать промысел Божий и принять его.

¹² О значении церкви и её обрядов в жизни военных элит Руси см. подробнее: [50].

дывается ощущение, что после 1223 г. на Руси никто не ожидал повторения трагедии. Такие поведение и устроение разительно отличаются от того состояния, в котором находились Папский Престол и правители Грузии, значительно раньше Руси подвергшиеся атаке неведомых орд с Востока¹³. Более того, тогда, когда татаро-монгольская угроза превратилась в реальность, вопросы отношения к Орде не прозвучали и на Владимирском соборе 1274 г.

В итоге, нельзя исключать того, что возникший в 1280 г. текст, легший в основу летописных записей, был существенно сокращен и представляет собой редакцию, призванную предупредить возможные осложнения между церковью и Ордой. Скорее всего, концепция, представляющая выступление князей против завоевателей в качестве неразумного шага, как борьбу против Божественной воли, отражала не только эсхатологические настроения, но и отвечала этикетным нормам времени, не допускавшим критику «царской» власти, а также вполне прагматическим целям церковной политики в отношении Золотой Орды.

Нашествие Батыя на Русь. В отличие от летописных сообщений 1223 г., умолчавших о какой-либо реакции церкви на столкновение с татаро-монголами, известия о нашествии 1237–1240 гг. сохранили образы духовенства. Правда, персоны и поступки архипастырей и монашества, а также обстоятельства, при которых эти личности проявлялись, исчезали или по крайней мере были упомянуты, неоднозначны и заслуживают специального анализа.

Наиболее драматичным и едва ли ни ключевым видится летописный сюжет, повествующий о взятии татаро-монголами Владимира. Представленное в летописи сообщение о падении стольного города Северо-Восточной Руси сохранило описание обстоятельств мученической смерти епископа Митрофана¹⁴. Не менее наглядно и эмоционально воссозданы летописцами обстоятельства гибели Москвы и Рязани. Все эти рассказы оканчиваются описанием смерти местного монашества и духовенства, не оказавших какого-либо сопротивления захватчикам. Согласно летописным известиям, все они погибли в огне городского пожара [57, стб. 463]. Столь же поучительной представлена гибель настоятелей владимирских монастырей. Среди принявших смерть значатся архимандрит владимирской обители «Святых Богородицы» Пахомий и игумен Успенского монастыря Даниил, игумен Спасского монастыря Феодосий¹⁵. Большой конкретностью обладает и судьба братии названных обителей. Оставшие-

¹³ О присутствии напряжённого ожидания возможного вторжения можно судить по сообщениям, сохранившимся в переписке грузинской королевы Русудан и грузинского амирспасалара Иванэ с папой Гонорием III [55, с. 124–126; 54, с. 127–129]. Не менее содержательны и интересны некоторые фрагменты латинских хроник, датированных 1223–1225 гг. [76, с. 131–133; 30, с. 133–134; 71, с. 134–135].

¹⁴ Безусловное восприятие епископа Митрофана как деятельного участника обороны Владимира см.: [70, с. 100–101; 17, с. 91]. Сомнения относительно реальности фактов призыва епископа Митрофана к героической обороне Владимира были высказаны в: [7, с. 14–15; 62, с. 79; 6 с. 19]. Мученическая смерть Митрофана была отмечена лишь в древних святцах. Но позднее его имя уже не встречается в списках русских святых. Общерусское почитание святителя было восстановлено в 1982 г. в «Соборе Владимирских святых».

¹⁵ «... оубьень быѥ Пахоми архимандритъ монастырѣ Ржѣтва стѣ Бѣѣ да игумень Оуспенскыи . Феодосии Спѣсьскыи.» [57, стб. 463–464]. Почетания их мученичества имело локальный характер и не получило широкой поддержки у полноты русской православной церкви.

ся насельники были уведены «в полон»¹⁶. Подобными же нюансами отмечено в Галицко-Волынском летописании упоминание о смерти переяславского епископа Семиона¹⁷. Не менее интересны образы ростовского епископа Кирилла и черниговского епископа Порфирия. Их судьба оказалась более счастливой. Оба они спаслись. Правда, первый из них, Кирилл, в момент штурма Ростова был в Белоозере¹⁸, второй же, Порфирий, оказался в плену¹⁹.

Между тем не вполне понятно, почему в летописании отсутствуют какие-либо упоминания о деяниях и судьбе иерархов иных кафедр, оказавшихся под ударами ордынцев: Смоленской²⁰, Туровской, Полоцкой и Луцкой [81, с. 49]. Столь же таинственно исчезновение и киевского митрополита²¹. Более того, рассказ о падении «матери городов русских» не упомянул среди защитников Киева ни одного священника или монаха. Создается впечатление, что авторы записей нарочито подчеркивали либо неучастие духовенства в сопротивлении, либо смиренное принятие его гибели. В итоге все обозначенные сюжеты нуждаются в комментариях.

Упомянутое выше исчезновение митрополита Иосифа и ряда епископов бросало на них подозрение в трусости или измене. Молчанию источников невольно намекает на то, что в поведении архипастырей не было ничего героического и заслуживающего внимания. Скорее всего, все они избежали мученического венца, каким была увенчана кончина епископов Митрофана, Симеона и иных. Правда, могли быть и иные причины. Вероятнее всего, летописного упоминания заслуживали лишь те, которые представляли хоть какую-либо значимость и важность для тех, кто остался в живых после нашествия Батыя и продолжал летописную традицию Владимира²². Таким обра-

¹⁶ «...ѡвѣи оубивающе . ѡвѣи же вѣдуще босѣи . и безъ покровѣнъ въ станѣи своѣи . издыхающе мразомъ.» [57, стб. 463–464].

¹⁷ «...и взать градъ Переяславль копьемъ. избѣи всѣи. и цркъви архангѣла Михаила скроуши. и сосоуды цркъвѣныѣ. бещисленныѣ. златыѣ. и драгаго каменьѣ. взать. и еписпа придѣнаго Семѣвна оубиша...» [58, с. 781–782].

¹⁸ «И ту оубѣнъ бысѣ князъ великѣи Юрьи. на Сити на рѣцѣи. и дружины ѣго много убиша. блжнѣи же еписпѣ Кирилъ. взѣ княза мертва. идѣи изъ Бѣлаозера . и принесе и въ Ростовъ.» [57, стб. 465].

¹⁹ «...въ то же время посла на Черниговъ. ... и градъ взѣша и запалиша ѡгнемъ еписпа вѣставиша живѣи. и вѣдоша и во Глоуховъ... » [58, с. 782].

²⁰ Факты сопротивления татаро-монгольскому вторжению сохранились в истории смоленской земли. Архиепископ Филарет Гумилевский, составляя свод житий святых, указал на смерть воина Меркурия Смоленского [73, с. 656–657]. Несколько редакций повести о Меркурии Смоленском, см.: [64]. Однако подобных житийных примеров, описывающих подобные мученичества среди духовенства смоленских и иных земель, не обнаруживается (единственный пример – это краткое сообщение галицко-волынской летописи о епископе владимирском Митрофане).

²¹ В научном сообществе так и не сложилось единого мнения относительно того, что произошло с киевским святителем. Умер ли он своей смертью, сгинул по дороге в империю или погиб ли при обороне Киева, достоверно не известно [45, с. 13, 15; 2, с. 459]; или бежал ли в Византию в виду угроз и дипломатических интересов Византии [25, с. 29; 17, с. 92–93; 7, с. 15]. Однако нельзя не заметить того, что память об Иосифе ни разу не представлялась для современников в качестве примера мученичества. И такое молчание источников убеждает, что в исчезновении митрополита с кафедры ничего героического и заслуживающего доброй памяти не было.

²² Д.С. Лихачев уже указывал на субъективность летописных источников второй половины XIII в. По его мнению, главным летописным центром вместо утраченного Влади-

зом, имена митрополита Иосифа и других, не вошедших в летописные записи, попросту не отвечали требованиям новой политической ситуации, развивавшейся после 1240 года. Появились новые векторы развития системы церковной иерархии, в которых создавалась возможность к расширению святительских прав и самостоятельности на местах²³.

Как уже упоминалось, нашествие Батыя в церковной истории отмечено гибелью владимирского епископов Митрофана, переяславского епископа Симеона и духовенства многих городов Северо-Восточной Руси. Для летописцев все они были мучениками. В итоге, по мнению, Д.С. Лихачева, тема мученичества стала для ростовского летописания крайне важной, особенно при обосновании неопровержимого принятия татаро-монгольского господства как Божественного наказания [34, с. 280–288]. Безусловно все погибшие епископы, вне зависимости от причин и обстоятельств их насильственной смерти, причислены к лику святых [44, с. 661]. Признание и закрепление почитания их культа произошло, как полагал известный русский академик, не без участия ростовского епископа Кирилла.

Не менее интересен летописный сюжет, связанный с именем черниговского епископа Порфирия, который, оказавшись в плену у татаро-монголов, был ими же отпущен в Глухове. Акт невероятной для ордынцев щедрости и доброты не может остаться незамеченным. Традиционно принято считать, что произошедшее, скорее всего, объяснялось тем, что к 1239 г. ордынцы уже начали различать епископов и духовенство, предоставляя тем свободу на основе законов Ясы²⁴. Однако высказанный тезис едва ли может удовлетворить недосказанность источника. Возникает целый ряд вопросов, ответить на которые крайне сложно. Например, почему в летописании более не встречается подобных примеров? Почему епископа отпустили не в Чернигов, а сопроводили в Глухов? Почему сам архиерей так и не вернулся в свой кафедральный город, что в целом считалось существенным каноническим проступком²⁵? Кто и что были виновниками освобождения архипастыря? Наконец, почему его не убили и оставили в живых?

мира стал Ростов, а определяющим направление нравственно-назидательного взамен историко-политического была княгиня Марья – жена Ростовского князя Василька. Подробнее, см.: [34, с. 282].

²³ Росту епископских амбиций могли способствовать изменения административно-канонического характера. Утрата многими территориями своих архипастырей способствовала временному укрупнению епископий, расширявшему права архиереев над местным духовенством.

²⁴ Законы Ясы распространялись лишь на народы, подчиненные Монгольской империи [77, с. 224]. Р.А. Соколов также высказал сомнение относительно выборочной веротерпимости в отношении епископа Чернигова Порфирия [17, с. 91–92]. Исследователь предположил, что веротерпимость хана объяснялась вполне прагматическими целями: желанием достичь максимальной лояльности со стороны многонационального состава своей огромной полиэтнической армии [17, с. 120–122]. Дореволюционные церковные историки предполагали, что объявленная ханом веротерпимость могла объясняться суевериями татаро-монголов, а также гарантировала мир на покорённых территориях: [72, с. 9–11; 7, с. 17–19; 20, с. 89; 22, с. 72; 46, с. 83–86].

²⁵ 33 апостольское правило, послание 3 Вселенского собора предполагают суровые наказания для клириков и иерархов, самовольно оставивших место своего служения или отрёкшихся от своей кафедры [61, с. 97–98, 312–328].

Содержание источников таково, что ответить на все сформулированные проблемы не представляется возможным. Тем не менее, за всей недосказанностью летописной записи угадываются черты неординарной ситуации, позволяющей предположить, что Порфирий, скорее всего, был пленен и получил жизнь, потому что не оказал сопротивления. Что же касается освобождения святителя, то ответ, надо полагать, скрывается в дальнейшей судьбе Черниговской земли, из которой вскоре выделились Глуховское и Брянское княжения. Поэтому нельзя исключать того, что Порфирий неслучайно оказался в Глухове, будущем политическом центре нарождающегося княжества. Скорее всего, его свобода была либо выкуплена стараниями местного князя, либо дарована татаро-монголами при участии политических элит Глухова²⁶. Во всяком случае, Порфирий не вернулся в Чернигов²⁷.

Столь же примечательна судьба ростовского епископа Кирилла. Его спасение в период наиболее активной фазы противостояния Северо-Восточных русских земель татаро-монголам (1238 г.) нуждается в комментарии. Это объясняется неразрешенностью в исторической науке ряда вопросов. Так, не вполне ясны причины отсутствия епископа в Ростове во время осады города. Предложенные же ростовским летописцем объяснения²⁸, извиняющие Кирилла тем, что тот находился в Белоозере для сбора ополчения, неубедитель-

²⁶ Взаимоотношения между просителем и представителем ханской власти сводились к предположительной дихотомии «подарок-отдарок» [31, с. 48]. Принимая во внимание высокое значение ритуала обмена дарами (о значении даров и ритуала обмена дарами см.: [48, с. 18–30]), ничего удивительного в проявленной татаро-монголами снисходительности нет.

²⁷ Однако в историографии этот крайне интересный эпизод в жизни Черниговской епископии не был глубоко исследован. Произошедшие события либо не замечались, – так, например, митрополит Макарий продолжал утверждать, что центром церковного округа оставался Чернигов [44, с. 667], – либо в контексте более позднего времени в качестве центра епископии в монгольский период подразумевался Брянск [23, с. 539]. Помимо всего, было высказано мнение, что некоторое время Порфирий возглавлял вдовствующую Смоленскую кафедру [23, с. 542]. Скорее всего, произошло следующее: в связи с разорением Чернигова и в силу политической ситуации, вызванной падением статуса Черниговского княжеского стола и возвышением княжеских столов прежде менее значимых городов Глухова и Брянска, епископы, а вместе с ними кафедра, перемещались в Глухов, а несколько позже – в Брянск. При этом титул епископов оставался прежним и связывался с Черниговым. В качестве подобных примеров можно рассматривать ситуацию с Юрьевскими епископами, кафедра которых однажды перемещалась в город Святополч (1095–1103 гг.) [58, стб. 219, 256], киевскими митрополитами, кафедра которых на начальном этапе христианизации Руси, вероятнее всего, была связана с Переяславлем, до 1237 г. [57, стб. 151, 208], а в период татаро-монгольского господства – с Владимиром и Москвой, с сохранением титула «Киевские» (до 1458/1461 гг.).

²⁸ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку сообщает о деталях спасения иерарха предельно кратко: «блжѣнии же еписѣпъ Кирилъ . възвѣщаѣи мертвѣ . идѣи изъ Бѣлазѣра . и принесе и в Ростовъ» [57, стб. 465]. Однако Суздальская летопись по Академическому списку конкретизирует: «блжѣнии же еписѣпъ Кирилъ ида зъ Бѣлазѣра тамо избѣвѣ ратныхъ, и прииде на место идѣже оубиенъ бысѣ великіи кнѣзь Юрьи, и вобрѣте тѣло еѣ, взем же и принесе е в Ростовъ» [57, стб. 520]. Принадлежность сюжета ростовскому владычному своду XV в., несомненно, симпатизирующему своему прошлому, не подлежит сомнению. О происхождении второй части Суздальской летописи по Академическому списку см.: [80, с. 222–230].

ны²⁹. Судя по тому, что Кирилл в отсутствие князя обладал правом сбора ратных людей, позволяет заключить, что архиерей, скорее всего, оставался в городе за старшего. Со смертью Василька Константиновича Кирилл должен был сам возглавить оборону Ростова. В итоге, в условиях приближающихся татаро-монголов епископ предпочел покинуть город под предлогом сбора ратных людей в Белоозере. В результате, Ростов был сдан³⁰.

Не менее примечательны дальнейшие действия Кирилла. На обратном пути святитель проехал через место битвы. В Ростов он прибыл с телом великого князя Юрия. Очевидно, что поступок епископа объяснялся тем, что ему были известны результаты последовавших после его отъезда событий, и необходимости торопиться в город больше не было. Привезенное же тело великого князя, останки которого нашли упокоение в Ростовском соборе, снимало с епископа упреки в его отсутствии в городе. Правда, и в этом случае дело не видится совершенно ясным.

Во-первых, собранное епископом ополчение не присутствовало на отпевании великого князя. Во всяком случае автор записи не заметил среди участников отпевания не только горожан и воинов, но и кого-либо иного из представителей княжеского рода или боярства. Летописная запись отмечает лишь многочисленное белое духовенство и монашествующих³¹. Описанные обстоятельства позволяют предположить, что, скорее всего, ратные так и не были собраны. Во-вторых, что касается участников погребения – духовенства, то его многочисленность указывает на то, что все они остались в живых не случайно. Это могло произойти только при стечении трех обстоятельств: 1) Ростов был сдан; 2) духовенство не оказало никакого сопротивления; 3) татаро-монголы прекрасно различали представителей церкви, даровав тем

²⁹ Казалось бы, поездка Кирилла для сбора воинства из Ростова в Белоозеро выглядит весьма убедительной. Удаленность Белоозера от Ростова (440 км) позволяла в срочном порядке приблизительно за 12 часов покрыть это расстояние на коне. Даже учитывая статус епископа, необходимость отдыха лошадям и времени самого процесса мобилизации, это не могло занять более 3–4 дней.

³⁰ Отъезд ростовского иерарха из обреченного города схож с событиями 1382 г., когда митрополит Киприан, под предлогом спасения жены князя Евдокии, отбыл из Москвы. Покинутые великим князем москвичи в смятении восстали, и долгое время никого не выпускали, в т.ч. и своего первоиерарха. Но обобрав его и жену великого князя, все же отпустили. По всей видимости, Киприан отъезжал со значительно богатым скарбом и на добрый исход обороны города явно не надеялся. Весьма интересным является и то, что успокоить буйных горожан и возглавить оборону сумел молодой литовский князь Остей, потомок Ольгерда, состоявший тогда на службе у московского князя. Поход Токтамыша на Москву имел отличное значение и иные цели, чем действия Батыя в отношении Киева (о мотивах военного похода Токтамыша, см.: [49, с. 706–712; 11, с. 144–170; 12, с. 75–114]). Однако действия митрополита и в первом, и во втором случае обнаруживали их человеческую слабость – страх погибнуть в период осады города.

³¹ Судя по летописным записям, встреча тела Юрия была немногочленной и лишённой обычных в подобных случаях ярких скорбных эмоций: «и пѣвъ надъ нимъ вбычныѣ пѣсѣ . со игумены . и с клирошаны . и с попы . со многими слезами вложиша и в гробъ оу сѣбе Бѣи» [57, стб. 465]. Встреча же родного ростовского князя Василька изобилюет сюжетами городской панихиды: «послаша по княза [Василька – Т.Г.]. принесоша и в Ростовъ . и аѣко понесоша и в градъ . и множество народа изидоша противу ѣму . жалостныѣ слезы испущающа . вставше такого утѣшенѣ . рыдаху же народа множество правовѣрныхъ . зрѣще шѣа сирымъ . и кормителя ѡходящимъ . печальнымъ оутѣшенѣе великоѣ . вмрачнымъ звѣзду свѣтоносну К зашедшу . на весь бо црѣквыи Г чинь» [57, стб. 466].

жизнь и свободу в соответствии с законами Ясы. В итоге описанные под 1238 г. обстоятельства в истории Ростова указывают на то, что в отличие от черниговского духовенства, участвовавшего в обороне города, ростовские пастыри и монашествующие не только счастливо избежали гибели и пленения, но и, возможно, были причастны к падению города.

Вместе с тем, стоит отметить тот факт, что на заупокойной службе отсутствовали не только представители знати, но и горожане. Описанное обстоятельство весьма красноречиво говорит о положении дел в Ростове, который, вероятно, подвергся разграблению, в отличие от его храмов, духовенство которых присутствовало на похоронах.

Дискуссионными остаются и вопросы, связанные с первоначальным выбором места захоронения тела великого князя. В историографии до сих пор не рассмотрены причины и мотивы погребения убитого князя Юрия Всеволодовича в Ростове, а не во Владимире, как этого следовало бы ожидать. Действия ростовского епископа могли быть обусловлены разрушением Владимира, в котором не было возможности похоронить князя³². Однако почти два года спустя младший брат Юрия, Ярослав Всеволодович, получивший титул князя владимирского по старшинству, вернул тело Юрия и похоронил его во Владимире³³. Учитывая летописные описания разрушений Владимира, два года – достаточно краткий и недостаточный срок для восстановления центрального собора и возобновления в нем служб. Но очевидно, что это не остановило Ярослава, перенесшего тело князя в свой город³⁴.

Помимо постигшего Владимира разрушения поступок епископа Кирилла мог объясняться множеством причин. Во-первых, нельзя исключить того, что въезд святителя в стольный город для совершения в нем служб без разрешения местного епископа или первенствующего иерарха противоречил церков-

³² Летописи не сохранили известий о конкретных разрушениях, как и о ходе боев в Ростове. Всё это указывает на то, что, вероятнее всего, город сдался без боя. В пользу предложенной версии свидетельствует сообщение о князе Василько. Во время осады Ростова князь Василько с войском был на пути к реке Сить. Его задача заключалась в соединении с силами великого князя владимирского, Юрия. По сути Ростов оставался без защиты.

³³ В 1239 году ростовский епископ уже сопровождал тело князя Юрия во Владимир: «Посла Ярославъ князъ великий . по брата своего Гевргиѧ . в Ростовъ . и привезоша и к Володимірю . и не дошедше ста . изидоша из града противу ѣму. епѣтъ Кирилъ . и Дионисіи архимандритъ. понесоша и в градъ . съ епѣтъ . и игумені . и попове . и черноризци . и не бѣ слышати пѣньѧ в плачи . и велици вопли . плака бо сѧ весь градъ . Володимѣрь по немъ . Ярослав же . и Сѣславъ . и князи Рустии» [57, стб. 467].

³⁴ Первым исследователем, заметившим это был граф М.В. Толстой, отметивший безрассудство князей, «которые не приняли участия в бедствиях северной Руси, издали смотрели на них равнодушно, помышляя единственно о выгодах своего властолюбия» [70, с. 102–103]. А.В. Соловьев полагал, что все действия Ярослава Всеволодовича были продиктованы самостоятельным утверждением за собой титула великого князя и, как следствие, возрождением Северо-восточных земель. Быстрое восстановление разоренных земель ученый связывал с миграцией на территорию, подвластную Ярославу, жителей Южной Руси, гонимых различными бедствиями, происходившими у них на родине. По мнению исследователя, успешная деятельность Ярослава позволила ему с легкостью получить в 1242 году у Батыя в Орде титул «старей всем князем в русском языке». Подробнее, см.: [66, с. 99–101]. Подобное предположение о самоличном присвоении титула как Ярославом Всеволодовичем, а после его смерти и его братом Святославом, предполагал и Ю.В. Кривошеев [31, с. 41–43].

ным правилам. Правда, согласно канонам, Владимир мог быть недосыгаем для ростовского епископа даже при отсутствии в городе епископа³⁵. Однако владимирский архиерей не просто исчез, он погиб, а специальное посольство в Киев в сложившихся условиях выглядит неуместным. К тому же уже в 1240 г., как упоминалось выше, даже в условиях, когда Владимирская кафедра продолжала вдовствовать, а связь с Киевом оказалась еще более трудной, ничто не помешало ростовскому епископу Кириллу возглавить церковное молитвенное сопровождение убитого князя. Вероятно, действия ростовского иерарха оправдывались волей Ярослава Всеволодовича, который, скорее всего, и санкционировал службу Кирилла во Владимире. По всей видимости, в условиях роста самостоятельности городов и земель накануне нашествия, границы епископий были незыблемыми. Однако утверждать, что подобное положение дел сохранялось на Руси и в период русско-монгольской войны, приведшей к исчезновению нескольких епископий и пересмотру принципов старейшинства, не представляется возможным.

Во-вторых, весьма вероятно, что ростовского епископа могла беспокоить сохранность тела Юрия Всеволодовича. Оставлять его в разрушенном городе было опасно. К тому же владимирское белое духовенство, судя по летописным известиям, разделило судьбу своего архипастыря и погибло в пожаре, охватившем город при его штурме. А значит, ухаживать за могилой князя и совершать по нему поминовение было некому. При всей убедительности логических доводов, данная версия видится неправдоподобной.

В-третьих, не исключено, что действия ростовского епископа могли отражать и давнюю борьбу Владимира и Ростова за первенство в этом регионе. Погребение Юрия в Ростове едва ли состоялось бы без согласия местных элит. В итоге в принятом решении усматривается давнее желание ростовской знати укрепить политический статус своего города, а вместе с ним и его кафедры. В представленном контексте решение Ярослава Всеволодовича о возвращении тела Юрия во Владимир видятся логичным ответом на амбиции ростовцев. Однако предложенная выше версия имеет скорее не фактическую, а логическую основу.

В итоге установить мотивы, какими руководствовался епископ Кирилл при погребении тела Юрия Всеволодовича в Ростове, не представляется возможным. Ясно лишь одно: нашествие привело к временной, но существенной дезинтеграции политических и церковных процессов на Руси.

³⁵ Согласно 13 правилу Антиохийского собора, все действия Кирилла во Владимирской епархии даже в условиях вдовствующей кафедры без специального на это призыва или обращения считались бы недействительными [61, с. 73]. Помимо того, согласно 9 правилу того же собора, епископ в подобном случае был обязан руководствоваться мнением своего митрополита [61, с. 69]. Однако в этот период первосвященитель на Руси уже либо отсутствовал, либо общение с ним не представлялось возможным. В складывавшихся условиях участие Кирилла в погребении великого князя во Владимире обладало бы двусмысленностью и могло повлечь осложнение и без того не простых отношений между Ростовом и Владимиром. Однако уже через два года возникшее затруднение было решено. Произшедшие перемены, скорее всего, объяснялись приглашением, последовавшим от преемника Юрия, Ярослава Всеволодовича. Только тогда Кирилл принял участие в переносе останков великого князя в стольный город и совершил там поминальную службу по Юрию.

Тема гибели земли Русской.

О месте духовенства в русско-ордынском противостоянии 30-х – 40-х гг. XIII в. и об отношении к нему со стороны населения можно судить по тому как монашествующие, духовенство и высшие иерархи представлены или не представлены, когда таковое присутствие было бы логичным, в сюжетах, которые можно квалифицировать как образы гибнущей Руси. Наиболее яркими примерами подобных произведений необходимо признать «Слово о гибели Русской земли» и «Повесть о разорении Рязани Батыем». Первое из них, по мнению многих исследователей, было создано приблизительно в период с 1238 по 1246 год, т.е. непосредственно в первые годы после нашествия на Русь, во Владимире, предположительно выходцем из южной Руси³⁶. По мнению Д.С. Лихачева «Слово о гибели...» очень близко одному из отрывков «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского [35, с. 92–96]. Второй памятник древнерусской литературы, по мнению Д.С. Лихачева, должен быть отнесен ко второй половине XIV в. и мог принадлежать ростовскому летописцу [36, с. 9–14]. Несомненно, оба произведения, созданные в разное время, поразному отражали и реалии того времени, рисуя картину событий татаро-монгольского вторжения в диаметрально противоположных цветах. В итоге, в силу обстоятельств своего возникновения они обладали спецификой в оценке участия церкви в русско-ордынском противостоянии. Последнее определено нуждается в отдельном комментарии.

Очевидно, что для северо-восточных земель нашествие стало настоящим потрясением, приведшим в первые годы ордынского господства к катастрофическим последствиям. Прежде всего, это выразилось в колоссальных потерях в среде древнерусских элит, преимущественно знати из числа представителей княжеского рода и его окружения. Потери понесла и церковная среда.

Было бы логичным ожидать, что на фоне разорения значительной части городов (их разрушении или в разграблении) и их святынь, прежде всего церквей, литературные памятники, как и летописные записи, должны были бы отражать в себе скорбные мотивы о гибели и страдании духовенства. Так, в условиях XII в. летописцы очень чутко и остро реагировали на разграбление храмов и монастырей от рук половцев. Однако в «Слово о гибели...» вообще отсутствует какое-либо указание на церковных лиц. Их образов нет рядом с «бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими» [65, с. 27]. В данном памятнике церкви и обители предстают перед читателем частью своего рода культурного и природного ландшафта, неотъемлемым фрагментом живописной картины русской природы. К сожалению, данный феномен обделен вниманием исследователей. Отсутствие образов церковных служителей при перечислении славных князей и бояр можно было бы объяснить обрывочностью самого памятника и возможной непричастностью самого автора к духовному сословию. Однако иные произведения, также вышедшие из-под пера «светских» лиц, Моление Даниила Заточника, Галицко-Волынская летопись и иные, уделяли жизни церкви и ее пастырей не меньшее внимание, чем это делали иноки-летописцы.

³⁶ Продиктовано это текстологическими изысканиями. Подробнее см.: [12, с. 542; 21 с. 351; 69, с. 235–244; 66, с. 109–113; 16, с. 132–142; 47, с. 44–53].

Автором «Слова о погибели...» духовенство оказалось практически незамеченным и не связанным ни с храмами, ни с монастырскими садами, ни со славными защитниками Земли Русской.

Памятник «Повесть о разорении Рязани Батыем» разительно отличается от сюжетов иных летописных сводов и «Слова о погибели...». Он включает в себя как молитвы иерархов церкви, благословлявших князей на борьбу, так и качественно иное восприятие «погибели» Земли Русской и разгром русских дружин³⁷. По мнению составителя памятника, гибель Рязани, а в ее лице и Руси, наступили не вследствие слабости князей, а в силу того, что более не оставалось живых защитников. Правда, при этом очень важно отметить, что появление рассматриваемой повести относится к более позднему периоду, к середине XIV – концу XIV вв., времени начала изменения вектора в отношениях Руси и Орды³⁸. По мере ослабления Сарая и усиления военно-политических центров на Руси церковь стала изменять свое отношение к ханам. Не способствовали улучшению русско-ордынских отношений и господствовавшие в этот период в русских элитах настроения, опасения умаления княжеской власти и установления над Русью непосредственного ханского управления [11, с. 167]. Теперь, в изменившихся условиях, церковь через посредство литературных произведений представляла себя вдохновительницей северо-восточных земель на борьбу с господством Орды. Примерно на эти же годы приходится и появление легенды о благословении преподобным Сергием Радонежским войск Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Летописи ничего о таком благословении не знают³⁹. Само повествование литературного памятника, в отличие от кратких летописных записей, изобилует сюжетами плача и рыдания о стойких защитниках русской земли. Но это слезы середины XIV века. Создававшиеся в

³⁷ В «Повести о разорении Рязани...» содержится молитва рязанского князя: «Князь великий Юрий Ингоревиц, видя братьев своих, и бояр, и воевод, храбро и мужественно гарцюющих <верхом>, воздел руки к небу и со слезами сказал: «Огради нас от врагов наших, Боже, и от восстающих на нас избави нас, и спаси нас от сонма лукавствующих и от множества творящих беззаконие. Да будет путь их темен и скользок!»» [56, с. 52]. Судя по повести, епископ рязанский и весь духовный собор города благословили собиравшегося в поход князя: «[Князь великий Юрий Ингоревиц] плакал много и молился пред образом пречистой Богородицы, и великого чудотворца Николы, и сродников своих Бориса и Глеба. И совершил обряд прощания с великой княгиней Агриппиной Ростиславовной и принял благословение от епископа и от всего священного собора» [56, с. 53]. Однако, по исследованию И.Н. Данилевского, епископа в городе на тот момент не было [29, с. 371]. Исходя из текста повести, брат рязанского князя Юрия, увидев и ужаснувшись последствиям Батыева нашествия, уже знал, что имеет дело с измалтянами, и что близится конец мира: «Великий князь Ингварь Ингоревиц воздел руки к небу, и со слезами воззвал, приговаривая: «Господи Боже мой! На тебя уповаю, спаси меня, и от всех преследующих избавь меня! Пречистая владычица Богородица, мать Христа, Бога нашего! Не оставь меня во время печали моей! Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб! Будьте мне, грешному, помощниками в битвах! О братья мои и господа мои! Помогайте мне во святых своих молитвах <в сражениях> с супостатами нашими — с агарянами, внуками Измаиловыми!»» [56, с. 58].

³⁸ Подробнее о времени, месте создания и авторе «Повести разорения Рязани Батыем» см.: [1, с. 48–52; 27, с. 260–263; 41, с. 257–282]. Текст в многочисленных редакциях, см.: [41, с. 282–405]. Текст повести, вероятно, не рязанского происхождения, имеет некоторые заимствования из летописной записи 941 г., замеченные еще Лихачевым и поддержанные Данилевским [38, с. 50; 14, с. 310].

³⁹ Об обстоятельствах возникновения легенды, см.: [15, с. 11–15].

церковной среде произведения и летописные записи XIII – начала XIV вв. совершенно иначе оценивали место церкви в событиях русско-ордынского противостояния и предпочитали избегать «героизма», предпочитая ему концепцию смиренного принятия «казней Божиих».

* * *

Древнерусское летописание Северо-Восточной Руси, как и иные памятники литературы XIII века, не сохранили в себе детальной оценки действий деятелей церкви в период русско-монгольского противостояния. Их молчание позволяет предположить, что при воссоздании событий прошлого, так или иначе отражавших акты сопротивления Орде, церковь предпочитала дистанцироваться от воюющих сторон. Данная черта проявилась даже при оценке событий 1223 г., отстоявших от времени создания известий о Калкской битве более чем на полвека. Выбранная священной иерархией позиция существенно отличалась от той, какую она занимала прежде, в домонгольское время, например, в отношении половецких набегов. Теперь благодетельственная и примирившаяся с Ордой церковь предпочитала вообще никак не комментировать татаро-монгольское вторжение, рассматривая эти события лишь в контексте концепции «казней Божиих». Единственный летописный сюжет, побуждающий к борьбе, связан с предсмертной речью епископа Митрофана. Однако и он содержится лишь в галицко-волынском летописании, создававшемся при дворе Галицких князей, продолжительный период занимавших в отношении Орды непримиримую позицию. Ситуация изменилась во второй половине XIV в. Именно в эти десятилетия впервые встречается «критическое» восприятие Орды. Однако и в этом случае ни о какой объективности известий о мотивах и особенностях поведения духовенства и церковной иерархии в отношении Орды говорить не приходится. То же касается и летописания. В целом литературные памятники в отношении татаро-монголов и самой церкви чаще содержат весьма размытые формулировки, прославляющие смирение, как это хорошо представляется в истории смерти Владимирского епископа Митрофана, архимандрита Пахомия, игуменов Даниила и Феодосия. Не менее жертвенной была смерть переяславского епископа Семиона. Но на фоне подобных смертей разительно выделяются сюжеты о «спасении» ростовского епископа Кирилла и черниговского епископа Порфирия. В первом случае епископу удалось покинуть город, под предлогом собирания «ратных» для обороны Ростова и отъехать в Белоозеро. Однако в итоге, следов воинов в дальнейшей летописной судьбе Кирилла ростовского не обнаруживается. Во втором случае черниговский епископ был взят татаро-монголами в плен и оставлен в живых. Вероятно, ценой жизни для Порфирия стала определенная договоренность, о целях и задачах которой, можно только догадываться.

Действия и судьбы остальных иерархов остаются неизвестными. Кроме того, южнорусские иерархи, в том числе митрополит Иосиф, в летописном падении Киева и событиях 1239–1240 гг. были попросту не замечены. Вероятно, их действия, как и их образы, по мнению современников, не заслуживали памяти и почитания.

Таким образом, в представлениях современников и ближайших потомков, свидетелей первых десятилетий татаро-монгольского господства на Руси, церковно-ордынские отношения обладали сложным характером. В то время как церковные иерархи по-разному восприняли вторжение, память об этом

прослеживается не только в историях святителей Митрофана и Порфирия, но и в недосказанности относительно судеб многих иных иерархов, в том числе киевского митрополита Иосифа. Однако не вызывает сомнения и тот факт, что церковь приняла господство Орды и соблюдая правила этикета и политического благоразумия предпочитала либо никак не комментировать свои связи с татаро-монгольскими политическими центрами, либо умалчивать о своей позиции в отношении ордынского господства, придав ему смыслы «Казней Божиих».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А.О. Когда «родился» Евпатий Коловрат // Родина. 1997. № 3–4. С. 48–52.
2. Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. СПб.: тип. И.А. Ремезова, 1878. 592 с.
3. Березжов Н.Г. Хронология русского летописания. М.: АН СССР, 1963. 376 с.
4. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. М.: АН СССР, 1960. 488 с.
5. Буланин Д.М. Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: АН СССР, 1987. С. 346–348.
6. Гартман А.В. Хронология похода Батые на Северо-Восточную Русь // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/2, С. 17–21.
7. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Том II: период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М.: Грааль, 1997. 920 с.
8. Голыженков И. Битва на Калке 31 мая 1223 г. М.: Изограф, 1994. 49 с.
9. Горский А.А. Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли»: К 750-летию со времени написания // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 18–38.
10. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Ломоносовъ, 2016. 296 с.
11. Горский А.А. Средневековая Русь. О чём говорят источники. М.: Ломоносовъ, 2016. 216 с.
12. Гудзий Н.К. О «Слове о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1956. Т. 12. С. 527–545.
13. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект Пресс, 1998. 234 с.
14. Данилевский И.Н. Исторические источники XI–XVII вв. // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 171–222.
15. Данилевский И.Н. Как Сергей Радонежский стал героем Куликовской битвы. // Родина. 2014. № 5. С. 11–15.
16. Данилов В.В. «Слово о погибели Рускыя земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. 16. С. 132–142.
17. Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2012. 412 с.
18. Дмитриев Л.А. Слово о погибели Русской земли // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: АН СССР, 1987. Вып. 1. С. 432–434.
19. Дмитриев Я.А. Житийные повести русского Севера как памятник литературы XIII–XVII вв. Л.: Наука, 1973. 304 с.

20. *Доброклонский А.П.* Руководство по Истории Русской Церкви М.: Грааль, 2001. 936 с.
21. *Еремин И.П.* «Слово о погибели Русской земли» // Художественная проза-Киевской Руси XI–XIII веков. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 351–354.
22. *Знаменский П.В.* История русской церкви (уч. рук-во) М.: Грааль, 2000. 462 с
23. История иерархии русской православной церкви / М.Е. Губонин, иссл. группа Ф.А. Гайда. М.: ПСТГУ, 2006. 926 с.
24. *Карамзин Н.М.* История государства российского. М.: Наука, 1991. Т. 3. 828 с.
25. *Карташев А.В.* Собрание сочинений: В 2 т.: Т. 1.: Очерки по истории русской церкви. М.: ТЕРРА, 1992. 686 с.
26. *Клосс Б.М.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники: 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 5–13.
27. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития как исторический источник. М.: Тип. Грачева и комп., 1871. 479 с.
28. *Комарович В. Л.* Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. Литература 1220-х – 1580-х гг. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 75–77.
29. Комментарии // Памятники общественной мысли Древней Руси / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 343–651.
30. Краткое упоминание битвы на Калке во «Втором продолжении (анналов Мелька) Клостернойбурга» // *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Аналогия ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 133–134.
31. *Кривошеев Ю.В.* Русская средневековая государственность. СПб.: СПбГУ, 2008. 131 с.
32. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Сборник научных трудов. М., 1990. Ч. 1. С. 15–69.
33. *Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство, 2000. 152 с.
34. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М, Л.: АН СССР, 1947. 499 с.
35. *Лихачев Д.С.* Слово о погибели русской земли и «шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. М., Л.: Наука, 1966. С. 92–96.
36. *Лихачев Д. С.* Вступительная статья / Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худ. Лит., 1981. С. 9–14.
37. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Л., 1987. Т. 2. 342 с.
38. *Лихачев Д.С.* К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археографический ежегодник за 1962 год: (к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова). М.: АН СССР, 1963. С. 48–51.
39. *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР 1949. Т. 7. С. 17–51.
40. *Лихачев Д.С.* Литература Новгорода XIV–XV вв. // История русской литературы. Литература 1220-х – 1580-х гг. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 263–264.
41. *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. Л.: Наука 1949. Т. 7. С. 257–406.
42. *Лурье Я.С.* Лаврентьевская летопись – свод начала XV века // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. 29. С. 50–67.
43. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 285 с.

44. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: история Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240). Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.
45. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 704 с.
46. Малицкий П.И. Руководство по истории русской церкви. Изд. 4. М.: Грааль, 2010. 464 с.
47. Мецкерский Н.А. К реконструкции текста "Слова о погибели Рускыя земли" // Вестник ЛГУ. № 14. Серия истории, языка и литературы, 1963. Вып. 3. С. 44–53.
48. Мининкова Л.В. Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях / под ред. д.и.н. П.И. Гайдено. СПб.: К. Костромин, Т. 4. С. 18–30.
49. Миргалеев И.М. Правление Токтамыш-хана // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 706–712.
50. Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 368 с.
51. Пацуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 280 с.
52. Пацуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 210–227.
53. Пацуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л.: Институт истории, 1950. 333 с.
54. Письмо грузинского амирспасалара Иванэ папе Гонорию III // Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 127–129.
55. Письмо грузинской королевы Русудан папе Гонорию III // Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 124–126.
56. Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники общественной мысли Древней Руси / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 51–60.
57. Полное собрание русских летописей: Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
58. Полное собрание русских летописей: Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 648 с.
59. Полное собрание русских летописей: Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2001. 720 с.
60. Порфиридов Н.Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. М.; Л.: АН СССР, 1947. 307 с.
61. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-истрийского. Т. 2. СПб.: Типография М.Меркушева, 1912. 639 с.
62. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М: Квадрига. 2009. 248 с.
63. Свердлов М.Б. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. № 2. Вып. 1. Л., 1963. С. 139–144.
64. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подгот. текстов и иссл. Н.В. Рамазановой. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. 392 с.

65. Слово о гибели Русской земли // Памятники общественной мысли Древней Руси. / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 27.
66. Соловьев А.В. Заметки к "Слову о гибели Русских земли" // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 15. 523 с.
67. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Л–П. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1902. Т. 2. 919 с.
68. Татищев В.Н. История российская. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 3. 340 с.
69. Тихомиров М.Н. Где и когда было написано «Слово о гибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. 8. С. 235–244.
70. Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991. 726 с.
71. Трактат Цезария из Гейстербаха «Диалог о чудесах» // Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 134–135.
72. Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. Период 2. Монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии (1236–1410). 5-ое изд. М.: Тип. Волчанинова, 1888. 840 с.
73. Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб.: Русская симфония, 2008. 760 с.
74. Флоря Б.Н. Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М.: Индрик, 2014. 432 с.
75. Фома Сплитский История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997. 320 с.
76. Фрагмент из «Хроники» нотариуса Риккардо из Сан Джермано // Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории АН РТ, 2015. С. 131–133.
77. Хара-Даван Э. Чингис хан: эссе / сост. М. Галеев. Казань: Татар. Кн. Изд-во, 2008. 351 с.
78. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Анатология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. 496 с.
79. Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетия. Киев: Университетская типография, 1878. 225 с.
80. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л.: АН СССР, 1938. 374 с.
81. Щапов Я.Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 233 с.
82. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1771. Т. 2. 668 с.
83. Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб.: Синодальная Типография, 1908. 442 с.
84. Viekoslav Klaic. Poviesti Hrvata. Zagreb: Lav. Hartmana, 1899. 318 p.

Сведения об авторе: Тэймур Рустэмович Галимов – аспирант Казанского государственного архитектурно-строительного университета (420043, ул. Зеленая, 1, Казань, Российская Федерация). E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Поступила 11.01.2017 г.
Принята к публикации 5.03.2017 г.

**HIERARCHY OF THE RUSSIAN CHURCH AND RELATIONS
BETWEEN THE HORDE AND THE RUSSIAN CHURCH
DURING THE TATAR-MONGOL INVASION OF 1237–1240
ACCORDING TO CONTEMPORARY ESTIMATES**

T.R. Galimov

*Kazan State University of Architecture and Engineering
420043 Kazan, Russian Federation
E-mail: galimov_t_r@mail.ru*

Objective: The author analyzes activities of the Russian church and its supreme hierarchs during the most active period of the Russian-Horde conflict (1237–1240).

Materials: Old Russian chronicles and tales remain the main source of information on the activities of the church hierarchy during the military-political confrontation between Russian principalities and the Horde. As it has been shown by studies of recent years, complex of scenes depicting the struggle against the invaders is not so clear, as it was considered to be in the national historiography for many decades. This observation allows a new reading of the reports on church life in Rus' during the most acute phase of Russian-Horde war.

Results and novelty of the research: Events of 1237–1240 led to a fundamental change in the existing situation in Rus'. This concerned not only the power but also religious institutions. The results of this study suggest that behavior of church hierarchs became the main cause of changes in the socio-political and economic spheres of ancient Russian ecclesiastical organization. The church accepted the rule of the Horde over Rus' and the Horde benefits and awards reinforced the higher clergy's loyalty to the khans' power. This circumstance required the church to declare its stance in respect to the new power. As a result, the need for accepting existing relations between the church and the Horde found its justification in the concept of "Plagues of God". Such an ideological justification removed conquerors' responsibility for the ills that befell Rus' and justified contacts between the church and the Horde. Old Russian sources do not provide direct estimates of the prelates' behavior. But reading of the chronicle reports leave the impression that contemporaries assessed the behavior of the church quite ambiguously and probably reprehensibly.

Keywords: relations between the Russian Church and the Horde, hierarchs of ancient Rus', battle on the Kalka river, Batu Khan's invasion of Rus', Bishop of Vladimir Mitrofan, Bishop of Chernigov Porphyry, Bishop of Rostov Kirill, history of Russian church.

For citation: Galimov T.R. Hierarchy of the Russian Church and Relations between the Horde and the Russian Church during the Tatar-Mongol Invasion of 1237–1240 according to Contemporary Estimates. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 29–55. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55

REFERENCES

1. Amel'kin A.O. Kogda «rodilsya» Evpatiy Kolovrat [When Evpatiy Kolovrat "Was Born"]. *Rodina* [Homeland]. 1997, no. 3–4, pp. 48–52. (In Russian)
2. Barsov T. *Konstantinopol'skiy patriarch i ego vlast' nad Russkoyu tserkov'yu* [Patriarch of Constantinople and His Authority over the Russian Church]. St. Petersburg, Tipografiya I.A. Remezova, 1878. 592 p. (In Russian)
3. Berezhev N.G. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Russian Chronicles' Chronology]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1963. 376 p. (In Russian)
4. Budovnits I.U. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Drevney Rusi XI–XIV vv* [Social and Political Thought of Ancient Rus' in the 11th–14th centuries]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 488 p. (In Russian)

5. Bulanin D.M. Povest' o bitve na Kalke [Tale about the Battle of Kalka]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Vocabulary of Scribes and Literary Culture of Ancient Rus'. Iss. 1 (11th – first half of the 14th centuries)]. St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1987, pp. 346–348. (In Russian)
6. Gartman A.V. Khronologiya pokhoda Batyya na Severo-Vostochnuyu Rus' [Chronology of Batu's Campaign against North-Eastern Rus']. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Altai State University], no. 4/2, 2008, pp. 17–21. (In Russian)
7. Golubinskiy E.E. *Istoriya russkoy tserkvi. Tom II: period vtoroy, Moskovskiy ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vklyuchitel'no* [History of the Russian Church. Vol. II: The Second Period, the Moscow Period from the Mongol Invasion to the Metropolitan Macarius Inclusively]. Moscow, Grail Publ., 1997. 920 p. (In Russian)
8. Golyzhenkov I. *Bitva na Kalke 31 maya 1223 g.* [The Battle of Kalka on May 31, 1223]. Moscow, Izograf Publ., 1994. 49 p. (In Russian)
9. Gorsky A.A. Problemy izucheniya "Slova o pogibeli Ruskoy zemli": K 750-letiyu so vremeni napisaniya [Problems of Studying the "Word of the Destruction of the Russian Land": To 750th Anniversary of Its Writing Time]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1990. Vol. 43. pp. 18–38. (In Russian)
10. Gorsky A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Lomonosov Publ., 2016. 296 p. (In Russian)
11. Gorsky A.A. *Srednevekovaya Rus'. O chem govoryat istochniki* [Medieval Russia. What Sources Say]. Moscow, Lomonosov Publ., 2016. 216 p. (In Russian)
12. Gudziy N.K. O «Slove o pogibeli Ruskoy zemli» [On the "Word of the Destruction of the Russian Land"]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Moscow, St. Petersburg, USSR Academy of Sciences Publ., 1956. Vol. 12. pp. 527–545. (In Russian)
13. Danilevskiy I.N. *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)* [Ancient Russia through the Eyes of Contemporaries and Descendants (9th–12th centuries)]. Moscow, Aspekt Press, 1998. 234 p. (In Russian)
14. Danilevskiy I.N. Istoricheskie istochniki XI–XVII vv. [Historical Sources of the 11th–17th centuries]. *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii: Ucheb. posobie* [Source Study: Theory. History. Method. Sources of Russian History: Study Guide]. I.N. Danilevskiy, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rummyantseva (eds.). Moscow, Russian state. humanit. univ., 1998. pp. 171–222. (In Russian)
15. Danilevskiy I.N. Kak Sergiy Radonezhskiy stal geroem Kulikovskoy bitvy [How Sergius of Radonezh Became a Hero of the Battle of Kulikovo Field]. *Rodina* [Homeland]. 2014, no. 5, pp. 11–15. (In Russian)
16. Danilov V.V. "Slovo o pogibeli Ruskoy zemli" kak proizvedenie khudozhestvennoe [The "Word of the Destruction of the Russian Land" as a Work of Art]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Moscow, St. Petersburg, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. Vol. 16. pp. 132–142. (In Russian)
17. Dvornichenko A.Yu., Krivosheev Yu.V., Sokolov R.A., Shaposhnik V.V. *Russkoe pravoslavie: ot kreshcheniya do patriarshestva* [Russian Orthodoxy: From Baptism to the Patriarchate]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2012. 412 p. (In Russian)
18. Dmitriev L.A. Slovo o pogibeli Ruskoy zemli [The Word of the Destruction of the Russian Land]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 1 (XI – pervaya polovina XIV v.)* [Vocabulary of Scribes and Literary Culture of Ancient Rus'. Iss. 1 (11th – first half of the 14th centuries)]. St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1987, Iss. 1, pp. 432–434. (In Russian)

19. Dmitriev Ya.A. *Zhitiynye povesti russkogo Severa kak pamyatnik literatury XIII–XVII vv.* [Hagiographical Tales of the Russian North as a Monument of Literature of the 13th–17th centuries.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1973. 304 p. (In Russian)
20. Dobroklonskiy A.S. *Rukovodstvo po Istorii Russkoy Tserkvi* [Guide for the Russian Church History]. Moscow, Graal Publ., 2001. 936 p. (In Russian)
21. Eremin I.P. «Slovo o pogibeli Russkoy zemli» [“The Word of the Destruction of the Russian Land”]. *Khudozhestvennaya proza Kievskoy Rusi XI–XIII vekov* [Narrative Prose of Kievan Rus’ of the 11th–13th centuries]. Moscow, State publishing fiction literature, 1957, pp. 351–354. (In Russian)
22. Znamenskiy S.V. *Istoriya russkoy tserkvi (uch. ruk-vo)* [History of the Russian Church (study guide)]. Moscow, Graal Publ., 2000. 462 p. (In Russian)
23. *Istoriya ierarkhii russkoy pravoslavnoy tserkvi* [History of the Russian Orthodox Church Hierarchy]. Moscow, E. Gubonin, research gr. of F.A. Gayd. Moscow, St. Tikhon Orthodox State University Publ., 2006. 926 p. (In Russian)
24. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva rossiyskogo* [History of the Russian State]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Vol. 3. 828 p. (In Russian)
25. Kartashev A.V. *Sobranie sochineniy: v 2 t. T. 1: Ocherki po istorii russkoy tserkvi* [Collected Works: In 2 vols. Vol. 1: Essays on the History of the Russian Church]. Moscow, TERRA Publ., 1992. 686 p. (In Russian)
26. Kloss B.M. V.N. Tatishchev i nachalo izucheniya russkikh letopisey [V.N. Tatischev and Commencement of Examination of Russian Chronicles]. *Letopisi i khroniki: 1980 g.* [Annals and Chronicles: 1980]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 5–13. (In Russian)
27. Klyuchevskiy. V.O. *Drevnerusskie zhitiya kak istoricheskiy istochnik* [Ancient Russian Hagiographies as a Historical Source]. Moscow, Tipografiya Gracheva and comp., 1871. 479 p. (In Russian)
28. Komarovich V.L. Literatura Ryazanskogo knyazhestva XIII–XIV vv. [Ryazan Principality’s Literature of the 13th–14th centuries]. *Istoriya russkoy literatury. Literatura 1220-kh – 1580-kh gg.* [History of the Russian Literature. Literature of the 1220’s –1580’s]. Moscow, St. Petersburg, 1945, Vol. 2, part 1, pp. 75–77. (In Russian)
29. Kommentarii [Commentaries]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus’]. Sost., avtor vstup. st. i komment. I.N. Danilevskiy. Moscow, ROSSPEN, 2010, Vol. 2, pp. 343–651. (In Russian)
30. Kratkoe upominanie bitvy na Kalke vo «Vtorom prodolzhenii (annalov Mel’ka) Klosternoyburga» [A Brief Mention of the Battle of Kalka in Continuatio Claustroburgensis secunda]. Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany» Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tatara-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 133–134. (In Russian)
31. Krivosheev Yu.V. *Russkaya srednevekovaya gosudarstvennost’* [Russian Medieval Statehood]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008. 131 p. (In Russian)
32. Kuchkin V.A. Mongolo-tatarskoe igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII – pervaya chetvert’ XIV v.) [The Mongol-Tatar Yoke Highlighted by the Scribes of Ancient Rus’]. *Russkaya kul’tura v usloviyakh inozemnykh nashestviy i voyn. Sbornik nauchnykh trudov.* [Russian Culture in Conditions of Foreign Invasions. Collection of Research Papers]. Moscow, 1990, part 1, pp. 15–69. (In Russian)
33. Lazarev V.N. *Russkaya ikonopis’ ot istokov do nachala XVI veka* [Russian Iconography from the Origin till the beginning of the 16th century]. Moscow, Iskusstvo, 2000. 152 p. (In Russian)
34. Likhachev D.S. *Russkie letopisi i ikh kul’turno-istoricheskoe znachenie* [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Meaning]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1947. 499 p. (In Russian)

35. Likhachev D.S. Slovo o pogibeli russkoy zemli i «shestodnev» Ioanna Ekzarkha Bolgarskogo [The Word of the Destruction of the Russian Land and “Shestodnev” by Exarch Ioann the Bulgarian]. *Russko-evropeyskie literaturnye svyazi* [Literature Connections between Russia and Europe]. Moscow, St.Petersburg, Nauka Publ., 1966. pp. 92–96. (In Russian)
36. Likhachev D.S. Vstupitel'naya stat'ya [An Introductory Article]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: XIII vek* [Monuments of the Ancient Rus' Literature: 13th century]. Moscow, Fiction Lit., 1981, pp. 9–14. (In Russian)
37. Likhachev D.S. *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevney Rusi* [Great Legacy. Classic Works of the Ancient Rus' Literature]. St.Petersburg, 1987. Vol. 2. 342 p. (In Russian)
38. Likhachev D.S. K istorii slozheniya «Povesti o razorenii Ryazani Batyem» [To the History of Compilation of the “Tale of the Destruction of Ryazan Land by Batu”]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1962 god: (k 70-letiyu akad. M.N. Tikhomirova)* [Archaeological Annual for 1962: To 70th anniversary of academician M.N. Tikhomirov]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1963, pp. 48–51. (In Russian)
39. Likhachev D.S. Letopisnye izvestiya ob Aleksandre Popoviche [Chronicle Records of Aleksandr Popovich]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Moscow, St.Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949, Vol. 7, pp. 17–51. (In Russian)
40. Likhachev D.S. Literatura Novgoroda XIV–XV vv. [Novgorod's Literature of the 14th–15th centuries]. *Istoriya russkoy literatury. Literatura 1220-kh – 1580-kh gg* [History of the Russian Literature. Literature of the 1220's – 1580's]. Moscow, St.Petersburg, 1945, Vol. 2, part 1, pp. 263–264. (In Russian)
41. Likhachev D.S. Povesti o Nikole Zarazskom [Tales about Nikola Zarazsky]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka publ., 1949, vol. 7, pp. 257–406. (In Russian)
42. Lur'e Ya.S. Lavrent'evskaya letopis' – svod nachala XV veka [Laurentian Chronicle – Svod of the beginning of the 15th century]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1974, vol. 29, pp. 50–67. (In Russian)
43. Lur'e Ya.S. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv* [All-Russian Chronicles of the 14th–15th centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1976. 285 p. (In Russian)
44. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi: istoriya Russkoy Tserkvi v period sovershennoy zavisimosti ee ot konstantinopol'skogo patriarkha (988–1240). Kn. 2.* [History of the Russian Church: History of the Russian Church during Its Complete Dependence on the Patriarch of Constantinople (988–1240). Book 2] Moscow, Publishing house of the Holy-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1995. 704 p. (In Russian)
45. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi: Istoriya Russkoy Tserkvi v period postepen'nogo perekhoda ee k samostoyatel'nosti (1240–1589). Kn. 3.* [History of the Russian Church: History of the Russian Church during Its Gradual Transition to Independence (1240–1589). Book 3] Moscow, Publishing house of the Holy-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1996. 704 p. (In Russian)
46. Malitskiy P.I. *Rukovodstvo po istorii russkoy tserkvi* [Guide for the Russian Church History]. Ed. 4. Moscow, Graal Publ., 2010. 464 p. (In Russian)
47. Meshcherskiy N.A. K rekonstruktsii teksta "Slova o pogibeli Ruskyya zemli" [To Reconstruction of the Text of the “Word on the Destruction of the Russian Land”]. *Vestnik LGU. № 14. Seriya istorii, yazyka i literatury* [Bulletin of Leningrad State University. No. 14. Series of History, Language and Literature], 1963, Is. 3, pp. 44–53. (In Russian)
48. Mininkova L.V. Dar v traditsii domongol'skoy Rusi: kul'turno-simvolicheskoe napolnenie i politicheskoe soderzhanie [Gift in the Tradition of pre-Mongol Rus': Cultural and Symbolic Content and Political Meaning]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus': In Time, in Persons, in Ideas]. Pod red. d.i.n. P.I. Gaydenko. St. Petersburg, K. Kostromin, vol. 4, pp. 18–30. (In Russian)

49. Mirgaleev I.M. *Pravlenie Toktamysh-khana* [The Reign of Khan Toqtamish]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. V semi tomakh. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatar from Ancient Times. In Seven Volumes. Vol. 3: Juchid Ulus (Golden Horde). 13th – mid-15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 706–712. (In Russian)
50. Musin A.E. *Milites Christi Drevney Rusi* [Milites Christi of Ancient Rus]. *Voinskaya kul'tura russkogo srednevekov'ya v kontekste religioznogo mentaliteta* [War culture of Russian medievalin correlation with religious mentality]. St. Petersburg, St. Petersburg's orientalism Publ., 2005. 368 p. (In Russian)
51. Pashuto V.T. *Geroicheskaya bor'ba russkogo naroda za nezavisimost'* (XIII v.) [Heroic Battle of Russian People for Independence]. Moscow, State Publishing House political literature Publ., 1956. 280 p. (In Russian)
52. Pashuto V.T. *Mongol'skiy pokhod v glub' Evropy* [The Mongol Invasion deep into Europe]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [The Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow, 1977. pp. 210–227 (In Russian)
53. Pashuto V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Historical Sketches about Galicia-Volhynian Rus']. Moscow, St. Petersburg, Institute of history Publ., 1950. 333 p. (In Russian)
54. *Pis'mo gruzinskogo amirspasalara Ivane pape Gonoriyu III* [A Letter of Georgian amirspasalar Ivane to Pope Honorius III]. Hautala Roman. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. *Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 127–129 (In Russian)
55. *Pis'mo gruzinskoy korolevy Rusudan pape Gonoriyu III* [A Letter of Georgian Queen Rusudan to Pope Honorius III]. Hautala Roman. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. *Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 124–126. (In Russian)
56. *Povest' o razorenii Ryazani* Batyem [Tale on the Destruction of Ryazan Land by Batu]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus']. Sost., avtor vstup. st. i komment. I. N. Danilevskiy. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, Vol. 2, pp. 51–60. (In Russian)
57. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Moscow, Russian culture languages, 2001. 496 p. (In Russian)
58. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypathian Chronicle]. Moscow, Russian culture languages, 2001. 648 p. (In Russian)
59. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Novgorodskaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3: Novgorod Chronicle of Elder and Younger Recensions]. Moscow, Russian culture languages, 2001. 720 p. (In Russian)
60. Porfiridov N.G. *Drevniy Novgorod. Ocherki iz istorii russkoy kul'tury XI–XV vv.* [Ancient Novgorod. Essays on the History of Russian Culture of the 11th–15th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1947. 307 p. (In Russian)
61. *Pravila Pravoslavnoy tserkvi s tolkovaniyami Nikodima, episkopa Dalmatinsko-istriyskago*. Vol. 2 [Rules of Orthodox Church in Interpretation of Nikodim, Bishop of Dalmatia and Istria.]. St. Petersburg, Tipografiya of M. Merkushev, 1912. 639 p. (In Russian)
62. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv* [The Mongol-Tatars through the Eyes of Old Russian Scribes of the 13th–15th centuries]. Moscow, Kvadriga, 2009. 248 p. (In Russian)

63. Sverdlov M.B. K voprosu o letopisnykh istochnikakh «Povesti o bitve na Kalke» [To the Question of Chronicle Sources of the “Tale about the Battle of Kalka”]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. Is. 1 [Bulletin of Leningrad State University. Series of History, Language and Literature]. St. Petersburg, 1963, pp. 139–144. (In Russian)

64. *Svyatye russkie rimlyane: Antoniy Rimlyanin i Merkuriy Smolenskiy* [Saint Russian Romans: Antony the Roman and Mercury of Smolensk]. Podgot. tekstov i issl. N.V. Ramazanovoy. St. Petersburg, «Dmitriy Bulanin», 2005. 392 p. (In Russian)

65. Slovo o pogibeli Russkoy zemli [Tale about the Destruction of the Russian Land]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus’]. Sost., avtor vstup. st. i komment. I. N. Danilevskiy. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, vol. 2, p. 27. (In Russian)

66. Solov'ev A. V. Zametki k "Slovu o pogibeli Ruskoy zemli" [Notes to the “Tale about the Destruction of the Russian Land”]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. Vol. 15. 523 p. (In Russian)

67. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. L–S* [Materials for Vocabulary of Ancient Russian Language according to Written Monuments. L–S]. St. Petersburg, Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1902. Vol. 2. 919 p. (In Russian)

68. Tishchev V.N. *Istoriya rossiyskaya* [Russian History]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 1964. Vol. 3. 340 p. (In Russian)

69. Tikhomirov M.N. Gde i kogda bylo napisano "Slovo o pogibeli Russkoy zemli" [Where and When the “Tale of the Destruction of the Russian Land” Was Written]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian literature], Moscow, St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1951. Vol. 8. pp. 235–244. (In Russian)

70. Tolstoy M.V. *Rasskazy iz istorii russkoy tserkvi* [Stories from the History of Russian Church]. Moscow, Spaso-Preobrazhenskiy Valaamsky monastery Publ., 1991. 726 p. (In Russian)

71. *Traktat Tsezariya iz Geysterbakha «Dialog o chudesakh»* [Caesarius of Heisterbach’s Treatise “Dialogus miraculorum”]. Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. *Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 134–135. (In Russian)

72. Filaret (Gumilevskiy), archbis. *Istoriya Russkoy Tserkvi. Period 2. Mongol'skiy. Ot opustosheniya Rossii mongolami do razdeleniya mitropolii (1236–1410) 5-oe izd.* [History of the Russian Church. Period 2. The Mongol Period. From Devastation of Russia by the Mongols till Separation of Metropolia (1236–1410). 5th edition]. Moscow, Tipografiya Volchaninova, 1888. 840 p. (In Russian)

73. Filaret (Gumilevskiy), archbis. *Russkie svyatye, chtimye vseyu tserkov'yu ili mestno* [Russian Saints, Worshipped by Overall Church or Locally]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya Publ., 2008. 760 p. (In Russian)

74. Florya B.N. *Obshchestvennaya mysl' v Rossii i drugikh slavyanskikh stranakh v epokhu razvitogo srednevekov'ya* [Social Thought in Russia and Other Slavic Countries in the Late Middle Ages]. Moscow, Indrik Publ., 2014. 432 p. (In Russian)

75. Thomas the Archdeacon. *Istoriya arkhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Bishops of Salona and Split]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 320 p. (In Russian)

76. *Fragment iz «Khroniki» notarius Rikkardo iz San Dzhermano* [Fragment from “Chronicle” by notary Riccardo of San Germano]. Hautala Roman. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. *Anatologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology

gy of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 131–133. (In Russian)

77. Khara-Davan E. *Chingis khan: esse* [Chinggis Khan: An Essay]. Comp. M. Galeev. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2008. 351 p. (In Russian)

78. Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa Satany»*. Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 496 p. (In Russian)

79. Khrushchov I.P. *O drevnerusskikh istoricheskikh povestyakh i skazaniyakh XI–XII stoletiya* [About Old Russian Historical Narratives and Tales of the 11th–12th centuries]. Kyiv, University typografiya, 1878. 225 p. (In Russian)

80. Shakhmatov A.A. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv* [Review of Russian Chronicle Svods of the 14th–16th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya nauk SSSR Publ., 1938. 374 p. (In Russian)

81. Shchapov Ya.N. *Gosudarstvo i Tserkov' Drevney Rusi X–XIII vv* [State and Church of Ancient Rus' of the 10th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 233 p. (In Russian)

82. Shcherbatov M.M. *Istoriya rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1771. Vol. 2. 668 p. (In Russian)

83. Yablonskiy V. *Pakhomiy Serb i ego agiograficheskie pisaniya* [Pakhomiy the Serb and His Hagiographic Writings]. St. Petersburg, Synodal typografiya 1908. 442 p. (In Russian)

84. Viekoslav Klaic. *Poviesti Hrvata* [Hrvat's Stories]. Zagreb, Lav. Hartmana Publ., 1899. 318 p.

About the author: Teymur R. Galimov – Postgraduate student, Kazan State University of Architecture and Engineering (1, Zelenaya Str., Kazan 420043, Russian Federation). E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Received January 11, 2017

Accepted for publication March 05, 2017

УДК 94=00(1-4)(=11/=8)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.56-73

МНОГОЯЗЫЧИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Иштван Вашари

*Университет им. Лоранда Этвеша
Н-1053, Будапешт, Венгрия
E-mail: hulagu@t-online.hu*

Цель: рассмотреть языковые и культурные взаимодействия в Золотой Орде.

Материалы исследования: автор в статье опирается на различные документальные и нарративные источники, нумизматические материалы, приобщает сведения российских и западных историографов и осуществляет сравнительные исследования, касающиеся вопросов языкового и культурного взаимодействия в Золотой Орде.

Результаты и научная новизна: Представленные темы рассматриваются на примере двух западно-монгольских государств: Золотой Орды и государства Ильханов на территории Ирана. Автор определяет временные рамки исследования до середины XIV века. В результате своего исследования автор приходит к выводу, что несмотря на то, что монгольский язык и письмо стали официальным средством общения в империи, он никогда не заменял и не вытеснял местные языки, так как образовавшаяся империя была мультикультурной, и завоеватели в ней составляли языковое меньшинство. А отставание Золотой Орды от Ирана в процессе исламизации автором объясняется тем, что большинство завоеванного там тюркского населения (за исключением территорий волжских булгар) еще не подверглось или лишь поверхностно подверглось исламизации; в то время как в Иране ислам уже в течение веков был органической частью исламской цивилизации, поэтому здесь культурная и религиозная ассимиляция находившихся в меньшинстве завоевателей проходила гораздо быстрее. Научная новизна статьи опирается на выводы автора о том, что несмотря на то, что монголы и стали мусульманами, они еще в течение долгого времени не могли, да и не хотели, отказываться от многих традиций и привычек своих предков. Они сохраняли существенные элементы монгольской религиозной и правовой системы Ясы, освященной основателем Чингиз-ханом. В первую очередь, у так называемой «золотой ветви» (*altan uru*) династии Чингиза сохранились претензии на универсальное мировое владычество, которые долгое время оставались в силе и после падения монгольских государств-наследников в XIV веке.

Ключевые слова: история, культура, религия, Золотая Орда, Иран, Монгольская империя, языковая ситуация.

Для цитирования: Вашари И. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 56–73. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.56-73

Следствием монгольских завоеваний было образование к середине XIII века крупнейшей из известных в истории евразийских империй. После избрания Чингиза ханом всего монгольского мира и объединения в 1206 году монгольских племен, с территории Монголии выступила армия, состоявшая из воинов-кочевников и представлявшая собой невиданную по мощи боевую машину, которая всего за два поколения (то есть к 60-м годам XIII столетия) создала

огромную империю, простиравшуюся по всему евразийскому континенту от Китая до Карпат. В течение долгого времени исторические исследования сосредотачивались, в основном, на военных событиях монгольских завоеваний, и в большинстве работ акцент делался на катастрофические разрушения, причиненные нашествием монголов практически во всех странах и обществах Евразии. Однако позднее пришло понимание того, что всякое завоевание, после первых разрушений, может оказать на общество и положительное влияние и, объединив в один политический организм самые разнообразные народы, языки и культуры, выступить катализатором политического, экономического и культурного обмена между различными цивилизациями. Такие процессы в мировой истории происходили в больших империях и в период эллинизма, и в Римской империи, а в Новое время – в Британской и Российской империях.

В последние десятилетия явления глобализма и мультикультурализма породили новый подход, в рамках которого самые современные события сопоставляются с аналогиями из прошлого, например, из Средних веков. Естественно, что на этом фоне резко возрос интерес к монгольским завоеваниям и к той эпохе, в которой часто искали и ищут средневековый прообраз современного глобализма. Во втором издании 2007 года своей прекрасной монографии «Монголы» («The Mongols»), Дэвид Морган посчитал нужным добавить к содержанию изначального издания 1986 года еще одну главу «Империя монголов после 1985 года» («The Mongol Empire since 1985») [33, p. 181–206], в которой он указывает на скачкообразные изменения в исследованиях Монгольской империи, сопровождая главу подробной библиографией. Нет числа монографиям и статьям на эту тему, которые основываются на отличных научных исследованиях, не говоря уже о более популяризаторских, но также безупречных работах. Книгам о Чингиз-хане обеспечен успех на западном книжном рынке, несмотря на то что такие книги в последние годы выходят десятками.

Только за последние десять лет мы можем упомянуть следующие названия конференций и книг: «Кросс-культурные контакты и обмены до Нового времени» (1993) [16], «Товары и обмен в Монгольской империи» (1997) [11], «Евразийские кочевники как посредники культурных перемен» (2006)¹, «Чингисхан: анализ мировой системы и преиндустриальная глобализация» (2013) [29], «Мобильность и трансформации: экономические и культурные обмены в монгольской Евразии» (2014)².

Сравнительные исследования, упомянутые в заголовке статьи, будут рассматриваться нами на примере двух западно-монгольских государств: Золотой Орды и государства Ильханов на территории Ирана. Нам кажется целесообразным сразу же определить временные и территориальные рамки нашего исследования. Уже с самого начала единство громадной империи от Китая до Карпатского бассейна было фиктивным, так как сам Чингиз-хан, а затем и его наследники, великие ханы, управлявшие империей из центра в Монголии, лишь сакрально и юридически объединяли ее части, в которых с самого начала функции хана исполняли наследники Чингиза, формально и юридически подчиненные великому хану. Однако после смерти в 1259 году внука Чингиз-

¹ *Eurasian Nomads as Agents of Cultural Change*. Symposium organized by the Institute of Advanced Studies, The Hebrew University of Jerusalem, Givat Ram Campus, 5–8 June 2006.

² *Mobility and Transformations: Economic and Cultural Exchange in Mongol Eurasia*. Conference convoked by the Hebrew University of Jerusalem, June 29th – July 1st, 2014.

хана, хана Мунке (все еще признаваемого в качестве великого хана в каждом отдельном улусе), в ходе борьбы за трон между Арик-Букой и Хубилаем империя фактически раскололась на четыре части. На востоке Монголией и Китаем правил носитель титула великого хана, Хубилай, который вскоре перенес свой трон из Монголии в Китай и стал первым императором Юань, династии монгольского происхождения. Территория нынешней Средней Азии (весь Восточный и Западный Туркестан) попала под владычество другого сына Чингиз-хана, Чагатая. После более ранних монгольских нападений и набегов, историческая территория Ирана (современный Афганистан, Южный Кавказ и территория Багдадского халифата в Месопотамии) оказалась, наконец, под властью монголов только в 1258 году вследствие кровавого завоевания и разорения Багдада и перешла под управление внука Чингиз-хана, Хулагу. И, наконец, в 1241–1242 годах, после западного военного похода (который в Венгрии известен как «Татарское нашествие»), на огромных степных просторах от озера Балхаш до Карпатского бассейна сложилась империя, которая позднее получила название Золотой Орды в русской и европейской специальной литературе.

Первый период существования обоих осколков Монгольской империи продолжался более столетия. В Золотой Орде он длился до смерти в 1359 году последнего хана из рода Батыя, Бердибека. После чего, в результате двадцатилетней борьбы за трон и анархии, к власти пришли представители другой ветви Чингизидов, хотя дальнейший распад Золотой Орды на Казанское и Крымское ханства и Большую Орду произошел только в XV веке. В монгольском Иране наследники Хулагу, ильханы, правили до 1335 года. Затем наступил период анархии, длившийся десятилетия, и, наконец, к власти пришла династия Джалаиридов, также монгольского происхождения, которые, однако, не являлись Чингизидами. С указанной выше точки зрения, в данной работе рассматриваются оба монгольских государства до середины XIV века.

Естественно, официальным языком на завоеванных территориях Монгольской империи – в Китае, Средней Азии, Иране и в Золотой Орде, – стал *монгольский*. Однако не стоит забывать о том, что в начале XIII века монгольская письменность была еще очень молода и возникла для обслуживания административных нужд формирующейся империи. Известно, что только туркестанские уйгуры мирно подчинились Чингиз-хану в 1206 году. Уйгуры в то время были самым культурным народом Внутренней Азии и уже в течение нескольких веков имели собственную письменность на основе тюркского языка. Монголы переняли письменность у уйгуров, и уйгурские книжники помогли адаптировать эту письменность к монгольскому языку. Так называемое уйгурско-монгольское письмо служит монгольской культуре уже восемь столетий до наших дней, несмотря на то что в советское время оно было почти полностью вытеснено кириллическим. Уже в 40-х годах XIII столетия, практически сразу после внедрения монгольского письма, появилось такое чудесное произведение как «*Сокровенное сказание монголов*», которое по-настоящему было открыто и исследовано только в XX веке, и которое до сих пор является уникальным источником сведений об истории монгольских завоеваний.

Хотя монгольский язык и письмо стали официальным средством общения в империи, они никогда не заменяли и тем более не вытесняли местные языки, так как империя, образовавшаяся в результате монгольских завоева-

ний, была мультикультурной, и завоеватели в ней составляли языковое меньшинство. Неслучайно, что через 100–150 лет монгольский язык практически полностью исчез на завоеванных территориях, и его использование ограничилось территорией исторической Монголии (монгольское плато вместе с внутренней Монголией на территории нынешнего Китая). Монголы подходили практически как к вопросам языка, так и к вопросам идеологии и религии. Хотя превыше всего они ставили свое мировоззрение и свой язык, в отличие от монотеистических мировых религий с их прозелитизмом и современных национальных движений, монголы никогда не пытались ассимилировать чужие культуры. Им было достаточно признания завоеванными народами монгольского политического господства; что, в свою очередь, ставило перед ними практическую задачу организации на захваченных землях административного управления для поддержания своей власти и сбора податей. В этой империи с огромной территорией, объединявшей множество языков и культур, существовала потребность в хорошо подготовленных, владеющих языками чиновниках. Эта потребность создавала исключительные возможности для работы устных и письменных переводчиков. К данной деятельности привлекались люди из самых разных областей: купцы и дипломаты, путешественники и авантюристы, а также – миссионеры различных религий, чиновники и писцы различных канцелярий. По меткому замечанию Томаса Оллсена, «изучение и знание языков в монгольскую эпоху стало статьей политического дохода» [12, p. 35].

Также, как и с созданием письменности, в организации по всей империи монгольских канцелярий активное участие принимали уйгурские чиновники-писцы, название которых «бахши» было заимствовано в монгольском языке из уйгурского. В то время как нам не известно ни об одном документе на монгольском языке на территории Золотой Орды (к причинам такого явного отсутствия там монгольских документов мы вернемся позднее), до нас дошло большое количество таких документов от монгольских ильханов Персии. Самый ранний документ – от Абака-хана (1267), а самый поздний – также от монголов (но не Чингизидов), Джалаиридов (Шайх Увайс, 1372). Интересными памятниками внешней политики ильханов являются несколько роскошно оформленных монгольских писем, адресованных французскому королю Филиппу Красивому. Одно из этих писем, от ильхана Аргуна, датируется 1289, а другое, от ильхана Улджайту – 1305 годом. Особый интерес представляет письмо Улджайту, на обратной стороне которого известный генуэзский авантюрист Бускарелло ди Гизольфи, служивший послом нескольким ильханам, сделал латинский перевод, также скрепленный красной печатью ильхана.

Однако монгольский язык, передаваемый с помощью уйгурского алфавита, использовался не только в дипломатической переписке, но и во внутренних жалованных грамотах. Хороший пример – грамота, выданная ильханом Абу Саидом в 720 г.х/1320 году Шайх Бадр ад-Дину Абу Мухаммад Махмуду в Султании [17; 41].

Здесь следует коротко остановиться на знаках, заверяющих документы в монгольских канцеляриях, а именно на печатях и «табличках-удостоверениях». И те, и другие знаки, использовавшиеся в монгольских канцеляриях, имели явно китайское происхождение, служа хорошим примером культурных

влияний в монгольскую эпоху. Использование печатей в Китае уходит корнями в глубокое прошлое (первые сведения о печатях относятся к 554 году до н.э.), и весь Дальний Восток и Южная Азия научились пользоваться печатями у Китая. После завоевания Северного Китая, а затем и всей Срединной империи, монголы также переняли пользование печатями в своих канцеляриях. Эти печати характеризуются прямоугольной формой, большим размером (5–15 см), а также использованием красного цвета. Китайские печати использовались во всей Монгольской империи, на них даже сохранились надписи на китайском языке; например, на печати в письме Газан-хана папе Бонифацию VIII от 1302 года можно видеть китайскую надпись [34].

В первые сто лет существования Золотой Орды на ее территории не осталось ни одной печати (также, как и монгольских документов), однако у ильханов их можно видеть во множестве на всех документах. На каждом документе встречается по пять–шесть печатей, которыми заверяли склеенные края бумаги. До 1316 года использовались только печати с китайскими надписями, затем – с надписями на уйгурице; а после распространения ислама на них встречаются арабские формулы. Однако четырехугольная форма и красный цвет печати сохранялись в неизменной форме. В Золотой Орде печати встречаются только на более поздних документах на тюркском языке, а надписи всегда выполнены на арабском в стиле куфи. Как в монгольском, так и в тюркском языке красная китайская печать называлась *al tamğa* (оба слова в монгольском являются древним заимствованием из тюркского языка) [42].

Другое китайское изобретение, принятое в монгольском государстве – это табличка «пайцза» (на монгольском и турецком – *baysa*, на персидском – *pāyza*). Это – продолговатая, прямоугольная, плоская табличка с округленными краями из металла (золото, серебро, медь, бронза, железо), довольно большого размера (25–30 см в длину и 8–10 см в ширину), которую государственные чиновники и их доверенные лица носили на груди или на поясе. На обеих сторонах пайцзы находились надписи, которые, в отличие от надписей на печатях, с самого начала делались на монгольском языке. Эти таблички всегда подписывались от имени хана и обеспечивали их владельцу на всей территории империи свободное передвижение, проживание, питание и снабжение лошадьми и повозками, необходимыми для путешествия. Можно сказать, что «пайцза» одновременно являлась подорожной, доверенностью и привилегией на всей территории империи [35]. Чаще всего, выдача ханской жалованной грамоты сопровождалась получением «пайцзы», которая давала дополнительные привилегии, и этот факт всегда упоминается в подтверждении грамоты; например, «даровали грамоту с красными печатями и пайцзу». В монгольских текстах изначально китайское слово передавалось как *gerege / gerige* [18], а в турецком его никогда не переводили, но лишь адаптировали китайское слово в форме *baysa*. На территории Золотой Орды сохранилось только несколько табличек пайцза; на всех них монгольский текст, написанный уйгурским алфавитом, имеет следующее содержание:

«Повелением вечного неба имя хана да будет свято. Указ хана ХУ. Кто не поверит – должен быть убит» [42, о. 63].

Так как функция пайцзы оставалась неизменной, а менялись только выдававшие ее ханы, ее текст сохранял этот неизменный стереотип. Этим объясняется тот факт, что турецкий перевод в Золотой Орде не появился и позд-

нее, и в наибольшей степени монгольская традиция сохранялась как в Золотой Орде, так и в Иране Хулагуидов в надписях на пайцзе (монгольский язык и уйгурский монгольский алфавит). По-другому складывалась ситуация во времена Юань, династии монгольского происхождения в Китае (1271–1368), где великий хан Хубилай (правил в 1260–1295 годах) приказал создать новое официальное монгольское государственное письмо империи, которое затем и было разработано придворным тибетским монахом Пагба-лама (Пхагспа) (1235–1280). Однако существование этого, так называемого квадратного письма Пагба-ламы оказалось недолговечным: им пользовались всего около ста лет и только в восточных частях империи – в Китае и Средней Азии. Представленная здесь пайцза времени династии Юань хорошо иллюстрирует многоязычие и мультикультурализм эпохи: на ней находятся надписи на двух языках с использованием трех алфавитов. Текст на монгольском языке написан как уйгурицей, так и новым письмом Пагба-ламы, а написанная арабскими буквами персидская фраза указывает на то, что персидский язык использовался в качестве *lingua franca* во всей Азии, и даже в Китае.

В западной части Монгольской империи, то есть в Золотой Орде и в государстве Ильханов, монголоязычные завоеватели с самого начала были в языковом меньшинстве. Несмотря на самый высокий престиж монгольского языка среди правящего класса, в обоих улусах завоевателям приходилось считаться с языками большинства. Это были различные тюркские языки в Золотой Орде и персидский (фарси) в Иране. Однако и в Иране также невозможно было оставить без внимания тюркские языки, на которых говорила значительная часть населения; ведь говорившие на огузском тюркском языке сельджуки, завоевав Иран в XI веке, сделали его центром своей империи, куда в XI–XII веках постоянно прибывали и оседали новые волны тюркских племен (в первую очередь огузы и туркмены).

Если монгольское письмо было создано с помощью тюрков-уйгуров после первых завоеваний во втором десятилетии XIII столетия, то тюркская письменность в то время уже представляла многовековую традицию. Тюркское руническое письмо возникло в VI, а уйгурский алфавит – в VIII веке. Оба они продолжали широко использоваться: известны тюркские рунические тексты VI–X веков, а уйгурская письменность практически пережила монгольский период и в Восточном Туркестане использовалась до XVII века. В то же время, с точки зрения нашей темы, важнее, что в течение двух веков до монгольского нашествия (1000–1200), в процессе продвижения ислама на восток на территории Средней Азии, находившейся под властью тюркской династии Караханидов, распространилась исламская тюркская письменность, в которой использовался отчасти арабский, отчасти древнеуйгурский алфавит³.

³ Обо всех этих видах тюркской письменности хорошие сведения даются в двухтомном издании *Philologiae Turcicae Fundamenta (I–II)* [37]. О литературе Караханидов писал Р. Данков [19]. В этом исследовании Данков убедительно доказывает, что словарь Махмуда Кашгарского (1072–1074), *Диван Лугат ат-Турк*, и поэтическое произведение Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагунского (1069), *Qutadgu Bilig*, имели огромное значение для создания исламской тюркской (арабской) письменности; однако после монгольского периода тюркская письменность пошла по другому пути, и литературный язык Тимуридов и западных тюрков (османов и азеров) не может считаться непосредственным продолжением литературного языка Караханидов.

Монгольские завоевания радикально изменили этнические границы во Внутренней Азии и способствовали возникновению новых центров исламской тюркской письменности. Таким центром стал Хорезм, который на век попал под власть правителей Золотой Орды. Здесь возник и процветал в XIII–XV веках новый исламский тюркский литературный язык, который в современной тюркологии называют хорезмийско-тюркским языком, в немалой степени, благодаря исследованиям венгерского ученого Яноша Экмана. Хорезмийско-тюркский язык – это не прямое продолжение литературного языка Караханидов, а новая «смесь» среднеазиатских тюркских языков. Особенно отличается от языка Караханидов словарный запас, так как в нем своеобразно смешиваются лексические элементы огузского и кыпчакского языков. Следует подчеркнуть, что памятники как письменности Караханидов, так и хорезмийской письменности отображают сложившийся литературный язык и не дают представления о состоянии разговорного языка того времени. В отличие от них, грамматики и лексиконы мамлюков-кыпчаков, также составленные на арабском языке в XIII–XIV веках в Египте, а также уникальный памятник «*Codex Cumanicus*», хранящийся теперь в Венеции, дают достоверную картину состояния языка северо-западных тюрков, то есть кыпчаков. К тому времени на всей территории Восточной Европы уже в течение двух веков говорили на кыпчакских или кумано-кыпчакских диалектах. А на средней Волге с IX века жили тюрки-булгары, которые в X веке подверглись исламизации; но от их сравнительно нешироко распространенной тюркской письменности остались лишь отдельные памятники.

Итак, в Улусе Джучи, который мы называем Золотой Ордой, во время монгольских завоеваний в 1236–1241 годах большая часть населения говорила на тюркско-кыпчакском (в небольшой степени, на тюркско-булгарском) диалекте, а находившиеся в меньшинстве татары или монголы всего за два поколения полностью растворились, в языковом смысле, в тюркской среде Половецкой степи (Dašt-i Qırçaq). Египетский мамлюк ал-Омари (ум. 749 г.х./1348–1349 гг.) ясно пишет, что татары (под которыми он, естественно, подразумевает монгольских завоевателей) полностью слились с народом кыпчаков [13]. Мы имеем право предположить, что через два поколения после завоеваний хана Батыя, то есть к 80-м годам XIII столетия (в последние годы правления хана Менгу-Тимура), монгольский язык на территории Золотой Орды полностью вышел из употребления. Позднее мы вернемся к этому интересному вопросу: почему монгольский язык так быстро вышел из употребления там, в то время как в государстве Ильханидов он сохранился гораздо дольше как в официальном, так и в повседневном употреблении? Таким образом, с территории Золотой Орды, как мы уже упоминали, до нас практически не дошло текстов на монгольском языке, за исключением кратких стереотипных текстов на табличках пайца⁴. Здесь возникает вопрос, а использовался ли вообще когда-нибудь монгольский язык в канцеляриях Золотой Орды?

По мнению С. Закирова, А. Григорьева и других – безусловно: в администрации официально принятым и обязательным языком был монгольский, а тюркские переводы появились позднее [8, с. 65, 98, 100, 102; 5]. М.А. Усманов считает, что с самого начала официальным языком Золотой Орды был

⁴ За одним исключением, об этом см.: [9, р. 81–87].

тюркский, который использовался также в переписке с государством египетских мамлюков [10, с. 94–101]. Этот вопрос не может быть решен на основании сегодняшних знаний, так как из первых 130 лет существования Золотой Орды до нас не дошло ни одного оригинального документа. Первый оригинал – это ярлык хана Токтамыша крымскому Хаджи Бею, датируемый 782 г.х./1381 годом [7, с. 2, 13–15]⁵. Вместо них, мы располагаем русскими, латинскими и итальянскими переводами, сделанными в XIII–XIV веках, благодаря которым можно сделать достоверные и важные выводы о языковых особенностях утерянных позднее документов. Средневековая Русская церковь сохранила русские переводы ханских жалованных грамот, в которых золотоордынские ханы предоставляли ей налоговые привилегии. Латинские и итальянские переводы относятся к XIV веку и описывают привилегии двух итальянских колоний в Крыму – венецианской Таны и генуэзской Каффы. Эти ценные документы хранятся в архивах Венеции и Генуи [20; 21; 6]. Тщательный филологический анализ документов ясно показывает, что переводы сделаны с тюркских оригиналов [3]⁶, но это означает лишь то, что в XIV веке в канцеляриях Золотой Орды использовался тюркский язык. Существует единственный, более ранний русский перевод 1267 года жалованной грамоты хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу; однако этот короткий перевод не позволяет сделать вывод о языке оригинала. Как бы там ни было, нельзя исключить, что в первые десятилетия существования Золотой Орды в ней использовался документооборот на монгольском языке, однако вскоре он вышел из употребления и был заменен использованием языка тюркского большинства. Во всяком случае, к концу XIII века местные языки появились также в официальном обороте в различных частях монгольской империи (например, в Иране)⁷. В то же время практика применения монгольского языка в документации сохранилась вплоть до 60-х годов XIV столетия, когда монгольская элита, вероятно, уже давно не говорила по-монгольски (в Иране, напр., еще в 1358 году была выпущена грамота на монгольском языке). Все это вновь возвращает нас к уже сформулированному выше вопросу: почему в Золотой Орде так быстро перешли с монгольского на тюркский язык, в то время как в Иране монгольский так долго сохранялся в употреблении? На этот вопрос не существует однозначного ответа; однако мы не уйдем далеко от истины, если предположим, что в первую очередь роль в этом сыграла близость культуры монголов и тюрков. Завоеванные монголами тюркские народы были частью мира кочевых племен, который определял историю Внутренней Азии еще со времен азиатских гуннов (*xiongnu*). Есть множество примеров перехода тюркских племен на монгольский язык и монгольских племен на тюркский. Смена языка в этих случаях не сопровождалась сменой

⁵ Оригинал хранится в Институте Восточных Рукописей Российской Академии Наук (ИВР РАН), Д-222.

⁶ О языковых следах тюркского оригинала в ханских ярлыках, данных русскому духовенству, см.: [4].

⁷ *Джәми' ал-таварих* Рашид ал-Дина содержит тексты семи персоязычных документов, которые были составлены в канцелярии Газан-хана (1298–1304); см. издание Ализаде: [1, с. 426–432, 434–446, 466–476, 510–517]. См. ярлык, выданный Улджейту-ханом 2 октября 1313 г. (10 джумада II 713 г.х.), в: [39]; два ярлыка, выданные Абу Са'ид ханом в 1331 году, в: [36].

культуры: ведь экономические, социальные, религиозные и культурные корни тюрков и монголов были очень близки. Тюркизация монгольского этноса в Золотой Орде происходила легко и очень быстро, за полтора–два поколения⁸. В отличие от этого, в Иране, где монгольская элита столкнулась с тысячелетней иранской культурой и языком, ассимиляция происходила гораздо медленнее. Это ускорило ослабление этнической идентичности монголов в Иране и привело, в конце концов, к ее утере после принятия ислама, которое произошло на рубеже XIII–XIV веков.

Далее мы рассмотрим явление, которому до сих пор не уделялось должного внимания, а именно тот факт, что в Иране в монгольский период было достаточно большое количество тюркского населения, которое могло играть роль посредника между монгольской и иранской культурами. Известно, что после завоеваний сельджуков, начиная с XI века, в Иран постоянно прибывали и оседали здесь тюркские племена. Сельджуки, огузы, туркмены говорили на языках и наречиях, принадлежащих к юго-восточной ветви тюркских языков, из которой затем сложилась тюркская анатолийская, османская и азербайджанская письменности. Среднеазиатские сельджуки завоевали Иран уже будучи мусульманами, и, хотя они захватили политическую власть, в культурном отношении сами они были покорены иранской цивилизацией, все элементы языка и культуры которой они принимали и поддерживали. Это значит, что до монгольского периода тюркские тексты на территории Ирана не появлялись, несмотря на большое количество тюрков, там живших и игравших определяющую роль в армии. Как мы видели, в монгольский период туда приходит монгольская письменность; и, что интересно, после этого появляется также небольшое количество тюркских текстов. Монгольская письменность и канцелярская практика были созданы уйгурами и вводились с помощью уйгурских чиновников и писцов (*bitikçi* и *baḥşı*). Уйгуры же пользовались восточным тюркским литературным языком, который затем послужил, отчасти, основой для исламской тюркской письменности династии Караханидов, исламизированной в XI веке. Неудивительно, что первые тюркские письменные документы на территории Ирана в период правления ильханов связаны с работой монгольских канцелярий.

Здесь будет уместно представить такой документ, чтобы показать на его примере характер кратких тюркских текстов. Грамота выдана одним из главных эмиров Улджайту-хана, Амир Хусейном, главным наместником на землях правителя (монгольское *inčū*) в 1305 году. Содержание грамоты касается владений в провинциях Тебриз и Ардебил [27, s. 84–89 (таблицы 25–35); 24]. Грамота является ярким примером мультикультурализма, господствовавшего в XIII–XIV веках в постмонгольских государствах. Грамота написана на персидском языке, а на главной печати, в конце, находится монгольская надпись, сделанная уйгурицей (*Üseyin-ü gerige belge*, «Заверение и печать Хусаина»). На четырехугольных печатях правителя, которые ставились в склейках, имеются китайские надписи. Наконец, на обратной стороне грамоты находится краткая надпись в пять строчек, сделанная уйгурицей на восточно-тюркском языке, которая передает краткое содержание персидского документа.

⁸ Предположение о том, что по языку монголы в Иране были более “чужими”, чем монгольские властители в Золотой Орде, большинство подданных которых были тюрками, впервые высказал Усманов [10, с. 100–101].

Интересно, что тюркские надписи появлялись не только как следствие работы монгольской канцелярии, но и независимо от нее. Уникальным памятником является, например, тюркская надпись в сирийском католическом монастыре Мар Бехрам, находящемся в 30 километрах на юго-запад от Мосула, вблизи руин Ниневии. До сих пор исследователи не уделяли ей должного внимания. Краткое царствование ильхана Байду в 1295 году пробудило надежды среди христианского населения, которые, однако, были обмануты с приходом к власти Газан-хана, установившего окончательное господство ислама. Байду-хан сделал попытку противостоять распространению ислама, за что заслужил похвалы сирийского историка Бар-Эбрея и дал повод Марко Поло и армянскому историку Хетуму (Гайтону) считать его христианином. Когда хан посетил монастырь Мар Бехрам, он восстановил право собственности монастыря, отнятое ранее монголами, и в честь этого визита была сделана более длинная сирийская и краткая тюркская надпись [40, s. 219; 26]⁹. Текст краткой тюркской надписи:

Qidir Aliyas-niing qut-i alqış-i ilqan-qa bāg-lār qatun-lar-qa qon-zun ornaş-zun «Да будет благодать и благословение Хидра Иляса на ильхане, на господах и госпожах».

Чем так интересна эта надпись и упомянутые выше тюркские примечания на грамотах? Во-первых, они показывают, что в канцелярии иранских ильханов были уйгурские писцы, и возможно, что там составлялась и большая часть монгольских грамот. Во-вторых, тюркский язык уйгурских писцов являлся вариантом восточного тюркского литературного языка, а не тюркским языком, на котором говорили жившие в Иране огузы. Последний только после монгольского периода развивается в собственный литературный язык иранских тюрков, который принято называть азербайджанским или иранским тюркским (тюрки аджами).

Хочется обратить внимание еще на два явления, которые указывают на влияние монгольского периода в Иране, и которые наблюдались длительное время и после XIII–XIV веков. Первое явление относится к канцелярским формулам. Формулы монгольских грамот сложились на уйгурской основе; например, хорошо известные вводные слова в ханских ярлыках, которые должны были выражать повеление хана. Формула *üge tapu*, «слово мое», на тюркском звучала как *söziim(üz)*. Если грамота выдавалась не властителем, а чиновником высокого ранга, формула менялась: «Х (имя хана) повелел, Y (чиновник высокого ранга) слова». Например, в выданной 13 апреля 1321 года (721 rabī I 14) грамоте: *Abū Saʿīd Bahādur ḥān yarlıgındin, Çoban sözi*, «Абу Саид повелел, слово Чобана» [27, s. 90]. Эта формула настолько закрепилась в практике канцелярии, что формулой *söziim(üz)* пользовались в грамотах на персидском языке еще долгое время после исчезновения монгольских канцелярий, во время династий Кара-Коюнлу (1375–1468), Ак-Коюнлу (1378–1508) и Тимуридов (1370–1506), вплоть до конца XV века [15, s. 30–31, 148, 151, 154, 162, 171; 25, s. 64, 72].

Другой яркий пример восточно-тюркского влияния – использование двенадцатилетнего животного календаря. Зодиакальный календарь китайского

⁹ Фотография сделанной уйгурицей надписи до сих пор не опубликована ни в статье Гаррак и Ниу [26], ни в других источниках, поэтому мы вскоре опубликуем наши снимки, сделанные на месте весной 2002 года, еще до иракской войны.

происхождения был известен уйгурам уже в VIII веке. Монголы позаимствовали тюркскую версию этого китайского календаря у уйгуров и вводили его на всех завоеванных территориях [14, р. 209–357, 385–412]. Введение и использование китайско-уйгурского календаря в Иране было признаком монгольского владычества, а также выражением того факта, что новые владельцы Ирана прибыли не из-за стен исламской учености, а привнесли с собой часть знаний Дальнего Востока. Название 12 лет животного цикла перевели на монгольский, но в ходу были также тюркские названия. Например, в историческом сочинении Рашид ад-Дина названия лет двенадцатилетнего животного календаря встречаются 54 раза, 26 раз на тюркском, 34 раза используются монгольские названия, а в 13 случаях невозможно точно определить, является ли название тюркским или монгольским по происхождению, так как оно звучит одинаково в обоих языках (напр., *lu*, “дракон”). Однако названия месяцев использовались только в тюркской форме. После монгольского периода использование тюркско-монгольских названий животных для календарных лет сохранилось, правда не так широко, и их регулярно фиксировали, наряду с датами хиджры, вплоть до конца династии Каджаров (1781–1925) [31].

Присутствие тюркских элементов в иранских монгольских канцеляриях и введение двенадцатилетнего животного календаря подтверждают тот факт, что монгольское владычество в ряде случаев укрепляло в Иране (куда можно включить Азербайджан и Восточную Анатолию) тюркские культурные позиции. Неслучайно, что после принятия ислама большинство иранских монголов в XIV веке не стали персами, а растворились среди тюрков, более близких к ним в культурном плане. Монгольское завоевание не прервало в Иране тюркский период, который начался с владычества сельджуков. Наоборот, после монгольского периода (1257–1335) тюркское влияние продолжало усиливаться вплоть до конца династии Каджаров в 1925 году.

Вследствие начатой Газан-ханом исламизации монгольский язык был вытеснен не только из канцелярий, но и из повседневного общения, а к XIV веку столь почитаемый когда-то язык завоевателей полностью исчез, оставив после себя большой пласт заимствований в персидском языке, о чем дает исчерпывающее представление первый том монографии Г. Дерфера [23]. Недавно П. Мартинез указал на чрезвычайно интересное лингвистическое явление в статье, в которой он исследовал изменения в языках Ближнего Востока в широком контексте. Мартинез считает, что в персидском жаргоне появилось множество монгольских (и тюркских) слов, что однозначно указывает на снижение социального статуса монгольского языка вместе с ослаблением монгольского владычества, а со временем эти слова стали ассоциироваться с низким стилем речи. Начало этого процесса отражается в знаменитом персидском стихотворении Пур-и Баха (ум. ок. 1284), в котором автор с помощью избыточного использования монгольских и тюркских слов создает экзотическую атмосферу уходящего мира завоевателей [32].

Монеты обоих государств и надписи на них также предоставляют хороший материал для исследования культурных и языковых различий. Использование официального монгольского языка не ограничивалось канцеляриями: как золотоордынские ханы, так и ильханы, а затем династия Джалаиридов, выпускали монеты с надписями, сделанными уйгурицей на монгольском языке. Возьмем два примера на территории Золотой Орды. Первый пример – не

датированные монеты хана Толе-Бука (686–689 г.х./1287–1290), отчеканенные в Кырыме (*Qırım*), древней столице Крыма, на которых на одной из сторон имя хана написано уйгурицей¹⁰. Второй пример – серебряный дирхем хана Токту, отчеканенный в 710 г.х./1310–1311 годах в столице Золотой Орды Сарае (Сарай ал-махруса). На одной стороне монеты имя Токту в монгольской форме *Toqtaya* написано уйгурицей¹¹.

На монетах иранских ильханов от Абака до Газана присутствует длинный монгольский текст, соответствующий следующей монгольской формуле: *Qayan-u nereber (XY) deletgegülig-sen*, «от имени кагана отчеканил XY»¹². Рассмотрим для примера серебряную монету с именем Байду-хана, правившего всего полгода в 1295 году. Монета отчеканена в столице ильханидов Тебризе, и на одной из сторон указано имя хана в следующей формуле: *Qayan-u nereber Baydu-yin deletgegülig-sen*, «от имени кагана отчеканил Байду»; ниже – имя Байду арабскими буквами; а на обратной стороне – арабский текст мусульманского свидетельства веры Шахады: *lā ilāha illā 'llāhu Muḥammad rasūlullāhi*, «нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его»¹³.

После принятия ислама Газаном и его обширных реформ (1301) монгольская формула на монетах исчезает. Как в Золотой Орде, так и в Иране Ильханидов все большее место на монетах занимают характерные для исламских монет арабские формулы, а в XIV веке, рядом с арабским, уйгурицей на монетах указывалось только имя хана (и то не всегда).

Фоном языковых и культурных явлений, о которых мы говорили до сих пор, являются вопросы религии и права – определяющие элементы мировоззрения и мировосприятия. Таким образом, в заключение мы не можем обойтись хотя бы без краткого обзора этих явлений. Когда монголы появились на исторической сцене, на завоеванных ими территориях Средней Азии и Ближнего Востока господствующей религией был в основном ислам. Более того, в предшествующих XIII веку столетиях исламская цивилизация переживала первый период рассвета. Ислам – это триумфальное мировоззрение, религия, стремящаяся к победе в этом мире. Мусульмане могут испытывать благоденствие и вообще представляют свое существование только как государственно образующие и господствующие народы. Хотя христиане и евреи на завоеванных территориях Ближнего Востока и Испании и имели определенную автономию, но рассматривались как поданные второго ранга. Именно поэтому мусульманам было так трудно принять тот факт, что варвары и язычники монголы в 1258 году захватили и разрушили столицу халифата Багдад и подчинили себе практически все мусульманское население. На тех немногих территориях, оставшихся не завоеванными монголами, таких как государство Мамлюков или Индия, мусульманские авторы (Ибн Таймия в Сирии и Джужджани в Индии) резко осуждали варварские завоевания монголов, их религию и правовую систему, а кодекс Яса они считали несовместимым с шариатом. Естественно, на завоеванных монголами мусульманских территориях невозможно было игнорировать присутствие новой власти, и в XIII–XIV

¹⁰ <http://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=8572>

¹¹ <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=10976>

¹² См. подробнее об этих памятниках в книге Омера Дилера: [22]; и в базе данных в интернете: www.zeno.ru.

¹³ <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=28685>

веках два крупнейших персидских историка, Джувейни и Рашид ад-Дин, были уже апологетами монгольских властителей, пытаясь примирить ислам и монгольское владычество как в своих сердцах, так и в произведениях. Но ждать долго не пришлось: за два–три поколения, к XIII веку закончился хорошо известный процесс, классическое определение которому дал Гораций в связи с отношениями римлян и греков:

Graecia capta ferum victorem cepit et artes / Intulit agresti Latio ... [28, Epist. II.1.156–157].

«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, / В Лаций суровый внеся искусства».

Проще говоря, дом Чингизидов и монгольская знать приняли ислам, и с этого момента они проявляли свои воинские доблести во имя и в защиту ислама. В Иране ислам стал государственной религией в конце XIII века, после обращения Газан-хана; а в Золотой Орде – после попыток Берке (1257–1266) и других ханов он был признан таковой только при Узбек-хане (1313–1341). Такое отставание Золотой Орды от Ирана объясняется тем, что большинство завоеванного там тюркского населения (за исключением территорий волжских булгар) еще не подверглось или лишь поверхностно подверглось исламизации, в то время как в Иране ислам как благодаря персидскому, так и пришлому огузско-тюркскому населению, уже в течение веков был органической частью исламской цивилизации; поэтому здесь культурная и религиозная ассимиляция находившихся в меньшинстве завоевателей проходила гораздо быстрее. Однако, хотя монголы и стали мусульманами, они еще в течение долгого времени не могли, да и не хотели, отказываться от многих традиций и привычек своих предков. Они сохраняли существенные элементы монгольской религиозной и правовой системы Ясы, освященной основателем Чингиз-ханом. В первую очередь, у так называемой «золотой ветви» (*altan uru*) династии Чингиза сохранились претензии на универсальное мировое владычество, которые долгое время оставались в силе и после падения монгольских государств-наследников в XIV веке. В мусульманской Средней Азии от казахских степей до Бухары, Хивы и Коканда, вплоть до частичного, а затем и полного поглощения этих территорий Россией в XIX веке, основную политическую легитимацию, то есть полученное свыше право на царствование, обеспечивали потомки Чингиз-хана, превратившиеся в тюрков и мусульман.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ализаде А.А. (изд.). Фазлуллах Рашид-ад-дин: Джами ат-таварих (Сборник летописей). Том III. Баку, 1957.
2. Березин И.Н. Ханские ярлыки II. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
3. Вашири И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002. С. 193–206.
4. Веселовский Н.И. Несколько пояснений касательно ярлыков данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии. Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. СПб., 1909. № 34. С. 527–532.

5. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды в XIV–XVI вв. // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 81–89.
6. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.
7. Григорьев В.В. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1844. № 1. С. 337–346 (338–339).
8. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом XIII–XIV вв. М., 1966.
9. Понне Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. М., 1941. № 2. С. 33.
10. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. 318 с.
11. Allsen Th.T. Commodity and Exchange in the Mongol Empire. Cambridge, 1997.
12. Allsen Th.T. The Rasūlid Hexaglot in Its Eurasian Cultural Context // The Rasūlid Hexaglot: Fourteenth century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Edited with notes and commentary by P.B. Golden, translated by T. Halasi-Kun & P.B. Golden & L. Ligeti & Ö. Schütz, with introductory essays by P.B. Golden & Th.T. Allsen. Leiden, Boston, Köln. P. 25–48.
13. Al-‘Umarī. Das mongolische Weltreich: al-‘Umarī’s Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār / kiad. ford. K. Lech. Wiesbaden, 1968.
14. Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest, Paris, 1991.
15. Busse H. Untersuchungen zum islamischen Kanzleiwesen an hand türkmenischer und safawidischer Urkunden. Kairo, 1959.
16. Bentley J.H. Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times. New York, Oxford, 1993.
17. Cleaves F.W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass., 1953. № 16. P. 1–107.
18. Cleaves F.W. Daruga and Gerege // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass., 1953. № 16. P. 237–259.
19. Dankoff R. Qarakhanid Literature and the Beginnings of Turco-Islamic Culture // Central Asian Monuments / Ed. by Hasan B. Paksoy. Istanbul, 1992. P. 73–80.
20. de Mas Latrie L. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak // Bibliothèque de l’école des chartes. Paris, 1868. Vol. 29/6. P. 581–595.
21. Desimoni C. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio Storico Italiano, quarta serie. Roma, 1887. Vol. 20. P. 161–165.
22. Diler Ö. Ilkhanids. Coinage of the Persian Mongols. Istanbul, 2006.
23. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
24. Doerfer G. Mongolica aus Ardabil // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1975. Bd. 9. S. 221–223.
25. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente (Aus dem Nachlass des Verfassers herausgegeben von G. Hazai). Budapest, 1977.
26. Harrak A., Niu Ruji. The Uighur Inscription at the Mausoleum of Mar Behnam, Iraq // Journal of the Canadian Society for Syriac Studies. Piscataway, 2004. № 4. P. 66–72.
27. Herrmann G. Persische Urkunden der Mongolenzeit. (Documenta Iranica et Islamica 2). Wiesbaden, 2004.
28. Horatius Restitutus: Or the Books of Horace / ed. James Tate. London, 1837².

29. *Kradin N.N.* Chinggis Khan, World System Analysis and Preindustrial Globalization // *Entelequia*, revista interdisciplinaria. Núm. 15 (especial 2013). P. 169–188. Available at: <http://www.eumed.net/entelequia>
30. *Martinez P.* Changes in Chancellery Languages and Language Changes in General in the Middle East with Particular Reference to Iran in the Arab and Mongol Periods // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, 1987–1991. Vol. 7. P. 103–152.
31. *Melville Ch.* The Chinese Uighur Animal Calendar in Persian Historiography of the Mongol Period // *Iran*. London, 1994. Vol. 32. P. 83–98.
32. *Minorsky V.* Pūr-i Bahā's 'Mongol' Ode (Mongolica 2) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London, 1956. Vol. 18. P. 261–278.
33. *Morgan D.* The Mongols. Second edition. Oxford, 2007.
34. *Mostaert A., Cleaves F.W.* Trois documents mongols des Archives Secrètes Vaticanes // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, 1952. Vol. 15. P. 419–506.
35. *Münküjev N.Ts.* A New Mongolian P'ai-tzū from Simferopol // *Acta Orientalia Hungarica*. Budapest, 1977. Vol. 31. P. 185–215.
36. *Papazian A.D.* Deux nouveaux iarlyks d'ilkhans // *Banber Matanadarani*. 1962. № 6. P. 297–399 (на армянском языке, с французским резюме).
37. *Philologiae Turcicae Fundamenta (I–II)*.
38. *Poppe N.* The Mongolian Monuments in ḥP'ags-pa Script // *Göttinger Asiatische Forschungen VIII*. Wiesbaden, 1957.
39. *Siouffi M.* Notice sur le cachet du sultan mogol Oldjaïtou Khodabendeh // *Journal Asiatique*, 9. série. Paris, 1896. № 8. P. 336–337.
40. *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. Leipzig, 1939 (4-е издание: Berlin, 1985).
41. *Sudāvar, Abu'l-'Alā Barrasi-ye farmān-e oyghuri-ye Abu Sa'id Bahādor Ḥān va erṭebāt-e ān bā kašf-e yeki az ja'lhā-ye tāriḥi-ye šafaviyye* [Уйгурский указ Абу Саид Бахадур хана и его соотношение с открытием одной исторической фальсификации сафавидского периода] // *Nāme-ye Bahārestān*. Tehran, 1389 [2010]. Vol. 11/12. P. 197–210.
42. *Vásáry I.* Az Arany Horda kancelláriája. Budapest, 1987.
43. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.zeno.ru> (дигитальная база данных по восточной нумизматике).

Сведения об авторе: Иштван Вашари – профессор, университет им. Этвеша Лоранда, факультет гуманитарных наук, отделение тюркских и центрально-азиатских исследований; член-корреспондент Венгерской Академии наук (H–1053, Будапешт, Венгрия). E-mail: vasaryi@gmail.com

Поступила 20.01.2017 г.

Принята к публикации 01.03.2017 г.

MULTILINGUALISM AND CULTURAL INTERACTIONS IN THE GOLDEN HORDE

István Vásáry

*Eötvös Loránd University
Budapest H–1053, Hungary
E-mail: vasaryi@gmail.com*

Objectives: to examine linguistic and cultural interaction in the Golden Horde.

Research materials: while addressing the issues of linguistic and cultural interaction in the Golden Horde the author analyzes various documentary and narrative sources, numismatic materials and conclusions of Russian and Western historiography.

Results and novelty of the research: The author examines these issues in the case of two Western Mongol states: the Golden Horde and the state of Ilkhans in Iran. He defines the time frame of research as extending to the middle of the 14th century. The author concludes that despite the fact that the Mongolian language and writing became the official means of communication in the Empire they never replaced or supplanted the local languages since the established empire was multicultural and conquerors represented a linguistic minority within its boundaries. The author explains in turn the Golden Horde retardation from Iran in the process of Islamization with the fact that most of the conquered Turkic population (excluding the territories of the Volga Bulgars) had not yet undergone the Islamization or had undergone it only superficially, while in Iran, Islam had for centuries been an integral part of Islamic civilization. Therefore, cultural and religious assimilation of the conquerors of Iran, who were in the minority, occurred much earlier. The novelty of the article is displayed in the author's conclusions that despite the Mongols became Muslims, over time they could not and did not want to give up many of the traditions and customs of their ancestors. They retained the essential elements of the Mongol religious and legal system of Yasa consecrated by its founder – Chinggis Khan. In the first place, the so-called “Golden Branch” (*altan uruy*) of Chinggis' dynasty retained the claim to universal world dominion, which for a long time remained in force even after the fall of the Mongol successor-states in the 14th century.

Keywords: history, culture, religion, Golden Horde, Iran, Mongol Empire, linguistic situation.

For citation: Vásáry I. Multilingualism and Cultural Interactions in the Golden Horde. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 56–73. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1/56-73

REFERENCES

1. Alizade A.A. (ed.), *Fazlullakh Rashid-ad-din: Dzhami at-tavarikh (Sbornik letopisey)* [Rashid al-Din. Compendium of Chronicles]. Vol. III. Baku, 1957. (In Russian)
2. Berezin I.N. *Khanskies yarlyki II. Tarkhannye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluka i Saadet-Gireya* [Yarliks of the Khans. II: Yarliks of Toqtamish, Timur Kutlugh and Saadet Giray]. Kazan, 1851. (In Russian)
3. Vásáry I. *Zhalovannye gramoty Dzhuchieva Ulusa, dannye ital'yanskim gorodam Kafa i Tana* [Charters of the Ulus of Jochi Granted to the Cities of Kaffa and Tana]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Source Study of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde): From Kalka to Astrakhan 1223–1556]. Kazan, 2002, pp. 193–206. (In Russian)
4. Veselovskiy N.I. *Neskol'ko poyasneniy kasatel'no yarlykov dannykh khanami Zolotoy Ordyy russkomu dukhovenstvu* [Several Explanations regarding the Data of the Golden Horde Khans' Yarliks Granted to the Russian Clergy]. *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po otdelenii etnografii. Sbornik v chest' semidesyatiletiya G.N. Potanina* [Notes of the Ethnographic Department of the Russian Geographic Society. Collection in honor of the seventieth anniversary of G.N. Potanin]. St. Petersburg, 1909, no. 34, pp. 527–532. (In Russian)
5. Grigor'ev A.P. *Ofitsial'nyy yazyk Zolotoy Ordyy v XIV–XVI vv.* [Official Language of the Golden Horde in the 14th–16th centuries]. *Tyurkologicheskiy Sbornik 1977* [Studia Turcologica 1977]. Moscow, 1981, pp. 81–89. (In Russian)

6. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kolleksiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii* [Collection of the Golden Horde Documents of the 14th century from Venice]. St. Petersburg, 2002. (In Russian)
7. Grigor'ev V.V. Yarlyki Tokhtamysha i Seadet-Geraya [Yarliks of Toqtamish and Saadet Giray]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1844, no. 1, pp. 337–346 (338–339). (In Russian)
8. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordy s Egiptom XIII–XIV vv.* [The Golden Horde Diplomatic Relations with Egypt in the 13th–14th centuries] Moscow, 1966. (In Russian)
9. Poppe N. Zolotoordynskaya rukopis' na bereste [A Golden Horde Manuscript on Birch Bark]. *Golden Horde Review*. Moscow, 1941, no. 2, p. 33. (In Russian)
10. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Characters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, 1979. 318 p. (In Russian)
11. Allsen Th.T. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire*. Cambridge, 1997.
12. Allsen Th.T. The Rasûlid Hexaglot in its Eurasian Cultural Context. *The Rasûlid Hexaglot: Fourteenth century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol*. Edited with notes and commentary by P.B. Golden, translated by T. Halasi-Kun & P.B. Golden & L. Ligeti & Ö. Schütz, with introductory essays by P.B. Golden & Th.T. Allsen. Leiden, Boston, Köln, pp. 25–48.
13. Al-'Umarî. *Das mongolische Weltreich: al-'Umarî's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masâlik al-abşâr fi mamâlik al-amşâr*. Kiad. ford. K. Lech. Wiesbaden, 1968. (In German)
14. Bazin L. *Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien*. Budapest, Paris, 1991. (In French)
15. Busse H. *Untersuchungen zum islamischen Kanzleiwesen an hand türkmenischer und safawidischer Urkunden*. Kairo, 1959. (In German)
16. Bentley J.H. *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. New York, Oxford, 1993.
17. Cleaves F.W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, Mass., 1953, no. 16, pp. 1–107.
18. Cleaves F.W. Daruga and Gerege. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, Mass., 1953, no. 16, pp. 237–259.
19. Dankoff R. Qarakhanid Literature and the Beginnings of Turco-Islamic Culture. *Central Asian Monuments*. Ed. by Hasan B. Paksoy. Istanbul, 1992, pp. 73–80. (In German)
20. de Mas Latrie L. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak. *Bibliothèque de l'école des chartes*. Paris, 1868, Vol. 29/6, pp. 581–595. (In French)
21. Desimoni C. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare. *Archivio Storico Italiano*, quarta serie. Roma, 1887, Vol. 20, pp. 161–165. (In Italian)
22. Diler Ö. *Ilkhanids. Coinage of the Persian Mongols*. Istanbul, 2006.
23. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, I–IV. Wiesbaden, 1963–1975. (In German)
24. Doerfer G. Mongolica aus Ardabil. *Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn*. Wiesbaden, 1975, Vol. 9, pp. 221–223. (In German)
25. Fekete L. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente (Aus dem Nachlass des Verfassers herausgegeben von G. Hazai)*. Budapest, 1977. (In German)
26. Harrak A., Niu Ruji. The Uighur Inscription at the Mausoleum of Mar Behnam, Iraq. *Journal of the Canadian Society for Syriac Studies*. Piscataway, 2004, no. 4, pp. 66–72.

27. Herrmann G. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. (Documenta Iranica et Islamica 2). Wiesbaden, 2004. (In German)
28. *Horatius Restitutus: Or the Books of Horace*. Ed. James Tate. London, 1837².
29. Kradin N.N. Chinggis Khan, World System Analysis and Preindustrial Globalization. *Entelequia, revista interdisciplinaria*. Núm. 15 (especial 2013), pp. 169–188. Available at: <http://www.eumed.net/entelequia>
30. Martinez P. Changes in Chancellery Languages and Language Changes in General in the Middle East with Particular Reference to Iran in the Arab and Mongol Periods. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, 1987–1991, Vol. 7, pp. 103–152.
31. Melville Ch. The Chinese Uighur Animal Calendar in Persian Historiography of the Mongol Period. *Iran*. London, 1994, Vol. 32, pp. 83–98.
32. Minorsky V. Pūr-i Bahā's 'Mongol' Ode (Mongolica 2.) *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London, 1956, Vol. 18, pp. 261–278.
33. Morgan D. *The Mongols*. Second edition. Oxford, 2007.
34. Mostaert A., Cleaves F.W. Trois documents mongols des Archives Secrètes Vaticanes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, 1952, Vol. 15, pp. 419–506. (In French)
35. Münküjev N.Ts. A New Mongolian P'ai-tzū from Simferopol. *Acta Orientalia Hungarica*. Budapest, 1977, Vol. 31, pp. 185–215.
36. Papazian A.D. Deux nouveaux iarlyks d'ilkhans. *Banber Matanadarani*. 1962, no. 6, pp. 297–399. (In the Armenian language, with a French summary).
37. *Philologiae Turcicae Fundamenta* (I–II). (In Latin et al.)
38. Poppe N. *The Mongolian Monuments in ḥP'ags-pa Script*. (Göttinger Asiatische Forschungen VIII). Wiesbaden, 1957.
39. Siouffi M. Notice sur le cachet du sultan mogol Oldjaïtou Khodabendèh. *Journal Asiatique*, 9. série. Paris, 1896, no. 8, pp. 336–337. (In French)
40. Spuler B. *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. Leipzig, 1939 (4th ed.: Berlin, 1985). (In German)
41. Sudāvar, Abu'l-'Alā Barrasi-ye farmān-e oyghuri-ye Abu Sa'id Bahādor Ḥān va erṭebāt-e ān bā kašf-e yeki az ja'lhā-ye tāriḥi-ye šafaviyye. *Nāme-ye Bahārestān*. Tehran, 1389 [2010], Vol. 11/12, pp. 197–210. (In Persian)
42. Vásáry I. *Az Arany Horda kancelláriája*. Budapest, 1987. (In Hungarian)
43. Available at: <http://www.zeno.ru> (Digital Database for the Eastern Numismatics Data).

About the author: István Vásáry – Professor Emeritus, Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Department of Turkic and Central Asian Studies; corresponding member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest H–1053, Hungary). E-mail: vasaryi@gmail.com

Received January 20, 2017
Accepted for publication March 01, 2017

УДК 97(470)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92

К ИСТОРИОГРАФИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЛУСОВ ДЖУЧИ И ЧАГАТАЯ

Т.И. Султанов

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: vasilieva_nina@mail.ru*

Цель: проанализировать основные этапы этнополитического развития двух государств – наследников Монгольской империи (Улуса Джучи – Золотой Орды – и Чагатайского улуса) и их преемников в XIII–XVIII вв.

Материалы исследования: труды средневековых мусульманских авторов, являвшихся современниками описываемых событий: Джамала Карши, Рашид ад-Дина, Вассафа (рубеж XIII–XIV вв.), ал-Омари и Хамдаллаха Казвини (XIV в.), Мирзы Мухаммада Хайдара, Сейфи Челеби, Амина б. Ахмада Рази (XVI в.), Абу-л-Гази, Махмуда б. Вали, Хаджи Халифы (XVII в.) и ряда других. Также подробно анализируются мнения советских, пост-советских и зарубежных специалистов по этнической истории Центральной Азии – В.В. Бартольда, А.Н. Самойловича, С.К. Ибрагимова, А. Мокеева, Б.Х. Кармышевой, Ш. Андо, Б.Ф. Манц и др.

Результаты и научная новизна: За «точку отсчета» этнополитической истории взяты события, связанные с монгольскими завоеваниями и образованием Монгольской империи и ознаменовавшие собой настоящую ломку политических и этнических реалий, которые сложились в Центральной Евразии к XIII в. Распад империи и выделение из ее состава самостоятельных чингизидских улусов стимулировали новый виток этнополитогенеза, продолжавшийся вплоть до распада этих государств в начале XVI в.

Этнополитическое развитие Центральной Евразии носило длительный характер, и поначалу термины, сегодня рассматриваемые как этнонимы, отражали политическую или социальную, но никак не национальную принадлежность их носителей. Лишь после распада чингизидских улусов имперского типа и появления новых государств (Казахского ханства, шибанидских государств на территории Чагатайского улуса, Могулистана и Могулии-Кашгарии в Восточном Туркестане) можно говорить о складывании этнических образований, послуживших основой для современных народов Центральной Евразии.

Автор обращает внимание на то, что многие построения классиков востоковедения и этнической истории Евразии, пусть и основанные на тщательном изучении источников, носят предположительный характер, что дает основание для продолжения исследований в этом направлении.

Ключевые слова: Монгольская империя, Улус Джучи, Чагатайский улус, этнополитическая история, кыпчаки, узбеки, чагатаи, могулы, средневековая мусульманская историография.

Для цитирования: Султанов Т.И. К историографии этнополитической истории улусов Джучи и Чагатая // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 74–92. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92

В начале XIII в. на степных просторах Северного Казахстана от Иртыша на запад располагались кочевья кыпчаков. Земли от областей уйгуров в Восточном Туркестане до Аральского моря охватывало государство Гурхана

каракитаев. В 10-е годы XIII в. часть этой территории захватил Кучлук, предводитель найманов-монголов, а северная часть Семиречья была подчинена Арслан-хану – предводителю карлуков. Страну между Таласом, Чу и озером Иссык-Куль занимали канглы – природные тюрки. Бассейн Сыр-Дарьи с его городами-крепостями и прилегающие районы, а также Мавераннахр и Хорезм с примыкающими к нему округами принадлежали хорезмшаху Мухаммаду. После нашествия монголов мы видим иную картину, новые политические структуры.

В результате завоеваний Чингиз-хана и его преемников к концу 50-х годов XIII в. образовалась самая обширная и могущественная из мировых империй, простиравшаяся от Амура и Желтого моря на востоке до Дуная и Евфрата на западе. Образование Монгольской империи было единственным в своем роде событием в мировой истории: «В первый и последний раз в истории произошло совершенно исключительное явление: под властью одного народа и одной династии образовалась империя, объединившая не только все кочевые народы от Китая до Восточной Европы, но и все культурные государства Дальнего Востока и Передней Азии» [8, с. 435]. Естественно, что империя, объединившая под своей властью столь разнообразные племена и народы, страны и государства Дальнего Востока, Передней и Средней Азии и Восточной Европы, не могла просуществовать долго. Уже к концу 60-х годов XIII в. универсальная империя первых Чингизидов разделилась на четыре самостоятельных улуса, каждый из которых возглавила собственная династия, происходившая из «золотого рода» Чингиз-хана. Из них особое значение для политической и этнической истории тюрков имели Золотая Орда (Улус Джучи) и Чагатайское государство.

В рамках настоящего исследования предпринимается попытка проследить изменения на этнической карте Центральной Евразии после создания Монгольской империи. Автор намерен рассмотреть процесс крушения ранее существовавших политических структур и формирование новых полиэтнических общностей на территории Дешт-и Кыпчака и Средней Азии, а затем охарактеризовать начальный этап зарождения современных тюркоязычных народов региона.

В истории Великой Степи (Дешт-и Кыпчак) монгольская эпоха стала временем рождения новых этнополитических сообществ с новыми элитными группами. Такими новыми этнополитическими сообществами стали татары, узбеки, ногаи, казахи, чье рождение как народов неразрывно связано с эпохой создания и распада Золотой Орды (Улуса Джучи).

В начале XIII в. на степных просторах от Иртыша и дальше на запад располагались кочевья тюркских кочевых племен, известных на Востоке под общим названием кыпчаков, на Руси – половцев, в Центральной Европе – команов. Значение племен кыпчаков в степи было столь велико, что всю Великую Степь от Иртыша на востоке до Днестра на западе стали называть, начиная с XI в., Дешт-и Кыпчаком (букв. «Кыпчакская степь»; перс.), Полем Половецким (на Руси), Команией (в Европе). Дешт-и Кыпчак исторически делился на две части: Западный Дешт-и Кыпчак и Восточный Дешт-и Кыпчак. Западный Дешт-и Кыпчак простирался с востока на запад от Урала до Днестра, а с юга на север – от Черного и Каспийского морей до г. Укека (остатки его находятся в окрестностях современного Саратова). Границу Восточного Дешт-и Кыпчака

составляли на востоке – Иртыш, на западе – Яик, на севере – Тобол, на юге – оз. Балхаш и местности, примыкавшие к среднему течению Сыр-Дарьи. Кыпчаками управляли отдельные ханы, но хана всех кыпчаков никогда не было, и в каждой части Кыпчакской степи одновременно властвовали несколько правителей. В состав Восточного Кыпчака входили следующие шестнадцать племен: *борилу, токсоба, иетиоба, дуртоба, ал-арс (ал-ас), бурджоглу, манкур-роглу, йимак, таг, башкурт, куманлу, базанак (баджанак), баджна, карабориклу, уз, джортан*. Западные кыпчаки делились на одиннадцать племен: *токсоба, иетиоба, бурджоглы, ельборили, кангароглы, анджоглы, дурутоба, кулабаоглы, джортан, караборикли, котан*.

В результате нашествия монголов какая-то часть кыпчаков погибла, какая-то часть бежала на запад, а какая-то часть была пленена и продана в рабство. Но в массе своей кыпчаки остались кочевать в своих степях и составляли главную часть кочевых тюркских подданных потомков Джучи. Несколько позднее, во второй половине XIII в., имя Кыпчак даже было перенесено и на монгольское государство Золотой Орды.

Тем не менее, Дешт-и Кыпчак периода Золотой Орды резко отличался по племенному составу от Дешт-и Кыпчака домонгольских времен: с приходом центральноазиатских (монголо-татарских) племен наступил новый этап этнической интеграции. Главными результатами этого сложного по характеру и продолжительного по времени многоаспектного процесса были:

- 1) смешение родов и племен, смена многих прежних тюркских (кыпчакских) этнонимов на монголо-татарские, формирование ряда новых родоплеменных групп с ранее неизвестными или парными наименованиями;
- 2) тюркизация монголо-татарских племен и принятие ими ислама;
- 3) формирование из конгломерата родов и племен, находившихся на различных стадиях своего развития, каким было население Дешт-и Кыпчака в период распада Золотой Орды, целого ряда тюркских народностей, в том числе и с монгольскими названиями.

Из собственно монгольских племен одними из первых оказались на территории Кыпчака меркиты (мекриты) – одно из крупных монгольских племен, обитавших в бассейне р. Селенги. После долгих лет противостояния Чингиз-хану в 1216 г. меркиты были окончательно разгромлены старшим сыном монгольского хана в битве у р. Иргиз, на степных просторах современного Центрального Казахстана. [10, с. 426, 434–436; 21, с. 114–116]. Оставшиеся в живых и на свободе меркиты рассеялись по всей стране кыпчаков. Со временем они вобрали в свой состав немало тюркских элементов, тюркизировались, но сохранили своё монгольское название; в эпоху Казахского ханства меркиты входили в племенное объединение абак казахского *Орта жуза* (Средней Орды).

По сведениям Рашид ад-Дина и анонимного автора «Муизз ал-ансаб», Чингиз-хан ещё при жизни выделил Джучи четыре тысячи войска: тысячу Мунгура, бывшего из племени *сиджиут (сихиут)*; тысячу Кингитая Кутаннойона, бывшего из племени *кингит*; тысячу Хушитая, бывшего из племени *хушин*; тысячу Бауку, также бывшего из племени хушин. Эти четыре личные тысячи воинов царевича Джучи, пишет персидский историк первой половины XIV в. Вассаф, после его смерти перешли в ведение его старшего сына, Орды, и уже при жизни Орды (ум. ок. 1251 г.) составляли вместе с прямыми потом-

ками более одного тумана живого войска, т.е. более 10 тысяч наличных воинов [25, с. 84].

По сообщению Махмуда ибн Вали, автора многотомной всеобщей истории «Бахр ал-асрар», в составе войска Бату, в частности, были ополчения племён *аргун*, *огуз*, *найман*, *буйрак*, *ойрат*, *карлук*, *кушчи*, *усун*, *минг*, *конграт*, *кереит*, *барлас*. Источники, откуда Махмуд ибн Вали черпал свои сведения о племенном составе войска Бату, нам неизвестны.

После завершения военной кампании 1236–1242 гг., большая часть центрально-азиатских племен вместе со своими вождями возвратилась на родину, но какое-то количество выходцев из них было распределено после похода между Джучидами в качестве эля – таким образом, они стали «дештскими». Абу-л-Гази и автор «Зубдат ал-асар» (XVI в.) сообщают, что Бату после возвращения из похода в Восточную Европу (1242 г.) отдал под власть своего брата, Шибана, народ, состоявший из 15 тысяч семейств, выделив ему из «древних родов» (*байри элинден*) четыре главных племени: *кушчи*, *найман*, *карлук*, *буйрак*; другому своему брату, Тукай-Тимуру, Бату выделил «из *каучинов*» (т.е. из привилегированной части войска) *минг*, *тархан*, *ушун*, *ойрат*. Определённое количество кочевых орд, а также достаточное для их кочевания пространство земли получили в Дешт-и Кыпчаке и другие братья и родичи Бату, и, конечно, сам Бату; но список названий этих племен неизвестен.

Судя по отрывочным сведениям мусульманских источников, некоторое количество новых монголо-татарских племён прибыло в Дешт-и Кыпчак как из самой Монголии, так и других монгольских улусов за период, прошедший от Бату (ум. 1255 г.) до воцарения Узбека (1313 г.). В составе войска золотоордынских ханов XIII – начала XV в. в источниках называются части из племён *кунграт*, *кыят*, *сарай*, *бахрин*, *найман*, *джалаир*, *уйшун*, *кыпчак*, *курлаут*, *алчин*, *буруджоглы*, *йисут*, *курдер*. Так, личная гвардия золотоордынского хана Токтамыша (ум. 1406) состояла из представителей четырех племен: *ширин*, *барин*, *аргын*, *кыпчак*. В XV–XVI вв. эти четыре племени были главными племенами Крымского ханства [34, р. 281–307].

В связи с событиями в Дешт-и Кыпчаке в 30–90-е годы XV в. в мусульманских источниках перечисляются еще несколько десятков названий дештских родов и племен. Сведя воедино наличный материал, мы получаем следующий сводный Список названий родов и племен Улуса Джучи XIII–XV вв. (для удобства пользования этнические названия приводятся в алфавитном порядке): *алтын*, *аргун*, *ас*, *барак*, *барин*, *барлас*, *бахрин*, *башгырд*, *буйрак*, *буркут*, *буруджоглы*, *джалаир*, *джуркун*, *дурман*, *ички*, *ички-байри*, *йиджан*, *йисут*, *йети-минг*, *каанбайлы*, *карлук*, *кенегес*, *кереит*, *кингит*, *кыпчак*, *кунграт*, *кыят*, *куйун*, *курдер*, *курлаут*, *кушчи*, *маджар*, *мангыт*, *масит*, *меркит* (*мекрит*), *минг*, *найман*, *огуз*, *ойрат*, *салор*, *сарай*, *сихиут* (*сиджиут*), *таймас*, *табгут* (*тангут*), *тархан*, *татар*, *тили-минг*, *тубай*, *тубай-туман*, *туман*, *туман-минг*, *уйгур*, *уйсун*, *украи-найман*, *утарчи*, *хитай*, *хушин*, *чат*, *чинбай*, *чубурган*, *шадбаклы*, *шункарлы* = (62) [см.: 27, с. 8–16].

Наблюдаемое обилие монгольских названий племен в составе Джучиева улуса не должно смущать или удивлять нас. Оно объясняется прежде всего тем, что монголы среди тюркского мира Кыпчакской степи были господствующим слоем и составляли привилегированную часть войска Улуса Джучи. Своеобразие рассматриваемой исторической ситуации заключается как раз в

другом, а именно: все эти многочисленные племена и роды Джучиева улуса, носившие монгольские наименования, представляли собою в XIV–XV вв. тюркоязычную этническую общность. Дело в том, что удельный вес собственно монгольского населения в Золотой Орде с самого начала ее образования был сравнительно небольшим. В XIV в. и эти монголы были полностью тюркизированы. Процесс ассимиляции монголов, пришедших в Дешт-и Кыпчак, с жившими здесь тюркскими кочевниками замечательно метко и живо описал современник событий, арабский автор ал-Омари (ум. 1349 г.). «В древности это государство было страной кыпчаков, – писал он, – но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода, оттого, что монголы и татары поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле кыпчаков. Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе...» [29, с. 235]. Исследователи делают вполне обоснованный вывод о том, что государство потомков Джучи с центром в Поволжье было «монгольским государством» лишь в династийном отношении, являясь на самом деле тюркской страной по культуре, хозяйству и этнической основе [31, с. 100].

В источниках при освещении событий XIII – первой половины XIV вв. для обозначения кочевого населения Улуса Джучи одинаково употреблялись слова «татары», «монголы», «тюрки», «кыпчаки». Из этих названий дольше всех удержалось слово «татар»: в частности, в русских источниках кочевое население Золотой Орды продолжали называть татарами и после XV в., так что для русских «татарскими» были все тюркские государства монгольской династии, с которыми они имели непосредственный контакт в XV–XVI вв. – ханства Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское (на Иртыше, около современного Тобольска). Постепенно центральноазиатское слово «татар» превратилось в самоназвание тюркоязычного населения Поволжья (от Казани до Астрахани), Крыма и части Западной Сибири. Этническую основу татар Поволжья, Крыма и Западной Сибири составили тюркские племена и общности, исконно жившие на этих территориях; происхождение современных татар Российской Федерации не определяется этнической историей древних татар Центральной Азии и прямо не связано с ними; это следует четко помнить и различать.

Со второй половины XIV в. кочевое население Улуса Джучи известно нам под общим собирательным названием *узбеки*. Происхождение названия «узбек» окончательно не выяснено. Как имя собственное это слово встречается и для периода ранее XIV в. Как имя части кочевых племён Улуса Джучи слово «узбеки», насколько сейчас известно, впервые встречается у персидского историка и географа XIV в. Хамдаллаха Мустауфи Казвини (ум. 1350 г.). Описывая военный поход золотоордынцев на Азербайджан в 1335 г., он описывает войско Узбек-хана *узбекцами (узбекиан)*, а государство потомков Джучи – «Государством узбекцев» (*Мамлакати-и Узбеки*) [25, с. 93, 121–122].

Более поздние персоязычные и тюркоязычные авторы, писавшие об Улусе Джучи, распространили имя Узбек-хана (при котором в Золотой Орде окончательно установилось господство ислама и укрепились ее культурные и

экономические связи с мусульманскими странами, особенно с Египтом) на все разноплеменное кочевое население Золотой Орды и на само государство потомков Джучи. С XV столетия, по мере распада Золотой Орды и приобретения политического суверенитета отдельными ее частями, слово *узбек*, как этническое и государственное название, постепенно исчезло из употребления в западных областях Великой Степи и осталось только за кочевыми тюркскими и тюркизированными племенами Восточного Дешт-и Кыпчака, хотя ханы этой области не происходили от хана Узбека (ум. 1341 г.). Для обозначения территории их обитания мусульманские авторы стали употреблять исключительно термин *Узбекский улус* или просто *Узбекистан* («Страна узбеков»). Таким образом, тогдашний средневековый Узбекистан включал в свой состав, в частности, территорию современного Центрального, Северного, Северо-Восточного и Западного Казахстана.

В 1500 г. потомки Шибана, сына Джучи, братья Мухаммад Шейбани и Махмуд-султан, пользуясь раздробленностью государства Тимуридов в Средней Азии, выступили из Узбекского улуса (Восточного Дешт-и Кыпчака) со своими приверженцами, захватили Бухару, а в следующем году – Самарканд, – и основали там, в Мавераннахре (Среднеазиатское междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи), независимое ханство Шейбанидов. Господство этой ветви дома Шибана в Мавераннахре длилось до 1601 г. [1, с. 103–104].

Около 1511 г. из Восточного Дешт-и Кыпчака (Узбекского улуса) выступила еще одна группа оставшихся в Великой Степи Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, сына Чингиз-хана) во главе с Илбарс-султаном и Билбарс-султаном, тоже братьями. Они со своими приверженцами овладели Ургенчем, Хивой и прочими областями Хорезма и там, в низовьях Аму-Дарьи, основали другое независимое государство Шибанидов, впоследствии получившее в литературе название *Хивинское ханство*. Господство этой особой ветви потомков Шибана в Хорезме длилось до 1106/1694–1695 г. К этой ветви принадлежал и хан-историк Абу-л-Гази, который сам написал историю своих предков и страны.

Анализ данных письменных источников показывает, что общее число кочевников Дешт-и Кыпчака, ушедших в начале XVI столетия из степи в Мавераннахр, достигало 360 тысяч человек. Уход Шибанидов со значительной частью кочевых племен Узбекского улуса с территории, занимаемой современными Казахскими степями, послужил причиной переноса термина «узбек» в покоренные ими области Средней Азии. Однако еще долгое время в Мавераннахре и Хорезме название *узбек* оставалось только за теми родами и племенами Узбекского улуса, которые вместе с Шибанидами пришли в Мавераннахр. Даже в XIX столетии в самих среднеазиатских ханствах термин *узбек* употреблялся редко, обычно только в тех случаях, когда узбека (т.е. «дештикыпчакца» по происхождению) нужно было противопоставить представителю иной этнической или социальной группы, например, *таджик*у, *сарту* (так называли тогда в большинстве районов Средней Азии говорившее по-тюркски городское население) или *чагатаю* (так, по имени Чагатая, второго сына Чингиз-хана, сама себя называла в то время часть населения Средней Азии). Объединяющим этнонимом на территории в границах современного Узбекистана термин *узбек* стал лишь с XX в., после формального разделения Туркестана (Средней Азии) на национальные республики.

Так что история современного узбекского народа не тождественна с историей его имени. И это следует помнить.

В начале второй половины XV в. от узбеков Узбекского улуса отделились *казаки (казахи)*. Процесс их превращения в самостоятельный этнос начался в 20-е годы XV в. В 1428 г. в одном из сражений погиб хан Восточного Дешт-и Кыпчака Барак-султан, внук Урус-хана, потомка Орда-ичена, старшего сына Джучи, и тогда же в области Тара (бассейн р. Тобола) воцарился Абу-л Хайр султан, представитель дома Шибана. В 864/1459–1460 гг. Гирей-султан, Джанибек-султан и некоторые другие потомки Урус-султана, недовольные властью Шибанида Абу-л Хайра, покинули Узбекский улус с подвластными им родами и племенами и прикочевали в соседний Моголистан, верховным правителем которого в те годы был Есен-Буга хан. Он благосклонно принял султанов из рода Джучи и предоставил им для кочевания западную часть своих владений.

В ту эпоху для обозначения временного состояния вольных людей, оторвавшихся по разным причинам и разными путями от своей социальной среды и принужденных обстоятельствами вести жизнь искателей приключений, употреблялось тюркское слово *казак*, известное еще с первой половины XIII в. [12, с. 68]¹. Так как Гирей, Джанибек и их приверженцы были людьми, ушедшими от своих и скитавшимися по окраинам государства кочевых узбеков, к которому они принадлежали и с которым находились в состоянии войны, то их прозвали узбеками-казаками, т.е. узбекскими казаками, или просто казаками. Имя это за ними закрепилось.

В 1468/1469 г. Абу-л Хайр хан умер, и в Узбекском улусе началась борьба за верховную власть. В этой обстановке Гирей, Джанибек и их казачья вольница вернулись в Узбекский улус и в 875/1470–1471 гг. захватили верховную власть в стране, основав династию собственно казахских султанов (*даулат-и салатин-и казак*). Имя *казак* сначала передалось ханству, а затем стало названием народности; с первых десятилетий XVI в. за страной закрепилось название Казакстан.

С тех пор и донныне коренные жители этой огромной страны себя иначе не называют, как *казаками*, а точнее *қазақами*; исходная форма этого тюркского слова именно такая – два увулярных *қ*: начальный и конечный, – *қазақ*. Между тем в русскоязычной литературе долгое время (начиная с XVIII и до 30-х годов XX столетия) для обозначения коренного населения Казахстана употреблялись слова *кайсаки*, *киргизы*, *киргиз-кайсаки*, *казак-киргизы*, *казак-буруты*, *киргиз-казаки*.

С образованием в 875/1470–1471 гг. Казахского ханства Узбекский улус окончательно распался. С тех пор казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана. Степи западной части Узбекского улуса, с центром в местности по нижнему течению Яика, служили для кочевков объединения племен, известных в восточных источниках как *мангыты*, по имени одного из

¹ Уже в XIV в. оно входит и в русский язык: казаками на Руси звали людей без определенных занятий и постоянного местожительства, вольных, гулящих людей, а также вольнонаемных батраков и т.д.; с середины XV в. имеются сведения об отрядах русских казаков, участвовавших в военных действиях против «татар». Родиной русского казачества историки признают южные окраины Руси, смежные с Кыпчакской степью, условия которых придавали этой вольнице характер военного общества.

тюркизированных монгольских племен, некогда живших в Восточной Азии. В русских источниках мангыты называются *ногайцами*, по имени известного в истории Золотой Орды джучидского царевича Ногая (ум. 1300 г.). В XV–XVI вв. мангыты (ногайцы) составляли не только этнографическую, но и политическую единицу (Мангытский йурт в мусульманских источниках, Ногайская Орда в русских источниках) и имели своих властителей (*бии*, *мурзы*). В XVII в. объединение окончательно распалось, большая часть составлявших его племен и родов откочевала на запад. Русский термин *ногайцы* полностью заменил восточное название *мангыты*, а впоследствии стал самоназванием ныне живущего в Дагестане и Ставропольском крае тюркоязычного ногайского народа [см. подробнее: 30].

Вопрос о том, когда и откуда тяньшанские кыргызы пришли на территорию современного Кыргызстана, остается неясным и дискуссионным. В первый раз кыргызы как этническое сообщество упоминаются на их теперешней родине в «*Тарих-и Рашиди*» Мирзы Хайдара, в рассказе о событиях, происходивших зимой 1503–1504 гг. [5, с. 213–214; 6, с. 512–513; 9, с. 90]. Мирза Хайдар, происходивший из могольского племени *дуглат*, не признает этнографического различия между кыргызами и моголами (речь о которых пойдет ниже) и считает кыргызов отделившейся частью моголов; главную причину бывшей между ними вражды он объясняет тем, что моголы приняли ислам, а кыргызы оставались язычниками. Вот слова самого Мирзы Хайдара: «... На Моголистан стали претендовать узбеки-казаки и киргизы. Хотя киргизы тоже из могольских племен, но по причине частого неповиновения хаканам они отделились от моголов. Все моголы стали мусульманами и вошли в число последователей ислама, а киргизы, как и прежде, остались во власти неверия. По этой причине они вышли из состава моголов» [19, л. 83б–84а].

Кыргызы были кочевниками-скотоводами. Но в отличие от степных кочевников Центральной Евразии кыргызы жили, как впоследствии, в горах и предгорьях Тянь-Шаня и пасли свой скот не на степных, а на горных пастбищах. Примечательно, что в сочинении «Бадаи' ат-таварих», написанном одним из садров при хане Абд ал-Азизе, встречается разъяснение названия киргиз, позволяющее предполагать, что, во всяком случае в XVII в., термин киргиз употребляется в Средней Азии в значении «горец» [см.: 4, с. 270, прим. 1].

Важные сведения о тяньшанских кыргызах сообщает османский автор конца XVI в. Сейфи Челеби. Привожу перевод, выполненный по микрофильму оригинала, хранящегося в Лейденской университетской библиотеке. «По эту сторону Кашгарии обитает племя, носящее название кыргыз. Они – кочевники и родственны моголам (буквально: «той же породы, что и моголы»). Это многочисленное племя. У них нет хана, а есть только беки, которых называют *кашка*. Они не кафиры и не мусульмане. Кыргызы живут на крутых горах, в которых есть местами проходы. Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отсылают свои семьи в глубь гор, а сами занимают те проходы, чтобы никто не прошел. Действуя камнем йада, они заставляют снег падать на идущее против них войско и производят такой холод, что воины противника не могут действовать ни руками, ни ногами. Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов. Умерших они не зарывают в землю, а кладут в гроб, который подвешивают на растущие у них высокие деревья; кости их остаются там, пока не сгниют и не рассеются» [28, с. 260].

Известия Сейфи Челеби о тяньшанских кыргызах интересны во многих отношениях. Особо обращает на себя внимание то, что, подобно Мирзе Хайдару Дуглату, османский автор считал кыргызов родственниками моголов. Сообщения Мирзы Хайдара и Сейфи Челеби интерпретировались многими исследователями. В этой связи стоит отметить, что вне внимания специалистов до сих пор остается сообщение другого среднеазиатского мусульманского историка, в сочинении которого та же мысль выражена в ясной форме и более обстоятельно, чем у Мирзы Хайдара и Сейфи Челеби. Мы имеем в виду следующее сообщение Абу-л-Гази (ум. в 1664 г.): «У Огуз-хана был внук по имени Киргиз. Киргизы – его потомки. Однако ныне (*бу вақитда*) людей из прямых потомков Киргиза мало: могольские и другие племена, истощив свои пастбища и источники, пришли в йурт киргизов, поселились там и стали называться киргизами. Сами же знают, из какого рода-племени (*урук*) они происходят» [33, р. 42].

Как это видно, и здесь речь идет о процессе этнического взаимодействия кыргызов с моголами. Если в сочинении Мирзы Хайдара говорится о более раннем периоде общности моголов и кыргызов в составе союза племен Моголистана, объединявшихся этнонимом «могол», то сообщение Абу-л-Гази явно отражает этническую ситуацию на Тянь-Шане середины XVII в., когда группы могольских племен влились в состав консолидировавшейся и обособившейся кыргызской народности и были известны соседям уже под общим этнонимом «кыргыз» (киргиз), хотя сами и сохраняли свои родоплеменные названия. В русской историографии XVIII–XIX вв. тяньшанских кыргызов называли то «кара-киргизами», то «дикоканскими киргизами», а «киргизами» ошибочно именовали казахов. Между тем сами кыргызы себя иначе не называют, как только кыргызами [см. подробнее: 17].

Обратившись к этнической истории Чагатайского улуса, нельзя не остановиться подробнее на полиэтнических терминах *чагатай* и *могол*. Еще В.В. Бартольд отмечал, что из всех сыновей Чингиз-хана Чагатай был единственным, имя которого сделалось: 1) официальным термином для обозначения среднеазиатского монгольского государства; 2) названием кочевников, составлявших военную силу Чагатайского государства; 3) а также названием сложившегося в эпоху Тимуридов восточнотюркского литературного языка (*чагатай тюркиси*) [11, с. 540].

Войско Тимура состояло почти исключительно из конницы, а его главная военная сила – из чагатаев. Чагатаи были верны не только кочевой традиции, но и некоторым монгольским обычаям: они носили особую одежду, по обычаю брили голову, но оставляли пучок длинной косы. Вот как описывает Руй Гонсалес де Клавихо, посол короля Кастилии к Тимуру, внешний вид одного из чагатаев-военачальников Тимура, с которым он общался в 1404 г. по пути в Самарканд: «Он был одет в платье из голубого сутими (шелковая китайская ткань) с золотым шитьем, а на голове носил высокий колпак, отделанный жемчугом и драгоценными камнями. Верх колпака имел золотое навершие, с которого спускались две косы, из красных волос, сплетенных в три пряди, ниспадавших сзади и достигающих до плеч. Эти волосы, так сплетенные, и есть знак отличия воинов Тимур-бека» [23, с. 63].

Как привилегированное военное сословие чагатаи занимали особое положение в государстве Тимура сравнительно с оседлым населением. И эта

особенность четко зафиксирована у Клавихо: «А эти чакатаи пользуются особыми льготами от царя: они могут ходить со своими стадами везде, где хотят, пасти их и сеять и жить, где им вздумается, как летом, так и зимой. Они свободны и не платят подати сеньору (государю), так как служат ему на войне, когда их позовет. И не думайте, что они где-нибудь оставляют своих жен, детей и стада, – все, что у них есть, они берут с собой, когда идут на войну или переходят с места на место» [23, с. 97].

Образ жизни чагатаев кастилец описывает так: «А эти люди, что живут в шатрах и прочих домах, не имеют ничего, кроме этих шатров; и зимой, и летом они ходят по полям. Летом они идут в те места, где есть вода, и там сеют свои хлеба, хлопок, дыни, которые, думаю, самые лучшие и самые обильные во всем мире. Кроме того, они сеют много проса, которое в вареном виде едят с кислым молоком; а зимой уходят в теплые края. И сеньор также со всем своим войском ходит по полям зимой и летом. А так как они чувствуют себя в безопасности, не ходят все вместе, а так что сеньор со своими кавалерами и приближенными, женами и слугами едут в одну сторону, а другие – в иные места. Так они проводят всю жизнь. А скота у них много: баранов, верблюдов и лошадей; коров мало. Когда сеньор призывает этих людей в войско, они тотчас идут со всем своим имуществом, со стадами, женами, детьми и содержат и войско, и местность, куда приходят, снабжая всех баранами, верблюдами и лошадьми. С этими людьми сеньор совершил великие дела и выиграл много сражений. Они народ трудолюбивый и хорошие наездники, стрелки из лука и храбрые воины» [23, с. 95].

Среди названий родов и племен кочевников Западного Туркестана упоминаются полтора-два десятка известных тюркских и монгольских родов и племен, но также ряд ранее неизвестных названий, в т.ч. *апарди, арлат, бадахшан, барлас, бесуд, боролдай, джалаир, караунас, каучин, кыпчак, сулдуз, йасаури (ясаури)* [35, р. 154–165]. Особенным значением среди чагатаев пользовались четыре рода: *арлат, джалаир, каучин и барлас* [3, с. 172].

По мнению некоторых исследователей, термин чагатай первоначально прилагался именно к этим четырем монгольским племенам, составлявшим войско Чагатая. Однако это допущение не во всем согласуется с известиями основных мусульманских источников по истории монголов. Согласно «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина и «Муизз ал-ансаб», из эмиров Чагатая известны: карачар-нойон, из племени барлас; Муке-нойон из племени джалаир; Хошук-нойон из того же племени; Чагатай Малый (Кучик), из племени суннит [22, с. 275, т. 2, с. 94; 18, л.29аб; 10, с. 540]. Далее Рашид ад-Дин добавляет: «Основую войска Чагатая и его детей, которые ныне пришли вместе с Дува-ханом, были эти четыре тысячи, умножавшиеся путем рождения и размножения. Возможно, что к ним прибавилось еще какое-нибудь племя из других родов немонгольских» [22, с. 275]. Последние слова Рашид ад-Дина подтверждает и вышеупомянутый Клавихо: «Из-за этой известности, какую эти чакатаи приобрели», пишет он, многие (кочевые) жители страны теперь называют себя так, «хотя они совсем и не их племени» [23, с. 106].

Как известно, Тимур, став верховным эмиром Мавераннахра, создал для себя укрепленную столицу в Самарканде с крепостными стенами и цитаделью. Создание укрепленной столицы вызвало заговор против Тимура и смуту в стране, но заговор был подавлен, а виновники наказаны. Тимуру удалось

даже примирить между собой чагатаев, более того, создать из них высокодисциплинированную военную силу, слепо преданную своему харизматическому вождю

После смерти Тимура в 1405 г. политическая ситуация в стране резко изменилась. Если при Тимуре термин *чагатай* относился не ко всему населению страны, но только к военному сословию, то в XV в. он приобрел более широкое значение: чагатаями стали именовать все тюркское население Мавераннахра без ограничения его кочевой частью. Позже, в период борьбы Тимуридов с Мухаммадом Шейбани, все население Мавераннахра, как тюркское, так и таджикское, стало именоваться чагатайским народом (*чагатай эли*), в противоположность дештским узбекам Шейбани-хана [13, с. 3; 24, с. 1–3; 26, с. 135].

По этнографическим данным, часть населения Мавераннахра еще в начале XX в. достаточно стойко сохраняла самоназвание *чагатай* [14, с. 123–127].

От названия *чагатай* обратимся теперь к термину *могол*. Первоначально, в XIII в., термин *могол* обозначал в Средней Азии собственно монголов – пришельцев из глубин Центральной Азии. Он содержал в себе политическую, этнографическую и иную характеристику носителей этого имени. Иными словами, термин *могол* был названием этнографической группы в Средней Азии и Восточном Туркестане по названию народа-завоевателя. В XIV–XVII вв. слово «могол» обозначало уже не совсем тех и не только тех, кого вначале. Термин *могол* остался, осталось и этнографическое представление о называемом у тех, кто употреблял этот термин, но сам первоначальный объект изменился вовсе: моголы (монголы) приняли тюркский язык, как основной язык, значительная их часть приняла ислам и т.д.; однако – что очень важно – моголы в массе своей сохранили кочевой образ жизни. Поскольку кочевую часть населения Моголистана составляли не только моголы (монголы), но и многочисленные тюркские роды и племена, то за термином *могол* закрепилось, по меньшей мере, два значения:

1. В узком смысле моголы – это отюреченные монголы, которые выступали как ревностные хранители монгольских кочевых традиций в этнографическом, бытовом и ином планах и именно этим отличались не только от тогдашних западнотуркестанских своих соседей, но и других подданных ханов-чагатаидов Восточного Туркестана, которые (т.е. ханы) в мусульманских источниках также называются моголами.

2. В широком смысле термин *могол* употреблялся в собирательном значении и обозначал просто принадлежность различных кочевых скотоводческих родов, племен и народностей, независимо от их языка, верования и этнической принадлежности, именно к государству моголов – Моголистану, Моголийе. Поэтому многие авторы XV–XVII вв. причисляли к моголам не только такие отюреченные монгольские племена, как, например, дуглат, чурас, керейты и др., но также семиреченских канглы, присырдарьинских карлуков, тяньшанских кыргызов, т.е. природных тюрков; поэтому они причисляли к моголам и восточнотуркестанских монголов-шаманистов, и семиреченских тюрков-мусульман, и тяньшанских кыргызов – тогда кафиров.

Иначе говоря, термин *могол* трактовался то в узко этнографическом смысле – монгол вообще, то в широком социально-бытовом смысле – кочевник-скотовод вообще. И смотря по тому, которое из этих двух значений

средневековый автор хотел подчеркнуть, моголы характеризовались и даже назывались по-разному. Если, например, моголы противопоставлялись коренному населению Средней Азии и Восточного Туркестана, то употреблялось чаще всего выражение *каум-е могол* («сообщество моголов»); если моголы противопоставлялись чагатаям, т.е. кочевым тюрко-монгольским родам и племенам Западного Туркестана, то употреблялось слово *джете* («вольница»); если моголы противопоставлялись коренным оседлым жителям Моголистана и Моголийе, то, соответственно, могол – это *сахранишин* («степняк-кочевник»).

Восточнотуркестанский историк Мирза Хайдар Дуглат (1500–1550) пишет, что в его время население Кашгарии разделялось на четыре группы (*кисм*): тюмень – крестьянство (райят), платившее ежегодную подать хану; каучин – войско (сипахи); аймак – кочевники, имевшие право на определенное количество хлеба, тканей и т.п.; и, наконец, на чиновников и представителей мусульманской религии [19, л. 165б–166а]. Кстати, эти известия Мирзы Хайдара о населении Кашгарии повторяются почти дословно в «Хафт иклим» Амина ибн Ахмада Рази (конец XVI в.) и «Джахан-нума» Хаджжи Халифы (XVII вв.). По мнению В.В. Бартольда, которое вполне разделяет и автор настоящих строк, каучины и аймаки вместе составляли моголов Моголистана и Моголийе [3, с. 171].

Исходя из всего вышеизложенного, в целом значение слова «могол» можно определить так: моголы Моголистана и Моголийе – это кочевники вообще, составлявшие основную военную силу страны. В этом смысле моголы не представляли собой особый этнический коллектив: среди моголов Моголистана и Моголийе были и природные монголы, еще не оставившие шаманистских воззрений, и природные тюрки-мусульмане, и другие, сохранившие кочевые традиции, народности; в этом смысле моголы Моголистана и Моголийе не составляли и особое сословие: моголы вообще и собственно монголы в частности были и среди султанов, и среди эмиров, и среди рядовых кочевников.

Иными словами, если определять значение слова «могол» в общем и целом, то моголы – это привилегированное господствующее кочевое население Моголистана и Моголийе. Кстати, именно поэтому этим словом было обозначено и государство, образованное эмиром Пуладчи и Туглук-Тимур-ханом в середине XIV в., – Моголистан («Страна моголов»), Мамлакат-и Моголистан («Государство Моголистан»), и государственное образование с центром в Яркенде, созданное в 1514 г. в Восточном Туркестане Чагатаидом Саид-ханом – Моголийе, Мамлакат-и Моголийе; именно поэтому слово *могол*, как официальный термин, могло быть истолковано и употреблено отдельными мусульманскими авторами XV–XVII вв. и как общее название подданных Моголистана и Моголийе вообще.

После распада Чагатайского ханства на два отдельных государства в середине XIV в. официальное название *чагатай* сохранилось только за западным государством (государством Тимура) и его населением. Жители этих двух государств, пишет Мирза Хайдар Дуглат, «по причине взаимной неприязни называют друг друга разными уничижительными именами, а именно: чагатаи называют моголов – джете, а моголы именуют чагатаев караунасами» [19, л. 83б–84а].

Караунас значит «метис», «человек смешанного происхождения». Именно в таком значении употребляет это слово и автор XIII в. Марко Поло. Описывая некудерицев, т.е. отряды Некудер (Негудер)-огула, сына Муджи-Йебе, сына Чагатая, кочевавших в областях Кермана и юго-восточного Хорасана и совершавших частые и опустошительные набеги на соседние земли, он пишет: «Городов, крепостей тут много. Города обнесены земляными валами, высокими, толстыми, в защиту от каранов, что бродяжничают по здешним местам и грабят всех. Зовут их так, потому что матери у них индианки, а отцы татары» [15, с. 125]. Со второй половины XIV в., как мы знаем, моголы Моголистана называли караунасами чагатаев, т.е. подданных государства Тимура и Тимуридов. Небезынтересно отметить, что автор XVII в. Махмуд ибн Вали, описывая военные события XV в., называет караунасами (*аквам-и караунас*) самих моголов Моголистана и противопоставляет их «токмаковцам», т.е. кочевым скотоводческим родам и племенам Великой Степи. В XVI–XVII вв. термин *караунас* в значении «метис» широко применялся в Индии для обозначения уже потомков и чагатаев, и моголов, прибывших туда вместе с Бабуром (ум. в 1530 г.). По мнению исследователей, термин *караунас* образовался, возможно, от тюркского слова «кара» (караунас – форма мн.ч.) и служил для обозначения людей смешанного низкого происхождения [см. подробнее: 2; 17, с. 155–156; 32, s. 52–54; 35, p. 159–161].

Монгольское слово *джете* («вольница») равнозначно тюркскому *казак*. Оно впервые встречается в «Мулхакат ас-сурах» Джамала Карши без указания года, где говорится о том, что Кашгар подвергся нашествию джете [3, с. 156]. О монголах-джете в районе Байбурта сообщает историк Ильханов Рашид ад-Дин (ум. в 1318 г.) в своей «Переписке» [см.: 20, с. 29, прим. 5]. В обоих указанных случаях речь идет, по-видимому, просто о «вольнице».

Термин *джете* получил дальнейшее развитие у тимуридских историков XV в., где это слово появляется уже как насмешливое прозвание моголов и одновременно как название их страны; причем для них Джете («улус Джете», «страна Джете») – термин, равнозначный политическому термину Моголистан. Так употребляет термин Джете и Мирза Хайдар в своем «Тарих-и Рашиди» (XVI в.); а аштарханидский историк XVII в. Махмуд ибн Вали прямо заявляет: «Джете – то же самое, что Мамлак-и Моголистан» [16, л. 286].

По разным причинам судьба моголов сложилась иначе, чем судьба их северных и западных соседей – казахов и узбеков. Коренные перемены в истории моголов совпали с началом XVI столетия. В 1503 г., как уже упоминалось, хан моголов Махмуд потерпел поражение от Мухаммада Шейбани-хана, покинул Ташкент и переселился в Кашгарию. Все западнотуркестанские владения моголов – Ташкент, Сайрам, Ура-Тепе и ряд других городов и крепостей с округами – перешли в руки Шибанидов; кроме того, тогда же Шейбани-ханом была задержана большая часть могольского воинства, т.е. тысячи и тысячи моголов, которых он затем поселил в Мавераннахре. В 1520-х годах под напором казахов Чагатаиды и могольские беки были вынуждены покинуть Семиречье и удалиться в Восточный Туркестан; роды и племена, которые остались кочевать на просторах Семиречья, влились в состав казахов. Примерно в те же десятилетия, так сказать, самоисключились из числа моголов и тяньшанские кыргызы – «лесные львы Моголистана». Какая-то часть моголов подалась вместе с Бабуром в Афганистан, а оттуда в Индию, и приняла участие в создании империи

Великих Моголов. Мирза Хайдар писал в 40-х годах XVI в., что следствием этого явилось то, что «моголы (монголы) теперь стали самыми отдаленными и самыми малочисленными созданиями» и что их, «может быть, осталось около тридцати тысяч в пределах Турфана и Кашгара» [19, л. 84а].

Семнадцатое столетие оказалось для моголов Восточного Туркестана и вовсе трагичным. Многие могольские беки были насильственно изгнаны или добровольно удалились из страны, так что уже к 1667 г. при Абдаллах-хане там оставались в основном киргизы. К концу XVII в. пресеклась и династия Чагатая в Восточном Туркестане, и Могольское государство прекратило свое существование. К тому времени сильно поредели и собственно могольские роды и племена. Природные условия Кашгарии оказались неблагоприятными для ведения кочевой жизни, и моголы-кочевники постепенно слились с местным оседлым населением и в большинстве утратили свое название.

В XVIII–XIX вв. под властью китайцев население Восточного Туркестана вовсе не имело общего имени, и жители разных местностей страны называли себя по-разному: йерлик, мусулман халк, кашгарлык, яркендлик и т.п. Уже в XX столетии, когда в связи с идеей автономизации края появилась необходимость в общем этническом имени, тюркская интеллигенция Восточного Туркестана избрала термин *уйгур*, хотя владения древних уйгуров никогда не доходили до западной части Кашгарии. Слово *уйгур* постепенно стало общим собирательным именем основной части современного тюркоязычного населения Восточного Туркестана и вошло в состав нынешнего титульного названия края – Синьцзян-Уйгурский район Китайской Народной Республики.

Таким образом, ни один из терминов, обозначавших в разное время разные части населения Чагатайского улуса (восточный и западный), не стал общенародным (этническим) названием в Туркестане.

В заключение можно отметить, что практически именно с конца XV и начала XVI столетий вместе со сложением и упрочением Казахского ханства в бывшем Узбекском улусе (70-е годы XV в.), Бухарского ханства (1501 г.), Хивинского ханства (1511 г.) и Могольского государства с центром в Яркенде (1514 г.) на исторической арене Средней Азии появились новые народности: узбеки, казахи, тяньшанские кыргызы, каракалпаки. Именно с этого времени мы можем и должны говорить не о племенах и племенных союзах (или не только о племенах и племенных союзах), а новых этнических (этнополитических) реалиях, ставших следствием многовековых, глубинных и разноаспектных процессов, которые приобрели определяющее значение с конца XV столетия. Эти тенденции стали отличительной чертой тюркоязычных народов Центральной Евразии с начала XVI в.

Таким образом, можно утверждать, что двумя наиболее значимыми этапами этногенеза Центральной Евразии в Средние века стали, во-первых, монгольские завоевания и создание Монгольской империи и, во-вторых, начало XVI в., которое, по мнению В.В. Бартольда, в целом стало гранью между «средневековой» и «новой» историей мусульманского Востока [7, с. 750]. Несомненно, в свете новейших исследований и введения в научный оборот целого ряда новых источников общие тенденции и отдельные особенности этнополитической истории народов Центральной Евразии нуждаются в дополнительном изучении, а сложившиеся мнения, пусть и принадлежащие классикам востоковедения, могут быть дополнены или даже пересмотрены.

Однако при этом следует избегать опасностей и соблазнов полностью отвергать выводы предыдущих исследователей и выстраивать новые «сенсационные» теории происхождения отдельных тюркских народов или государств, чем, к сожалению, в последнее время занялись некоторые авторы, фактически занявшиеся этнополитическим мифотворчеством². Основой для дальнейших исследований должны стать глубокое изучение источников и критический анализ ранее проведенных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 229 с.
2. *Арапов А.В.* Караунасы, никудерийцы и их роль в чагатайской истории // *Общественные науки в Узбекистане*. 2004. № 2–3. С. 61–67.
3. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 17–192.
4. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 167–433.
5. *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 193–229.
6. *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 471–544.
7. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 649–772.
8. *Бартольд В.В.* Обзор истории тюркских народов // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 425–437.
9. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 21–106.
10. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 43–610.
11. *Бартольд В.В.* Чагатай-хан // *Бартольд В.В. Сочинения*. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 540–544.
12. *Ибрагимов С.К.* Еще раз о термине «казах» // *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8)*. Алма-Ата: 1960. С. 66–71.
13. *Кармышева Б.Х.* К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964). Отд. оттиск. М.: 1964. 9 с.
14. *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М.: Наука, 1976. 323 с.
15. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. Алматы: Мектеп, 2004. 616 с.
16. *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахийар. Т. 6. Ч. 2–3. Фотокопия рукописи из Ташкента (шифр ИВР РАН, ФВ 82; Т.6, ч. 4. Ксерокопия рукописи библиотеки «Индия Офис»), № 1496. Англия.

² Подобная деятельность, в частности, в Казахстане подробно описана в специальной монографии: Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

17. Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тяньшане. Бишкек: Манас, 2010. 280 с.
18. Муизз ал-ансаб. Рукопись Национальной библиотеки (Франция). Р. 67.
19. Мухаммад Хайдар ибн Мухаммад Хусайн Гурган. Тарих-и Рашиди. Рукопись ИВР РАН, В 648.
20. Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7–38.
21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 220 с.
22. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой; примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
23. Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староисп. И.С. Мироковой. М.: Наука, 1990. 216 с.
24. Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 1–23.
25. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
26. Стеблева И.В. К вопросу о происхождении жанра туюг // Тюркологический сборник. 1970. М.: Наука, 1970. С. 135–147.
27. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. Вопросы этнической и социальной истории. М.: Наука, 1982. 134 с.
28. Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 254–272.
29. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
30. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
31. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 1979. 319 с.
32. Ando Sh. Timuridische Emire nach dem Muizz al-ansab. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1992. 337 s.
33. Histoire des Mongols et des Tatars par Aboul-Ghâzi Bêhadour Khan. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T. 1. Texte. St. Petersburg, 1871. 386 p.
34. Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. II. № 3. Sept. 1978. P. 282–309.
35. Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. xi + 227 p.

Сведения об авторе: Турсун Икрамович Султанов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: vasilieva_nina@mail.ru

Поступила 11.01.2017 г.
Принята к публикации 07.03. 2017 г.

HISTORIOGRAPHY OF THE ETHNIC AND POLITICAL HISTORY OF THE JOCHID AND CHAGHATAID ULUSES

T.I. Sultanov

*Saint Petersburg University
St. Petersburg 199034, Russian Federation
E-mail: vasilieva_nina@mail.ru*

Objective: The article is dedicated to basic stages of ethnic and political development of two heirs of the Mongol Empire – uluses of Jochi (Golden Horde) and Chaghatai (in Central Asia) and their own successors in the 13th–18th cc.

Research materials: The sources mainly used in this study are historical works of contemporary Islamic authors: Jamal Qarshi, Rashid al-Din, Wassaf (turn of the 13th–14th cc.), al-Omari and Hamdallah Qazwini (14th c.), Mirza Muhammad Haydar, Seyfi Celebi, Amin b. Ahmad Razi (16th c.), Abu-l-Ghazi, Mahmud b. Wali, Hajji Khalifa (17th c.) and others. Also opinions of leading Soviet and post-Soviet as well as foreign specialists on ethnical and political history of Central Asia (V. Barthold, A. Samoilovich, S. Ibragimov, A. Mokeev, B. Karmysheva, Sh. Ando, B.F. Manz, etc.) have been taken into consideration in this study.

Results and novelty of the research: The “reference point” of this article is epoch of Mongol invasions and establishment of the Mongol Empire. During this time earlier political and ethnical realities were crushed. Disintegration of the Empire and creation of independent Chinggisid states initiated new turn of ethno- and politogenesis continued until the fall of these states at the beginning of the 16th c.

Thus, ethnical and political development of the Central Eurasia was a long-term process, and firstly the terms, which are used as ethnonyms today, reflected political and social but not a national characteristics of their holders. Only after disintegration of Chinggisid uluses of imperial type and appearance of new states (Kazakh khanate, Shibanid states on the territory of Chaghataid ulus, Moghulistan and Moghulia-Kashgaria in the Eastern Turkistan) we could talk about formation of ethnical formations, which became a basis for the modern peoples of the Central Asia.

Author pays attention to hypothetical nature of many conclusions of specialist in the ethnical history of Eurasia although they based on careful study of medieval sources. This gives an opportunity to continue researches of this subject.

Keywords: Mongol Empire, ulus of Jochi, Chaghataid ulus, ethnic and political history, Kipchaks, Uzbeks, Chaghatais, Moghuls, medieval Islamic historiography.

For citation: Sultanov T.I. Historiography of the Ethnic and Political History of the Jochid and Chaghataid Uluses. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 74–92. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92

REFERENCES

1. Alekseev A.K. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov. Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bakhr al-asrar* [Political History of the Tuqai-Timurids: Based on Materials of Persian Historical Work Bakhr al-asrar]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006. 229 p. (In Russian)
2. Arapov A.V. Karaunasy, nikuderytzy i ikh rol' v chagatayskoy istorii [Qara'unas, Negüderi and Their Role in Chaghataid History]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan], 2004, no. 2–3, pp. 61–67. (In Russian)
3. Bartol'd V.V. Dvenadtsat' lektsiy po istorii turetskikh narodov Sredney Azii [Twelve Lectures on the History of Turkish Peoples of Middle Asia]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 17–192. (In Russian)

4. Bartol'd V.V. Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana [History of Cultural Life of Turkestan]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2, part 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 167–433. (In Russian)
5. Bartol'd V.V. Istoriya turetsko-mongol'skikh narodov [History of Turkish-Mongol Peoples]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 193–229. (In Russian)
6. Bartol'd V.V. Kirgizy. Istoricheskiy ocherk [The Kyrgyz. Historical Essay]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. II, part. 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 471–544. (In Russian)
7. Bartol'd V.V. Mesto prikaspiyskikh oblastey v istorii musul'manskogo mira [The Place of Caspian Regions in the History of Islamic World]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2, Pt. 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 649–772. (In Russian)
8. Bartol'd V.V. Obzor istorii tyurkskikh narodov [Survey of the History of Turkic Peoples]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 425–437. (In Russian)
9. Bartol'd V.V. Ocherk istorii Semirech'ya [Essay on the History of Zhetysay]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2, part 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 21–106. (In Russian)
10. Bartol'd V.V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan during the Mongol Invasion]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, pp. 43–610. (In Russian)
11. Bartol'd V.V. Chagatay-khan [Chaghatai Khan]. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2, part 2. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 540–544. (In Russian)
12. Ibragimov S.K. Eshche raz o termine «kazakh» [Once More on the Term Kazakh]. *Novye materialy po drevney i srednevekovoy istorii Kazakhstana* (Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSSR. T. 8) [New Materials on Ancient and Medieval History of Kazakhstan (Proceedings of Institute of History, Archaeology and Ethnography of Academy of Science of Kazakh SSR, Vol. 8)]. Alma-Ata, 1960, pp. 66–71. (In Russian)
13. Karmysheva B.Kh. K istorii formirovaniya naseleniya yuzhnykh rayonov Uzbekistana i Tadzhikistana [History of Formation of Population of Southern Areas of Uzbekistan and Tajikistan]. *VII Mezhdunarodnyy kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, avgust 1964)*. Otd. ottisk [7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Moscow, August 1964, Special Reprint)]. Moscow, 1964. 9 p. (In Russian)
14. Karmysheva B.Kh. *Ocherki etnicheskoy istorii yuzhnykh rayonov Tadzhikistana i Uzbekistana (po etnograficheskim dannym)* [Essays on Ethnic History of Southern Areas of Tajikistan and Uzbekistan (based on ethnographic data)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 323 p. (In Russian)
15. *Le Livre de Marco Polo* [Rus. ed.: Kniga Marko Polo o raznoobrazii mira, zapisannaya pizantsem Rustikano v 1298 g. ot R.Kh. Almaty: Mektep, 2004. 616 p.] (In Russian)
16. Mahmud ibn Wali. *Bakhr al-asrar fi manakib al-akhiyar*. Vol. 6. Pt. 2–3. Photocopy from manuscript from Tashkent. Code of IOM RAS, FV 82; Vol. 6, Pt. 4. Xerocopy of manuscript from the «India Office» Library, № 1496, England. (In Persian)
17. Mokeev A. *Kyrgyzy na Altae i na Tyan'shane* [The Kyrgyz on Altai and Tian-Shan]. Bishkek, Manas, 2010. 280 p. (In Russian)
18. *Muizz al-ansab*. Manuscript of the National Library (France). R. 67. (In Persian)
19. Muhammad Haydar ibn Muhammad Husain Gurgan. *Tarikh-i Rashidi*. Manuscript of IOM RAS. V 648. (In Persian)
20. Petrushevskiy I.P. Rashid ad-Din i ego istoricheskiy trud [Rashid al-Din and His Historical Work]. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1, part 1. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952, pp. 7–38. (In Russian)

21. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1, part 1, transl by L.A. Khetagurov; ed. and notes by A.A. Semenov. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 220 p. (In Russian)
22. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1, part 2, transl. by O.I. Smirnov; notes by B.I. Pankratov and O.I. Smirnova; ed. by A.A. Semenov. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 316 p. (In Russian)
23. Ruy Gonzalez de Clavijo. *Embajada a Tamorlan* [Russ. ed.: Rui Gonsales de Klavikho. Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406). Per. so starois. I.S. Mirokovoy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 216 p. (In Russian)
24. Samoylovich A.N. K istorii literaturnogo sredneaziatsko-turetskogo yazyka [History of Literary Central Asian Turkic Language]. *Mir Ali-Shir. Sbornik k pyatisotletiyu so dnya rozhdeniya* [Mir Ali-Shir: Collected Works on occasion of 500th anniversary]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1928, pp. 1–23. (In Russian)
25. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. Vol. 2. *Iz vlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom i obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collected Materials on the Golden Horde History. Extracts from Persian Works collected by V.G. Tiesenhausen and edited by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
26. Stebleva I.V. K voprosu o proiskhozhdenii zhanra tuyug [On the Origin of Tuyug Genre]. *Tyurkologicheskyy sbornik* [Studia Turcologica]. 1970. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 135–147. (In Russian)
27. Sultanov T.I. *Kochevyye plemena Priaral'ya v XV–XVII vv. Voprosy etnicheskoy i sotsial'noy istorii* [Nomadic Tribes of Aral Region of the 15th–17th centuries: Questions of Ethnical and Social History]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 134 p. (In Russian)
28. Sultanov T.I. *Izvestiya osmanskogo istorika XVI v. Seyfi Chelebi o narodakh Tsentral'noy Azii* [Information of the Ottoman Historian of the 16th Seyfi Çelebi on the Peoples of Central Asia]. *Tyurkologicheskyy sbornik 2003–2004. Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e* [Studia Turcologica 2003–2004: Turkic Peoples in Ancient and Medieval Times]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005, pp. 254–272. (In Russian)
29. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collected Materials on the Golden Horde History. Vol. 1: Extracts from Arabic Works]. St. Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian)
30. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordyy* [History of the Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 752 p. (In Russian)
31. Usmanov M.A. *Zhalovannyye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Charters of the Jochid Ulus of the 14th–16th cc.]. Kazan, Kazan State University Publ., 1979. 319 p. (In Russian)
32. Ando Sh. *Timuridische Emire nach dem Muizz al-ansab*. Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 1992. 337 p. (In German)
33. *Histoire des Mongols et des Tatars par Aboul-Ghâzi Bêhadour Khan*. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. Vol. 1. Texte. St. Petersburg, 1871. 386 p.
34. Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. II, no. 3. Sept. 1978, pp. 282–309.
35. Manz B.F. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge, Cambridge University Publ., 1989. xi + 227 p.

About the author: Tursun I. Sultanov – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Central Asia and Caucasus of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University (11, Universitetskaya naberezhnaya St. Peterburg 199034, Russian Federation). E-mail: vasilieva_nina@mail.ru

Received January 11, 2017

Accepted for publication March 07, 2017

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.93-115

THE GODLEN HORDE AND THE MAMLUKS¹*Marie Favereau*^{1,2}¹ *Oxford University
Oxford OX1 2RL, United Kingdom*² *La Sorbounne – Paris IV
Paris 75005, France**E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk*

Research objective: to discuss characteristics of the relations between the Mamluks and the Golden Horde.

Research materials: Mamluk (royal biographies, official histories, chancellery manuals, inṣāʾ literature), Italian, Ilkhanid and Timurid sources.

Results and novelty of the research: the Golden Horde and the Mamluk sultanate exchanged envoys during almost two centuries. The reasons why these two societies enjoyed relations over the long run were complex and changed over time. This study shows that the Mamluk-Jöchid relationship cannot be considered as a single, long-lasting alliance, but as a succession of silent periods and active exchanges. The **novelty of the research** lies in the fact that it aims at clarifying the motivations of the successive alliances set between the sultans and the khans by reconstructing the chronology of these exchanges and carefully investigating key moments. The traditional views on the “Mamluk-Jöchid diplomacy”, described by historians as a loose entente, is here reconsidered and the internal situations of both the Golden Horde and the Mamluk sultanate are taken into account. This study gives an overview of the long relationship of the Golden Horde and the Mamluk sultanate and offers some answers to the following questions: Did the fact that Mamluks and Jöchids shared the same enemies remain the essential cornerstone of their diplomatic relations? Can we speak of a “foreign policy” that went beyond the personal investment of a single ruler? As a **result of our research** we came to the conclusion that the long-term relationships of the Mamluk sultanate and the Golden Horde had a strong impact not only on both empires but also on the whole inter-regional balance.

Keywords: Mamluk sultanate, slave trade, diplomacy, Genoese, Black Sea, Ilkhanids.

For citation: Favereau M. The Golden Horde and the Mamluks. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 93–115. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.93-115

From the mid-thirteenth to the mid-fifteenth century, the Jöchids and the Mamluk sultans of Egypt and Syria regularly exchanged letters, presents and goods; and people used to travel from one territory to another. Slaves, civil administrators, warriors, traders, women, poets and scholars went from the Golden Horde to the sultanate [29, p. 304–319]; Muslim literati, jurists, and traders left the sultanate for the khan's court. Diplomatic missions were an important channel for the transmission of luxury goods – in particular through the circulation of “gifts” ex-

¹ This study is the English version of my article in Russian: Золотая Орда и мамлюки // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография / Хакимов Р.С., Фаверо М., Трепавлов В.В., Миргалеев И.М., Хаутала Р. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 334–353 [31].

pected and even demanded by rulers and elite members – but also of technical skills, knowledge and court fashion [21, p. 28, 32, 61–65]. Jöchids and Mamluks established agreements most likely connected to written statements. The diplomatic letters themselves were sometimes considered as proof of agreement. These agreements were valid for a certain period, usually a ruler's lifetime. A new sovereign would renegotiate the terms of the alliance according to his own background and to the new political situation. Diplomatic clashes between Mamluks and Jöchids and periods of hiatus, when the network was disrupted, occurred a few times. As we will see, the Mamluk-Jöchid relationship cannot be considered as a single, long-lasting alliance, but as a succession of silent periods and active exchanges. Obviously, their complex ties went beyond simple cordial relations, and tensions between the two courts were palpable.

The reasons why these two societies enjoyed relations and exchanges over the long run were complex and changed over time. The historical reconstruction of the entire period raises many questions, and the details of the Mamluk-Jöchid diplomacy are either yet to be uncovered or remained disputed². Did the fact that Mamluks and Jöchids shared common interests – the same enemies, for instance – remain the essential cornerstone of their diplomatic relations? Were they also seeking something else? What was the degree of mutual formal and organized contact? What was the level of formalization of their exchanges? In other words, can we speak of a “foreign policy” that went beyond the personal investment of a single ruler?

This study gives an overview of the long relationship of the Golden Horde and the Mamluk sultanate and offers some answers to these questions. The diplomatic interplay began precisely in 660 H. (between November 1261 and October 1262), year of the sending of the first letter from Cairo, and ended in the mid.-fifteenth century. By then, the Ottomans controlled the Black Sea, Constantinople and the strait of the Bosphorus. The khans lost their hands on the trade roads, and the means of communication between the Golden Horde and the Mamluks, via the Crimean peninsula, were cut. The Giray khans based in the Crimea, torn between the Grand-duchy of Lithuania and the Ottomans, were not able to pursue a diplomatic and economic alliance on their own with the Mamluks.

For a period of almost two centuries (c.1260–c.1440), leaving apart the dubious or ambiguous mentions, we can identify some eighty missions. Times of intense diplomatic activity witnessed continuous reciprocal traffic: the Mamluk envoys sent to the khan came back to the sultan accompanied by Jöchid messengers who carried the answer of their ruler and vice versa. By reconstructing the chronology of these exchanges and carefully investigating key moments, we should be able to clarify the motivations of the successive alliances set up by the Jöchids and the Mamluks. This study reveals how crucial these alliances were for both parties by looking at the three most important periods of exchange:

I. *The beginnings* (1261–1267): the first alliance launched by khan Berke and sultan Baybars.

II. *The Pax Mongolica* (c.1300 – c.1350): a period of time that witnessed the prohibition of the slave trade under khan Toqta and, later, when Uzbek and al-

² Among the numerous studies that deal with the Mamluk-Jöchid alliance, the most important contributions are Zakirov, Amitai, Broadbridge and Ciociltan [1; 11; 24; 26].

Malik al-Nāṣir Muḥammad b. Qalāwūn were in power, the collapse of the Ilkhanate, arch-enemy of both the Golden Horde and the sultanate.

III. *The last alliance* (1382–1399): the last attempt, by khan Toqtamish and sultan al-Zāhir Barqūq, to secure a diplomatic and economic relationship between their empires.

The sources

Most historical studies on the Golden Horde and the Mamluk sultanate tend to focus on the Mamluks' position. The khans' politics appear almost as secondary. This imbalance is generated by the sources themselves: even if the original letters were not preserved, some of them were recorded by the secretaries of the Mamluk chancellery and included in chronicles, chancellery manuals and works of *inṣā'* literature. The academic literature is based on these Arabic versions of the summarized letters. The fact that we do not have the original Jöchid versions raises questions concerning the content of their copies as registered by the Mamluk secretaries. The Jöchid missives could be written in Turkish, Persian, Arabic or Mongolian [30, p. 76–80]; they were then summarized in Arabic and included in official works. How can we know that these copies truly reflected the Jöchids' messages? How should we deal with the strong bias of the Cairo-centric view [24, p. 4]? Can we still rely on these sources? I am inclined to think so.

Mamluk sources of the Golden Horde are precious. They are almost the only “pro-Jöchid sources” we know. Because the first task of a diplomatic mission was to gather and register such information, secretaries and Mamluk historians really meant to record concrete and reliable details about the khans' environment: ruling figures, dynastic history, political achievements and plans, languages spoken at court, geographical descriptions, etc. The Mamluk sources provide, thus, concrete information about political and military issues. The careful reading of these texts, in which the names of the envoys, the list of gifts exchanged and the transcription of the oral report transmitted by the ambassadors are often mentioned, allows us to penetrate the formal conventions and to understand the practical side of the Mamluk-Jöchid contacts.

This material is especially useful in reconstructing the chronology of the exchanges between Baybars and Berke: who opened the diplomatic friendship? What reasons were officially offered? When did it occur? To counterbalance the fact that there are no sources left from the Jöchid side, we have to take the “events” into account: exchanges occurred and missions were sent. The simple fact that the Jöchids sent ambassadors to the Mamluks means they cared.

For the second half of the thirteenth century, the major source is Ibn ‘Abd al-Zāhir (620/1223–692/1292), who enjoyed a privileged position as Baybars's personal secretary and biographer. The basics – in terms of facts and chronology – are given in his official biography of the sultan, *al-Rawḍ al-zāhir fī sirat al-malik al-Zāhir*, which may be complemented by the narratives of Ibn al-Dawādārī, Šāfi‘ b. ‘Alī, Baybars al-Dawādār, al-Yunīnī, al-Nuwayrī, al-Ḍahabī, Mufaḍḍal Ibn Abī-l-Faḍā’il, Ibn Kaṭīr, Ibn al-Furāt, al-Maqrīzī and al-‘Aynī. Date disputes and confusion are common in the Mamluk sources, so it is necessary to compare all versions available to us.

For the period of the Pax Mongolica, on top of the major Mamluk historians, we can rely on important Persian sources; bearing in mind that they were patro-

nized by the Ilkhanids and often biased when it comes to the Jöchids. To complete the Islamic sources, Italian and Latin sources are very useful. Venetians and Genoese played a crucial role in the Mamluk-Jöchid exchanges and were well informed eye-witnesses [8; 26].

For Toqtamish and sultan al-Zāhir Barqūq times, we benefit a lot from crossing Mamluk and Genoese information. The Timurid sources are also important but should be taken with a grain of salt, as their authors often held very negative views of the Jöchids [25; 3]. Regarding the last years of the Mamluk-Jöchid relation, which ended in the first half of the fifteenth century, we mainly rely on Arabic sources³.

I. The beginnings

Between November 1261 and October 1262 (660 H), sultan Baybars entrusted his first letter for khan Berke to Alan merchants. The sultan congratulated the khan on his recent conversion to Islam and exhorted him to fight Hülegü in the name of *jihād*⁴. The war against a common enemy and the defense of Islam were the two reasons offered to justify the establishment of an alliance [37, p. 88–89]. Yet, if we look at the crucial events of 1261–1262, what predominates is not the conversion of Berke but the military conflicts between the khan and Hülegü⁵.

A common enemy

Indeed, Baybars's decision had nothing to do with the recent conversion of Berke – who had been a well-known Muslim for more than ten years – but with the fact that the khan launched a first attack against Hülegü's positions during the winter 1261–1262. In a few weeks Berke's army reached the south of Derbent and took the city of Shirvan within Hülegü's domain – their common border was situated at the Terek River, north of Shirvan. In August 1262, Hülegü left the city of Ala-tag, northeast of Lake Van, to travel to Shirvan, and stroke back.

On 13 October 1262, a group of two hundred Jöchid warriors arrived at Damascus. This group – called in the Arabic sources *wāfīdūn* or *wāfīdiyya*, “the refugees” – was fleeing Hülegü's troops. They showed a written order of the khan and asked the protection of the Mamluk sultan. Baybars welcomed them in Cairo on 10 November 1262 [37, p. 137–139; 9, p. 220; 39, VIII, s. 90–91; 56, p. 442–443; 67, I, p. 487, 496–497]. The first Jöchid-Mamluk alliance was set.

Exactly at the same time, Hülegü expelled the Jöchids from Shirvan (14 November 1262). On 8 December 1262, he arrived before Derbent, which was occupied by the khan's vanguard. He took the city back, crossed the Terek and chased the Jöchid troops, plundering their encampments. Berke retaliated. On 13 January 1263, his army pushed Hülegü's troops beyond Shabran. The khan stopped at that point and went back to the Volga valley. For almost a year, there was no fighting [61, p. 392–399]. The conflict was still in its first stage, and both sides were making preparations to resume battle. It was precisely during this “truce” that Berke sent his first diplomatic mission to Baybars. His messengers arrived in Cairo on 21

³ Next to the range of Arabic sources edited by Tizengauzen, we can find mentions of the Mamluk-Jöchid exchanges in a few additional sources such as the *Qahwat al-inšā'* [44, letters 30–31].

⁴ Hülegü (d.1265) was the brother of the great-khans Möngke (1251–1259) and Qubilai (1260–1294). In 1251, he was put in charge of the new Chinggisid conquests to the west.

⁵ The first part of this study draws mainly from [31].

May 1263 along with Seljūq, Byzantine and Genoese envoys [56, p. 452–453; 67, I, p. 533–534, II, p. 194–195; 45, XIII, p. 238; 27, p. 97, 167; 58, p. 87–88]⁶. Why did these five parties convene for?

Internal Legitimacy

If the Jöchids decided to side with the Mamluks against other Mongols, it implied that the alliance involved more than military logistics. At that time, the Mamluk sultanate and the Golden Horde were young political formations. The rulers themselves were newcomers on the throne: Berke arrived in 1258 and Baybars in 1260. In this context of war against Hülegü, the khan and the sultan had to deal with internal legitimacy issues and they needed each other's support. Both rulers' situations have to be taken into consideration to understand what was at stake.

Baybars's situation

The Battle of 'Ayn Jalut (north of Jerusalem) took place on 3rd of September 1260. The Mamluks led by the sultan Qutuz opposed the Mongols led by Hülegü's commander Qitbugha. The Chinggisids were defeated, marking a crucial step in the regional balance of power that was until that point favourable to the Mongols. Their advance in the west was restrained for the first time since the fall of the major Islamic clusters in Central Asia, in Iran and in the Middle East⁷. It was a badly-needed Islamic victory, put under the banner of the Mamluks.

Most of these Mamluks came from Turkic nomadic families living in the western part of the Eurasian steppes, the region between the Volga and the Black Sea called *Dasht-e Qipchaq*. Military slavery had distinctive features that allowed the successful candidates to have access to high-status functions. A Mamluk at the peak of his career was an elite-member freed from slavery more than a slave-warrior. The Mamluks who took power in Egypt and Syria were mainly part of the household of the last great Ayyubid sultan al-Šāliḥ Ayyūb (r.1240–1249). Baybars had been recently recruited as a Bahriyya member, and he was only one of the Mamluk emirs fighting at 'Ayn Jalut. After the battle, on his way to Cairo, the sultan Qutuz was murdered. Baybars, who claimed to be the head of the plot, took the place of the hero of 'Ayn Jalut by ascending the throne [34, p. 127–135; 32, p. 31–48]. He had to show that he was not only the victorious combatant of the crusaders, as he proved himself to be at the battle of al-Manṣūra, but also the challenger of the Chinggisids.

In his letters to the khan, the new sultan called for *jihād* against Hülegü and the non-Muslim Mongols [37, p. 88–89, 139–140]. For that purpose, however, he needed more Mamluks. The regular routes used at the time of their predecessors, the last Ayyubids, crossed the sultanate of Rūm. Key markets such as Siwas were located there, and Türkmen and Seljūq merchants made deals with the Qipchaq traders living on the other side of the Black Sea, in the Crimea [38, p. 113 (602/1205–1206); 54, p. 404–405; 36, II, p. 93, 112–122]. Yet when Baybars became sultan, in 1260, the Anatolian section of the trade circuit transporting military slaves from the Qipchaq steppes to Syria and Egypt was in the hands of Hülegü. Baybars had to find a way to bypass the Seljūq roads and the Turkmen intermediar-

⁶ Zakirov [1, p. 50] gave a wrong date based on Baybars al-Dawādār and Maqrīzī.

⁷ The Khwarizmshah, the Abbasids and the Nizārī-Ismā'īlī were already dismantled at that time.

ies. He had to shape a new itinerary and to secure it by all military and diplomatic means.

Berke's situation

When Batu died at the end of 1255 or beginning of 1256, great khan Möngke wanted that Sartaq, the eldest son of Batu, succeeded him in accordance with the rules of succession that tended to prevail among the Chinggisids [48, p. 266–268]. After Sartaq died, a few months after his election, Möngke asked that Sartaq's son, Ulağči, became khan. Ulağči died at the end of 1257 or beginning of 1258. Only then could Berke ascend the throne. He was the ağa (eldest) of the Jöchids. But his mother was only a secondary wife of Jöchi – a daughter of the Khwarizmshah – so his pedigree was not as prestigious as Batu, Sartaq and Ulağči⁸. Möngke seemed, thus, reluctant to see Berke becoming khan of the Jöchid *ulus*. The fact that he was Muslim might have played a role as well. Berke had links with members of the Khwārezmian royal family, seen as unfaithful by the Mongols, and connections with the rulers of the Dehli sultanate who refused to pledge allegiance to the Chinggisids⁹.

Once on the throne, Berke had nevertheless to obey the great khan's orders and to follow the imperial agenda in the Middle East [10, p. 61–63, 104]. Jöchid troops participated, thus, in the Mongol conquests in Iraq and Syria-Palestine and helped to take Baghdad. As a result, they had rights on the conquered places and could claim a share of the tributes. Yet, Hülegü, who was leading the Chinggisid conquests to the west, started to threaten the Jöchid positions in western and central Asia. He chased the Jöchids from Herat, Tabriz, and Baghdad; and even made some Jöchid princes killed [35, p. 260–276]¹⁰. Moreover, he discharged the Seljuq sultan 'Izz al-dīn, while he maintained his brother Qīlīč Arslān IV on the Seljuq throne [24, p. 31–32, 54, 55]. 'Izz al-dīn was Berke's protégé and his banishment meant a definitive loss of control for the Jöchids in eastern Anatolia. This was the detonator of the hostilities launched by the khan. During the winter 1261–1262, Berke declared war on Hülegü [59, p. 327–332; 61, p. 358–361, 390–401, 404–415]¹¹. At the great khan's court, the underlying tensions among the Chinggisids had already turned into open conflicts and two candidates were fighting for the supreme office: Qubilai, supported by Hülegü, and Arigh Böke, supported by Berke.

What Berke wanted in exchange for Qipchaq slaves

Why would Berke be ready to let Baybars buy young men whom he could potentially need in his own armies? The expected compensation must have been high. In the first letter he sent to Baybars in 1263, the khan claimed that Hülegü did not respect the Chinggisid laws: “[He] transgressed Gengis Khan [*yasa*] and the *šarī'a* of his people; he aimed only at killing men with hate”. For Berke, protection and propagation of Islam were also at stake: “[...] I, together with my four brothers,

⁸ On Berke's origins, see [63; 30, p. 63]; on the precedence of the mother, see [48, p. 40].

⁹ On Berke's attempt to set up an alliance with the Negüderis (or Qara'unas), enemies of Hülegü, see [47, p. 239–244].

¹⁰ I would like to express my thanks to Dr Yihao Qiu who raised my attention to this information.

¹¹ This is the most probable date despite a lot of debate on that point in the historiography. See [47, p. 233–234; 11, p. 79; 30, p. 64–67].

stood up and fought him from all sides for the sake of reviving the light of Islam and returning the abodes of the True Religion to their old state of prosperity and to the mention of the Name of God, the call to prayer, the reading of the Qur'an, prayer, and avenging the Imams and the Muslim community" [7, p. 101–113; 14, p. 167–172; 11, p. 82–83; 24, p. 53–54].

Berke offered Baybars to send troops towards the Euphrates to stop Hülegü's military operations and trap him between their two armies. They would share the conquered lands¹². At that time, the Abbasid and Seljūq legacies, the greatest of the *dār al-islām*, were at stake. Negotiations concerning the allotment of the Seljūq territory were in process. The khan asked the sultan to support 'Izz al-dīn, who was in exile at Constantinople. According to Ibn 'Abd al-Zāhir, 'Izz al-dīn also promised Baybars half of his kingdom in case of victory¹³. However, claims on the Seljūq domain, as on all the territories conquered by Baiju when he was in the service of Batu in 1242–1243 [47, p. 216–219; 10, p. 49, 177]¹⁴, were openly made by the Jöchids. The common idea was that the region of Rūm was a Jöchid conquest [15, p. 476]. Yet, direct tensions between Jöchids and Mamluks over the Seljūq realm never arose because Hülegü and, later, the Ilkhanids controlled the lands.

Since Baghdad was in the hands of Hülegü, Cairo became the new seat of the caliphate and the caliph was under the control of Baybars. Ibn 'Abd al-Zāhir suggested that the khan was asking Baybars for the caliph's recognition of his status as sultan. Indeed, Berke was keen to consolidate his position as a Muslim ruler. Having territorial claims did not imply that the khan had the means to fight his enemy and, compared to Hülegü, Berke was militarily and politically weak. Hülegü was the loyal deputy of the great khans Möngke and Qubilai and could legitimately fight back; besides he had at his disposal more troops than did the khan¹⁵. Without external support, the Jöchids could not hope to win against Hülegü. Berke's alliance with Baybars aimed at strengthening the position of the Jöchids in the newly conquered regions and in the wider Islamic world.

The khan was setting up an alliance with the Qipchaq sultans (the main rebels to the Chinggisid cause) in Cairo and Delhi. His court was welcoming the nebula of administrators and officers who fled the court of the Khwarizmshah (Berke preferred to rely on faithful Turkī than on Uyghur secretaries sent by Qubilai). As the Golden Horde was becoming the main Islamic power of the area, it was crucial for the Jöchids to have access to Mecca and Medina. Their friendship with the Mamluks would allow them to send their people to the Ḥedjaz to make ḥājj and to

¹² On the first mission sent by Berke, see [37, p. 171; 58, p. 87]. For a divergent version, possibly based on Ibn Šaddād, see [56, p. 452–453; 67, I, p. 534, II, p. 195; 39, VIII, p. 97]. As for Baybars al-Dawādār [20, p. 83], he mixed the texts of the two first letters sent by Berke.

¹³ It is highly improbable that the Jöchids were ready to accept so easily the Mamluks' claim on the Abbasid caliphate, and perhaps some arrangements to share this crucial heritage were under negotiation as well. The Mamluk sources are obviously silent on a possible claim of Berke being associated with the caliphate. Yet a sign of such an association might be that the name of Berke was said during the Friday prayer in Medina, Mecca and Jerusalem [37, p. 174]; and previously in the regions of 'Ajam, Mā warā an-nahr and Khorasan [49, II, p. 1285, 1292–1293].

¹⁴ Baiju, appointed chief commander of the Chinggisid troops in western Asia in 1242, was then under Batu's authority. He passed later under the orders of Möngke.

¹⁵ According to Marco Polo [59, p. 329–330], Hülegü had 300,000 men against 350,000 for the Jöchid khan. Allsen rightly questioned the plausibility of these totals. It is hard to believe that Berke had more men than Hülegü, who was in charge of the conquests [10, p. 203–207].

be recognized as part of the Muslim elite and significant members of the *dār al-islām*¹⁶.

The Agreement

In 1262–1263, the khan Berke made a formal agreement with sultan Baybars and the byzantine emperor Michael VIII, who had recently retaken Constantinople from the Latins. At that time, the Mamluks were fighting the Mongols led by Hülegü in Syria and east-Anatolia. They had the same enemy as the Golden Horde had; and the same problem: they need to bypass the Anatolian markets where slaves were sent from Crimea. Thus, they formalized an agreement with Michael VIII stipulating that merchants and ambassadors the sultan or the khan sent were allowed to cross Byzantium and to travel through the straits of the Bosphorus. The configuration of a direct route between Alexandria and the Lower Volga via Constantinople and the Crimea – a travel of two months, two months and a half – was the main result of the negotiations that took place in Cairo between Baybars, Berke, Michael VIII, sultan ‘Izz ad-Dīn and the Genoese¹⁷.

The setting up of a viable alternative to the Anatolian land route and the control of the slave-warriors market were a great accomplishment for all parties involved. Fifty days at least were needed to travel from Cairo to Saqsīn in 1262 [37, p. 215; 39, VIII, p. 99; 67, I, p. 540; 58, p. 105; 56, p. 456–458]. The duration of the trip remained basically the same until the 1360s as did the itinerary from Cairo to the khan’s *orda* on the lower Volga. According to Ibn Battuta’s account (c.1334) it took indeed twenty days to travel between Sudak and Saray, and according to Pegolotti (c.1340), the distance between Tana, the gateway to the steppes, and Saray could be covered by ox-drawn carriage in twenty-six days, including one day of navigation on the Volga, or ten to twelve days for the same trip on horseback. If we follow this itinerary, it is obvious that the hub of the exchanges was the Black Sea. Whoever controlled the strait of the Bosphorus and whoever controlled the south of Crimea commanded the two pivotal access points to the “Mamluk-Jöchid road”. The fight for the control of these access points and the attempts to open competing routes would be one of the major issues at stake in this region until the end of the fourteenth century.

The short-term results of the first Mamluk-Jöchid alliance were, therefore, substantial. True, the alliance was only partially successful. The plan outlined in the letters to recapture the Seljūq domain to the benefit of Baybars and Berke failed as did the resolution to kill Hülegü, who died a natural death. Nevertheless, Baybars and Berke succeeded in combining their military (human) resources through the slaves’ recruitment. The alliance put a stop to Hülegü’s conquests into the western Islamic lands. It was a major factor of stability during Baybars’s reign and allowed him to recruit Mamluks for his armies, preventing the emerging sultanate from disintegrating. The consequences were equally positive for the Golden

¹⁶ For instance, under khan Töda-Möngke (r.1280–1287), two *faqīh* came to the Mamluk sultan with a letter in Mongol script asking his permission to make ḥājj. The khan wanted also two battle flags or standards, one with the sultan’s name and the other with the caliph’s name [42, p. 354].

¹⁷ According to the treaty of Nympeum signed on 13th March 1261, the Genoese were to provide a fleet to the Byzantines and enjoyed commercial privileges in the Black Sea. For more details on the content of the agreement, see [28, p. 36–38 (no. 1890); 17, p. 42–45].

Horde. The cultural bonds between the two courts contributed to a first synthesis of Islamic and Chinggisid traditions. By allying with Baybars, Berke took independent and personal political decisions, which contributed to building up the foundations of the Golden Horde. Jöchids and Mamluks were both looking for a legal basis to justify their expansionist agenda. Their agreement was framed by their convergence of interests. It was a good deal between two powers in equal need of each other.

II. The Pax Mongolica

After the Mongol conquests, a commercial boom transformed the Eurasian continent, connecting the Mediterranean Sea to India and China. The economic exchanges intensified integrating Asia, the Middle East and Europe – a global phenomenon, historians call Pax Mongolica (the Mongol Peace) because this was a world-shaping phenomenon on par with Pax Romana. The post-conquest stability of the Mongol dominions and relatively peaceful relationships between the descendants of Chinggis Khan laid the ground for such commercial boom. The ways Mongols stimulated the exchanges resulted in a new form of long-distance trade and the agreements established between the Golden Horde, the Mamluks, the Byzantines, the Italians, and others, led to the transformation of the trade networks. A new economic order emerged, which cannot be seen as the mere revival of the continental silk road of the ancient world.

The Golden Horde was not a transit area that was merely crossed, but the melting point to which the great commercial circuits converged. If the route was open from Venice to China, and the goods exchanged and traded all the way long, only few merchants, like Marco Polo, did the whole trip. They usually stopped halfway: in the Golden Horde's lands. At the level of the lower Volga basin, the core area of the Golden Horde, two major routes were passable: the eastern one through Central Asia towards north India and China, and the western one through the Black Sea steppes and the Crimean peninsula towards the Mamluk sultanate and the Mediterranean world.

In this new economic context, the Mamluk-Jöchid relation took a different shape. At the dawn of the fourteenth century, their exchanges were exposed to inter-regional competition and tensions were palpable through their diplomatic correspondence. Clashes between the two courts occurred a few times. They never led to direct military conflicts because the Golden Horde and the sultanate had no common borders but, as we will see, the consequences were significant for their go-betweens and intermediaries.

Toqta and al-Malik al-Nāṣir Muḥammad b. Qalāwūn: the slave trade prohibited (c.1300–1312)

The early fourteenth century was a period of alliance at the level of the entire Mongol empire. At the end of the year 1304, a peace agreement was concluded between the Yuan, the Chagatayids, the Jöchids and the Ilkhanids; the formal unity of the Chinggisid Empire was apparently restored. The Yuan kept the overarching title of 'Great Khan' and enjoyed a nominal primacy over the three other parts.

Yet, the same year, khan Toqta sent his first embassy to sultan al-Nāṣir Muḥammad. In his letter, the khan said that he asked the Ilkhan to surrender the lands from Khorasan to Tabriz, and had threatened war otherwise. He sent also to

200 slave girls and 400 mamluks (most of whom died during the journey). In exchange, the khan asked al-Nāṣir Muḥammad to support him against their Ilkhanid rivals¹⁸.

At that time, khan Toqta was at the peak of his power. He had eliminated Nogay (d.1299), the powerful beglerbeg who was ruling over Crimea and south-eastern Europe. He had pacified the local tensions in the Dnieper and Dniester areas and in the Crimean peninsula. He wanted to control Transcaucasia. In May 1301, he sent his envoys to Ilkhan Gazan [62, p. 79]. We do not know the exact mission of this embassy nor the content of the letters brought by the Jöchid messengers but, a few months later, some Jöchid troops attacked the Ilkhanid empire along the Terek River. The military operations failed to change the balance of power in favour of the Golden Horde. They ended on a status-quo agreement between the khan and the Ilkhan and the Transcaucasian road was re-opened [26, p. 168–169].

The only way to really break the power of the Ilkhan was to open several military fronts at the same time and to attack the Ilkhanate not only from north Caucasus but also from Syria. The Mamluks were, therefore, crucial allies for the Jöchids. But when Toqta sent his envoys to al-Nāṣir Muḥammad, the sultan refused to comply arguing that “Allāh had called Ghazan to him and that his brother Kharbende (Öljaytu) was already asking for peace” [26, p. 169–170]¹⁹. In fact, an Ilkhanid embassy had already informed the sultan that Öljaytu allowed Mamluk merchants into Persia. For the sultan, the peace with the Ilkhan had huge economic advantages and allowed him to secure the transit of slave-warriors via Tabriz. In 1306/07, Toqta sent again the same letter to al-Nāṣir Muḥammad who again refused to support any military operation against the Ilkhan. A few months after, the khan ordered to expel the Genoese from the Golden Horde and to confiscate their goods. Caffa was besieged for eight months and the Genoese had to abandon their fortified settlement in May 1308.

Since the formation of the Golden Horde, the Jöchids had stopped the merchant activities only once²⁰. The khans’ policies combined state control (treaties, currency issue, taxes, roads supervision) and liberal exchange (fluidity in partnership, alliances based on common interest and not on ethnic or religious affiliation, low taxation regime). They did not interrupt the exchanges except in case of war-like situation. Only very serious reasons could have led to Toqta’s decision. Historians often presented the khan’s actions as brutal and unexpected and they struggled to provide convincing interpretations of what happened²¹. We should consider the explanations given in the sources at the time when the first Mamluk-Jöchid crisis took place.

¹⁸ In 704/1304–1305: [57, p. 144; 52, p. 424; 20, p. 381; 39, IX, p. 128; 16, IV, p. 345]; in 706/1306–1307: [19, p. 180; 20, p. 388; 16, IV, p. 421–422; 52, p. 424]; in 710/1310–1311: [19, p. 220]; in 711/1311–1312: [57, p. 144]; in 714/1314–1315: [52, p. 424].

¹⁹ We have to bear in mind that at this time, al-Nāṣir Muḥammad was only a puppet. The emirs were ruling in his name (Salar, Baybars al-Jashnakir, and others). I am grateful to Professor Amitai for this significant information.

²⁰ At the end of the thirteenth century, when Nogay fought with the Genoese, it had nothing to do with the Mamluks, tax issues and political struggles within the Horde were at stake [26, p. 161–162; 55, p. 184].

²¹ Ciociltan offers an overview of the historiography and its limits: [26, p. 163–173, and esp. p. 166, note 93].

According to both Mamluk and Christian sources, Toqta took his revenge because the Genoese “stole” Tatar and Turk Qipchak children to sell them on the slave markets. The Dominicans argued further that the Genoese were acting too independently and were not respectful of the imperial laws [26, p. 165–167]. Indeed, kidnapping was illegal and merchants had to pay taxes on selling and purchasing. Yet, these taxes were very low and we know cases of pure robbery involving Genoese, or others, that were not punished by the sword. At last, if Toqta was against the slave trade or against selling local children – why was this happening in 1307 and not before? We should remember that in 1304 he had sent 200 slave-girls and 400 mamluks to the sultan. Therefore, selling local children cannot be considered the reason for the tension between the Genoese and the Golden Horde.

Some historians argued that Toqta was a “shamanist” and not a Muslim – which would explain the misunderstandings and disagreements he had with the Mamluk sultan [24, p. 131]. We can counter-argue that the Mamluks had fine diplomatic relations with khan Möngke-Temür who was not Muslims. Besides, depending on the sources, Toqta was a sky-worshipper, a Christian (baptized by the Franciscans under the name of Iohannes and buried in a Franciscan monastery near Saray) and a Muslim, bearing the name of Ghiyāṭ ad-dīn, as can be seen on series of coins that were minted under his name in Saray and Ukek. Thus, it is hard to believe that religion had anything to do with the crisis between the khan and the merchants.

Obviously, the Genoese paid for al-Nāṣir Muḥammad’s refusal to organize a joint attack against the Ilkhanids. The timing of the khan’s decision is a revealing indication: right after the sultan’s third refusal, Toqta expelled the Genoese (November 1307). The Genoese were not only key intermediaries between the sultanate and the Golden Horde, they were also responsible of the most strategic slave-market places, at Caffa especially. In the wake of his expulsion of the Genoese, the khan stopped all diplomatic exchanges with the Mamluks, despite the conciliation attempt of the sultan, who wrote to Toqta, in September–October 1308, that “having heard of military clashes in the Caucasus between Ilkhanids and Jöchids, he had prepared a military unit to help the khan but since he heard that the fights had stopped, he dismissed the unit” [18, p. 96]. Toqta was not fooled by the sultan’s story and he remained closed to further diplomatic discussions [26, p. 171–173].

Mamluks and Jöchids had no common border, they could not fight on the battlefield but they could fight on the market arena. Striking the slave merchants was striking the sultanate. For the first time, the Jöchids tried to stop the slave trade; but the trade could not be stopped because there were other slave traders than the Genoese (Venetians, Greeks, local merchants, Alans, Turks etc.) and alternative networks²². As the Byzantine historian Nicophorus Gregoras (c. 1292 – c. 1360) noticed: every year one or two ships would cross the Black Sea to bring slave-warriors to serve in the Mamluk army and nothing could be done to end this trade which had become so significant [13, p. 364–366; 33, p. 101–102].

Even the most powerful empires cannot control their surrounding world. In this specific case, the use of embargo had two effects. On the one hand, the Genoese and Venetians merchants living in the Golden Horde sought for a new legal and

²² As far as I know, there is no indication in the sources that the slave trade from the Qipchak steppes went down at that time.

institutional framework that would provide better protection to their business [8]. On another hand, the Mamluks looked for alternative solutions to secure the supply of military-slaves, which meant to cooperate further with the Ilkhanids, masters of the Tabriz road. But, even if there was a short detente, the war had not ended; the Ilkhanids were still the enemies of the Mamluks and the Jöchids. In 1310/11, Toqta sent his envoys back to Cairo with the Mamluk messengers who had come to announce al-Nāṣir Muḥammad's third enthronement to the khan [18, p. 98]. The Mamluks and the Jöchids still needed to exchange and communicate.

**Uzbek and al-Malik al-Nāṣir Muḥammad b. Qalāwūn:
the end of a common enemy (1312–1341)**

Uzbek and al-Nāṣir Muḥammad entered into relations soon after the khan was elected. Uzbek's first embassy arrived in Cairo in March–April 1314. His letter informed the sultan of his throne accession and conversion to Islam. al-Nāṣir Muḥammad sent his congratulations of his accession to the throne and a long list of gifts. In December 1315, he made a special request to the khan's envoys: he asked for a Jöchid bride. After three years of negotiations, Tulunbay-Khatun (the khan's niece) was ready to be married to the sultan. In exchange, the khan forced the Mamluk ambassadors to borrow 27 000 dinars from his merchants to pay the dowry and to finance the wedding festivities. Tulunbay and her huge retinue (up to 3000 people, depending on the sources) departed from the lower Volga in 1319 and arrived in Egypt in early May 1320 [24, p. 132–133].

Among the most important persons of the princess escort, we should mention the shaykh Nu'man Khwarazmī, the Genoese merchant Segurano Salvaygo, nicknamed Sakrān, and Qūṣūn, a future mamluk emir²³. Tulunbay-Khatun was sumptuously received by the sultan and, in May, a marriage contract was arranged for a dowry of 30 000 dinars. This was not an extravagant bride-price if we consider that a year after, the sultan sent a gift package that was worth 40 000 dinars to thank the Ilkhan Abu Said for his series of gifts equivalent to 25 000 dinars [21, p. 67].

For Uzbek khan, this wedding alliance was a reassessment of the Mamluk-Jöchid alliance and it implied military support against the Ilkhanids. Thus, as soon as 1320–1321, the khan asked al-Nāṣir Muḥammad to join him on the battlefield against their common enemy. Yet, the sultan refused to comply and even warned the Ilkhan of Uzbek's plan. At that time, peace negotiations between the Mamluks and the Ilkhanids were in full swing and, for al-Nāṣir Muḥammad, it was worth a diplomatic clash with the khan [24, p. 134].

In 1322, when the Mamluk messenger carrying this negative answer went back from the Golden Horde, he complained of Uzbek's treatment. The khan received him only once. During the meeting, he did not inquire of al-Nāṣir Muḥammad's health. Besides, the sultan's envoy was prevented from purchasing slaves and slave-girls [24, p. 134–135].

The khan had two major reasons to complain as it was expressed in his letters to the sultan: first, al-Nāṣir Muḥammad sent no army to Iraq while he, Uzbek, had faced the enemy for a month and, so far, has received no news of any advance from the Mamluk side. Second, the shaykh Nu'man, who had very high status in the Golden Horde, was ill-treated by the sultan and his entourage. The shaykh wished

²³ On Segurano Salvaygo, see: [50]; on Qūṣūn, see: [66].

to visit Jerusalem and Hebron (al-Khalīl) and to build in Jerusalem a pious endowment. The sultan had not let him to do so. The khan was particularly displeased with this issue, as he had provided the shaykh with the necessary funds [24, p. 135]. It meant no respect for someone close to him and considered as a holy figure in the Golden Horde. Moreover, the khans had always allowed the sultans, and people from their entourage, to patronize the construction of religious buildings in the Volga Valley and in the Crimea. For instance, the gifts sent by Qalawun to the Horde in 1287 contained goods worth 2000 dinars for the mosque being built in Solkhat and masons were sent with their material and paint to carve the name and titles of Sultan Qalawun on this mosque [42, p. 356]. Between sultans of the same standing, reciprocity in the exchanges was expected. al-Nāṣir Muḥammad acted as if he was despising the khan or as if they did not have the same status.

To retaliate, the khan killed Segurano Salvaygo, a rich Genoese merchant who was close to the sultan and used to purchase slaves in the Golden Horde. When al-Nāṣir Muḥammad complained, the khan said that this merchant was killed by one of the kings of al-Jazā'ir (the islands); openly lying to the sultan's envoys [50, p. 86]. A few years after, al-Nāṣir Muḥammad took his revenge by making a fool of the khan's messengers. In 1327–1328, al-Nāṣir Muḥammad had divorced Tulunbay and married her to one his Mongol commanders [64, p. 482]. When the khan complained that she should be sent back to the Golden Horde, the sultan answered the messengers she had died and asked a judge to produce the legal proof for it [24, p. 136].

The divorce, the shaykh's bad-treatment and no military support were the major reasons explaining the diplomatic tensions between the Golden Horde and the sultanate. The inter-regional context has evolved since the time of Baybars and Berke. Al-Nāṣir Muḥammad was in a strong position to negotiate with the khan: the Bosphorus route was not the sole access to the sultanate for the slave traders; the Anatolian and the Syrian land routes were then passable. In 1321, the Mamluk troops occupied Ayas (Laiazzo) in Cilician Armenia – one of the greatest commercial hubs of the area. The sultan had also a peace treaty with the Ilkhan who offered very advantageous conditions for trading in the Ilkhanate [12]. Yet, as the main source of Mamluks was still the core territory of the Golden Horde, Uzbek khan and al-Nāṣir Muḥammad continued to exchange embassies and gifts, even during this 'cold war'.

Between the reigns of Toqta and Uzbek, there was a clear evolution in the status of the Genoese. Under Toqta, the clash with the Mamluks led to a massive expulsion of the Genoese merchants. The entire community living in the Golden Horde was held responsible for it. Under Uzbek, the Genoese, as an intermediary group between the Jöchids and the Mamluks, could not be held responsible anymore for any diplomatic struggles with the Mamluks. In fact, when Uzbek arrived on the throne, the khan agreed on the reconstruction of Caffa, which started in 1316 on the basis of a new agreement:

“Anno domini MCCCXVI redificata fuit civitas Caffa per dominum Antonium gallum et dominum Nicolaum de pagana syndicos comunis Janue per gratiam sibi concessam per Usbech imperatorem tartarorum” [60, p. 500–501].

The detailed content of this agreement was not preserved²⁴, but for the same period we can rely on the contract concluded between Uzbek khan and the Venetians. Dated in 1333, it covered the crucial questions of the liability (collective and individual) and protected status of the trading community [8]. It is highly probable that the same rights were granted to the Genoese and their most important settlement in Caffa.

If Segurano Salvaygo paid for the diplomatic clash between the khan and the sultan, it was not because he was Genoese. Indeed, the Italian community was left in peace and the khan did not confiscate their goods. Neither was it for the divorce with Tulunbay, that Uzbek learnt later, nor because of the military defection of the Mamluks against the Ilkhanids. Segurano Salvaygo, a close friend of the sultan, paid with his life for the shaykh Nu'man's ill-treatment. The sultan has scorned the image of the khan as a powerful Islamic ruler, influential beyond the Golden Horde. The khan had to reply, for his internal and external legitimacy was at stake. Like the messages the diplomatic gifts suggested, actions towards rulers' representatives (ambassadors, close relations) required appropriate reactions. It was a matter of reputation for the rulers of the time.

III. Toqtamish khan and al-Zāhir Barqūq: the last alliance

The reigns of Toqtamish khan (c.1377–c.1397) and al-Zāhir Barqūq (1382–1390)²⁵ offer coincidentally interesting similarities. They both ruled during approximately two decades; Barqūq died in 1399, which is also the date of Toqtamish's political death after his defeat on the Vorskla. Both reigns marked the end of an era and the beginning of new times. In Egypt, the connections with the Qipchak world became looser, as well as the importance of the nomadic culture in court and political life. al-Zāhir Barqūq started to integrate into the Mamluk elite an increasing number of Circassian people. It is worth noting that he was the last sultan to perform court rituals associated with kumys [51, p. 173]. He was also the last sultan to exchange extensively with the Jöchids.

Notable studies have been focused on the relations between the Mamluks and the Timurids [24, p. 168–197] yet, they rarely highlight the role that the khan and his entourage, especially his deputies in the Crimea, played in the geo-political games of the area. In this last part, we will see what was concretely at stake at the end of the fourteenth century between the Mamluk sultanate and the Golden Horde and why this period was a turning point in the exchanges between both powers.

Timur, the new common enemy

The chronology of the missions exchanged between al-Zāhir Barqūq and Toqtamish is quite easy to reconstruct (especially if we compare with previous sets of diplomatic exchange between the khans and the sultans). We know about two missions: the first one in 1384–1386, the second one in 1394–1395. Both seemed to have been initiated by Toqtamish.

According to Ibn Duqmāq, in 786/Feb. 1384 – Feb. 1385, the khan's envoys arrived in Cairo. Maqrīzī gave the more precise date of 11 Dhū al-ḥijja 786/ 24 January 1385. Ibn Ḥajar al-ʿAsqalānī added that the chief ambassador was Ḥasan,

²⁴ In the case of the Genoese, if we except the chronicles, the oldest agreements with the Golden Horde that were preserved are from the 1380s, fortunately they included older contracts.

²⁵ The sultan's rule was interrupted for almost a year due to a revolt in 1389–1390.

son of the former governor of Crimea, Ramadan. The embassy itself was sent by *al-ḥāqim bī-l-Qrim* or *Ṣāhib al-Qrim* on behalf of the khan. The envoys brought gifts: seven hawks and seven types of textile made of cotton from diverse origins, and slaves [40, p. 322; 52, p. 427–428; 43, p. 450].

A following embassy, this time sent directly by Toqtamish, arrived in Muḥarram 787/12 February – 14 March 1385. The content of the letter is not preserved in the Mamluk sources, we only know that Toqtamish was asking al-Zāhir Barqūq to reestablish relations as in olden days [24, p. 172]²⁶. The reason for this diplomatic meeting was probably the war with Timur. Indeed, the first campaign launched by Toqtamish in Transcaucasia started soon after. In 1384–1386, Timur had made a military incursion as far as Azerbaidjan where he had left a governor over Sultaniyyah and Tabriz. In 1386, the khan's troops attacked Derbent and Tabriz. Timur replied by sending troops led by one of his sons. The fighting stopped on a status quo. At this point, the military strategy of Toqtamish was apparently to multiply the military fronts to weaken Timur's positions [2, p. 99]. The sultan would attack Timur's troops stationed between Derbent and Tabriz, and they would be caught between the Jöchid and the Mamluk armies.

In 1388, Toqtamish launched his first campaign towards the East. His armies reached the banks of the Amu Daria River but failed to conquer the city of Bukhara. In 1389, Toqtamish's troops clashed with Timur's troops near the Syr Daria River. Again, both sides stopped on a status quo. This time, Timur decided to retaliate. In January 1391, after three months of preparation, he launched a campaign deep inside the heartlands of the Golden Horde. When the Timurid and Jöchid armies met on the battlefield, Timur's troops were exhausted after six months of travelling in the steppes. Yet Toqtamish was defeated. Having lost the battle, he had to escape to the Middle Volga region [2, p. 124–125, 138], where he activated his alliance with the Grand Duchy of Poland-Lithuania by sending his envoys to his ally Vladislav II Jagello (1377–1434), who was the head of the Grand-Duchy together with his cousin Vitovt (1392–1430). Toqtamish was defeated but the raids conducted by the Timurid troops in the aftermath of this campaign were limited. And indeed only three years after, in spring 1394, Toqtamish was ready to resume the fight.

Before launching his new military expedition, the khan actively communicated with Poland-Lithuania and the Mamluks. On the 26 March 1394/ 23 Jumada I 796, his envoys arrived in Damascus to discuss the terms of a viable alliance against Timur [42, p. 356; 52, p. 428]. Soon after, in 797/1394–1395, the khan's troops entered the Caucasus. The region was then again under the control of one of Timur's son. In April 1395, Timur stroke back and the khan lost a crucial battle on the shores of the Terek River. According to Tūlūman 'Alī Shāh, the Mamluk ambassador who went back to Egypt in September 1395, the khan lost the battle because one of the most influents emirs of the Golden Horde betrayed him and joined Timur's camp [42, p. 356–357]. We know from other sources that this emir was Aktau [4, p. 180]²⁷.

²⁶ According to al-'Asqalānī, in Safar 787 (March 14 – April 11, 1385), Toqtamish's envoys came again. They probably came for the same purpose: to convince the sultan to attack Timur [43, p. 450].

²⁷ My deepest thanks to Ilnur Mirgaleev for providing me with this information and, more generally, for his relevant comments on the conflict between Toqtamish and Timur.

After the khan was defeated, he flew away to a wooded area in Bular [6, p. 178; 2, p. 138]. The Lower Volga region and the area between the Don and the Volga were plundered by Timur's troops. The Mamluk ambassador Ṭūlūman 'Alī Shāh left the region just before Timur's men arrived. With his companions, he went to the Crimea, first to Solkhat, then to Caffa, where they looked for a boat to cross the Black sea and go back to Egypt. But the Genoese kept him as a hostage and he had to pay 50 000 dirham to leave and safely reached Samsun. According to Maqrīzī, the Genoese were on Timur's side [52, p. 428].

In fact, the Genoese – as the Byzantines – played all sides and switched from an alliance to another. We know, for instance, that at the same period they played the Ottomans against Timur and the other way around. Timur's military intervention has shaken the political organization of the peninsula and the Genoese were becoming increasingly autonomous.

Were the Genoese for or against the khan?

The first agreement between Toqtamish and the Genoese dated 1381. It recognizes the Genoese authority over eighteen places and villages in the southern Crimea. In exchange, the Genoese would support the khan, and not welcome his enemies in their towns. At that time, the khan needed to set up a strong alliance with the Genoese in order to have free hands to impose himself in the Rus' lands. If we compare the content of this agreement with the yarliks granted by Uzbek, Janibek and Berdibek to the Venetians, we see that the khan made striking concessions to the Genoese: not only the eighteen settlements, but also the right to travel wherever they wanted in the Golden Horde [26, p. 225–229].

Right after they reached to this agreement, the Genoese started a large-scale renovation of the fortifications of the citadel in Caffa. They also increased their food supplies, acquired weapons and military equipment from Genoa and Pera. In 1385 started what we call the Solkhat war (which lasted until 1387) between local Crimean populations, the Jöchids in Solkhat, and the Genoese [22].

Twice in less than ten years, Toqtamish launched military expeditions in the Caucasus. He targeted Derbent and beyond – Shirvan and Tabriz; yet even more important strategically, this was the only way to open a protected land route to Syria. The khan needed to keep the exchanges with the Mamluk world fluid for military and economic reasons. This direct land access to the sultanate would also put him in a stronger position to renegotiate his agreement with the Genoese who tended to dominate the Jöchid connection with the Mediterranean world as the misfortune of the Mamluk ambassador Ṭūlūman 'Alī Shāh has shown. But the khan was never able to secure a Transcaucasian land road between the Golden Horde and the Syro-Palestinian coast.

The Crimea: the last bridge between Egypt and the Golden Horde

The succession of events that led to the Jöchid embassies in Cairo in 1384–1386 and 1394–1395 is rather well documented. Yet the political agendas of Toqtamish and al-Zāhir Barqūq remained complex. We have to look under the stones to understand what was at stake. Timur's role and importance should not be exaggerated. The exchanges between the Mamluk sultanate and the Golden Horde did not have for sole purpose the war against him. As we saw, Toqtamish did not only answer Timur's attacks, he had his own agenda.

The notion of an age-old friendship between the Mamluks and the Jöchids, expressed in the Mamluk sources and in the recorded letters, is part of the language of diplomacy. The vocabulary used in the diplomatic missives, as their format, were very conservative partly because the secretaries used to take old letters as writing models [30, p. 89–91]. Yet, the geo-political situation was not the same as in the times of Berke and Baybars. Tradition was not the real motivation of the Jöchids and the Mamluks, nor the driving force of their exchanges; they did not send missions every year, but only when they needed it.

When Toqtamish sent his first embassy to the Mamluk sultan, it has been ten years that the diplomatic contact had stopped²⁸, which does not mean that the commercial exchanges between the Golden Horde and the sultanate were cut. Even if the itineraries were the same, we have to deal with two different dynamics, trade and diplomacy, which sometimes converged but not always. As we already mentioned, the embassy of January 1385 was led by Ḥasan b. Ramaḍān, the son of the former beg of Solkhat. At the diplomatic reception, he offered falcons, cloth and military slaves, and the letter he was carrying for the sultan was read in front of the audience. The heads of the chancellery, then, discovered that the embassy was not coming directly from Toqtamish but from the governor of the Crimea. This generated embarrassment and confusion because the protocol had to be adapted to the status of the sender [23, p. 114–115]. This scene was recorded by al-Qalqashandī as an example of the kind of mistakes the secretaries in charge of the diplomatic protocol could make. Yet, the fact that *al-ḥāqim bī-l-Qrim* sent a letter and envoys to the Mamluk sultan was not an innovation at all. We know that the *diwan al-inshā'* received and kept letters from the highest Jöchid officials and civil administrators. Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī and Ibn Nāẓir al-Jaysh recorded their correspondence with *al-ḥāqim bī-l-Qrim*, with *al-ḥāqim bī-Azāq*, with the *umarā' al-ulus*, with the *nā'ib al-qān* (or beglerbeg) and with the *wazīr* (chief of the diwan) [41, p. 44–48; 46, p. 339–340].

The interesting point is not so much that the diplomatic reception was disrupted when the heads of the chancellery discovered the misunderstanding, but the fact that diplomatic exchanges between the khans' deputies in the Crimea and the Mamluks existed since, at least, the first half of the fourteenth century – not because the begs of Solkhat were acting independently of the khans but because the peninsula was a highly strategic place, a bridge between Egypt and the Golden Horde.

In the last quarter of the fourteenth century, the Mamluks were keen to maintain their commercial network and connections with the Black Sea area. The Crimea was the hub of the slave trade network; here stood the slave markets and the shipping facilities to the Bosphorus and the Mediterranean Sea. The Jöchids needed the money from the sails and the Mamluk sultans the young slave warriors. The diplomatic gifts carried by the first embassy during Toqtamish' rule were a metaphor for exchange economy and fair trade: hawks and slaves were emblematic luxury commodities from the Golden Horde. The Jöchid elite acquired textiles made of cotton, silk, linen, from the Anatolian market and the Middle East. In the Crimean peninsula, cloths were exchanged for slaves since Seljuk times.

²⁸ The last embassy had been sent in 776/1374–1375, when the Egyptian secretary Ibn Nāẓir al-Jaysh wrote a letter for the sultan to the khan 'Muḥammad' (probably Urus); this embassy carried also gifts for the khan [1, p. 94].

For the sultanate, the importation of future Mamluks remained a crucial issue. al-Zāhir Barqūq personally acquired during his rule of sixteen years, some 5000 Mamluks. He once was a slave himself. When he was bought in 1363 by the emir Yalbugha al-'Umarī, he had approximately twenty-two years and was living in Qrim, as a slave, since several years [51, p. 64, 69]. The Crimea and especially Caffa remained the biggest slave market with Tabriz. And it was more advantageous to control the market places where the slaves were brought from everywhere, than their region of birth (the *Dasht-e Qipchaq* and the Caucasus where the Circassians came from).

In the first half of the fifteenth century, the Ottomans progressively controlled the Black Sea until they, finally, took control of the straits of the Bosphorus and Constantinople. Then, the connection between the Golden Horde and the Mamluks was cut for good.

Concluding remarks

The long-term relationships of the Mamluk sultanate and the Golden Horde had a strong impact not only on both empires but also on the whole inter-regional balance. The Horde and the sultanate were part of a bigger world – so, to understand what was at stake between them, we need to look at the broader context: the Mongol empire; the Genoese; the Venetians; the papacy and the sultanates of the *dār a-islām*.

Regarding the diplomatic conventions, we can say that basic *topoi* were elaborated during the founding period of Berke and Baybars. The expressions and images used in further letters show how important this first alliance was. The secretaries from both chancelleries based their rhetoric on the text of the letters recorded in the *inšā'* literature, manuals and chronicles, and made frequent reference to the previous alliances. This first sequence set the terms for the birth of a diplomatic tradition and its “language”. Yet we should not forget that Mamluks and Jöchids had concrete and contextual reasons to engage in exchange and that only when the economic and political motivations failed did the alliance lose its *raison d'être*.

Baybars and Berke, and their close entourages, were the instigators of a foreign policy that was continued and adapted by their successors. Jöchids and Mamluks shared political and economic aims, they formalized and protected the exchanges on the basis of treaties and foregone itineraries, and they tried to coordinate their strategies to confront a changing political environment. They developed forms of communication between societies with different languages and traditions. They did believe that diplomacy could change things and used it as such.

There is no true alliance without tension. In this study, I tried to identify the reasons why the Mamluks and the Jöchids, though officially allied, struggled at times. The Pax Mongolica was a period of tense economic competition. The evolution in the statuses of the merchants and of the ambassadors from Venice and Genoa is a significant consequence of such competition. Besides, notwithstanding their ‘friendship’, both the sultanate and the Golden Horde were empires in expansion with their own internal issues.

REFERENCES

1. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordy s Egiptom – XIII–XIV vv.* [The Golden Horde Diplomatic Relations with Egypt: 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 161 p. (In Russian)
2. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana* [Political History of the Golden Horde during the Reign of Khan Toqtamish]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003. 164 p. (In Russian)
3. Mirgaleev I.M. *Materialy po istorii voyn Zolotoy Ordy s imperiei Timura* [Materials on the History of the Golden Horde Wars with the Empire of Timur]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2007. 107 p. (In Russian)
4. Mirgaleev I.M. Bitvy Toktamysh-khana s Aksak Timurom [Battles of Khan Toqtamish with Aksak Timur]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkakh Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma. Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [The Golden Horde Warfare: Problems and Prospects of the Study. Materials of the Round table held in the framework of the International Golden Horde Forum. Kazan, March 29–30, 2011]. Otv. red. i sostavitel' I.M.Mirgaleev. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 170–182. (In Russian)
5. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordy. 1: Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh"* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1: Extracts from the Arabic Writings]. St. Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian, Arabic)
6. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. 2: Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 2: Extracts from the Persian Writings]. Moscow–Leningrad, Izd. Akademii Nauk SSSR, 1941. 308 p. (In Russian, Persian)
7. Favereau M. Pervoe pis'mo khana Berke sultanu Beibarsu po mamlyukskim istochnikam (661/1263 g.) [The First Letter of Khan Berke to Sultan Baybars according to Mamluk Sources (661/1263)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vypusk 4. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 101–113. (In Russian)
8. Favereau M. Venetsianskie istochniki po istorii Zolotoy Ordy: novye perspektivy izucheniya [Venetian Sources on the Golden Horde History: New Perspectives of Studying]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. No. 1. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016 (in press). (In Russian)
9. Abū Šāmah. *Tarājim rijāl al-qarnayn al-sādis wa-l-sābi' al-ma'rūf bi-l-ḡayl 'alā al-Rawḍatayn*. Muḥammad Zāhid b. al-Ḥasan al-Kawṭarī (ed.). Cairo, 1947. 285 p. (In Arabic)
10. Allsen Th. *Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley, University of California Press, 1987. xvii + 278 p.
11. Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks. The Mamluk-Ilkhānid War 1260–1281*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. xv + 272 p.
12. Amitai R. Resolution of the Mamluk-Mongol War. *Mongols, Turks and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Amitai R., Biran M. (eds.). Leiden and Boston, Brill, 2005, pp. 359–390.
13. Amitai R. Diplomacy and the Slave Trade in the Eastern Mediterranean: A Re-examination of the Mamluk-Byzantine-Genoese Triangle in the Late Thirteenth Century in Light of the Existing Early Correspondence. *Oriente Moderno*. Vol. LXXXVIII/1. Roma, Istituto per l'Oriente, 2008, pp. 349–368.
14. Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Re-examination. *Studia Islamica*. Vol. 34. Paris, Maisonneuve et Larose Ed., 1971, pp. 151–180.

15. Al-ʿAynī. ʿIqd al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ord.* 1 [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1: Extracts from the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Saint Petersburg, 1884, pp. 475–477. (In Arabic)
16. Al-ʿAynī. ʿIqd al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān. Muḥammad Muḥammad Amīn (ed.). Cairo, Dār al-kutub, 1987–1992. (In Arabic)
17. Balard M. *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*. 2 Vols. Roma, École française de Rome, 1978. 1008 p. (In French)
18. Baybars al-Dawādār. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ord.* T. 1 [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1: Extracts from the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Saint Petersburg, 1884, pp. 76–123. (In Arabic)
19. Baybars al-Dawādār. *Kitāb al-Tuḥfat al-mulūkīya fī-l-dawlat al-turkīya (638–711)*. ʿAbd al-Ḥamīd Ṣāliḥ Ḥamadān (ed.). Cairo, Dār al-Miṣriyya al-Lubnāniyya, 1987. (In Arabic)
20. Baybars al-Dawādār. *Zubdat al-fikra fī taʾrīḥ al-ḥijra*. Richards D.S. (ed.). Beyrouth–Berlin, Orient-Institut der DMG- Das Arabische Buch, 1998. 488 p. (In Arabic)
21. Behrens-Abouseif D. *Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World*. London, I.B. Tauris, 2014. 298 p.
22. Bocharov S., Sitdikov A. The Solkhat's War and Its Reflection in the Fortification of Caffa. *Classica et Christiana*. Vol. 9/2. Iași, Ed. Univ. Alexandru Ioan Cuza, 2014, pp. 413–426.
23. Broadbridge A. Diplomatic Conventions in the Mamluk Sultanate. *Annales Islamologiques*. Vol. 41. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 2007, pp. 97–118.
24. Broadbridge A. *Kingship and Ideology in the Islamic and Mongol Worlds*. Cambridge, Cambridge University Publ., 2008. xiv + 232 p.
25. Charmoy F.B. Expédition de Timour-i-lenk contre Toqtamische, Khân de l'Ouloûs de Djoûtchy en 793 H., 1391 de J.C: textes arabes, persans et turks. Publiés et traduits avec des notes et éclaircissements [par] François-Bernard Charmoy. *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St-Petersbourg*. 6e série, Sciences politiques, histoire et philologie. T. 3, 5 (1836, 1835) [Reprint. Amsterdam, Philo Press, 1975]. (In French)
26. Ciocîltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Leiden–Boston, Brill, 2012. 321 p.
27. Al-Ḍahabī. *Kitāb duwal al-islām*. Vol. 1. ʿAbdallah b. Ibrāhīm al-Anṣārī (ed.). Qatar, Idāra iḥyāʿ al-turāṯ al-islāmī, 1977. (In Arabic)
28. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. Vol. 3: (1204–1282). München, Oldenbourg, 1932. (In German)
29. Eckmann J. The Mamluk Qipchaq Literature. *Central Asiatic Journal*. Vol. 8. Wiesbaden, Harrasowitz, 1963, pp. 304–319.
30. Favereau M. Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262 – v.1430). *Annales Islamologiques*. Vol. 41. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 2007, pp. 64–67. (In French)
31. Favereau M. The Golden Horde and the Mamluks: The Birth of a Diplomatic Setup (1261–67). *Mamluk Cairo, a Crossroad for Embassies*. Bauden F., Dekkiche M. (eds.). Leiden–Boston, Brill, 2017, pp. 282–301.
32. Flinterman W. Killing and Kinging: Altaic Notions of Kingship and the Legitimation of al-Zāhir Baybars' Usurpation of the Mamluk Sultanate, 1249–1260. *Leidschrift*. Vol. 27/1. Leiden, Subfaculteit Geschiedenis, 2012, pp. 31–48.
33. Gregoras N. *Nicephori Gregorae Byzantina historia graece et latine*. Vol. I. L. Schopen (ed.). Bonn, E.Weber, 1829. (In Greek, Latin)

34. Haarmann U. Regicide and 'The Law of the Turks'. *Intellectual Studies on Islam: Essays Written in Honor of Martin B. Dickson*. Mazzaoui M., Moreen V. (eds.). Salt Lake City, University of Utah Press, 1990, pp. 127–135.
35. Haravī, Sayf Ibn Muḥammad. *Tārīkh Nāmah-i Harāt*. Ghulām Rizā Ṭabāṭabā'ī Majd (ed.). Tehrān, 2004. (In Persian)
36. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au moyen-âge*. Leipzig, O. Harrassowitz, 1885–1886 [reprint. 2 vols. Amsterdam, Adolf M. Hakkert, 1967]. (In French)
37. Ibn 'Abd al-Zāhir. *al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-malik al-Zāhir*. 'Abd al-'Azīz al-Ḥuwayṭir (ed.). al-Riyāḍ, Mu'assasat Fu'ād, 1976. 519 p. (In Arabic)
38. Ibn al-Aṭīr. *The Chronicle of Ibn al-Athīr for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rīkh. Part 3: The years 589–629/1193–1231: the Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace*. Transl. D.S. Richards. Aldershot–Burlington, Ashgate, 2008.
39. Ibn al-Dawādārī. *Kanz al-Durar wa-jāmi' al-Ġurar. Vol. 8: al-Durra al-Dakiyya fī aḥbār al-dawlat al-turkiyya*. Haarmann U. (ed.). Cairo–Wiesbaden, 1971. Vol. 9. Roemer H.R. (ed.). Cairo, 1960. (In Arabic)
40. Ibn Duqmāq. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy. T. 1* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1: Extracts from the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Saint Petersburg, 1884, pp. 315–330. (In Arabic)
41. Ibn Fadl Allāh al-'Umarī. *al-Ta'rīf fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf*. Cairo, 1312/ 1894–1895. (In Arabic)
42. Ibn al-Furāt. *Ta'rīḥ al-duwal wa-l-mulūk. Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy. T. 1* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1: Extracts from the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Saint Petersburg, 1884, pp. 351–357. (In Arabic)
43. Ibn Ḥajar al-'Asqalānī. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy. Vol. 1* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Extracts from the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Saint Petersburg, 1884, pp. 449–454. (In Arabic)
44. Ibn Ḥiḡga. *Qahwat al-inšā'*. Veselý R. (ed.). Beyrouth, Bibliotheca Islamica 36, 2005. (In Arabic)
45. Ibn Kaṭīr. *al-Bidāya wa-l-nihāya fī ta'rīḥ*. Vol. 13. Cairo, Maṭba'at al-Sa'āda, 1932. (In Arabic)
46. Ibn Nāzir al-Ġayš. *Kitāb taṭqīf al-ta'rīf bī-l-muṣṭalaḥ al-šarīf. Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy. Vol. 1* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Extracts from the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Saint Petersburg, 1884, pp. 331–350. (In Arabic)
47. Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire. *Central Asiatic Journal*. Vol. 32. Wiesbaden, Harrasowitz, 1978, pp. 186–244.
48. Juvaynī, 'Alā' al-Dīn 'Aṭā Malik. *Genghis Khan: The History of the World Conqueror*. Transl. J.A. Boyle. New introduction and bibliography D.O. Morgan. Manchester–Paris, 1997. lxxvii + 763 p.
49. Jūzjānī, Minhāj-i Sirāj. *Ṭabaqāt-i Nāširī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan*. Vol. 2. Transl. Major H.G. Raverty. London, 1881 [reprint. New Dehli, 1970].
50. Kedar B. Segurano-Sakrān Salvaygo: un mercante Genovese al servizio dei Sultani Mamalucchi, c. 1303–1322. *Fatti e idee di storia economica nei secoli XII–XX. Studi dedicati a Franco Borlandi*. Bologna, Il Mulino, 1976, pp. 75–91. [Reprint. in *The Franks in the Levant, 11th to 14th Centuries*. Aldershot, 1993. Art. XXI]. (In Italian)
51. Loiseau J. *Les Mamelouks (XIIIe–XVIe siècle). Une expérience du pouvoir dans l'islam medieval*. Paris, Seuil, 2014. 434 p. (In French)
52. Al-Maqrīzī. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy. T. 1* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1: Extracts from

the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). St. Petersburg, 1884, pp. 417–442. (In Arabic)

53. Al-Maqrīzī. *Kitāb al-sulūk li-ma'rifat duwal al-mulūk*. Muḥammad Muṣṭafā Ziyāda (ed.). Vol. 1/2. Cairo, Maktabat Laḡnat al-ta'līf wa-l-tarḡima wa-l-naṣr, 1936. (In Arabic)

54. Martin J. The Land of Darkness and the Golden Horde. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 19. Paris, École des hautes études en sciences sociales, 1978, pp. 401–421.

55. Mufaḍḍal Ibn Abī-l-Faḍā'il. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ord. T. 1* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1: Extracts from the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Saint Petersburg, 1884, pp. 176–199.

56. Mufaḍḍal Ibn Abī-l-Faḍā'il. *Al-Nahj al-sadīd wa-l-durr al-farīd fīmā ba'd Ta'rīḥ Ibn al-'Amīd. Histoire des sultans Mamlouks*. Blochet E. (ed. & transl.). Patrologia Orientalis 12. Paris, Firmin-Didot, 1919, pp. 343–550. (In Arabic, French)

57. Al-Nuwayrī. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ord. T. 1* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 1: Extracts from the Arabic Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Saint Petersburg, 1884, pp. 128–171.

58. Al-Nuwayrī. *Nihāyat al-Arab fī funūn al-adab*. Vol. 30. Muḥammad 'Abd al-Hādī Šā'ira (ed.). Cairo, al-Mu'assasat al-Miṣrīyat al-'Āmma lil-Ta'līf wa-l-Tarjama wa-al-Ṭibā'a wa-al-Naṣr, 1990. (In Arabic)

59. Polo, Marco. *La description du monde*. Hambis L. (ed.). Paris, librairie C. Klincksieck, 1955. xvii + 433 p. (In French)

60. Promis V. Continuazione della Cronaca di Jacopo da Varagine dal 1297 al 1332. *Atti della Società ligure di storia patria*. T. X. Genova, Società ligure di storia patria, 1874, pp. 493–512. (In Latin)

61. Raschid-Eldin [Rašīd al-Dīn]. *Histoire des Mongols de la Perse*. Quatremère É. (ed. & transl.). Vol. 1. Paris, Collection orientale de l'Imprimerie nationale, 1836. (In Persian, French)

62. Rašīd al-Dīn. *Sbornik materialov", otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ord. T. 2* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Volume 2: Extracts from the Persian Writings]. Tizengauzen V.G. (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941, pp. 27–79. (In Persian, Russian)

63. Richard J. La conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or. *Revue des études islamiques*. Vol. 35. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1967, pp. 173–184. (In French)

64. Al-Šafadī. *A'yān al-'Aṣr wa-a'wān al-naṣr*. Vol. 1. 'A. Abū Zayd (ed.). Beyrouth-Damascus, 1998. (In Arabic)

65. Šāfi' b. 'Alī. *Ḥusn al-manāqib al-sirriyya al-Muntaza'a mīn al-sīrat al-Zāhiriyya*. 'Abd al-'Azīz b. 'Abd Allāh al-Ḥuwaytīr (ed.). 2nd ed. Al-Riyāḍ, aṭābi' al-Qūwāt al-Musallāḥat al-Sa'ūdīya, 1989. (In Arabic)

66. Van Steenbergen J. The Amir Qawṣūn, Statesman or Courtier? (720–741 AH/1320–1341 AD). *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras*. Vermeulen U., Van Steenbergen J. (eds.). Leuven, Peeters, 2001, pp. 449–466.

67. Al-Yūnīnī. *Dayl Mir'āt al-Zamān*. Vol. 1–2. Ḥaydar'ābād al-Dakn, Maṭba'at Majlis Dā'irat al-Ma'ārif al-'Uthmāniya, 1954–1955. (In Arabic)

About the author: Marie Favereau – Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (George Str., Oxford OX1 2RL, United Kingdom); La Sorbonne – Paris IV (1, Victor Cousin Str., Paris 75005, France). E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

Received January 12, 2017

Accepted for publication March 03, 2017

ЗОЛОТАЯ ОРДА И МАМЛЮКИ

Мари Фаверо^{1,2}¹ Оксфордский университет
OX1 2RL, Оксфорд, Великобритания² Университет Сорбонна – Париж IV
75005, Париж, Франция
E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

Цель: рассмотреть особенности мамлюкско-золотоордынских взаимоотношений.

Материалы исследования: мамлюкские (биографии султанов, официальные истории, канцелярские руководства и литература инша'), итальянские, ильханидские и тимуридские источники.

Результаты и научная новизна: Золотая Орда и султанат мамлюков обменивались послами на протяжении почти двух столетий. Причины, по которым оба государства поддерживали отношения в течение длительного времени, были сложными и менялись со времен. Данное исследование показывает, что мамлюкско-джучидские взаимоотношения не могут рассматриваться как единый и долгосрочный альянс, но как чередование между периодами молчания и активных взаимообменов. **Научная новизна исследования** заключается в том, что оно нацелено на выяснение мотивации следовавших друг за другом альянсов, заключенных между султанами и ханами, путем восстановления хронологии этих обменов и тщательного анализа их ключевых моментов. Устоявшееся мнение о "мамлюкско-джучидской дипломатии", описываемой историками в качестве аморфной договоренности, подвергается здесь пересмотру, принимая во внимание внутреннюю ситуацию как в Золотой Орде, так и в султанате мамлюков. Настоящее исследование представляет обзор длительного взаимодействия Золотой Орды с султанатом мамлюков и предлагает ответы на следующие вопросы: оставался ли факт того, что мамлюки и Джучиды имели общих врагов, неотъемлемым краеугольным камнем их дипломатических отношений? Можем ли мы говорить о "внешней политике", а не ограниченной заинтересованности какого-либо отдельного правителя? **В результате нашего исследования** мы пришли к выводу, что долгосрочные взаимоотношения мамлюкского султаната и Золотой Орды имели сильное влияние не только на обе империи, но и на всю межрегиональную расстановку сил.

Ключевые слова: султанат мамлюков, работоторговля, дипломатия, генуэзцы, Черное море, Ильханиды.

Для цитирования: Favereau M. The Golden Horde and the Mamluks // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 93–115. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.93-115

Сведения об авторе: Мари Фаверо-Думенжу – Ph.D. (история), научный сотрудник, исторический факультет, Оксфордский университет (OX1 2RL, ул. Георгия, Оксфорд, Великобритания); университет Сорбонна – Париж IV (75005, ул. Виктор Кузин, 1, Париж, Франция). E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

Поступила 12.01. 2017 г.

Принята к публикации 03.03.2017 г.

**ДИНАСТИЧЕСКИЙ БРАК МАМЛЮКСКОГО СУЛТАНА ЕГИПТА
АН-НАСИРА И ЦАРЕВНЫ ТУЛУНБАЙ ПО ДАННЫМ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ**

Э.Г. Сайфетдинова¹, И.Х. Гамаль Абдель Рехем²

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация
E-mail: adulya2@yandex.ru*

² *Каирский университет
12613, Каир, Египет
E-mail: gamalarch@hotmail.com*

Цель: установить основные причины заключения династического брака между мамлюкским султаном ан-Насиром и царевной Тулунбай из чингизидского рода и проанализировать результаты его расторжения по материалам средневековых арабских летописей.

Материалы исследования: средневековые арабоязычные летописи мамлюкских авторов: Ибн Дукмака, ал-Калькашанди, ал-Макризи, Могултая, ан-Нувеيري, Ибн Тагрибарди, ал-Элайни и др.

Результаты и научная новизна: дипломатические связи между Египтом и Золотой Ордой были вызваны экономическими и внешнеполитическими задачами, стоявшими перед обоими государствами. Египет в то время было одним из мощных и влиятельных государств на мусульманском Востоке и с большим интересом следил за событиями, происходившими в Золотой Орде. Интерес стимулировался тем, что Золотая Орда была вовлечена в орбиту ислама и все интенсивнее интегрировалась ислам в повседневную культуру золотоордынского общества. После укрепления позиций Золотой Орды во времена правления Узбек хана, мамлюкские султаны еще больше стали упрочивать свои взаимоотношения с Золотой Ордой. Одним из значимых шагов в сближении двух стран был династический брак между мамлюкским султаном ан-Насиром и царевной из чингизидского рода по имени Тулунбай. Тема, представленная в статье, актуальна тем, что вопрос о политическом значении династических связей мамлюкских и золотоордынских правителей остается недостаточно изученным. Между тем династический брак представляется как политический акт: изъявление доброй воли одного государства по отношению к другому и способ укрепления влияния одной страны на другую. **Новизна** исследования заключается в том, что наряду с подробным анализом сведений арабских летописей по данной тематике впервые была представлена могила царевны Тулунбай, сохранившаяся до наших дней на территории Египта.

Ключевые слова: история, Золотая Орда, Египет, династический брак, мамлюки, ан-Насир, Тулунбай, Средневековье, арабские летописи.

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г., Гамаль Абдель Рехем И.Х. Династический брак мамлюкского султана Египта ан-Насира и царевны Тулунбай по данным средневековых арабских летописей // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 116–125. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125

Дипломатические связи между Египтом и Золотой Ордой были вызваны экономическими и внешнеполитическими задачами, стоявшими перед обоими государствами. Египет в то время был одним из мощных и влиятельных государств на мусульманском Востоке и с большим интересом следил за событиями, происходившими в Золотой Орде. Тем более что интерес стимулировался тем, что Золотая Орда была вовлечена в орбиту ислама и все интенсивнее интегрировала ислам в повседневную культуру золотоордынского общества.

В изучении дипломатических взаимоотношений мамлюкского Египта и Золотой Орды особую роль представляют средневековые арабоязычные летописи мамлюкских авторов: Ибн Дукмака, ал-Калькашанди, ал-Макризи, Могултая, ан-Нувейри, Ибн Тагрибарди, ал-Элайни и др. Сочинения арабских авторов представляют собой самостоятельную историографическую традицию. Несмотря на ряд хронологических, генеалогических ошибок, в целом их сведения существенно раскрывают некоторые аспекты международных отношений Золотой Орды и мамлюкского Египта.

Вопрос о политическом значении династических связей мамлюкских и золотоордынских правителей остается недостаточно изученным историками, хотя династический брак представляет собой и политический акт: изъявление доброй воли одного государства по отношению к другому и способ укрепления влияния одной страны на другую.

При создании родственных связей между династиями их главы исходили из мотивов обеспечения преемственности престола, а также из той политической аксиомы, что породнившие династии должны действовать в политическом отношении солидарно.

После укрепления позиций Золотой Орды во времена правления Узбек хана, мамлюкские султаны еще больше стали упрочивать свои взаимоотношения с Золотой Ордой. Одним из значимых шагов в сближении двух стран был династический брак между мамлюкским султаном ан-Насиром и царевной из чингизидского рода по имени Тулунбай. В Египте до сих пор находятся в сохранности памятники архитектуры мамлюкского периода, в частности, относящиеся к периоду правления малика ан-Насира (см. Рис. 1).

В средневековых арабских летописях ал-Элайни, ал-Макризи, ал-Мисри, ан-Нувейри, Могултая, Ибн Дукмака сообщается о деталях соглашения, принятых по поводу совершения женитьбы ан-Насира. В летописях раскрываются некоторые обстоятельства брачного союза, а также причины размолвки, указана дата смерти царевны.

О возможном заключении союза и родственного брака между двумя государствами заговорили еще послы, прибывшие из Золотой Орды в 1314 году: «Они представили послание (Узбека) и Мангуш объяснился с султаном о том, что Кутлуктемир указал ему (Мангушу) по части брака и союза» [9, с. 516]. Это предложение понравилось мамлюкскому султану, и он оказал послу уважение и почет.

Через некоторое время в Орду были отправлены два посла, которые передали подарки Узбек-хану и напомнили ему по поводу невесты. Таким образом, ан-Насир был настроен на заключение династического брака и просил себе в жены одну из дочерей Узбек-хана. Сам Мухаммад ан-Насир был младшим сыном султана Калавуна, его мать имела монгольское происхождение. Ан-Нувейри пишет, что золотоордынский хан и его эмиры были отрицательно

Рис. 1. Вход в четырехайванное медресе, построенное по приказу султана ан-Насира (Каир, Египет)

Pic. 1. Entrance into rectangular madrasas built by order of Sultan al-Nasir (Cairo, Egypt)

настроены по отношению к предложению султана Египта: «такого требования еще никогда не было со времени появления Чингиз-хана до настоящего времени и с какой стати должна отправиться царская дочь из рода Чингизханова в земли Египетские, да переехать через семь морей» [9, с. 168]. Однако после коротких переговоров было дано согласие, но выдвинуты непомерные условия, которые привели к тому, что ан-Насир отказался от этого брака и не упоминал его при встрече с послами из Золотой Орды. Но тогда Узбек хан проявил рвение и заявил: «я уже снарядил для брата моего, султана Эльмелика-Эннасыра, то, о чем он просил и назначил ему дочь из дома Чингиз-хана» [9, с. 168]. С. Закиров считает, что такая настойчивость Узбека проявилась по причине того, что «брачный союз султана с выбранной для него принцессой будет чрезвычайно выгоден для золотоордынского государства из соображений предстоящей борьбы с Хулагуидами за Азербайджан, которая все еще тянулась и даже обострилась в годы его правления» [2, с. 79]. Сколько бы посол Утуджи не пытался увернуться от такого неожиданного предложения, Узбек хан был непреклонен и настоял на совершении этого брачного союза. При этом Узбек настоял на том, чтобы было выплачено приданое в размере 20000 динаров и 7000 динаров на устройство пира по случаю отъезда невесты, которое было взято в долг у купцов [9, с. 520]. И в Египет была отправлена двоюродная сестра Узбек-хана, Тулунбай. Некоторые арабские источники ошибочно сообщают о том, что царица Тулунбай была дочерью Узбек-хана [9, с. 264]. В истории известна лишь одна дочь Узбек-хана – Иткуджуджук, – сведения о ней даны в заметках Ибн Баттуты [9, с. 290, 295–296].

После пяти месяцев пребывания в дороге – задержка произошла вследствие того, что делегация отправилась в путь поздней осенью, – процессия высадилась в Александрии. Подробности прибытия царевны «из дома Берке» в Египет сообщает ал-Элайни: «В 720-м году (=12 февраля 1320 – 30 января 1321 г.) прибыла (в Египет) высокосоновная хатунь, отправленная из дома Берке к Эльмелик-Эннасыру, т.е. Тулунбай, дочь Тукаджи, сына Хинду, сына Теку, сына Душихана, сына Чингизхана. Прибыли они в город Александрию в ребиэльэввель (=11 апр. – 10 мая 1320 г.) Когда хатунь сошла с корабля, то ее усадили в позолоченную палатку на повозку, которые мамлюки повезли в дворец султанский в Александрии. Султан выслал к услугам ее множество хаджибов и 18 женщин из харема султанского, они сели в шлюпки. И прибыла она в Замок в понедельник 25-го ребиэльэввелля (=5 мая 1320). В светлицах Майдана для нея была разбита султанская палатка из Мааденского атласа и им (прибывшим) предложены были яства... Потом был заключен брачный договор в понедельник 6-го ребиэхира (=16 мая 1320 г.) на основании, т.е. с уплатою 30 000 мискалей, за вычетом из них прежних 20 000 динаров. Султан сочетался с нею и затем послы вернулись, после того как он пожаловал им награды и отправил с ними великолепные подарки для Узбека» [9, с. 521, 326]. Перед заключением брака ан-Насиру представили письмо Узбек хана, в котором говорилось: «он (Узбек) отправил лучшую из дома Берке и если она не понравится тебе пусть вернется обратно». Однако ан-Насир ответил, что ему не важна красота, а важна знатность рода и близкое родство с Узбек ханом.

Однако брак распался на следующий день, ал-Макризи пишет: «В ту же ночь он вступил в брак с нею, но она не понравилась ему» [9, с. 439]. Султан рано утром отправился на юг Египта в Саид, тем самым показав свое равнодушное отношение к царевне. Возможно, здесь были и внутренние причины, ведь у султана уже была первая жена Тогай, которая, по сообщению Мерена, была «дочерью меченосца (салахдара? – Э.С.) Тогай Ногайская, нареченная Ордотекин» [11, с. 555]. Она была наложницей в гареме султана, он освободил ее от рабства и женился на ней. Тогай была очень красива, и никого из других женщин султан так не любил. Эта Тогай родила султану сына Анука и играла важную роль в судьбе ан-Насира. Могла ли Тогай являться родственницей Ногай? По сведениям Ибн Халдуна известно, что после убийства Ногай «лагерь Ногай был отдан на разграбление, а пленники и узники их были распроданы во все страны света. Часть их в Египте была обращена в рабство и зачислена в ряды египетского войска» [9, с. 385]. Скорее всего, семья Тогай была из их числа. В этом отношении логичным кажется утверждение Б. Шпулера о том, что «на протяжении многих десятилетий, в течение которых Ногай почти безраздельно господствовал в южных степях, жившие там татарские племена настолько сблизились, что стали чувствовать себя единым целым, приняли его имя и стали называться ногайцами» [11, с. 104]. До сих пор в Каире сохранился мавзолей Тогай (см. Рис. 2).

О причине расторжения брачного союза Ас-Сафади сообщает, что «султан вообразил, что она (Тулунбай – Э.С.) не является дочерью Узбека, поэтому он приготовил ей приданное и выдал замуж за эмира Сайф ад-дина Мункли Буга (ум. 731/1331 г. – Э.С.), силахдара, вскоре он скончался, оставив ее вдовой» [1, с. 773].

Рис. 2. Мавзолей Тогай (1348 год) – любимой жены султана ан-Насира Мухаммада

Pic. 2. The Mausoleum of Togay (1348), of Sultan al-Nasir Muhammad's beloved wife

По сведениям Моголтая, «Пробыла она (Тулунбай) в замужестве султана около 8 лет; потом он развелся с нею и выдал ее замуж за Менглибугу, который умер. Тогда женился на ней Сусун, брат Кусуна; он также умер. Женился на ней (наконец) Омар, сын Аргуна, наместника султанского, и она умерла в браке с ним, как сказано выше) [7, с. 269]. Интересен и тот факт, что несмотря на четыре брака Тулунбай так и не смогла стать матерью, из чего можно предположить, что она была бесплодна.

В 1335 году из Золотой Орды прибыли послы с посланием от Узбек-хана, в котором он упрекал ан-Насира в том, что он развелся с царевной и потребовал возвращения ее на родину. Но тогда ан-Насир сказал, что она умерла, и отправил Узбек хану подарки [4, с. 184]. Было ли это единоличное решение самого султана вследствие нежелания усугублять взаимоотношения с Золотой Ордой, либо царевна Тулунбай сама не пожелала вернуться в Золотую Орду остается неясным.

В 1339 году из Золотой Орды прибывает еще одно посольство с письмом от Узбек-хана, в котором он просит для себя одну из дочерей султана ан-

Насира, «которую он мог бы славить и заключить братство и дружбу. Султан понял, что они намерены поступить так, как он поступил с ними. Через несколько дней пригласил он к себе, пожаловал им халаты и написал следующий ответ ‘дочери мои (еще) малолетки и старшей из них всего шесть лет, по достижении ею законного срока для вступления в брак, мы снарядим ее и вышлем ее к услугам его (Узбека), если на то будет воля Всевышнего Аллаха’» [9, с. 262–263]. Неизвестно, чем бы закончилась эта история вокруг царевны Тулунбай, если бы главные зачинщики этого династического брака не скончались: в 1341 году умер ан-Насир, а в 1342 году скончался и Узбек-хан.

Что касается даты смерти Тулунбай, в арабских летописях встречаются разночтения. В летописях ал-Асади говорится, что Тулунбай «умерла в 741 году хиджры (1341 г.) и похоронена в Элькараф, в склепе детей Аргуна [9, с. 447]. Шамс ад-дин аш-Шуджа-и Элмисри в книге «Тарих ал-малик ан-Насир Мухаммад бин Калавун ва авладуху» («История султана ан-Насира Мухаммада ибн Калавуна и его детей») сообщает, что «В 743-м году умерла Дулунбия хатунь, дочь царя Узбек-хана Сарайского, которая была замужем за султаном (Египетским). Он развелся с нею и выдал ее за Менгли бугу. По смерти его, она вышла замуж за эмира Сусуна, брата Кусуна, а потом за Омара, сына наместника Аргуна. Она скончалась в Египетской земле 15-го ребиэльэввеля (=18 авг. 1342 г.)» [9, с. 264].

Могултай¹ в биографии малика ан-Насира сообщает совсем другую дату смерти царевны: «В субботу вечером, 15-го ребиэльэввеля 741 года (=8 сент. 1340 г.) скончалась знаменитая госпожа Дулунбия, родственница Узбека, государя стран Кипцакских. Она была схоронена в воскресенье 16-го числа (=9 сент. 1340 г.) в склепе, (принадлежавшем) детям Аргуна, наместника султанского, в Элькарафе» [9, с. 268].

Но самую точную дату указал ал-Макризи, который указал дату 765 г. х., что подтверждается сохранившимся в Каире надгробным памятником Тулунбай, который был описан профессором Мереном в журнале *Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg* (Т. VI, St.-Pbg., 1868) [11]. Она (Тулунбай) умерла 14-го ребиэлахыра 765 г. х. (=20 января 1364 г.) и была похоронена в своей часовне за воротами эл-Бакри по соседству от часовни госпожи Тогай, матери Анука [9, с. 440]. Таким образом, Тулунбай прожила в Каире достаточно долгую жизнь и пережила многих правителей, которые сменялись в Египте также часто, как и в Золотой Орде.

Другой интересный вопрос о происхождении царевны Тулунбай: являлась ли она близкой родственницей Узбек-хану? На этот вопрос в арабских летописях нет единого мнения. В сведениях ал-Макризи вообще содержатся разные данные о родословной цепочке царевны Тулунбай. В одной части сказано, что Тулунбай – дочь Тукаджи, сына Хинду, сына Теку, сына Души-хана, сына Чингиз-хана; по другим сведениям Тулунбай – дочь Тогаджи (сына Хинду), сына Бекра, сына Души-хана, сына Чингиз-хана. Арабские источники сходятся в едином мнении, что она принадлежала к роду Джучидов, Чнгизидов.

¹ Могултай Ибн Абдулла ал-Джамали эмир Гала ад-дин. Родом был из тюрок. Был на службе султана ан-Насира Мансура ал-Калавуна. Создатель многих произведений, в частности, биографии султана ан-Насира. В Египте сохранилось здание медресе Могултая ал-Джамали.

Известно, что одним из значимых источников по хронологии Чингизидов является сочинение Рашид ад-дина «Шуаб ал-панджгана». Сегодня идет плодотворная работа по изучению и переводу этого исторического источника с персидского языка на русский [5; 6; 10; 13].

По опубликованным данным отрывков «Шуаб ал-панджгана» [10, с. 73–86], цепочка Хинду приводит к ветви сына Джучи по имени Чимбай, а Теку (Яку) являлся представителем ветви сына Джучи – Бувала. Тукаджи там упоминается именно так, как написано – сын Яку, сын Хинду, сын Чимбая, сын Джучи. По сообщению Ч.И. Хамидовой, существует разная транслитерация имени отца Тулунбай – Тукаджу: в «Сборнике летописей» –это Такаджу [7, с. 76], в «Шуаб ал-панджгана» – Таджу. В «Муизз ал-ансаб» [3] его имя указывается как Тайджу.

Рис. 3. Могила принцессы Тулунбай (Каир, Египет)

Pic. 3. The tomb of Princess Tulunbay (Cairo, Egypt)

По мнению Ж.М. Сабитова, Тулунбай еще называют дочерью Бурлюка/Пурлука (брат Тугрелдже); причина этого в том, что «видимо, после казни Тайджу (Такаджу) его жены с детьми отошли к Бурлюку, брату Тохты, что объясняет «двойное отцовство» царевны Тулунбай, которую называли то дочерью Бурлюка, то дочерью Такаджу, сына Хинду, сына Теку (здесь Теку (Яку) и Хинду перепутаны местами)» [8]. Так или иначе, Тулунбай являлась близкой родственницей Узбек-хану, и он хотел знать о ее судьбе. При этом, как нам кажется, было бы неверно полагать, что судьба Тулунбай в мамлюкском Египте сложилась трагично. Нет никаких доказательств тому, царевна Тулунбай провела свою жизнь в неволе и насильно была выдана замуж за эмиров. Скорее всего, здесь большую роль сыграли традиции, согласно которым женщина не должна была оставаться вне брака. Возможно, Тулунбай и сама не хотела возвращаться в Золотую Орду, ведь после казни своего отца

Такаджу, она также не могла быть уверена в своей безопасности. Более того, в эпоху мамлюков многие выходцы из Золотой Орды жили в Египте. Как бы там ни было, доказательством ее почета и знатности является тот факт, что Тулунбай была захоронена в отдельном мавзолее (часовне), могила ее сохранилась до сих пор в Каире (см. Рис. 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зайнуддинов Д.Р.* Биографический сборник ас-Сафади Салах ад-дина как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 767–778. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.767–778
2. *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.) М.: «Наука», 1966. 160 с.
3. История Казахстана в персидских источниках. Т. 3. Муизз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии). Алматы, 2006. 672 с.
4. *ал-Макризи.* Китаб ас-сулук ли магрифат дувал ал-мамлюк. Каир, 1936. Т. 3. 566 с.
5. *Миргалеев И.М.* «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 57–64.
6. *Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И.* Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. Вып 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 22–25.
7. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 316 с.
8. *Сабитов Ж.М.* Улусы Джучидов в 1242–1266 годах [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <https://www.proza.ru/2012/03/20/1068>
9. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
10. *Хамидова Ч.И.* Генеалогия Джучидов по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 73–86.
11. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Пер. с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
12. *Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg.* Т. I–XVI. St.-Pbg., 1852–1892.
13. *Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I.* The Study of Jochid Genealogy according to Rashid al-Din's «Shuab-i Pandjghana» // Золотоордынское обозрение. 2014, № 4. С. 50–56.

Сведения об авторах: Сайфетдинова Эльмира Гаделзяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, orcid.org/0000-0002-7138-1256 (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

Гамаль Абдель Рехем Ибрагим Хасан – Ph.D., профессор факультета археологии Каирского университета (12613, Каир, Египет). E-mail: gamalarch@hotmail.com

Поступила 13.01 2017 г.

Принята к публикации 02.03. 2017 г.

**DYNASTIC MARRIAGE OF MAMLUK SULTAN OF EGYPT
AL-NASIR AND PRINCESS TULUNBAY
ACCORDING TO MEDIEVAL ARAB CHRONICLES**

E.G. Sayfedinova¹, I.H. Gamal Abdel Rehem²

¹ *Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation
E-mail: Adulya2@yandex.ru*

² *Cairo University
Cairo 12613, Egypt
E-mail: gamalarch@hotmail.com*

Objective: to identify the main reasons for the dynastic marriage between Mamluk Sultan al-Nasir and the Chinggisid princess Tulunbay and to analyze the impact of the termination of the marriage, according to medieval Arab chronicles.

Research materials: medieval Arab chronicles of Mamluk authors: Ibn Duqmaq, al-Qalqashandi, al-Maqrizi, Mogultay, al-Nuwayri, Ibn Tagriberdi, al-Ayni et al.

Results and novelty of the research: diplomatic relations between Egypt and the Golden Horde were the result of economic and foreign policy objectives of both states. Egypt at that time was one of the most powerful and influential states in the Muslim East, which showed an increased interest in events in the Golden Horde. This interest was stimulated by the fact that the Golden Horde was involved in the orbit of Islam and began to more intensively integrate Islam into the everyday culture of the Golden Horde society. After the Golden Horde had strengthened its position during the reign of khan Uzbek, Mamluk sultans began to consolidate even more their relations with the Golden Horde. One of the most important steps for the rapprochement between the two countries was a dynastic marriage between Mamluk Sultan al-Nasir and the Chinggisid princess Tulunbay. The object of this study is relevant, since the issue of political significance of dynastic relations between Mamluk and the Golden Horde rulers remain understudied. Meanwhile, the dynastic marriage is presented as a political act: as an expression of the good will of the state in relation to the other and a way to strengthen the influence of one country on another. The novelty of this research lies in the fact that, along with a detailed analysis of the Arab chronicles' information on this subject, it presents for the first time the tomb of princess Tulunbay, which has been preserved in Egypt.

Keywords: history, Golden Horde, Egypt, dynastic marriage, Mamluks, al-Nasir, Tulunbay, Middle Ages, Arab chronicles.

For citation: Sayfedinova E.G., Gamal Abdel Rehem I.H. Dynastic Marriage of Mamluk Sultan of Egypt al-Nasir and Princess Tulunbay according to Medieval Arab Chronicles. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 116–125. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125

REFERENCES

1. Zaynuddinov D.R. Biograficheskiy sbornik as-Safadi Salakh ad-dina kak istochnik po istorii Zolotoy Ordya [Biographical Compilation by as-Safadi Salah al-Din as a Source of the Golden Horde History]. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 767–778. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.767-778
2. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordya s Egiptom (XIII–XIV vv.)* [Diplomatic Relations of the Golden Horde with Egypt in the 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 160 p. (In Russian).

3. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh*. Vol. 3 *Muizz al-ansab (Proslavlyayushchie genealogii)* [History of Kazakhstan in Persian Sources.: Muizz al-ansab (Glorifying Genealogies)]. Almaty, 2006, 672 p. (In Russian).
4. al-Maqrizi. *Kitab as-suluk li magrifat duval al-mamlyuk*. Cairo, 1936. Vol. 3. 566 p. (In Arabian).
5. Mirgaleev I.M. «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-dina: perspektivy izucheniya [Rashid al-Din's "Shuab-i Pandjghana": Research Perspectives]. *Golden Horde Review*, 2013, no. 1, pp. 57–64. (In Russian).
6. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. Genealogiya predkov Uzbek-khana po dannym «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-dina [The Genealogy of Uzbek Khan's Ancestors according to the Rashid al-Din's "Shuab-i pandzhgana"]. *Golden Horde Civilization*. Iss. 6. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 22–25. (In Russian).
7. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 316 p. (In Russian).
8. Sabitov Zh.M. *Ulusy Dzhuchidov v 1242–1266 godakh* [Juchid Uluses in 1242–1266]. Available at: <https://www.proza.ru/2012/03/20/1068> (In Russian).
9. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. T. I. *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I: Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1884. 564 p. (In Russian).
10. Khamidova Ch.I. Genealogiya Dzhuchidov po dannym «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-Dina [The Genealogy of the Jochids according to "Shu'ab-i panjganah" of Rashid al-Din] *Golden Horde Civilization*. No. 7. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 73–86. (In Russian).
11. Spuler B. *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg.* [The Golden Horde. The Mongols in Russia. 1223–1502]. *Perevod s nemets.yaz. i komment.* M.S. Gatina. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 500 p. (In Russian).
12. *Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*. Vol. I–XVI. St. Petersburg, 1852–1892. (In French).
13. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. The Study of Jochid Genealogy according to Rashid al-Din's «Shuab-i Pandjghana». *Golden Horde Review*. 2014, no. 4, pp. 50–56.

About the authors: Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, orcid.org/0000-0002-7138-1256 (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

Gamal Abdel Rehem Ibrahim Hassan – Ph.D., Professor at the Faculty of Archaeology, Cairo University (Cairo 12613, Egypt). E-mail: gamalarch@hotmail.com

Received January 13, 2017

Accepted for publication March 2, 2017

УДК 929(=411.21)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.126-137

**УЧЕНЫЙ ИЗ САРАЯ – МАВЛЯНА ЗАДА АС-САРАИ
(754/1353–791/1389) – В БИОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
АЛ-МАКРИЗИ ТАКИ АД-ДИНА (766/1365–845/1441)
«КИТАБ АЛ-МУКАФФА АЛ-КАБИР»
(БОЛЬШАЯ РИФМОВАННАЯ КНИГА)**

Д.Р. Зайнуддинов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация
E-mail: abu-hanifatnur@yandex.ru*

Цель: ввести в научный оборот ранее неизвестный источник по истории Золотой Орды.

Материалы исследования: биографический словарь ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365 – 845/1441) Китаб ал-мукаффа ал-кабир (Большая рифмованная книга).

Результаты и научная новизна: В статье представлены не вошедшие в «Сборник материалов по истории Золотой Орды (извлечения из сочинений арабских)» В.Г. Тизенгаузена материалы из работ историков, занимавшихся описательной биографией, хотя их труды содержат весьма ценные сведения по истории Золотой Орды. Научная новизна состоит в том, что в данной статье приводится один параграф из биографического словаря ал-Макризи Таки ад-дина, в котором в статье под № 421 даны сведения об ученом из Сарая – Мавляна Зада ас-Сараи, дается ее перевод и приводятся комментарии к ней, ссылаясь на более чем десять средневековых арабских источников. Мавляна Зада ас-Сараи, после получения базового образования у себя на родине, объездил многие восточные страны в поисках знаний и, получив высокое признание, обосновался в Каире в качестве преподавателя шариатских наук. Несмотря на то, что его жизнь прервалась в раннем возрасте (36 лет), он оставил глубокий след в науке. Его сын Мухиббу ад-дин (Каир, 791/1389 – Мекка, пятница 3-го Зу ал-хиджы 859/13 ноября 1455) также стал великим ученым, имамом самого султана ал-Ашрафа Барсбая и ряда других султанов после него. Нисба ас-Сараи звучала на устах улемов востока как символ учёности и высокого нрава. Как результат исследования, следует сказать, что изучение жизни Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353 – 791/1389) и ряда переселенцев из Дешти Кыпчака в Египет поможет исследователям в более глубоком и детальном изучении истории Золотой Орды.

Ключевые слова: биографический словарь, ал-Макризи, Китаб ал-мукаффа ал-кабир, Мавляна Зада ас-Сараи, Каир, Сарай, Золотая Орда, Египет.

Для цитирования: Зайнуддинов Д.Р. Ученый из Сарая – Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353–791/1389) – в биографическом словаре ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365–845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (Большая рифмованная книга) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 126–137. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.126-137

В предыдущей статье [6, с. 199] упомянули о том, что в объёмном труде В.Г. Тизенгаузена «Сборник материалов по истории Золотой Орды (извлечения из сочинений арабских)» [17] мы практически не встречаем материалы из работ историков, занимавшихся описательной биографией, хотя их труды содержат весьма ценные сведения по истории Золотой Орды. В связи с этим,

в данной статье мы приводим один параграф из биографического словаря ал-Макризи Таки ад-дина (ум. 845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (كتاب المقفى الكبير) /Большая рифмованная книга/, посвящённый выдающемуся учёному из Сарая – Мавляна Зада ас-Сараи.

После получения базового образования у себя на родине, он объездил многие восточные страны в поисках знаний и, получив высокое признание, обосновался в Каире в качестве преподавателя шариатских наук. Несмотря на то, что его жизнь прервалась в раннем возрасте (36 лет), он оставил глубокий след в науке. Затем его сын Мухиббу ад-дин (Каир, 791/1389 – Мекка, пятница 3-го Зу ал-хиджы 859/13 ноября 1455) также стал великим ученым, имамом самого султана ал-Ашрафа Барсбая и ряда других султанов после него [8, Т. 16, с. 153]. Нисба ас-Сараи звучала на устах улемов востока как символ учености и высокого нрава.

[А] Краткое описание биографического словаря ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365 – 845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир фи тараджум ахли миср ва ал-варидина илайха» (كتاب المقفى الكبير في تراجم أهل مصر والواردين إليها) /Большая рифмованная книга о биографии жителей Египта и тех, кто прибыл в него/.

Труд ал-Макризи «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (كتاب المقفى الكبير) /Большая рифмованная книга/ представляет собой биографический словарь выдающихся личностей, жизнь которых так или иначе была связана с Египтом. Так как работа не сохранилась в полном объёме и дошла до нас без предисловия, мы не можем знать о мотивах, побудивших автора к работе, его целях и задачах, методологии и источниковой базе словаря. «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» дошел до нас в пяти частях: одна часть хранится в национальной библиотеке Парижа (№ 2144), три – в университетской библиотеке Лейдена (№ 1366) [11, Т. 1, с. 7], и одна – в библиотеке Сулеймания в фонде Барту паша (№ 496) в Стамбуле [4, с. 125]. Словарь построен в алфавитном порядке. Так как ал-Макризи был глубоко верующим человеком, желая добиться божьего благословения, он начал свой труд с жизнеописания пророка Авраама, имя которого начинается с первой буквы арабского алфавита – алиф «ا». В этом он подражает своему предшественнику ас-Сафади (696/1297 – 764/1363), который писал в своем биографическом словаре «Ал-Вафи би ал-вафият» (الوافي بالوفيات أو) (Полный сборник некрологов выдающихся личностей или Истории ас-Сафади): «Так же как я начал эту книгу с имени Мухаммада, для получения благословения посредством пророка (да благословит его Аллах и ниспошлет ему мир), так же я продолжаю ее с описания жизни тех, чьё отчество Мухаммад(ович), с той же целью. Ибо в этом случае благодать удваивается, и деятельность усиливается» [6, с. 204–205].

Сахави (831/1428 – 902/1497) засвидетельствовал, что в его дни Макризи довел свой словарь до 16 томов и планирует написать его в объеме 80 томов, как венец своих исторических работ [11, с. 12]. К сожалению, довести его до конца ему не удалось. Как утверждают исследователи, сохранившиеся до наших дней редкие рукописи «ал-Мукаффа ал-кабир» – это черновые варианты самого автора. Во многих местах Такий ад-дин оставил пробелы, которые собирался довершить по мере поступления к нему информации. Ниже мы увидим, что в том числе в статье, посвящённой Мавляна Зада ас-Сараи, Макризи оставил многоточие, желая вписать цитаты из его поэзии.

[В] Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353 – 791/1389) в биографическом словаре ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365 – 845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (كتاب المقفى الكبير) /Большая рифмованная книга/ [11, Т. 1, с. 359–360, № 421].

[В.1]¹ № 421 – Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353 – 791/1389).

Ахмад сын Абу Язида сын Мухаммада. Шейх² Шихаб ад-дин сын шейха Рукн ад-дина, сын Шамс ад-дина, ас-Сараи (родившийся в городе Сарай), ал-Бухари (по происхождению из города Бухары). Известный по прозвищу Мавляна Зада³ (потомок учёных – Д.З.) ал-‘Аджами (не араб, иностранец – Д.З.), ал-Ханафи (последователь школы имама Абу Ханифы – Д.З.).

[В.2] Отец его был достопочтенным, аскетичным и щедрым ученым мужем. Он являлся управляющим вакуфного имущества в Сарае, а также отвечал за сбор налогов с вакуфов и подушной подати в русских землях. Из этого имущества он не брал ни для себя, ни для своей семьи ни одного дирхема и не кормил за счет (общественной казны – Д.З.) своих животных. При этом он поговаривал: «Вся эта осторожность в данном [...]»⁴ имуществе с моей стороны в надежде на то, что Аллах наделит меня благим ребенком. Как Он того полюбит и пожелает». Поэтому в день ‘Ашура⁵ (10-го Мухаррама – Д.З.) 754 / 14 Февраля 1353 года у него родился Мавляна Зада – этот (наш герой – Д.З.).

[В.3] Когда ему (Мавляна Заде – Д.З.) исполнилось девять лет, отец покинул бренный мир. Достигнув восемнадцатилетнего возраста, он стал умелым во многих науках и люди начали ставить его в пример остроумного (юноши – Д.З.). В двадцать лет он отправился в путешествие по разным странам. Некоторое время он (Мавляна Заде – Д.З.) жил в Шаме, изучая исламское право и его основы, в соответствии со школой имама Абу Ханифы, принимал по этим (дисциплинам – Д.З.) активное участие в (научных диспутах – Д.З.), проявляя в них своё остроумие и проницательность. Он изучал арабский язык и глубоко разбирался в его тонкостях, а также в смежных дисциплинах. Он говорил: «Больше всего мне нравится убедительный довод, который не оставляет места для его опровержения. А также – трудные задачи, на решение которых я нахожу время».

[В.4] В какую бы страну он не приезжал, жители ее свидетельствовали о его превосходстве. Затем он полюбил суфийский путь и, последовав за группой шейхов, служил у них несколько лет. Вскоре он прибыл в Каир и обосновался здесь в качестве преподавателя хадисов в медресе Захирия между двумя дворцами, также он преподавал хадисы в медресе Саргатмушия за (границами – Д.З.) Каира. В этих (школах – Д.З.) он (ас-Сараи – Д.З.) прекрасно читал лекции по основам хадисоведения опираясь на книгу Хафиза Абу ‘Амра

¹ В квадратных скобках нами проставлена условная нумерация для удобства сличения перевода с оригинальным текстом.

² Шейх (ар. – شيخ учитель, наставник, духовный лидер, старец): шейхами в исламском мире называют уважаемых лиц, занимающих высокий духовный сан – Д.З.

³ Мавляна Зада (пер. زاده + مولانا): наш господин (титул мусульманских ученых и богословов) + потомок [15, с. 581; 14, с. 751].

⁴ Опираясь на дополнительные источники, мы предполагаем, что на месте многоточия должно стоять слово «ничтожном» – Д.З.

⁵ ‘Ашура – праздничный день иудеев и мусульман, в этот день пророк Моисей перешёл по дну Красного моря из африканского континента на азиатский и спас свой народ от гнёта фараона – Д.З.

ибн ас-Салаха (577/1181 – 25 Раби' ал-Ахар 643/18.09.1245), так как обладал высоким преподавательским талантом и глубоким остроумием, что привлекало к нему людей.

[B.5] Всё оставшееся время он занимался этой (преподавательской деятельностью – Д.З.), пока не скончался после продолжительной болезни в среду 21-го Мухаррама 791 / 19 января 1389 года в возрасте 36 лет. Он (Мавляна Заде – Д.З.) был женат, и у него родился мальчик. Да смилостивится над ним Аллах. Народ очень хвалебно отзывался о нём, ибо люди получили от него много знаний и благ. Он также сочинял стихи. Например, (...)⁶.

[C] Оригинальный текст о Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353 – 791/1389) в биографическом словаре ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365 – 845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (كتاب المفتى الكبير) /Большая рифмованная книга/ [11, Т. 1, с. 359–360, № 421].

[C.1] 421 № – مولانا زادة السرائي (754–791)

أحمد بن أبي يزيد بن محمد الشيخ شهاب الدين ابن الشيخ ركن الدين ابن شمس الدين السرائي المولد البخاري المحتد المعروف بمولانا زادة العجمي الحنفي.

[C.2] كان أبوه فاضلاً زاهداً سخيّاً عالماً. ولى الأوقاف ببلاد سراي وجعل إليه حمل أموال الأوقاف و الجزية ببلاد الروس. فلم يتناول منها درهما قط لنفسه ولا لعياله ولا أطعم منها دابةً له. وكان يقول كل هذا الزهد في هذا المال الذي [...] ليرزقني الله ولداً صالحاً كما أحب واختار. فولد له مولانا زادة هذا في يوم عاشوراء سنة أربع وخمسين وسبع مائة.

[C.3] ومات أبوه وعمره تسع سنين. وبرع في أنواع العلوم وعمره ثمانين سنة. وصار يضرب به المثل في الذكاء وهو ابن عشرين سنة فطاف البلاد وأقام بالشام مدة ودرس الفقه والأصول على ذهب أبي حنيفة وكان يشارك فيهما بذكائه وحسن فطنته مشاركة جيدة. ودرس العربية وكان بصيراً بدقائقها وبالعلوم المشتركة وكان يقول أعجب الأشياء عندي البرهان القاطع الذي لا يكون فيه للمنع مجال والشكل الذي يكون لي ساعة فيه اشتغال.

[C.4] ومال زال كل بلد يحله يشهد له أهله بالفضل. ثم أنه أحب سلوك طريق أهل الله فصحب جماعة من المشايخ وخدمهم عدة سنين. وقدم إلى القاهرة واستقر في تدريس الحديث النبوي بالمدرسة الظاهرية بين القصرين وتدرّس الحديث بالمدرسة السرغتمشية خارج القاهرة. وقرر فيهما كتاب علوم الحديث للحافظ أبي عمرو ابن الصلاح تقريراً جيداً بما عنده من قوة العارضة وشدة القريحة حتى أعجب الناس به.

[C.5] وما زال على ذلك حتى مات بعد مرض طويل في يوم الأربعاء حادي عشرين المحرم سنة إحدى وتسعين وسبع مائة عن ستة وثلاثين عاماً. بعدما تزوج وأتاه ولد ذكر رحمه الله فقد كان الثناء عليه غزيراً وبلا الناس منه علماً كبيراً وفضلاً. وله شعر ومنه [...].

[D] Комментарии к переводу.

[D.1] Нисбы Мавляна Зада дают нам возможность сделать интересные выводы: 1) ас-Сараи (родившийся в городе Сарай) и 2) ал-Бухари (по происхождению из города Бухары) – мы видим, что на рубеже XIII–XIV веков между Сараем и Бухарой имелись тесные связи и активные миграционные процессы. Видимо, предки Мавляна Зада иммигрировали из Бухары в Сарай. Причем он

⁶ Возможно, что Макризи оставил это многоточие для того чтобы в дальнейшем дописать стихи Мавляна Зада, но не успел этого сделать. В другом своём труде Макризи пишет, что он на протяжении нескольких лет лично был знаком с Мавляна Зада. И засвидетельствовал, что он сделал не малый вклад в литературное наследие, как прозу, так и поэзию на трёх языках: арабском, персидском и тюркском [10, Т. 1, с. 311].

был из рода уважаемых лиц, занимавших высокий духовный сан – шейхов (ар.), мавляна (пер.). Следовательно, Сарай был привлекательным городом для мусульманских ученых того периода. Ал-‘Умари писал: «Пребывающий там (в г. Сарай) султан его, Узбек-хан построил в нем медресе для науки, (потому что) он очень предан науке и ее людям» [17, с. 209 (ар.)/229 (рус)]. Правитель Дешта – Узбек-хан – был достаточно занятым человеком, и так как не мог самостоятельно заниматься воспитанием детей, вверял их в руки авторитетных ученых [5, с. 75]. Для чего он приглашал их из культурных центров исламского мира. В частности, воспитанием его сына Джанибека занимался потомок пророка Мухаммада ас-Сайид аш-Шариф Ибн Абд ал-Хамид. О чем Ибн Баттута сообщает следующим образом: «... , и воцарился брат его (Танибека) Джанибек, который был лучше и превосходней его. Ас-Сайид аш-Шариф Ибн Абд ал-Хамид это тот, который занимался воспитанием Джанибека» [17, с. 296]. 3) ал-Ханафи (последователь школы имама Абу Ханифы – Д.З.) – мы можем понять, что основной правовой школой в Сарае был ханафитский мазхаб. Хотя, как замечает Ибн Баттута, в улусе Узбек-хана было много «доблестных и благородных» ученых мужей, в учении которых преобладал му’тазилизм, но они не показывали этого, опасаясь Узбека, так как он придерживался суннитского толка [5, с. 79]. 4) ал-‘Аджами (не араб, иностранец – Д.З.) – принято считать, что такую нисбу давали персам, но в действительности арабы присваивали ее всем иностранцам, генеалогия которых не была связана с арабским миром, кем бы они не были [12, Т. 2, с. 33]. Например, Ибн Имад писал: «В этом (801/12.01.1399) году скончался Бадр ад-дин Махмуд сын Абдуллаха ал-Гулистан, (ему дали эту нисбу – Д.З.) так как в начале своей (научной – Д.З.) деятельности он (активно – Д.З.) читал книгу С’ади ал-‘Аджами – (Гулистан – Д.З.). (Бадр ад-дин Махмуд – Д.З.) получил известность под именем ал-Гулистан ас-Сараи, т.к. был связан с одним из городов Дешта, ал-Ханафи (последователь школы имама Абу Ханифы – Д.З.) – личный секретарь султана в египетских землях» [7, Т. 9, с. 25]. В этом отрывке из жизни ал-Гулистан мы видим, что персидский автор книги Гулистан – С’ади (ум. 656/1258) – имел нисбу ал-‘Аджами. Также Ибн Тагриберди писал: «Кунбуль ибн Мухаммад ал-‘Аджами ас-Сайрами (ум. Шабан 801 / апрель 1399) – великий ученый шафитского мазхаба, трудился и умер в Каире. Прибыл из «иных стран» в Каир примерно в 787/1385 году» [8, Т. 12, с. 260].

[D.2] Ибн Хаджар ал-Аскалани (773/1371 – 852/1448) законспектировал речь Бадр ад-дина Махмуда, сына Абдуллаха ал-Гулистан ас-Сараи (ум. 801/12.01.1399), об отце Мавляна Зада следующего характера: «Его отец очень сильно заботился об ученых мужах и благих людях. Султаны сарайских земель предоставили ему контроль над своим вакуфным имуществом. Поэтому к нему привозили богатства из разных концов страны, но он ничего не брал ни для себя, ни для своей семьи. И поговаривал: я объяснял им (правителями Дешта – Д.З.), что я избегаю это (общественное имущество в надежде – Д.З.), что Аллах наделит меня праведным сыном. Затем этот шейх умер в (7)63/1362 году, оставив своего (желанного – Д.З.) сына в 9 летнем возрасте» [3, Т. 1, с. 384].

Среди авторов есть некоторые разночтения относительно имени отца Мавляна Зада. Так, 1) ал-Макризи (766/1365 – 845/1441) [11, Т. 1, с. 359; 10, Т. 1, с. 311] и 2) ал-Аскалани (773/1371 – 852/1448) [3, Т. 1, с. 384; 3, Т. 2,

с. 336] называют его: Абу Язид сын Мухаммада, шейх Рукн ад-дин сын Шамс ад-дина. 3) Ибн Тагриберди (813/1410 – 874/1469) называет его: а) шейх Абу Язид сын шейха Шамс ад-дина [9, Т. 5, с. 358], б) Абу Язид Мухаммад ас-Сайрами [8, Т. 16, с. 153]. 4) Ат-Тамими Таки ад-дин сын Абд ал-Кадира (950/1541 – 1010/1601), автор книги «Табакат ас-сания фи тараджим ал-ханафия» /Высокие разряды в жизнеописании улемов-ханафитов/, на которого ссылается М.М. Рамзи [13, Т. 1, с. 704] пишет: «Абу Язид сын Мухаммада, Закий ад-дин». Таким образом, среди доступных нам источников родитель Мавляна Зада выступает как авторитетный ученый муж города Сарай по имени Абу Язид сын Мухаммада, Рукн ад-дин, либо Заки ад-дин. В качестве рабочего варианта мы принимаем во внимание вариант Рукн ад-дин, пока нам не станут доступными более ранние и достоверные источники. Как мы успели заметить, в некоторых источниках выходцам из города Сарай мамлюкские авторы дают нисбу ас-Сайрами, вместо ас-Сараи. Например, ал-‘Ала’ ас-Сайрами ал-Ханафи (ум. 3-го Джумада ал-Уля 790 / 09.05.1388) – великий ученый ханафитского мазхаба, обучал в таких культурных центрах Востока как: Герат, Хорезм, Сарай, Крым, Тебриз, Египет и др. [9, Т. 2, с. 172].

Как мы видим из сообщения ал-Гулистани ас-Сараи, шейх Абу Язид сын Мухаммада, Рукн ад-дин заботился об ученых своего времени; видимо, он материально поддерживал их и мотивировал к научной работе. Мы не знаем, оставил ли он после себя какие-то научные труды. Но понимаем, что он тесно контактировал с улемами и внимательно наблюдал за их жизнью. Так Макризи писал: «Он говорил: весь (мой – Д.З.) аскетизм в этом низменном имуществе с тем, чтобы Аллах наделил меня благородным сыном. Ибо воистину я видел, что дети шейхов становятся негодными из-за употребления (ими – Д.З.) этого ничтожного имущества» [10, Т. 1, с. 311].

[Д.З.] С девятилетнего возраста Мавляна Зада остался сиротой. Кто занимался его воспитанием и образованием, история об этом умалчивает. Ясно одно, что доброта отца отразилась на сыне, и он, не имея опоры в лице родителя, нашел её в сарайских благодетелях. А в дальнейшем – и на его внуке Мухибб ад-дине, также рано лишившемся отца. Последний смог получить прекрасное образование в Каире и оставил глубокий след в науке. Безусловно, Ахмад сын Абу Язида был одарённым мальчиком. Однако невозможно добиться больших успехов, опираясь лишь на талант: нужны условия для его реализации. Значит, в Сарае они имели место, была выстроена система образования. Ибо все источники указывают на то, что ас-Сараи вплоть до 20 лет получил свое базовое образование на родине.

Мавляна Зада был всесторонне развитым человеком. Ал-Макризи писал о нем: «Он был лидером в прекрасном освоении рациональных наук, «бразды» правления ими были в его руках» [10, Т. 1, с. 312].

Он настолько прекрасно знал арабский язык, что известный энциклопедист ас-Суюти Джалал ад-дин (ум. 911/1505) внёс его в свой биографический словарь выдающихся арабских филологов – «Бугят ал-ву’ат фи табакат ал-лугавийин ва ан-нухат» بغية الوعاة في طبقات اللغويين والنحاة /Желанная цель сообразительных в разрядах филологов и грамматистов/ [16, Т. 1, с. 399, № 790]. Ас-Сараи был большим знатоком Исламского права ханафитской направленности. Ал-Макризи писал: «перечитывая книги по исламскому праву, хадисам и

толкованию Корана на своих занятиях, он выводил из них прекраснейшие решения. Да смилостивится над ним Аллах» [10, Т. 1, с. 312].

Аргументом в пользу его высокой степени в ханафитском праве служит, как было указано выше, то, что ат-Тамими Таки ад-дин сын Абд ал-Кадира (950/1541 – 1010/1601) внес его в свой биографический словарь выдающихся факихов-ханафитов «Табакат ас-сания фи тараджим ал-ханафия» الطبقات السنية في تراجم الحنفية /Высокие разряды в жизнеописании улемов-ханафитов/. Ас-Сараи занимал активную жизненную позицию, участвовал в научных диспутах, любил решать сложные научные задачи, обосновывал свои мнения серьезными аргументами.

[D.4] В превосходстве ас-Сараи сознавались как его современники, так и ученые последующих поколений. В качестве примеров достаточно вспомнить таких корифеев науки как ал-Макризи (ум. 845/1442) и ас-Суюти (ум. 911/1505). Также не случайно, что Мавляна Зада назначили первым преподавателем хадисов в медресе Захирия. Захирия – архитектурный комплекс, представляющий собой соборную мечеть, медресе и суфийскую обитель, построенный султаном Захиром Баркуком (740/1340 – 801/1399), основателем мамлюкской династии бурджитов на промежутке 786/1384 – 788/1386 годов. Это медресе сохранилось и до наших дней, оно известно как соборная мечеть султана Баркука и находится в Каире на улице ал-Муизз лидилля, которая в прошлом называлась улицей медных мастеров или улицей между двумя дворцами. В средние века вышеупомянутое сооружение называлось Захирия Баркукия (Баркука) или Захирия Джадида (новое), дабы отличать его от одноименного комплекса Захирия Кадима (старая), построенного Захиром Бейбарсом Бундукдари (ум. 677/1277). Что касается медресе Саргатмушия, то оно кануло в лету. Однако известно, что это учебное заведение было построено эмиром ат-Таир Сайф ад-дином Саргатмушем ан-Насыри (ум. в Зилхидже 759/ноябре 1358) в 756/1355 году как безвозмездный (вакуфный) учебный центр для факихов-ханафитов, прибывших из-за пределов Египта. Медресе Саргатмушия находилось рядом с соборной мечетью Ибн Тулуна, впоследствии оно было разрушено [1, Т. 2, с. 44].

Ас-Сараи достиг больших высот в освоении суфизма. Ал-Макризи писал о нём: «Он был одной из выдающихся личностей своего времени в духовном развитии, нравах и этике суфизма. Он абстрагировался, следовал (путем духовно роста – Д.З.) и уединялся» [10, Т. 1, с. 312]. Аскалани со слов Гулистан зафиксировал: «<...> затем он полюбил (суфийский – Д.З.) путь и стал искусным в нем. Он совершил паломничество в Мекку и некоторое время уединялся (в заповедной мечети – Д.З.). В процессе уединений он получил великие духовные достижения. (Например – Д.З.), он сообщил о себе, что видел пророка, да благословит его Аллах и одарит миром, во сне и получил от него уроки толкования первых аятов суры Бакара (Корова – Д.З.)» [3, Т. 1, с. 384].

[D.5] ас-Сараи был большим ученым и талантливым преподавателем, к нему тянулись ученики, и люди любили его. Как это часто бывает, ввиду повышенной популярности, тем более у иностранца, приехавшего из далекой страны, у Ахмада сына Абу Язида появились завистники. Как сообщил ал-Гулистан ас-Сараи: «некоторые из завистников незаметно подсыпали ему яд, употребив который, он долго болел, пока не умер в месяце мухаррам» [3, Т. 1, с. 384].

Шейх Шихаб ад-дин прожил короткую, но плодотворную жизнь, оставив после себя доброе имя и хороший пример для подражания. Затем его сын Мухиббу ад-дин (Каир, 791/1389 – Мекка, пятница 3-го Зу ал-хиджы 859/13 ноября 1455), матерью которого была сестра великого ученого Амин ад-дина ал-Аксараи ал-Ханафи (797/1397–880/1475), также стал великим ученым, имамом самого султана ал-Ашрафа Барсбая и ряда других султанов после него. Мухибб ад-дин преподавал в медресе Айтамушия в Священной Мекке [8, Т. 16, с. 153]. Хаджи Халифа в своем библиографическом сборнике написал, что Мухиббу ад-дин оставил после себя ряд трудов. Таких как: «Хашия ‘аля бади’и ан-низам ли Ибн ас-са’ати» (حاشية على بديع النظام لابن الساعاتي) /Комментарии к книге «Великолепная система», принадлежащей перу Ибн ас-Са’ати/ в науке Основы исламского права. «Хашия ‘аля ал-хидая ли ал-Мургинани» (حاشية على الهداية للمرغيناني) /Комментарии к книге «Руководство», принадлежащей перу ал-Маргинани/ в науке Исламское право. «Хашия ‘аля мифтах ал-‘улум ли ас-Саккаки» (حاشية على مفتاح العلوم للسكاكي) /Комментарии к книге «Ключ к наукам», принадлежащей перу ас-Саккаки / в науке Красноречие [13, Т. 1, с. 705].

Ас-Сараи прекрасно владел тремя языками – арабским, персидским и тюркским – и писал на них как прозой, так и стихами. Ал-Макризи: «Мы лично были знакомы с ним на протяжении нескольких лет. Он сделал большой вклад в литературное наследие, как прозу, так и поэзию на трех языках: арабском, персидском и тюркском» [10, Т. 1, с. 311].

Подводя итог сказанному, следует сказать, что изучение жизни ал-‘Ала’ ас-Сайрами ал-Ханафи (ум. 3-го Джумада ал-Уля 790 / 09.05.1388), Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353 – 791/1389), Бадр ад-дина Махмуда сына Абдуллаха ал-Гулистанани (ум. 801/12.01.1399), Кунбуля сына Мухаммада ал-‘Аджами ас-Сайрами (ум. Шабан 801 / апрель 1399), Умара ал-Кырыми, ал-Халяби (ум. 801/1399) и ряда других переселенцев из Дешти Кыпчака в Египет поможет исследователям в более глубоком и детальном изучении истории Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Али Баша Мубарак (1823–1893). Ал-Хутат ат-тауфикия ал-джадида лимиср ал-хахира ва мудуниха ва билидиha ал-кадима ва аш-шахира (الخطط التوفيقية الجديدة لمصر القاهرة ومدنها وبلادها القديمة والشهيرة) /Новое успешное описание территорий Египта: Каира и других древних и знаменитых его городов/. Каир: Издательство Булак, 1887.
2. Аскалани Ибн Хаджар (773/1371 – 852/1448). Ад-Дурар ал-камина фи а’йан ал-ми’а с-самина (الدرر الكامنة في أعيان المائة الثامنة) /Скрытый жемчуг в жизнеописание выдающихся личностей восьмого столетия хиджры/. В 4 томах. Критическое издание: Салим ал-Каранкави ал-Алмани. Бейрут: Дар ал-джил, 1993.
3. Аскалани Ибн Хаджар (773/1371 – 852/1448). Инба ал-гумр би’анбаи ал-‘умр (إنباء الغمر بأبناء الغمر) /Извещение неразумных о детях века/. В 4 томах. Критическое издание: Хасан Хабаши. Каир, 1969–1998.
4. Зайнуddинов Д.Р. Арабские источники по истории Золотой Орды: перспективы изучения // Материалы международной научной конференции «История Волго-Уральского региона» (Анкара, 10–12 октября 2011 г.). Том 2. Анкара, 2015. С. 121–133.

5. Зайнуддинов Д.Р. Морально-нравственные качества Узбек-хана (по данным арабо-персидских источников) // Золотоордынская цивилизация. Казань, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. № 6. С. 71–82.

6. Зайнуддинов Д.Р. Сведения о Чингиз-хане и некоторых золотоордынских ханах в биографическом словаре ас-Сафад Салах ад-дина Халила (ум. 764 г.х.) // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения (к 80-летию профессора М.А. Усманова): сб. статей / сост. и научн. редакторы: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2015. С. 198–213.

7. *Ибн ал-Имад Шихаб ад-дин Абу ал-Фаллах Абд ал-Хайй Ахмад ибн Мухаммад ал-‘Акри ал-Ханбали ад-Димаши* (1032/1623 – 1089/1678). Шазарат аз-захаб фи ахбари ман захаб (شذرات الذهب في أخبار من ذهب) /Крупинки золота в сообщении о тех, кто ушел/. Критическое издание: Абд ал-Кадир ал-‘Арнавут, Мухаммад ал-‘Арнавут. Издание первое, в 10 томах. Дамаск-Бейрут: «Ибн касир», 1986.

8. *Ибн Тагриберди* (813/1410 – 874/1469). Ан-нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира (النجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة) /Яркие звезды в (жизнеописании) монархов Египта и Каира/. Издание первое, в 16 томах. Критическое издание: Мухаммад Хусейн Шамс ад-дин. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмия, 1992.

9. *Ибн Тагриберди* (813/1410 – 874/1470). ал-Манхал ас-сафи ал-мустауфи ба’д ал-вафи (المنهل الصافي المستوفي بعد الوافي) /Чистый довершающий источник после «Полного»/. В 13 томах. Критическое издание: Мухаммад Мухаммад Амин. Каир: ал-хайа ал-мисрия ал-‘амма лилькитаб, 1989–2009.

10. *Макризи Таки ад-дин* (766/1365 – 845/1442). Дуар ал-‘укуд ал-фарида фи тараджум ал-‘айан ал-муфида (درر العقود الفريدة في تراجم الأعيان المفيدة) /Жемчужины неповторимого ожерелья в жизнеописании выдающихся личностей/. В 4 томах. Критическое издание: Мухмуд ал-Джалили. Бейрут: ал-Гарб ал-ислами, 2002.

11. *Макризи Таки ад-дин* (766/1365 – 845/1442). Китаб ал-мукаффа ал-кабир (كتاب المقفى الكبير) /Большая рифмованная книга/. В 8 томах. Критическое издание: Мухаммад ал-Йа’алави. Бейрут: ал-Гарб ал-ислами, 1991.

12. *Рамзи Мурад* (1855–1934). Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар (تلفيق الأخبار و تلخيص الآثار في وقائع قازان بلغار و ملوك التتار) /Неполноценное собрание сведений и привитие памятников о событиях Казани, Булгара и татарских царей/. Издание первое, в 2 томах. Оренбург: Изд-во Каримовых и Хусаиновых, 1908.

13. *Рамзи Мурад* (1855–1934). Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар (تلفيق الأخبار و تلخيص الآثار في وقائع قازان بلغار و ملوك التتار) /Неполноценное собрание сведений и привитие памятников о событиях Казани, Булгара и татарских царей/. Издание первое, в 2 томах. Критическое издание: Ибрахим Шамс ад-дин. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмия, 2002.

14. *Рубинчик Ю.А.* Персидско-русский словарь. В двух томах. Т. 1. М.: Рус. яз., 1985. 800 с.

15. *Рубинчик Ю.А.* Персидско-русский словарь. В двух томах. Т. 2. М.: Рус. яз., 1985. 864 с.

16. *Суюти Джалал ад-дин* (ум. 911/1505). Бугят ал-ву’ат фи табакат ал-лугавийин ва ан-нухат (بغية الوعاة في طبقات اللغويين والنحاة) /Желанная цель сообразительных в разрядах филологов и грамматистов/. В 2 томах. Критическое издание: Мухаммад Абу ал-фадл Ибрахим. Сайда (Ливан): ал-Мактаба ал-асрия, год не указан.

17. *Тизенгаузен В.Г.* (1825–1902). Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Том I. Спб.: тип-я Императорской Академии наук, 1884. 564 с.

Сведения об авторе: Дамирджан Рустамджонович Зайнуддинов – аспирант Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Институ-

та истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru

Поступила 10.01. 2017 г.

Принята к публикации 30.02.2017 г.

**A SCHOLAR FROM SARAY: MAWLANA ZADA AL-SARAYI
(754/1353–791/1389) IN THE BIOGRAPHICAL DICTIONARY OF
TAQI AL-DIN AL-MAQRIZI (766/1365–845/1441)
“KITAB AL-MUQAFFA AL-KABIR” (THE GREAT RHYMED BOOK)**

D.R. Zaynuddinov

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation
E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru*

Research objective: to introduce into academic circulation previously unknown source on the Golden Horde history.

Research materials: biographical dictionary of Taqi al-Din al-Maqrizi (766/1365 – 845/1441) “Kitab al-Muqaffa al-Kabir” (The Great Rhymed Book).

Results and novelty of the research: This article contains materials from the works of historians engaged in the narrative biography, which V.G. Tiesenhausen did not include in his “Collection of Materials on the Golden Horde history (extract from Arab writings)”, although their writings contain very valuable information about the Golden Horde History. Research novelty consists in the fact that the author of this article presents one paragraph from biographical dictionary of Taqi al-Din al-Maqrizi, whose article number 421 provides information about a scholar from Saray – Mawlana Zada al-Sarayi. The author provides its translation and commentary referring to the more than ten medieval Arab sources. After receiving basic education at home, Mawlana Zada al-Sarayi traveled to many Eastern countries in search of knowledge and after having received high recognition he settled in Cairo as a teacher of Sharia Sciences. Despite the fact that his life was interrupted at an early age (36 years), he left a deep mark in science. His son Muhibbu al-Din (Cairo, 791/1389 – Mecca, Friday, the 3rd of Dhu al-Hijjah 859/13 November 1455) also became a great scholar as well as an imam of Sultan al-Ashraf Barsbay himself and other sultans after him. Nisba al-Sarayi sounded on the lips of the Ulema of the East as a symbol of learnedness and high temper. As a result of research it must be said that the study of life of Mawlana Zada al-Sarayi (754/1353 – 791/1389) and the number of migrants from Desht-i Kipchak in Egypt will help researchers in a deeper and more detailed study of the Golden Horde history.

Keywords: biographical dictionary, al-Maqrizi, “Kitab al-Muqaffa al-Kabir”, Mawlana Zada al-Sarayi, Cairo, Saray, Golden Horde, Egypt.

For citation: Zaynuddinov D.R. A Scholar from Saray: Mawlana Zada al-Sarayi (754/1353–791/1389) in the Biographical Dictionary of Taqi al-Din al-Maqrizi (766/1365–845/1441) “Kitab al-Muqaffa al-Kabir” (The Great Rhymed Book). *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 126–137. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.126-137

REFERENCES

1. Ali Basha Mubarak (1823–1893). *al-Khutat al-taufuqiya al-jadida limsr al-Qahira va mudunikha va biladikha* (الخطط التوفيقية الجديدة لمصر القاهرة ومدنها وبلادها القديمة والشهيرة) [A New Successful Description of the Territory of Egypt: Cairo and Its Other Ancient and Famous Cities]. Cairo, Bulaq, 1887. (In Arabic)
2. Asqalani Ibn Hajar (d. 852 AH / 1448 AD). *ad-Durar al-Kamina fi A'yan al-Mi'a al-samina* (الدرر الكامنة في أعيان المائة الثامنة) [The Hidden Pearls Concerning the Famous People of the Eighth Century AH]. 4 Vols. Critical edition: Salim al-Karankavi al-Almani. Beirut, Dar al-jil, 1993. (In Arabic)
3. Asqalani Ibn Hajar (d. 852 AH / 1448 AD). *Inba' al-gumr ba'abnai' al-'umr* (إنباء الغمر بأبناء القرن) [Notification of the Unreasonable about the Children of the Century]. 4 Vols. Critical edition: Hasan Habashi. Cairo, 1969–1998. (In Arabic)
4. Zaynuddinov D.R. Arabskiye istochniki po istorii Zolonoy Ordi: perspektivi izucheniya [Arab Sources on the Golden Horde History: Perspectives of Study]. *Materiali mejdunarodnoy nauchnoy konfirencii "Istoriya Volgo-Uralskogo regiona" (Ankara, 10–12 oktyabrya 2011)* [Proceedings of the International Research Conference "History of the Volga-Ural Region" (Ankara, 10–12 October 2011). Vol. 2 in Russian]. Ankara, 2015, pp. 121–133. (In Russian)
5. Zaynuddinov D.R. Moralno-nravstvenniyi kachestva Uzbek khana (po dannim arabo-persidskikh istochnikov) [The Moral and Ethical Quality of Uzbek Khan (according to the Arab-Persian sources)]. *Nauchniy ejegodnik "Zolotoordinskaya civilizaciya"* [Research Annual "Golden Horde Civilization"]. Kazan, Sj.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 6, pp. 71–82. (In Russian)
6. Zaynuddinov D.R. Svedeniya o Chingizkhane i nekotorykh zolotoordinskikh khanakh v biograficheskom slovarе al-Safadi Salah al-dina Khalila (um. 764 g. h.) [Information about Chinggis Khan and Some Golden Horde Khans in the Biographical Dictionary of Salah al-Din Khalil al-Safadi (d. 764 AH)]. *Turko-musulmsnskiy mir: identichnost, naslediye i perspektivi izucheniya (k 80-letiyu professora M.A. Usmanova): sb. statey* [The Turkic-Muslim World: Identity, Legacy and Perspectives of Study (to the 80th anniversary of Professor M.A. Usmanov): Collected articles]. Editors: D.M. Usmanova, D.A. Mustafina, M. Kemper. Kazan, publishing house of Kazan University, 2015, pp. 198–213. (In Russian)
7. Ibn al-'Imad Shihab al-Din Abu al-Falah Abd al-Hayy Ahmad ibn Muhammad al-'Aqri al-Hanbali al-Dimashqi (1032 AH / 1623 AD – 1089 AH / 1678 AD). *Shazarat al-zahab fi ahbari man zahab* (شذرات الذهب في أخبار من ذهب) [Grains of Gold in the Notice of Those Who Have Gone]. First edition, in 10 volumes. Critical edition: Abd al-Qadir al-'Arnavut, Muhammad al-'Arnavut. Damascus–Beirut, Ibn Kathir, 1986. (In Arabic)
8. Ibn Taghribirdi (813 AH / 1410 AD – 874 AH / 1470 AD). *Al-nujum al-zahira fi muluk Misr va al-Qahira* (النجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة) [Bright Star in (Biography) of Monarchs of Egypt and Cairo]. First edition, in 10 volumes. Critical edition: Muhammad Huseyn Shams al-din. Beirut, Kutub ilmiya, 1992. (In Arabic)
9. Ibn Taghribirdi (813 AH / 1410 AD – 874 AH / 1470 AD). *al-Manhal al-ṣāfi wa l-mustawfi ba'd al-wāfi* (المنهل الصافي المستوفي بعد الوافي) [A Clean Completing Source Following the "Full"]. 13 Vols. Critical edition: Muhammad Muhammad Amin. Cairo, al-Haya' al-misriya al-'amma lilkitab, 1989–2009. (In Arabic)
10. al-Maqrizi Taqi al-Din (766 AH / 1365 AD – 845 AH / 1442 AD). *Durar al-'uqud al-farida fi tarajum al-'ayan al-mufida* (درر العقود الفريدة في تراجم الأعيان المفيدة) [Pearls of an Inimitable Necklace in the Biographies of Prominent Personalities]. 4 Vols. Critical edition: Mahmud al-Jalili. Beirut, al-Garb al-islami, 2002. (In Arabic)
11. al-Maqrizi Taqi al-Din (766 AH / 1365 AD – 845 AH / 1442 AD). *Kitab al-Muqaffa al-Kabir* (كتاب المقفّى الكبير) [The Great Rhymed Book]. 8 Vols. Critical edition: Muhammad al-Ya'lavi. Beirut, al-Garb al-islami, 1991. (In Arabic)

12. Ramzi, Murad (1855–1934). *Talfiq al-akhbar va talqih al-athaar fi vaqai' Qazan va Bulgar va muluk al-tatar* (تلفيق الأخبار و تلقيح الآثار في وقائع قازان بلغار و ملوك التتار) [An Imperfect Collection of Information and Inculcation of Monuments on the Events of Kazan, Bolghar and the Tatar Tsars]. First edition, in 2 volumes. Orenburg, Publishing house Karimov and Khusainov, 1908. (In Russian)
13. Ramzi, Murad (1855–1934). *Talfiq al-akhbar va talqih al-athaar fi vaqai' Qazan va Bulgar va muluk al-tatar* (تلفيق الأخبار و تلقيح الآثار في وقائع قازان بلغار و ملوك التتار) [An Imperfect Collection of Information and Inculcation of Monuments on the Events of Kazan, Bolghar and the Tatar Tsars]. First edition, in 2 volumes. Critical edition: Ibrahim Shams al-Din. Beirut, Kutub ilmiya, 2002. (In Arabic)
14. Rubinchik U.A. *Persidsko-russkiy slovar* [Persian-Russian Dictionary. In 2 volumes]. Vol. 1. Moscow, Russkiy yazik, 1985. 800 p. (In Russian, Persian)
15. Rubinchik U.A. *Persidsko-russkiy slovar* [Persian-Russian Dictionary. In 2 volumes]. Vol. 2. Moscow, Russkiy yazik, 1985. 864 p. (In Russian, Persian)
16. al-Suyuti, Jalal al-Din (d. 911 AH / 1505 AD). *Bugyat al-vu'at fi tabaqat al-lugaviin va an-nuhat* (بغية الوعاة في طبقات اللغويين والنحاة) [The Desired Goal of the Astute in the Ranks of Philologists and Grammarians]. Critical edition: Muhamad Abu al-fadl Ibrahim. Sayda (Lebanon), al-Maktaba al-asriya, year unknown. (In Arabic)
17. Tiesenhausen V.G. (1825–1902). *Sbornik materialov, otnosyashchiysya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol 1: Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1884. 564 p. (In Russian, Arabic)

About the author: Damirdzhan R. Zainuddinov – post-graduate student, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru

Received January 10, 2017

Accepted for publication February 30, 2017

**РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ
О МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ:
ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Цель: Проанализировать проблемы интерпретации летописных известий о московско-казанских отношениях и с помощью методов герменевтики уточнить семантику сообщений.

Материалы исследования: В статье приводятся примеры неверного понимания источников. Историки буквально воспринимали известия об основании Казанского ханства, которые в действительности были построены на основе реминисценций из библейских книг и нуждались в аллегорическом толковании. Аналогичные ошибки были допущены при интерпретации некоторых сообщений о казанских походах 1467, 1487, 1506 и 1552 годов. В статье демонстрируются и особенности эволюции русского летописания, повлиявшие на характер репрезентации межгосударственных отношений. Последняя треть XV века освещается как официальными, так и независимыми (провинциальными) летописными сводами. Причем эти источники по-разному описывают события. В официальных летописях московско-казанская война 1467–1469 гг. представлена как религиозное противостояние, закончившееся победой русских, тогда как независимые источники не придавали этой войне религиозный характер и указали на поражение московских сил. Существенные расхождения выявлены и при описании событий 1478 и 1487 годов.

Результаты и научная новизна: Применение методов герменевтики позволило существенно дополнить и пересмотреть картину московско-казанских отношений, представленную в трудах историков. Многие официальные сведения о московско-казанских отношениях последней трети XV века опровергаются независимыми источниками. А первая половина XVI века хорошо представлена только официальными хрониками, так как по мере укрепления единого Русского государства независимое летописание пришло в упадок. Таким образом, картина московско-казанских отношений этого периода практически безальтернативна, а данные официальных летописей, лежащие в ее основе, во многих случаях не поддаются верификации.

Ключевые слова: Московское государство, Казанское ханство, межгосударственные отношения, летописи, герменевтика, историография.

Для цитирования: Аксанов А.В. Русские летописи о московско-казанских отношениях: опыт герменевтического исследования // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 138–148. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.138-148

В русском летописании существуют серьезные разногласия по вопросу освещения московско-казанских отношений. Характер летописных известий зависел как от осведомленности книжников, так и от их политических пристрастий и интеллектуального багажа. При этом русские средневековые авторы, стремясь показать подлинную картину московско-казанских отношений,

осмысливали историческую данность через призму идей христианской космологии, что обусловило иносказательность летописного повествования, которую зачастую не учитывали исследователи [1, с. 8–40, 66–67, 101 и др.]. Поэтому для адекватного понимания этих известий необходимо критически переосмыслить буквальное толкование источников, прибегнув к герменевтическому анализу текстов¹.

Приведем некоторые примеры эффективного применения данной методики. Сообщение «Казанской истории» о том, что Улуг-Мухаммед погиб от рук своего сына, уникально и не подтверждается другими источниками. Но В.В. Вельяминов-Зернов и Н.П. Загоскин приняли на веру рассказ об убийстве Махмудом своего отца Улуг-Мухаммеда [5, с. 11; 7, с. 36–37], тогда как М.Г. Худяков посчитал это «нелепым вымыслом» [23, с. 34]. Отталкиваясь от этого известия, Л.Н. Гумилев заключил, что Касим взял «на себя бремя мести за убийство своего отца». Согласно ему, борьба между Касимом и Махмудом сказалась и на дальнейших событиях: в 1467 г. Касим, при поддержке Ивана III, выступил в поход против молодого казанского хана Ибрагима – сына Махмуда [6, с. 183]. А.Г. Бахтин рассуждал следующим образом: поскольку многие татарские ханы той поры «погибали в ходе борьбы за власть», «насильственное устранение с политической сцены Улуг-Мухаммеда выглядит вполне традиционно для Золотой Орды» [4, с. 135].

При этом, вероятнее всего, автор «Казанской истории», обратившись к популярному сюжету цареубийства, предался аллегорическому толкованию событий. Семантику подобного известия проясняет ветхозаветный рассказ, в котором от рук своих сыновей принял смерть жестокий ассирийский царь Сеннахирим, преследовавший праведных людей и пытавшийся покорить Иерусалим [4 Цар. 19: 37; Тов. 1: 2; Ис. 37: 38]. Следовательно, средневековыми знатоками Священного Писания такая смерть воспринималась как воздаяние за несправедливое царствование и угнетение богобоязненных людей.

Вместе с тем, автор «Казанской истории» использовал прямые и косвенные цитаты из других памятников, подчеркивая замысел своего произведения. На протяжении всего повествования он неоднократно повторял мысль, что «мечем и на крови зачаса Казань, также и скончася мечем и кровию» [8, с. 203]. Вероятно, картину цареубийства книжник заимствовал из наиболее авторитетных сочинений своего времени, поскольку она хорошо вписалась в его концепцию кровавого зарождения и кровавой гибели «Казанского царства».

Приведем другой пример иносказания. Первым крупным столкновением, попавшим в поле зрения большинства книжников, является московско-казанская война 1467–1469 годов. Московский летописец сообщает о причине этой войны: «а позван был царевич (Касим. – А.А.) от цареи Казанских, от Авдул-Мамона и от прочих, на царство лестью» [16, с. 279]. Ученые, понимая слова летописца буквально, то писали, что Касим был обманут, то говорили о расколе казанской аристократии на сторонников и противников московского влияния [1, с. 66–67].

Тогда как необходимо учитывать, что московский книжник провел аналогию с одним из ветхозаветных сюжетов. Пророк Даниил предсказал, что некий «презренный» человек «лестью овладеет царством». Этот царь «войдет

¹ Подробнее о герменевтическом анализе летописных известий см. [1, с. 36–40].

в согласие с отступниками», а его войска «осквернят святилище». И, что ближе всего к тексту Московского свода, «поступающих нечестиво против завета он (царь. – А.А.) привлечет к себе лестью; но люди, чтящие своего Бога, усилятся и будут действовать» [Дан. 11: 21, 31, 32].

Библейское предсказание «привлечет к себе лестью» сбылось в произведении русского средневекового книжника: Касим «позван был... лестью». То есть перед нами логичное для средневековой рациональности обоснование необходимости войны с восточным соседом: казанцы выступают «осквернителями святилищ» и «нарушителями завета», следовательно, православные, предприняв поход на татар, сделали то, что им как бы предписывалось Библией. В тоже время, известие о приглашении Касима на казанский престол в контексте ветхозаветного пророчества указывает на негативные качества казанцев, а не на раскол в кругах татарской аристократии, как полагали историки.

Еще одним аргументом в пользу аллегорического толкования этого известия является то, что информация, приведенная в нем, не подтверждается независимыми источниками. На идеологический характер всей летописной статьи о московско-казанской войне 1467–1469 гг. («О первой Казани») указывает привязка начала похода ко дню крестовоздвижения, который символизировал победу христианской веры над язычеством, неоднократные упоминания о заступничестве Николая Чудотворца, демонстрация летописцем общерусского характера походов против Казани (что опять же противоречит независимым летописям) и, наконец, прямое указание на то, что эта война велась «за святые церкви и за государя великого князя Ивана и за православное христианство» [16, с. 281].

Летописцы нередко прибегали и к устоявшимся лексическим оборотам, смысл которых можно выявить только в контексте древнерусского словоупотребления. В подобных случаях также необходим герменевтический анализ, задача которого состоит в том, чтобы объяснить смысл текста, исходя из мировоззренческих устоев его создателя. Установить значение лексического оборота можно, рассмотрев различные варианты его применения в литературе того времени и выделив из них семантически наиболее близкие.

К примеру, автор Воскресенской летописи в рассказе о походе на Казань 1506 г. записал, что русские войска бежали, будучи «ником же гоними греха ради наших людей многих истеряша» [13, с. 246]. Исследователи обычно обходили вопрос об интерпретации этого летописного известия и ограничивались словами, что поход был неудачен. На самом деле, трудно понять, как многочисленные русские войска под предводительством трех десятков именитых воевод могли бежать, «ником же гоними», и понести тяжелые потери. Современная рациональность этого не объяснит.

Однако средневековый книжник имел вполне четкое представление о тех, кто, врагом не гонимый, бежит с поля боя. В книге Левит так характеризуются люди, послушавшиеся Бога, не соблюдающие его заповедей: они «побегнуть яко бежащие от рати, и падут ни кимже гоними» [Лев. 26: 36]. «Никем не гонимые» встречаются и в памятниках литературы Древней Руси. Например, «Повесть о нашествии хана Тохтамыша» содержит следующие наставления Всевышнего: «Аще хотите послушаете мене – блага земнаа снете, и положю страх ваш на вразех ваших. Аще ли не послушаете мене, то побегнете никимже гоними, посилю на вы страх и ужась, побегнет вась от пяти

сто, а от ста – тма» [17, с. 148]. Следовательно, данная литературная формула доступно для средневекового интеллектуала объясняла причины военного разгрома. Словосочетание «ником же гоними» призвано было акцентировать внимание читателя на мысли, что главной причиной поражения московских войск является грехопадение.

Историки неверно интерпретировали и официальное сообщение о действиях Ивана IV во время последнего штурма Казани. Согласно летописям, во время литургии прогремел взрыв, который стал сигналом к общему наступлению. В разгар сражения царя дважды просили выехать к войску, но он, отказываясь прерывать богослужение, со слезами на глазах молился. Иван IV поехал к своему полку только после окончания литургии, получив благословение от протопопа Андрея [14, с. 217; 15, с. 528–529].

Некоторые исследователи на основе буквальной интерпретации данного известия сделали вывод о личностных качествах Ивана IV. По мнению Р.Г. Скрынникова, «в ходе военных действий царь не выказал больших дарований», «промедление Ивана дало пищу для неблагоприятных толков в полках» [21, с. 47]. С.Х. Алишев писал о проявлении малодушия царя в часы последнего штурма [2, с. 140].

Однако представленное сообщение имеет ряд семантических параллелей с известиями о воинских подвигах праотцов царя, на фоне которых актуализируются другие смыслы. Действия Ивана IV сильно напоминают поведение Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы и Ивана III перед походом на Угру. Предки царя также, откладывая выступление, со слезами на глазах подолгу молились [1, с. 241].

Ключ к пониманию подобного промедления сокрыт в тексте «Сказания о Мамаевом побоище». Когда великий князь Дмитрий Иванович приехал в Троицкий монастырь за благословением, ему сообщили, «яко уже приближаются погании половци». Великий князь стал торопиться и просить преподобного Сергия отпустить его, на что старец ответил: «Это твое промедление двойной для тебя помощью обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся» [20, с. 150].

Другими словами, согласно Сергию, промедление помогает в ратном деле и указывает на то, что Дмитрий Иванович, одержав победу, вернется живым. Уже в разгар Куликовской битвы, когда инициатива стала переходить к противнику, князь Владимир Андреевич порывался выйти с засадным полком на помощь основным силам. Но воевода Дмитрий Боброк-Волынский, развивая мысль Сергия Радонежского, остановил князя словами: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет». В.Н. Рудаков, проанализировав различные списки «Сказания», заключил, что Дмитрий Боброк-Волынский ждал определенного часа, когда придет «дух южный», знаменовавший «собой сошествие на помощь русским “силы Святого Духа”» [18, с. 159].

Таким образом, летописцы, говоря о промедлении царя во время штурма Казани, не пытались показать его малодушие, а стремились разъяснить читателю, что государь проявил мудрость: поступил согласно совету преподобного Сергия и по примеру великих праотцов дождался часа снисхождения Божьей помощи, обретя победу над врагом. Вместе с тем, это еще один эле-

мент, связывающий события из разных веков. Такое сопоставление давало понять, что Иван IV завершил дело, начатое русскими князьями в 1380 г., то есть Куликовская битва, стояние на Угре и взятие Казани – это сражения одной войны – за православную веру и обретение царства.

У исследователей вызывал много вопросов и рассказ о взятии Казани в 1552 г., сохранившийся в «Казанской истории». Еще Г.З. Кунцевич, сравнивая сообщения «Казанской истории» с данными разрядных книг, указал на неточности описания воеводских позиций [9, с. 416–418]. Он обнаружил некоторые расхождения автора «Казанской истории» с официальными летописцами. Это касается таких сведений, как датировка похода, время пути русских войск к Казани, дислокация царских полков во время осады, количество ворот в крепостных стенах и ряд других вопросов [9, с. 420–506]. По мнению А. Ситдикова, изучившего археологию Казани, топонимика событий 1552 г., представленная в «Казанской истории», не выдерживает критики [22, с. 164]. С.Х. Алишев заметил, что автор «Истории» не жил в Казани, поскольку он «не упоминает ни одного городского строения или объекта, не знает многие события и факты, достоверно сообщаемые другими источниками, а если знает, то многие извращает и толкует по-своему» [3, с. 39].

Но даже если автор «Казанской истории» никогда не бывал в Казани, установлено, что в его распоряжении был широкий круг источников, и при желании он мог привести точное описание города. Вероятнее всего, книжник не стремился представить подлинную, с точки зрения современной науки, картину произошедшего и свою главную задачу видел в аллегорическом истолковании событий. Буквальное понимание текста «Казанской истории» лишает нас возможности выявить наиболее актуальные смыслы произведения, привнесенные автором, порой, с помощью намеренного искажения действительности, путем заимствования сюжетных композиций из источников, казалось бы, вовсе не связанных с объектом повествования.

При интерпретации отдельных сведений летописца необходимо учитывать общий замысел произведения. «История» последовательно повествует о «трех взятиях Казани». Первый раз Казань пала «от руки» Василия Дмитриевича в 1395 г. «Второе взятие» состоялось в 1487 г. и явилось результатом активной политики Ивана III. Окончательное, третье завоевание Казани произошло в 1552 году. Важно подчеркнуть, что в данном произведении Казань выступает «младшей дочерью», или преемницей Золотой Орды [8]. Следовательно, 1395, 1487 и 1552 годы представляются вехами освобождения Руси от многовековой власти Орды и обретения русскими государями царской власти, возвысившей их над прочими правителями.

Описание последнего казанского взятия имеет много общего с «Повестью о взятии Царьграда турками в 1453 году» [10; 9, с. 511–516; 11, с. 182]. Автор «Истории», репрезентируя взятие города, соединил летописные сведения с известиями «Повести», чтобы сравнить завоевание Казани с покорением Царьграда, символизировавшим получение царской власти. Таким образом, мифопоэтическая функция Царьграда была перенесена на Казань, взятие которой осмыслялось как обретение царства и воцарение. И это не домыслы отдельно взятого летописца – данная мысль лежала в основе идеологии Московского царства. Если в официальных летописях сказано лишь, что Иван IV «царство и град многолюдной Казаньской восприят» [14, с. 218; 15, с. 530], то в диплома-

тических документах прослеживается концепция обретения царства через завоевание Казани. Так, русские послы при дворе польско-литовских королей объясняли происхождение царского титула Ивана IV в том числе и тем, что ему покорилось «Казанское царство» [19, с. 476, 499–500, 505, 519, 528].

Исходя из этого идейного замысла, казанский летописец пытался провести как можно больше параллелей со взятием Царьграда. Вероятно, поэтому описание Казани, как заметил С.Х. Алишев, не содержит информации о важных городских объектах. Такие топонимические уточнения указывали бы на особенности города и лишали бы автора «Истории» возможности усилить смысловую связь с Царьградом. В результате перед читателем предстало упрощенное описание города, призванное акцентировать внимание читателя не столько на особенностях Казани, сколько на общих чертах с Константинополем. Например, Казань подобно второму Риму стоит на высоком месте и со всех сторон окружена водами. Казань находилась между двух рек, а Царьград – между двух морей [8; 12].

При этом в отдельных случаях казанский летописец мог допускать искажения, усиливающие связь объектов. Так, недоумение у историков вызывало противоречащее другим источникам описание городских ворот и дислокации царских войск во время осады 1552 года. Тогда как это описание имеет общие места с фрагментом Повести о взятии Царьграда, повествующем о расположении войск султана при осаде Константинополя. Эти известия не содержат одинаковых топонимов, но во многом совпадает структура описания. Русские войска, как и османские, были разделены на пять частей, каждая из которых брала на себя штурм определенного участка крепостных стен с воротами. Перед полком правой руки и передовым полком, как и перед силами карачабея и восточным крылом турок, находились стены с четырьмя воротами [8; 12]. Все это говорит о том, что данные сообщения из «Казанской истории» не должны пониматься буквально и напрямую использоваться в конкретно-исторических построениях.

Итак, результаты текстологического и герменевтического анализов источников продемонстрировали ограниченность или несостоятельность некоторых научных репрезентаций и теорий. Так, мы не можем делать однозначных выводов относительно первых крупных столкновений Москвы и Казани.

На страницах официального летописания разворачивается грандиозное полотно конфликта 1467–1469 годов. Апеллируя к текстам Священного Писания и памятникам патристики, древнерусские книжники оценивали «первую» московско-казанскую войну как «дело защиты русских земель», придавая ей победоносный и религиозный характер: единая православная Русь противопоставлялась «окаянным татарам».

Принципиально иное представленное об этих событиях было сформировано в конце XV в. в Ермолинской летописи, которая не идеологизирует войну 1467–1469 гг. и не придает ей общерусский характер. Война расценивается как столкновение казанцев с москвичами в результате враждебных действий последних. Примерно в том же духе охарактеризовали отношения двух государств новгородские и устюжские книжники. Они показали неудачные действия московских воевод и, в целом, согласились с ермолинской трактовкой «первой казанской войны» [1, с. 79–81].

Следовательно, неясны и обстоятельства войны: одна группа источников говорит об успешных действиях воевод, а другая показывает поражение русских. Аналогичные расхождения выявлены и при освещении событий 1478 и 1487 годов [1, с. 81–101]. В этих случаях прослеживаются «две истории Руси», как об этом писал Я.С. Лурье. Иными словами, до нас дошли противоречивые сведения о минувшем, которые породили многочисленные научные дискуссии.

В противовес этому, первая половина XVI века представлена, главным образом, официальным летописанием и, в меньшей степени, «Казанской историей». Ермолинская, Типографская, Владимирская, Вологодско-Пермская и некоторые другие летописи, содержащие независимые известия, в основном, доводят свое повествование до 20–30-х гг. XVI в. и описывают преимущественно военные действия. Причем официальные книжники, отредактировав ряд сообщений Ермолинской летописи, изменили общее смысловое поле известий. Таким образом, картина московско-казанских отношений первой половины XVI века практически безальтернативна, а данные официальных летописей, лежащие в ее основе, во многих случаях не поддаются верификации.

В этот период по мере укрепления единого Русского государства независимое летописание вытесняется, поэтому исследователи при оценке московско-казанских отношений руководствовались в большей степени данными кремлевской канцелярии, зачастую не учитывая их подчиненность политикорелигиозной идеологии, обоснованной с помощью различных средств нарративной иносказательности. Причем даже в тех немногих случаях, когда сохранились независимые сведения, выявляется недостоверность официальных сообщений. Ярким примером тому служит летописная репрезентация второго похода Ивана IV на Казань, которая опровергается независимыми сообщениями [1, с. 203–213].

Московские летописцы со времен Ивана III начали использовать по отношению к Казани глагол «пожаловал», что означало распространение владетельных прав великого князя на Казанское ханство. Однако привлечение данных провинциальных летописей и посольских документов позволяет прояснить, что подобная репрезентация официальных книжников отражает не реальную политическую практику, а цели московского правительства в отношениях с восточным соседом. Причем в годы правления Василия III и особенно Ивана IV употребление слова «пожаловал» при характеристике московско-казанских отношений получило широкое распространение.

В эпоху Ивана IV, в условиях московско-казанского противостояния, была пересмотрена вся история русско-татарских отношений, именно тогда особое развитие получило представление об извечной борьбе русского народа против ордынского ига, впоследствии широко распространившееся в отечественной историографии. Летописцы-современники сопоставили казанский поход 1552 г. с военными победами ветхозаветных пророков над язычниками, с Куликовской битвой и стоянием на Угре. Завоевание Казани сравнивалось с важнейшими событиями всемирной истории: с вавилонским покорением Иерусалима и падением Константинополя в 1453 году. Аналогичные сюжеты содержатся в памятниках живописи, посвященных завоеванию Казани [1, с. 248–249]. Следовательно, взятие Казани в сознании русских книжников знаменовало обретение царства и начало нового этапа русской государственности.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, более или менее конкретные выводы можно делать относительно идеологии и основных репрезентативных черт московско-казанских отношений, но необходимо очень осторожно использовать эти данные в реконструкции самих отношений и истории Казанского ханства. Выводы, касающиеся конкретно-исторической стороны вопроса, можно делать только на основе данных, содержащихся в двух и более независимых друг от друга источниках. Поэтому перспективы исследований прежде всего необходимо связывать с дальнейшей реализацией обозначенных принципов и методов анализа источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
3. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2001. 75 с.
4. Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. 252 с.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. 558 с.
6. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2004. 320 с.
7. Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань: Типография Императорского Университета, 1895. 691+83 с.
8. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2001. С. 252–509.
9. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 682 с.
10. Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. Кн. 4. СПб.: Императорская Академия наук, 1908. С. 344–379.
11. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
12. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999.
13. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. х + 302 с.
14. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
15. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. iv + 704 с.
16. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
17. ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.

18. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
19. Сборник русского исторического общества. Т. 59. СПб.: Типография Ф. Елионского и К°, 1887. 629 с.
20. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб.: Наука, 1999. С. 138–189.
21. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983. 250 с.
22. Ситдинов А. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фен, 2002. С. 160–206.
23. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 15.01.2017 г.

Принята к публикации 02.03.2017 г.

RUSSIAN CHRONICLES ON THE MOSCOW-KAZAN RELATIONS: AN EXPERIENCE OF THE HERMENEUTIC RESEARCH

A.V. Aksanov

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Research objective: This paper analyzes the problem of interpretation of the chronicle reports about the Moscow-Kazan relations and identifies the semantics of these reports by using the hermeneutic analysis of texts.

Research materials: The author cites the examples of the sources' misunderstanding. Researchers treated literally reports about the Kazan khanate foundation, which in fact were based on the reminiscences from biblical books and needed an allegorical interpretation. Scholars made similar mistakes in their interpretation of some of the reports about the Kazan campaigns in 1467, 1487, 1506, and 1552. In turn, the use of hermeneutic methods allows us to significantly supplement and even revise the picture of the Moscow-Kazan relations presented in the historians' works. This paper demonstrates some features of the evolution of Russian chronicle writing that affected the nature of the representation of interstate relations. Period of the last third of the 15th century is described both by official and independent (provincial) chronicle vaults. In this, these sources describe the events in different ways. Official chronicles represented the Moscow-Kazan war of 1467–1469 as a religious confrontation ended with Russian victory, while independent sources described this war without religious connotations and pointed to the defeat of Moscow forces. The author also revealed significant differences in the description of the events in 1478 and 1487.

Research results and novelty: In such a way, independent sources refute a number of official reports about the Moscow-Kazan relations in the last third of the 15th century. In turn, period of the first half of the 16th century is well documented only in the official chronicles since independent chronicles fell into decline during the strengthening of the united Russian State. Thus, the picture of the Moscow-Kazan relations of this period is unilateral since it is based on information of official chronicles, which, in many cases, can not be verified by alternative sources.

Keywords: Moscow State, Kazan khanate, interstate relations, chronicles, hermeneutics, historiography.

For citation: Aksanov A.V. Russian Chronicles on the Moscow-Kazan Relations: An Experience of the Hermeneutic Research. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 138–148. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.138-148

REFERENCES

1. Aksanov A.V. *Kazanskoe khanstvo i Moskovskaya Rus': Mezghosudarstvennyye otnosheniya v kontekste germenevticheskogo issledovaniya* [Kazan Khanate and Muscovy: Interstate Relations in the Context of Hermeneutic Research]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 288 p. (In Russian)
2. Alishev S.Kh. *Kazan' i Moskva: Mezghosudarstvennyye otnosheniya XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: The Interstate Relations of the 15th–16th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 160 p. (In Russian)
3. Alishev S.Kh. *Istochniki i istoriografiya goroda Kazani* [Sources and Historiography of the City of Kazan]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2001. 75 p. (In Russian)
4. Bakhtin A.G. *Obrazovanie Kazanskogo i Kasimovskogo khanstv* [Formation of the Kazan and Kasimov Khanates]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2008. 252 p. (In Russian)
5. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on the Kasimov Tsars and Princes]. Part 1. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1863. 558 p. (In Russian)
6. Gumilev L.N. *Ot Rusi do Rossii: Ocherki etnicheskoy istorii* [From Rus's to Russia: Essays on the Ethnic History]. Moscow, Ayris-press Publ., 2004. 320 p. (In Russian)
7. Zagoskin N.P. *Sputnik po Kazani* [The Companion to Kazan]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Publ., 1895. 691+83 p. (In Russian)
8. *Kazanskaya istoriya* [The Kazan History]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Old Russian Literature]. Vol. 10. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 252–509. (In Russian)
9. Kuntsevich G.Z. *Istoriya o Kazanskom tsarstve ili Kazanskiy letopisets: Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya* [The History of the Kingdom of Kazan or Kazan Chronicler: Experience of the Historical and Literary Research]. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1905. 682 p. (In Russian)
10. Orlov A.S. *O nekotorykh osobennostyakh stilya velikorusskoy istoricheskoy belletristiki XVI–XVII vv.* [Some Features of the Style of the Great Russian Belles-Lettres in the 16th–17th centuries]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 13. Book 4. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1908, pp. 344–379. (In Russian)
11. Plyukhanova M.B. *Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva* [Plots and Symbols of Muscovite Tsardom]. St. Petersburg, Akropol Publ., 1995. 336 p. (In Russian)

12. *Povest' o vzyatii Tsar'grada turkami v 1453 g.* [Tale of the Capture of Tsargrad by the Turks in 1453]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Old Russian Literature]. Vol. 7. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. (In Russian)
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* (hereinafter – PSRL) [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 8. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Chronicle Continuation according to Voskresensky Copy]. Moscow, Languages of the Russian culture, 2001. x + 302 p. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. Part 1. *Patriarshaja ili Nikonovskaja letopis'* [Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, Skorokhodov's Publ., 1904. 302 p. (In Russian)
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 20. *L'vovskaja letopis'* [Lvov Chronicle]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2005. iv + 704 p. (In Russian)
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. *Moskovskij letopisnyj svod konca XV v* [Moscow Annalistic Svod of the end of the 15th century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 464 p. (In Russian)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 42. *Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'* [The Karamzin's Novgorod Chronicle]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 224 p. (In Russian)
18. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv.* [The Mongol-Tatars by the Eyes of Old Russian Scribes of the middle of the 13th–15th centuries]. Moscow, Kvadriga Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
19. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Compilation of the Russian Historical Society]. Vol. 59. St. Petersburg, Tipografiya F. Elionskogo i K^o Publ., 1887. 629 p. (In Russian)
20. Skazanie o Mamaevom poboishche [The Tale of Mamay's Defeat]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Old Russian Literature]. Vol. 6. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. pp. 138–189. (In Russian)
21. Skrynnikov R.G. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 250 p. (In Russian)
22. Sitdikov A. *Nekotorye aspekty topografii khanskoy Kazani* [Some Aspects of the Topography of the Khans' Kazan]. *Kazanskoe khanstvo: aktual'nye problemy issledovaniya. Materialy nauchnogo seminara «Kazanskoe khanstvo: aktual'nye problemy issledovaniya»* [Kazan Khanate: Current Research Problems. Proceedings of the research seminar "Kazan Khanate: Current Research Problems"]. Kazan, Fen Publ., 2002. pp. 160–206. (In Russian)
23. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of Kazan Khanate]. Moscow, Insan Publ., 1991. 320 p. (In Russian)

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

Received January 15, 2017

Accepted for publication March 2, 2017

УДК 94=131.1

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.149-163

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И БОЛЬШАЯ ОРДА В 70-Е ГГ. XV В.

В.П. Гулевич

Аппарат Верховной Рады Украины

01008, Киев, Украина

E-mail: gulevych_v@ukr.net

Цель: исследовать попытки Венецианской Республики Св. Марка привлечь татар Большой Орды к войне против Османской империи и выяснить их последствия.

Материалы исследования: основой для исследования послужили опубликованные документы архива Венеции, хроника Яна Длугоша, летописи Северо-Восточной Руси, а также материалы турецко-ордынской дипломатической переписки.

Результаты и научная новизна: после падения Константинополя в 1453 г. торговые фактории Венеции в Черном и Азовском морях оказались под большой угрозой. Для ведения войны с османами своих сил у Венеции было недостаточно. Венецианский Сенат находился в постоянном поиске союзников для создания антиосманской коалиции. Кроме европейских государств, такими в Венеции видели Ак-Койунлу и Большую Орду. Втянуть в войну Польское королевство не удалось, а Ак-Койунлу потерпело поражения от турок. В связи с этим особое внимание венецианский Сенат обратил на Большую Орду. Но успешной реализации планов Венеции препятствовали многие объективные факторы: удаленность Большой Орды от Венеции и Балкан, нежелание польского короля Казимира IV пропускать большеордынских татар через свои владения, подозрительность московского правителя Ивана III, ошибочная оценка венецианцами желаний и возможностей хана Ахмата. Для венецианцев дело усложнялась быстро менявшейся ситуацией в Северном Причерноморье в связи с войнами осман в середине 70-х гг. XV в. против Молдавского княжества, захватом ими Южного побережья Крыма и подчинением Крымского ханства. Приезд в Венецию послов хана Ахмата не смог ускорить реализацию планов венецианского Сената. Кроме того, в 70-е гг. османская дипломатия не оставляла без внимания Северное Причерноморье и после долгого перерыва восстановила обмен посольствами с Большой Ордой. Усиленные старания венецианских дипломатов не смогли преодолеть сопротивление Казимира IV, и Венеция вынуждена была отказаться от реализации своих планов.

Ключевые слова: Венеция, Польское королевство, Большая Орда, Османская империя, Молдавия, Крымское ханство, Ак-Койунлу, король Казимир IV, султан Мехмед II, господарь Штефан, хан Ахмат, великий князь московский Иван III, шах Узун Хасан.

Для цитирования: Гулевич В.П. Венецианская дипломатия и Большая Орда в 70-е гг. XV в. // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 149–163. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.149-163

Попытки Венеции привлечь татар к участию в войне против Османской империи в разной мере привлекали внимание историков из Франции [39, Apendice VII: Trevisan à Moscou et en Pologne, p. 201–205; 5, с. 175–178], Польши [14; 20; 41, с. 148–172], Румынии [38, p. 41–53; 34, p. 17–20; 35, p. 614–621; 42, p. 148–150; 24, p. 22–25 и Apendice, p. 29–76], Германии [33,

s. 32–35], России [10, с. 180–212] и др. стран. Но исследователям истории Большой Орды о ней известно, в основном, из событий в Московском государстве в конце 60-х – первой половине 70-х гг. XV в., хотя контекст происходившего был гораздо шире и охватывал Восточное Средиземноморье, Балканы и даже далекий Иран.

Захват турками Константинополя в 1453 г. и угроза дальнейшего их продвижения вглубь Европы заставил Запад сделать несколько попыток *«отреагировать на нее как политическое и духовное целое»* [4, с. 363]. Тогда же, в связи с окончанием собора в Регенсбурге, где 21 мая объявили о крестовом походе на турок в 1455 г., польский кардинал Збигнев Олесницкий в письме от 16 августа 1454 г. к францисканцу Яну Капистрану высказал идею, что против них нужно использовать татар: *«собак собаками побеждать»* [44, р. 104]¹. Подобные мысли кружили не только в близком к татарам Польском королевстве, но даже в далекой Германии, где в 1460 г. в рейхстаге прозвучало предложение привлечь к борьбе с османами не только Казимира IV, но и татар. Знания о них в Германии были довольно смутные, и, вероятно, поэтому относительно татар был использован оборот *«как говорят, не магометан»* (!) [31, № 118, s. 185]². Возможно, что под таким именем следует понимать крымских союзников польского короля.

Но Казимир IV втянулся в изнурительную Тринадцатилетнюю войну (1454–1466 гг.) с Тевтонским Орденом и ему было не до турок. Кроме того, между Польским королевством и Османской империей установились взаимовыгодные торговые отношения [15, s. 84–85]. В 1455 г. Мехмед II гарантировал польским купцам безопасную торговлю в своих владениях на море и суше [40, р. 143]. А в 1460 г. уже Казимир IV позволил турецким купцам свободно торговать три года по всему своему королевству [16, № 91, р. 105–106]. Поэтому не удивительно, что, когда в 1465 г. «Антиохийский патриарх» Лудовико да Болонья пытался склонить крымского хана Хаджи Гирея к войне с турками, тот поставил свой ответ в зависимость от решения Казимира IV, *«которого давно считает своим братом и господином»*. Король же, в свою очередь, и вовсе оставил папского посланника без ответа, сославшись на сейм [25, s. 397–399]. Из-за полного отсутствия интереса к войне с турками в 1471 г. не получил никакого вразумительного ответа и посол шаха Ак-Койунлу Узун Хасана, который с трудом добрался до Польши через подвластный туркам Трапезунд [26, № 1, р. 6; 27, № 14, р. 25].

Быстро поняв, что «общеевропейские» соборы ни к чему не приведут, а склонить польского короля или крымского хана к войне с османами в ближайшей перспективе не получится, Венеция, как наиболее заинтересованная сторона, проявила необычайную изобретательность в планировании³ и энергию в создании антитурецкой коалиции с участием далекой от Средиземноморья Большой Орды. Таким образом, совершенно неожиданно планы Республики Св. Марка, в случае их реализации, создавали немалую угрозу для Крымского ханства, где после смерти Хаджи Гирея в 1466 г. началась борьба за трон между его сыновьями.

¹ *«ut canibus canes vinceret»*.

² *«die nicht machmetisch sollen sein»* (30 сентября 1460 г.).

³ Письма Папы Римского, европейских и восточных монархов, документы, раскрывающие планы Венеции по созданию коалиции см. [27].

В 1463 г. началась венецианско-турецкая война, и Республика остро нуждалась в союзниках. Привлечение татар к войне с османами из состояния идеи в стадию планирования перешло в 1469 г. во время сватания великого князя московского Ивана III к Зои (София) Палеолог, которая проживала в Италии. В марте того года московский правитель отправил служащего ему чеканщиком монеты венецианца Джованни (Джан) Баттисто делла Вольпе в Рим осмотреть и засватать невесту [7, с. 120; 8, с. 281]. Вероятно, именно Вольпе и принадлежала идея использовать Большую Орду. Где-то в ноябре–декабре 1470 г. племянник Дж.Б. Вольпе Антонио Джисларди докладывал Сенату о планах отвоевания захваченных турками средиземноморских владений Венеции [5, с. 175–177; 10, с. 180–212].

Одновременно венецианская политика «прощупывала» настроения у возможных союзников. 30 марта 1471 г. дож Кристофоро Моро написал Казимиру IV письмо «по поводу турецкой войны» [30, № 655, р. 34]⁴, на которое, по всей видимости, реакции не последовало. В мае 1471 г. к Узун Хасану с предложением совместных действий отправился Катариньо Зено [26, Parte prima. I. Doc. VI, р. 108–111; 27, № 15, р. 25–28], родственник шаха по линии жены. Еще ранее, 2 апреля, Сенат отправил своего секретаря Джованни Баттисто Тревизано к хану Большой Орды. Вместе с ним поехал А. Джисларди, который должен был заинтересовать Ивана III более тесными контактами с Римом, передав ему позволение Папы торговать московским купцам во всех католических землях. В Москву они прибыли в сентябре [8, с. 292]. Но там Тревизано, который жаловался, что Дж.Б. Вольпе не оказал ему помощи, не смог выполнить свою миссию, и Сенат принял решение отозвать его [5, с. 178].

На самом же деле перед своей второй поездкой в Италию в начале 1472 г. Вольпе нашел для Тревизано переводчика и «второй великого князя» отправил его в Большую Орду. Уже будучи в Риме, Вольпе передал Папе Сиксту IV свой план союза с Ахматом. Он заявил, что хан готов воевать с турками. Для этого нужно пропустить татар на территорию Венгрии, платить им 10 тыс. дукатов ежемесячно и еще на 6 тыс. дать подарками. Но Римская курия не поверила Вольпе, справедливо подозревая, что он преследует свои корыстные интересы [5, с. 191–192]. А когда в ноябре 1472 г. Зоя Палеолог прибыла в Москву, то генуэзцы из ее свиты открыли московскому правителю настоящую цель миссии Тревизано. В свете нападения татар Большой Орды на г. Алексин в июле 1472 г. [8, с. 297] это выглядело более чем подозрительно. Иван III арестовал Тревизано, Вольпе сослал в Коломну, где он, вероятно, и умер, а Джисларди был отпущен в Венецию с жалобой на действия посла и с уведомлением о его аресте [6, с. 197; 5, с. 212–215; 10, с. 214–215].

Еще большее беспокойство в Венеции возникло после разгрома османскими войсками Узун Хасана 11 августа 1473 г. Теперь турецкий султан больше не был связан войной в Иране и мог бросить свои силы на Италию. Республика отчаянно нуждалась в помощи. 20 ноября 1473 г. Сенат одобрил ответ Ивану III, что Тревизано имел цель лишь отвлечь Ахмата от Великого княжества Московского, заручившись его поддержкой для борьбы с турками на Балканах [5, с. 216–217; 10, Приложение IV.2, с. 263–269; 27, № 85, р. 106–107]. Письмо от 4 декабря 1473 г. с пояснениями действий Тревизано [10, Прило-

⁴ «in causa belli turcici».

жение IV.3, с. 269–273; 27, № 90, р. 112–113] в Москву должен был доставить все тот же Джисларди. Он ехал через Польшу и по дороге имел аудиенцию у Казимира IV [25, s. 567]. В Москве Джисларди сумел реабилитировать Тревиано, и 19 августа 1474 г. ему позволили поехать в Большую Орду [6, с. 197; 8, с. 303].

Одновременно в союзе с европейскими державами для войны с османами был заинтересован и Узун Хасан [37, р. 191–203]. После поражения своего войска в 1473 г. он отправил упомянутого выше Катарина Зено с дипломатической миссией к Папе и монархам Европы. В начале февраля 1474 г. Зено провел переговоры с Казимиром IV. Он просил начать войну против Мехмеда II весной текущего года, обещал, что сам Узун Хасан также будет воевать с войском «десять раз по сто тысяч» и предлагал женить одного из сыновей короля на дочери шаха. Приданным должна была стать Греция, правда, после ее освобождения от османов. Кроме того, от имени шаха он обещал всяческую поддержку против венгерского короля Матияша I Корвина (Хуньяди). Согласно Я. Длугошу, король пообещал дать шаху ответ через своих послов [25, s. 567–568]. Со слов же самого Зено, ему не удалось убедить Казимира IV начать войну, хотя тот, якобы, согласился примириться с венгерским правителем, чем развязал бы ему руки для борьбы с турками [43, р. 34].

На самом же деле, Казимир IV и без того уже имел перемирие с Корвином, которое действовало до 1 мая 1473 г. и было продолжено до 28 сентября 1474 г. [46, № 13, s. 456–460, № 14, s. 460–470]. Зено ничего не оставалось, как выехать в Венгрию, где он имел аудиенцию у Корвина. Далее он отправился в Венецию, где отчитался о результатах своей поездки в Персию, Рим и Неаполь, где по поручению шаха должен был провести переговоры⁵.

Казимир IV не хотел воевать за призрачное наследство Византии и готовился к борьбе с Корвином. Уже весной 1474 г. возникла ягеллонско-габсбургская коалиция против Венгрии, войско которой потерпело поражение 12 октября того же года. Потому приезд в начале февраля 1474 г. венецианских послов П. Оньибене (Ognibene), который через Каффу ехал к Узун Хасану [26, р. 16], и А. Джисларди, направлявшемуся в Москву, остался без каких-либо последствий [25, s. 567]. Амброджо Контарини, который тоже ехал к Узун Хасану [26, Documenti. Parte prima. I. Doc. XIV, р. 139–145; 27, № 92, р. 115], был принят польским королем 11 и 13 апреля 1474 г. [9, с. 18–19], но без каких-либо видимых последствий для интересов Венеции. Он вез письмо учителю королевских детей и его секретарю венецианцу Ф. Каллимаху (Бонаккорси). Контарини встретился с земляком 19 апреля [9, с. 19] и просил его изучить возможность привлечь татар к войне с турками, о результатах чего сообщить письмом в Венецию [20, s. 37–38, 44–45].

В начале 1475 г., во время пребывания Казимира IV в Литве, к нему прибыл очередной посол Узун Хасана, грек Исаак. Он уговаривал короля начать весной текущего года войну с турками, сопротивление которых должно быть слабым, поскольку лучшие их силы, якобы, уничтожены Штефаном 10 января в битве под Васлуем. Казимир IV его щедро одарил, дал возможность месяц пожить в Кракове, но ничего не ответил по сути просьбы [25, s. 591–592]. После приезда Казимира IV в Люблин королевский совет безуспешно настаи-

⁵ Подробнее см.: [3, Глава I].

вал на необходимости поддержать Штефана в войне с турками. Надежды на изменение польской политики после захвата османами Каффы в июле 1475 г. тоже не оправдались. Более того, Казимир IV отправил к Мехмеду II посла, которому 28 августа султан ответил, что он не только друг королю, но надеется на братство между двумя правителями и еще большую приязнь [16, № 204, р. 224].

А вот поездка Дж.Б. Тревизано в 1474–1475 гг. из Москвы к хану Ахмату имела результат. Проехав через Польшу, посольство «императора татар» (Imperator de' Tartari) 28 апреля 1476 г. оказалось в Венеции [31, № 295, р. 364–365]. Хана представлял посол Темир, а его беклярибека Тимура – Брунахо Батыр. Они подтвердили, что за 200 тыс. дукатов татары готовы воевать против османов. 10 мая им выплатили 2 тыс. дукатов, а в Орду послали гонца предупредить об успехе миссии и скором возвращении послов. Планировали, что через земли Польского королевства их должен был провести все тот же Дж.Б. Тревизано [5, с. 218–219; 29, № VI, s. 12–13; 19, № 68, р. 156–157], который, судя по всему, слишком приукрасил склонность Казимира IV к войне с турками.

О переговорах с Большой Ордой и Тревизано сохранилось несколько документов, главные из которых такие: 10 мая – ответ татарским послам; 19 мая – письмо хану Ахмату; 19 мая – письмо беклярибеку Тимуру; 19 мая – письмо королю Польши; 19 мая – инструкция венецианского дожа А. Вендрамина для Тревизано [39, Appendice VII: Trevisan à Moscou et en Pologne, р. 203]⁶. Ордынское посольство вернулось в Орду в июне 1476 г. Хана просили атаковать османов со стороны Дуная, когда турецкий султан начнет боевые действия против венгерского короля и «других христианских правителей» [24, р. 22].

Письма от 17 мая к Эммануилу Джерардо, делегированному к Штефану Великому, и от 19 мая 1476 г. к Казимиру IV обнаруживают детали, в силу которых Венеция пошла на союз с Ахматом в тайне от молдавского господаря и польского короля. В инструкции дожа к Джерардо [23, № XVIII, р. 11–14; 24, № XXV, р. 45–48] упомянуты слова татарского посла, что «хан [Ахмат] поддерживает прекрасные дружественные связи с прославнейшим воеводой [Штефаном], которого называет братом своего величества, от которого получает и привозит к себе всевозможные вознаграждения и знаки почтения» [там же]⁷. В конце июня ему рекомендовано следить за передвижением Большой Орды через реки Дон и Днепр и, в случае необходимости, вмешаться, чтобы хан помог Штефану [24, № XXIX, р. 50–51; 45, № 17, р. 18–19]. А в письме Казимиру IV Венеция впервые открыто сообщила о своих планах относительно Большой Орды [19, № 68, р. 156–157; 29, № VI, р. 12–13]. Сенат благодарил его за гостеприимный прием Тревизано и просил пропустить венецианское посольство в «Urbinum» (?), где его должны ожидать

⁶ «Sur les négociations ultérieures de Venise avec la Horde d'Or, de Trevisan en Pologne et de Bonaccorsi à Venise, il y a principalement neuf pièces inédites à signaler: 10 mai 1476, Réponse de Venise aux ambassadeurs tatars; 19 mai 1476, Lettre au khan Mohammed; 19 mai 1476, Lettre à Tamir; 19 mai 1476, Lettre au roi de Pologne; 19 mai 1476, Instructions du doge André Vendramin à Trevisan».

⁷ «Orator nobis dixit eundem Imperatorem cum Ill-mo Vayvoda optimam tenere amicitiam appellando illum fratrem domini sui ab quo reciperet conferretque e diverso omne commodum et beneficium».

татарские послы, чтобы хан мог как можно быстрее подготовиться к войне. Вообще же Сенат постановил Тревизано, который сопровождал татар [19, № 72, р. 168–169; 29, № X, s. 25], перенести переговоры с Ахматом из далекой Московии в Польшу.

Не исключено, что в Крыму что-то знали о планах Венеции из посольских контактов с Польшей, поскольку «неофициальный» ответ Каллимаха в Венецию, о котором речь будет ниже, обсуждали на королевском совете. В конце апреля – начале мая 1476 г. в Польше побывали послы «*татарского императора*» Менгли Гирея, которым позволили осмотреть Гданьск [16, № 221, р. 243]. До этого в Крым приезжал польский посол, который пытался отговорить хана от нападения на Молдавию. Но, как докладывал в Стамбул хан Менгли Гирей, он получил резкий ответ: «*если ты [Казимир IV] объединишься с Кара-Богдан (Молдавия), то станешь для нас наибольшим врагом. Если же не объединишься с Кара-Богдан, а заключишь союз с нашим падишахом, то мы будем считать вас добрыми друзьями*» [2, № 7, с. 134–135, 136–137; 17, № 3, р. 3–4; 21, р. 191–192; 28, р. 80–81; 32, № V, s. 118–120]. По приглашению султана нападение на Штефана возглавил карачи-бей Эминек Ширин [28, р. 62–63]. Чтобы успокоить Казимира IV, 19 мая 1476 г. султан Мехмед II уверял польского посла в своей дружбе и называл польского короля «*своим любимым братом*» [16, №. 222, р. 243–244]. Тем не менее, в июле галицко-перемышльская шляхта вышла на охрану границы Польского королевства [12, Т. 17, № 1258, 1260, s. 125], но помощи Молдавии король не оказал.

В письме от 18 июля дож Вендрамин поручил Тревизано вести переговоры с Ахматом из Вильно и при этом всегда иметь в виду интересы Казимира IV. Ему предписывалось всеми методами способствовать отправке войск Ахмата на османов. Но дож рассматривал и возможность альтернативных действий в Крыму: «*и если вдруг проход через Дунай и переход к турецким землям не будет возможным из-за ханской воли или из-за сопротивления воеводы Штефана, или из-за других причин, ты заяви и требуй от хана [Ахмата], чтобы он сперва взял город Каффу и другие места их провинции, захваченные турками, а также замок Тана и другие, находящиеся возле границ хана, и сделал все возможное против врага*» [23, № XIX, р. 14–15]. Тревизано послал в Орду некоего «Димитрия» (Dimitrii). Кто он такой, сказать сложно, но вряд ли это был подданный великого князя московского Дмитрий Лазарев, с которым Тревизано поехал к хану в августе 1474 г. [8, с. 303].

Летом 1476 г. крымские татары напали на Молдавию. Но поход оказался провальным и еще более ослабил и без того шаткое положение Крымского ханства. Этим воспользовался Джанибек Султан, который с помощью части крымской знати захватил власть и правил в Крыму в 1476–1477 гг. Приближение к границам Польского королевства сил Большой Орды не радовало Казимира IV, в планах которого Ахмату отводилась роль сдерживающего фактора для Москвы. Он отправил в Венецию Ф. Каллимаха, который в январе 1477 гг. убеждал Сенат, что дорога от Волги до Балкан очень долгая, ордынцы ненадежные союзники, их не более 10 тыс. чел., они плохо вооружены и к тому же угрожают польским владениям [13, р. 91; 19, № 69–72, р. 157–169; 29, № VII–X, s. 13–25]. 7 января 1477 г. Сенат ответил Каллимаху заявлением, что татары могут перейти реки Северного Причерноморья и с помощью Штефана зайти не только в Болгарию, но и в самое «*нутро врага*» [23, № XXXIV, р. 55].

Еще до своего приезда в Венецию Ф. Каллимах отправил туда свое письмо с соображениями о войне татар с турками. Среди прочего он не только описал способ жизни татар, но и указал, что не смог узнать, как Казимир IV относится к венецианской затее, поскольку существует несколько отдельных татарских Орд: Азиатская не появляется в Европе; Волжская кочует на границе с Европой и иногда доходит аж до Днепра; Крымская, хотя и неохотно переносит власть османов, слишком слаба, у нее мало людей, и они не станут воевать.

10 января Сенат сообщил Тревизано, который был в Польше, о «недавних» новостях от Э. Джерардо, что *«татары приблизились к границам молдавского воеводы как признанные и желанные друзья Штефана»*. Но Сенат действительно не знал, *«являются ли они именно той силой великого императора [Ахмата] или того [крымского хана], кто привык владеть [землями] рядом с Каффой, и каким образом это связано с воеводой Штефаном, с которым они [крымские татары] враждовали в прошлом [1476 г.] году»* [23, № XV, р. 9; 19, № 73, р. 171; 29, № XI, s. 27]⁸. Из Венеции от Тревизано требовали новостей о поездке его посланника в Большую Орду. 20 января 1477 г. Тревизано через своего гонца Тибальда сообщил, что Дмитрий еле сумел убежать из Орды, а у Ахмата также произошли перемены [19, № 82, р. 191; 29, № XX, s. 47]. Его брат Махмуд скончался, и в 1476 г. *«главный хан [Ахмат] находился в состоянии войны с Касим-ханом, своим племянником ... между ними была большая война»* [1, с. 221].

Нам неизвестно, знал ли Мехмед II о планах Венеции, но его дипломаты не теряли времени и улаживали возможные проблемы с Большой Ордой. После долгого перерыва в двусторонних отношениях у Ахмата побывал турецкий посол. Он принес «вести» о захваченной турками Каффе и других городах [18, s. 289], о чем ордынский хан знал и без того. А.Н. Курат выдвинул предположение, что приезд был связан с просьбой Менгли Гирея к султану о защите от Большой Орды [2, с. 92]. В таком случае турецкое посольство следует отнести к весне или лету 1476 г., когда Крым, силы которого готовились выступить против Молдавии, был под угрозой нападения Джанибек Султана, пользовавшегося покровительством хана Ахмата. До конца 1476 г. Джанибек Султан все же захватил власть, а Менгли Гирей был вывезен османами из Крыма куда-то в Турцию. Но судя по тексту послания султана, его скорее можно отнести к 1477 г., когда в Стамбуле приняли решение поддержать на правлении в Крымском ханстве Нур-Девлета.

Известно, что в 881 г.х. (26 апреля 1476 г. – 14 апреля 1477 г.) в Большой Орде побывал еще один турецкий посол – Сайид Мухаммад. С чем был связан его приезд, неизвестно, но в ответ Ахмат отправил в Стамбул не только посла, но и своего «молельщика, по имени Исхак» [22, № III, s. 333–334]⁹. Когда и по какой причине следующее турецкое посольство побывало в Большой Орде, точно пока установить не удалось. Но, согласно ответа Ахмата, датированного маем–июнем 1477 г., посол Карадж Бахадур сообщил хану об очередных успехах Мехмеда II в завоевании новых городов. Ахмат, который

⁸ «*Rem illam Tartarorum non perfecte intelleximus sed praesertim quenam illa potentia sit magni scilicet Imperatoris an illius qui circa Caffam imperare consuevit, et quomodo se intelligit cum Stephano Vayvoda cui anno superiori sunt adversati*».

⁹ «*Ishâk adlı duacı*».

уже, видимо, утратил интерес к венецианской авантюре, если такой у него действительно был, отправил к Мехмеду II посла с ответным письмом. Он не только выразил надежду на дальнейшее укрепление дружественных связей, о чем писал ранее, но и заявил о своей готовности поддержать осман в любом их походе [11, с. 243–244; 2, № 3, с. 82–84, 86–87].

Убедившись в бесполезности планов привлечения татар без согласия на то Казимира IV, венецианский Сенат 18 марта 1477 г. отозвав Тревизано из Польши [19, № 82, р. 191–194; 29, № XX, р. 47–49]. Правильность такого решения подтвердил и отчет А. Контарини, который вернулся в Венецию 10 апреля 1477 г. Его оценка состояния Большой Орды была уничижительной: «Все утверждают, что там [в Большой Орде] огромное множество народа, но бесполезного для этой [военной] цели из-за большого количества женщин и детей. Утверждают также, что во всей [Большой] Орде не найдется и двух тысяч мужчин, вооруженных саблями и луками; остальные – это оборванцы без всякого оружия» [1, с. 223].

И все же летом 1477 г. Сенат предпринял еще одну попытку и на этот раз действовал прямо через Казимира IV. В Польшу выехали Бартоломео Брандо и Доминико Джорджо. Последний вез с собой деньги, чтобы в случае согласия короля немедленно поспешить в Большую Орду, сопровождать татар на Балканы и удерживать их по дороге от грабежей. В Польше Брандо произнес пылкую речь, утверждая, что переход татар через Северное Причерноморье ничем не угрожает ее владениям и окажет всему христианству большую пользу.

После долгих размышлений поляки неожиданно пришли к решению, что не стоит сопротивляться использованию татар против османов, если при этом будет соблюдена необходимая осторожность во время их перехода на Балканы. Но вернувшийся в это время из Италии Каллимах выдвинул убийственную для венецианских планов идею направить татар на Османскую империю не через Дунай, а Кавказ и Восточное Причерноморье [36, р. 74]¹⁰. Это понравилось королевскому совету, ибо полностью снимало возможную необходимость оправдываться перед Мехмедом II за пропуск татар к европейскому театру войны [41, s. 171–172].

Планы Венеции относительно использования Большой Орды были похоронены окончательно. Никаких видимых последствий для всех фигурантов этих планов в процессе их реализации, кроме самой Венеции, не последовало. Усилия венецианской дипломатии оказались лишь малозначительным эпизодом для истории Восточной Европы, несмотря на примечательность самого факта. Сама же венецианско-турецкая война вскоре закончилась невыгодным для Республики Св. Марка Константинопольским миром, подписанным 25 января 1479 г.

Подводя итоги, нужно сделать следующие краткие выводы: несмотря на существование венецианской колонии Тана, находившейся поблизости татарских кочевий, планы Сената Венеции демонстрируют плохое знание ситуации в Большой Орде и неверную оценку ее потенциала; позиции Польского королевства и ее вассала Молдавии в венецианской дипломатической игре оказались противоположными. Если господарь Штефан относился дружески

¹⁰ «*Tartari in Asiam duxere, docuit, quandoquidem ex consuetudine sua soliti recipere se per Sarmatiam Asiaticam versus Hyrcanum mare ad extrema Iberiae, qua Colchidi comittitur, faciliorem simul et propinquiorem per ea loca accessum habere extirpando in Asia*».

к Большой Орде по причине ее вражды с Крымским ханством и возможности оказания ею помощи в борьбе с турками, то Казимир IV был настроен пресекать любые конфликты с Мехмедом II. Действия Сената сковала позиция польского монарха, интересы которого Венеция не хотела и не могла нарушить; несмотря на присланное в Венецию посольство, из источников, имеющих в нашем распоряжении, реальный интерес к участию в войне с турками у хана Ахмата, который кроме внутренних проблем имел конфликт с Иваном III, не прослеживается. Скорее всего, его необходимо рассматривать, как желание заполучить большую сумму денег без выполнения ожиданий Республики Св. Марка.

Благодарности

Искренне благодарю Романа Хауталу за помощь в переводе латиноязычных источников. Все возможные неточности или ошибки в оценке исследуемых событий лежат исключительно на ответственности автора данной статьи. Также благодарю А.М. Пьемонтесе (*A.M. Piemontese*) за возможность ознакомиться с его статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Контарини Амброджо*. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Пер. Е.Ч. Скржинской. М.: Наука. 1971. С. 188–235.
2. *Курат А.Н.* Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеева; редактор текстов на арабице М.Р. Исмагилова; ответственные редакторы Л.И. Шахин, И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
3. *Махмудов Я.М.* Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами: II половина XV – начало XVII века. Баку: Изд. Бакинского ун-та, 1991. 241 с.
4. *Пашкин Н.Г.* «Антитурецкие» рейхстаги в Германии 1454–1455 гг. как реакция Запада на падение Константинополя // Античная древность и средние века. Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. 2011. С. 363–374
5. *Пирлинг О.* Россия и папский престол. Кн. 1: Русские и Флорентийский собор. М., 1912. 452 с.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1853. 360 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. 266 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 470 с.
9. Путешествие Амвросия Контарини посла Светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершенное в 1473 году // Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое. Том первый. СПб.: В типографии III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 13–189.
10. *Скржинская Е.Ч.* Московская Русь и Венеция времен Ивана III // *Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб.: Алетейя, 2000. (Серия «Византийская библиотека». Исследования). С. 180–212.

11. Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник, 1975. М.: Наука, 1978. С. 234–251.
12. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. T. XVII. Lwów: W drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1901. LVIII, 660 s.
13. Acte și fragmente cu privire la istoria românilor adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului / Niculaî Iorga și publicate cu sprijinul Ministeriului de instrucție publică. Vol. III. București: Imprimeria statului, 1897. 107, V p.
14. Baczkowski K. Callimaco e le ambascerie veneziane in Polonia negli anni '70 del XV secolo // Viaggio in Italia e viaggio in Polonia / Ed. D. Quirini-Popławska. Kraków, 1994. P. 43–52.
15. Charewiczowa Ł. Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów: Wydawnictwo zakładu narodowego imienia Ossolińskich, 1925. XI, 156 s.
16. Codex epistolaris seculi decimi quinti. T. III: 1392–1501 / Coll. opera A. Lewicki // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 14. Kraków, 1894. LXXXII, 666 p.
17. Documente turcești privind istoria României / Academia de științe sociale și politice a Republicii socialiste România. Institutul de studii Sud-Est Europene. «Izvoare orientale privind istoria României» III. Vol. 1: 1455–1774 / Întocmit de Mustafa A. Mehmed. București: Ed. Academiei Republicii socialiste România, 1976. 412 p.
18. Feridūn Bey Ahmed. Münşe'âtü's-Selâfin (арабица). Cilt I. Istanbul, 1285 (1858). 652 s.
19. Fontes Rerum Polonicarum e tabulario Republicae Venete exhaustit, collegit, edidit, nonnullisque adnotationibus polonicis muniit dr. Augustus comes Cieszkowski. Seriae II^a. Fasciculus tertius (Acta Casimiro Jagiellonide regnante). Posnaniae: Typis officinae Dziennik Poznański, 1891. P. 147–217.
20. Garbacik J. Kallimach jako diplomata i polityk. Kraków, 1948. 162 s.
21. Gemil T. Două documente tătarăști referitoare la campania din 1476 a sultanului Mehmed al II-lea în Moldova // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie «A.D. Xenopol». V. Iași, 1968. P. 185–194.
22. Halasi Kun T. Philologica III. Kazan Türkçesine ait Dil Yadigârları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Cilt VII. Sayı 4. Ankara, 1949. S. 603–644.
23. Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria românilor. Vol. VIII: 1376–1650. București, 1894. XLVIII, 540 p.
24. Iorga N. Veneția în Marea Neagră. III: Originea legăturilor cu Ștefan cel Mare și mediul politic al dezvoltării lor / Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice. Seria II. T. XXXVII. București, 1914. Appendice. P. 29–76.
25. Jana Długosza Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. V. Ks. XII / Przekł. K. Mecherzyńskiego Kraków, 1870. 662, XXIV s.
26. La Repubblica di Venezia e la Persia / Per Guglielmo Berchet. Torino: Tipografia G.B. Paravia e comp., 1865. XVII, 294 p.
27. Le guerre dei Veneti dell'Asia 1470–1474. Documenti cavati dell'Archivio ai Frari di Venezia e pubblicati da Enrico Cornet. Vienna: Libreria Tendler & Comp., 1856. 10, 133 p.
28. Le Khanat de Crimeé dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Ed. A. Bennigsen, P.N. Boratov, D. Desai, Ch. Lemerrier-Quelquejay. Paris-Den Haag, École des hautes études en sciences sociales: Mouton, 1978. 458 p., 3 pl.
29. Materyały do historyi Jagiellonów z archiwów weneckich. Cz. 3 / Wyd. hr. August Cieszkowski // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. T. 19. Poznań, 1892. S. 3–73.

30. *Matricularum Regni Poloniae summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur. Pars I: Casimiri IV Regis tempora complectens (1447–1492)* / Ed. Theodorus Wierzbowski. Warszawa, 1905. IV, 191 p.
31. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Quatrième série (1453–1476) / Publiés par N. Iorga. Bucarest: Édition de l'Académie Roumaine, 1915. VI, 378 p.
32. *Özyetgin A.M.* Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi. Ankara: Alış Ofset Matbaacılık Sanayi Ticaret, 1996. 297 s.
33. *Palombini B., von.* Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600. Wiesbaden, 1968. VIII, 138 s.
34. *Papacostea Ș.* La guerre ajournée: les relations polono-moldaves en 1478. Réflexions en marge d'un texte de Filippo Buonaccorsi-Callimachus // *Revue Roumaine d'Histoire*. T. XI. № 1. 1972. P. 17–20.
35. *Papacostea Ș.* Venise et les pays roumaines au Moyen Age // *Venezia é il Levante fino al secolo XV* / Ed. A. Pertusi. Vol. I. Firenze, 1973. P. 614–621.
36. *Philipi Callimachi.* De his quae a Venetis tentata sunt Persis ac Tartaris contra Turcos movendis / Recensuit Andreas Kempfi, commentariis illustravit Thaddeus Kowalewski, in linguam Polonam vertit Maria Cytowska. Warszawa, 1962. XV, 81 p.
37. *Piemontese A.M.* La représentation de Uzun Hasan en scène à Rome (2 mars 1473) // *Turcica*. 1991. P. 191–203.
38. *Pienaru N.* «Proiectul scitic». Relațiile lui Ștefan cel Mare cu Hoarda Mare // *Revista Limbra Română*. № 4–6. Anul XIV. 2004. P. 41–53.
39. *Pierling P.* La Rusie et l'Orient. Mariage d'un Tsar au Vatican. Ivan III et Sophie Paléologue. Paris: Ernest Leroux. Editeur, 1891. Appendice VII: Trevisan à Moscou et en Pologne. P. 201–205.
40. *Rykaczewski E.* Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum scripturarum et monumentum. Berolini et Posnaniae, 1862. XV, 483 p.
41. *Stachoń B.* Polska wobec weneckich projektów użyciu Persów i Tatarów przeciw Turcji w 2 poł. XV wieku // *Prace historyczne*. Wydane ku uczczeniu 50-lecia Akademickiego Kola Historyków Uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie, 1878–1928. Lwów, 1929. S. 148–172.
42. *Tahsin G.* Români și otomani în secolele XIV–XVI. București, 1991. 232 p.: tab.
43. *Travels in Persia, by Caterino Zeno* / Trans. end edit. by Charles Grey // *A narrative of Italian travels in Persia, in the fifteenth and sixteenth centuries*. London, 1873. P. 1–65.
44. *Wadding Luca.* Annales minorum in quibus res omnes trium ordinum a S. Francisco. Tom sextus. Lugduni, 1648. 835, 181 p.
45. *Veress E.* Acta et epistolae relationum Transylvaniae hungariaeque cum Moldavia et Valachia. Vol. I: 1468–1540. Budapest, 1914. XII, 342 p.
46. *Archiv český.* Díl 4. Praha, 1846. 608 s.

Сведения об авторе: Владислав Петрович Гулевич – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (01008, ул. М. Грушевского, 5, Киев, Украина). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Поступила 14.01.2017 г.
Принята к публикации 03.03.2017 г.

VENETIAN DIPLOMACY AND THE GREAT HORDE IN THE 1470'S

V.P. Gulevich

Verkhovna Rada of Ukraine

Kyiv 01008, Ukraine

E-mail: gulevych_v@ukr.net

Objective: To investigate Republic of San Marco's attempts to engage the Great Horde Tatars in war against the Ottoman Empire and find out their consequences.

Research materials: The research based on archive documents published in Venice, the Annals of Jan Długosz, the chronicles of the Northeast Russia, as well as Turkish-Horde diplomatic correspondence materials.

Results and scientific novelty: After the fall of Constantinople in 1453, the trading posts of Venice, in the Black and Azov seas were under the greatest threat. They had not enough forces in Venice for the war with the Ottomans. The Venetian Senate was constantly searching for allies to create an anti-Ottoman coalition. In addition to European countries, Venice saw the Ak-Koyunlu and the Great Horde among them. Drawing the Polish Kingdom into the war failed, and the Ak-Koyunlu was defeated by the Turks. In this connection, the Venetian Senate paid particular attention to the Great Horde. But many objective factors prevented the successful implementation of Venetian plans, such as: the distance from the Great Horde to Venice and the Balkans, the reluctance of the Polish king Casimir IV giving a way to the Great Horde Tatars through his land, suspicion of the Moscow ruler Ivan III, and the Venetians erroneous assessment of Ahmad Khan's desires and possibilities. The situation was complicated for the Venetians by the rapidly changing setting in the northern Black Sea region due to the Ottoman wars in the mid-1470's against the Moldavian principality, their seizure of southern coast of the Crimea and the subordination of the Crimean Khanate. Ahmad Khan's ambassadors' arrival in Venice was unable to accelerate the implementation of the Venetian Senate plans. Furthermore, in the 1470's, Ottoman diplomacy did not leave without attention the northern Black Sea region and after a long break regained embassies exchange with the Great Horde. Venetian diplomats' reinforced efforts were unable to overcome the resistance of Casimir IV, and Venice was forced to abandon its plans.

Keywords: Venice, Kingdom of Poland, Great Horde, Ottoman Empire, Moldavia, Crimean Khanate, Ak-Koyunlu, King Casimir IV, Sultan Mehmed II, province governor Stefan, Ahmad Khan, Grand Prince Ivan III, Uzun Hassan shah.

For citation: Gulevich V.P. Venetian Diplomacy and the Great Horde in the 1470's. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 149–163. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.149-163

REFERENCES

1. Contarini Ambrogio. Puteshestvie v Persiyu [Travel to Persia]. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini on Russia. To the History of the Italo-Russian Relations in the 15th century]. Per. E.Ch. Skrzhinskoy. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 188–235. (In Russian)
2. Kurat A.N. *Sobranie sochineniy. Kniga 1. Yarlyki i bitiki khanov Zolotoy Ordyy, Kryma i Turkestana v arkhive muzeya dvortsa Topkapy* [Collected Works. Book 1. Yarlyks and Bitiks of the Khans of the Golden Horde, Crimea and Turkestan in the Archive of the Museum Topkapi Palace]. Perevod s turetskogo yazyka R.R. Galeeva; redaktor tekstov na arabitshe M.R. Ismagilova; otvetstvennye redaktory L.I. Shakhin, I.M. Mirgaleev. Kazan,

Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, 256 p. (In Tatar and Russian)

3. Makhmudov Ya.M. *Vzaimootnosheniya gosudarstv Akkoyunlu i Sefevidov s zapadnoevropeyskimi stranami: II polovina XV – nachalo XVII veka* [Relations of the Akkoyunlu and Safavid States with Western European Countries: the second half of the 15th – the beginning of the 17th centuries]. Baku, Baku State University Publ, 1991. 241 p. (In Russian)

4. Pashkin N.G. «Antituretskie» reykhstagi v Germanii 1454–1455 gg. kak reaktsiya Zapada na padenie Konstantinopolya [“Anti-Turkish“ Reichstags in Germany in 1454–1455 as the West’s Reaction to the Fall of Constantinople]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Vyp. 40: K 50-letiyu Ural'skoy shkoly vizantinovedeniya* [Antiquity and the Middle Ages. Iss. 40: To the 50th Anniversary of the Ural School of Byzantine Studies]. 2011, pp. 363–374. (In Russian)

5. Pirling O. *Rossiya i papskiy prestol. Kn. 1: Russkie i Florentiyskiy sobor* [Russia and the Holy See. Book 1: Russians and Council of Florence]. Moscow, 1912. 452 p. (In Russian)

6. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 6: *Sofiyskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6: Sofian Chronicles]. St. Peterburg, 1853. 360 p. (In Russian)

7. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 12: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Partiarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 12: Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1901, 266 p. (In Russian)

8. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 25: *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 25: Moscow Chronicle Svod of the end of the 15th century]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 470 p. (In Russian)

9. Puteshestvie Amvroziya Kontarini posla Svetleyshey Venetsianskoy respubliki k znamenitomu persidskomu gosudaryu Uzun-Gasanu, sovershennoe v 1473 godu [Journey of Ambogio Contarini, Ambassador of the Most Serene Republic of Venice, to the Famous Persian Emperor Uzun-Hasan, Accomplished in 1473]. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii* [Library of Foreign Writers about Russia]. Otdelenie pervoe. Vol. pervyy. St. Peterburg, V tipografii III Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1836, pp. 13–189. (In Russian)

10. Skrzzhinskaya E.Ch. Moskovskaya Rus' i Venetsiya vremen Ivana III [Muscovite Rus' and Venice at the Times of Ivan III]. In Idem. *Rus', Italiya i Vizantiya v Srednevekov'e* [Rus', Italy and Byzantium in the Middle Ages]. St. Petersburg, Aletyia, 2000. (Seriya «Vizantiyskaya biblioteka». Issledovaniya), pp. 180–212. (In Russian)

11. Sultanov T.I. Pis'ma zolotoordynskikh khanov [Letters of the Golden Horde Khans]. *Tyurkologicheskiy sbornik, 1975* [Studia Turcologica, 1975]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 234–251. (In Russian)

12. *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie*. T. XVII. Lwów, W drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1901. LVIII, 660 p. (In Latin)

13. *Acte și fragmente cu privire la istoria românilor adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului*. Niculaș Iorga și publicate cu sprijinul Ministeriului de instrucție publică. Vol. III. București, Imprimeria statului, 1897. 107, V p. (In Romanian and Latin)

14. Baczkowski K. Callimaco e le ambascerie veneziane in Polonia negli anni '70 del XV secolo. *Viaggio in Italia e viaggio in Polonia*. Ed. D. Quirini-Popławska. Kraków, 1994, pp. 43–52. (In Latin and Italian)

15. Charewiczowa Ł. *Handel średniowiecznego Lwowa*. Lwów, Wydawnictwo zakładu narodowego imienia Ossolińskich, 1925. XI, 156 p. (In Polish)

16. Codex epistolaris seculi decimi quinti. 1392–1501. Coll. opera A. Lewicki. *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. Vol. 14. Kraków, 1894. LXXXII, 666 p. (In Latin)
17. *Documente turcești privind istoria României*. Academia de științe sociale și politice a Republicii socialiste România. Institutul de studii Sud-Est Europene. «Izvoare orientale privind istoria României» III. Vol. 1: 1455–1774. Întocmit de Mustafa A. Mehmed. București, Ed. Academiei Republicii socialiste România, 1976. 412 p. (In Romanian)
18. Ferîdün Bey Ahmed. *Münşe'âtü's-Selâtin* (arabic script). Cilt I. Istanbul, 1285 (1858). 652 s. (In Persian)
19. *Fontes Rerum Polonicarum e tabulario Republicae Venete exhausti, collegit, edidit, nonnullisque adnotationibus polonicis muniit dr. Augustus comes Cieszkowski*. Seriae II^a. Fasciculus tertius (Acta Casimiro Jagiellonide regnante). Posnaniae, Typis officinae Dziennik Poznański, 1891, pp. 147–217. (In Latin)
20. Garbacik J. *Kallimach jako diplomata i polityk*. Kraków, 1948. 162 p. (In Polish)
21. Gemil T. Două documente tătarăști referitoare la campania din 1476 a sultanului Mehmed al II-lea în Moldova. *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie «A.D. Xenopol»*. V. Iași, 1968, pp. 185–194 (In Romanian and Latin)
22. Halasî Kun T. Philologica III. Kazan Türkçesine ait Dil Yadiğarları. *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. Cilt VII. Sayı 4. Ankara, 1949, pp. 603–644. (In Tatar and Turkish)
23. Hurmuzaki E. *Documente privitoare la istoria românilor*. Vol. VIII: 1376–1650. București, 1894. XLVIII, 540 p. (In Latin)
24. Iorga N. *Veneția în Marea Neagră. III: Originea legăturilor cu Ștefan cel Mare și mediul politic al desvoltării lor*. Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice. Seria II. T. XXXVII. București, 1914. Apendice, pp. 29–76. (In Romanian and Latin)
25. *Jana Długosza Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*. T. V. Ks. XII. Przekł. K. Mecherzyńskiego Kraków, 1870. 662, XXIV p. (In Polish)
26. *La Repubblica di Venezia e la Persia*. Per Guglielmo Berchet. Torino, Tipografia G.B. Paravia e comp., 1865. XVII, 294 p. (In Italian and Latin)
27. *Le guerre dei Veneti dell'Asia 1470–1474. Documenti cavati dell'Archivio ai Frari di Venezia e pubblicati da Enrico Cornet*. Vienna, Libreria Tendler & Comp., 1856. 10, 133 p. (In Italian and Latin)
28. *Le Khanat de Crimeé dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*. Ed. A. Bennigsen, P.N. Boratov, D. Desai, Ch. Lemerrier-Quelquejay. Paris-Den Haag, École des hautes études en sciences sociale; Mouton, 1978. 458 p., 3 pl. (In French and Tatar)
29. *Materyały do historyi Jagiellonów z archiwów weneckich*. Cz. 3. Wyd. hr. August Cieszkowski. *Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego*. T. 19. Poznań, 1892, pp. 3–73. (In Latin)
30. *Matricularum Regni Poloniae summa, excussis codicibus, qui in Charophylacio Maximo Varsoviensi asservantur*. Pars I: *Casimiri IV Regis tempora complectens (1447–1492)*. Ed. Theodorus Wierzbowski. Warszawa, 1905. IV, 191 p. (In Latin)
31. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Quatrième série (1453–1476)*. Publiés par N. Iorga. Bucarest, Édition de l'Académie Roumaine, 1915. VI, 378 p. (In Latin)
32. Özyetgin A.M. *Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yıllık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi*. Ankara, Alış Ofset Matbaacılık Sanayi Ticaret, 1996. 297 p. (In Tatar and Turkish)
33. Palombini B., von. *Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600*. Wiesbaden, 1968. VIII, 138 p. (In German)

34. Papacostea Ș. La guerre ajournée: les relations polono-moldaves en 1478. Réflexions en marge d'un texte de Filippo Buonaccorsi-Callimachus. *Revue Roumaine d'Histoire*. T. XI. № 1. 1972, pp. 17–20. (In French)
35. Papacostea Ș. Venise et les pays roumaines au Moyen Age. *Venezia é il Levante fino al secolo XV*. Ed. A. Pertusi. Vol. I. Firenze, 1973, pp. 614–621. (In French)
36. Philipi Callimachi. *De his quae a Venetis tentata sunt Persis ac Tartaris contra Turcos movendis*. Recensuit Andreas Kempfi, commentariis illustravit Thaddeus Kowalewski, in linguam Polonam vertit Maria Cytowska. Warszawa, 1962. XV, 81 p. (In Latin)
37. Piemontese A.M. La représentation de Uzun Hasan en scène à Rome (2 mars 1473). *Turcica*. 1991, pp. 191–203 (In French)
38. Pienaru N. «Proiectul scitic». Relațiile lui Ștefan cel Mare cu Hoarda Mare. *Revista Limbra Română*. № 4–6. Anul XIV. 2004, pp. 41–53. (In Romanian)
39. Pierling P. *La Rusie et l'Orient. Mariage d'un Tsar au Vatican. Ivan III et Sophie Paléologue*. Paris, Ernest Leroux. Editeur, 1891. Appendice VII: Trevisan à Moscou et en Pologne, pp. 201–205. (In French)
40. Rykaczewski E. *Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum scripturarum et monumentum*. Berolini et Posnaniae, 1862. XV, 483 p. (In Latin)
41. Stachoń B. Polska wobec weneckich projektów użyciu Persów i Tatarów przeciw Turcji w 2 poł. XV wieku. *Prace historyczne. Wydane ku uczczeniu 50-lecia Akademickiego Kola Historyków Uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie, 1878–1928*. Lwów, 1929, pp. 148–172. (In Polish)
42. Tahsin G. *Românii și otomanii în secolele XIV–XVI*. București, 1991. 232 p.: tab. (In Romanian)
43. Travels in Persia, by Caterino Zeno. Trans. end edit. by Charles Grey. *A Narrative of Italian Travels in Persia, in the fifteenth and sixteenth centuries*. London, 1873, pp. 1–65. (In English)
44. Wadding Luca. *Annales minorum in quibus res omnes trium ordinum a S. Francisco*. Tom sextus. Lugduni, 1648. 835, 181 p. (In Latin)
45. Veress E. *Acta et epistolae relationum Transylvaniae hungariaeque cum Moldavia et Valachia*. Vol. I: 1468–1540. Budapest, 1914. XII, 342 p. (In Latin)
46. *Archiv český*. Díl 4. Praha, 1846. 608 p. (In Czech)

About the author: Vladislav P. Gulevich – MA (History), Chief Adviser, Office for Relations with the Local Government and the Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine (5, M. Grushevsky Str., Kyiv 01008, Ukraine). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Received January 14, 2017

Accepted for publication March 3, 2017

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.164-192

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭПИДЕМИИ «ЧЕРНОЙ СМЕРТИ» НА ТЕРРИТОРИИ УЛУСА ДЖУЧИ (1814–2016)

Т.Ф. Хайдаров

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация.
E-mail: timkh2000@yandex.ru*

Цель: рассмотреть основные работы и теории зарубежных и отечественных авторов, осмысливавших тему «Черной смерти» на территории Улуса Джучи в 1814–2016 гг.

Материалы исследования: на современном этапе развития исторической науки наиболее острым вопросом является выход из методологического кризиса. Как показывает зарубежный опыт, только через взаимодействие с другими научными дисциплинами, например, с генетикой или биологией, возможно продвижение в сторону познания исторического прошлого. Одной из таких исследовательских тем на данный момент по праву считается эпидемия «Черной смерти». Значение этого события в истории велико. Бушевавшая на протяжении нескольких сотен лет и убившая до трети тогдашнего населения, эпидемия чумы значительно изменила облик человеческих сообществ, ускорила переход к новой экономической формации, нововременной культуре и философии. Правда, до последнего времени исследования в по данной теме в основном концентрировались на изучении либо биологии чумы, либо на изучении реальности, возникшей после «Черной смерти». В этих условиях произошедший в последние годы в западной науке переход к междисциплинарности позволил не только более комплексно подойти к изучению этой темы, но значительно расширить исследуемые регионы и включить в них в первую очередь северную Евразию и её важнейшую часть – Улус Джучи. В целом в западной историографии пока не сложилось однозначной оценки «Черной смерти» в этом регионе. Отчасти это объясняется отсутствием опыта работы с письменными источниками на татарском и русском языках, а также небольшим периодом работы с археологическими источниками. В то же время, отечественная наука имеет более 200 летний опыт осмысления данной проблематики, но и она страдает от ряда недостатков.

Результаты и научная новизна: на основе проанализированного историографического материала статье удастся сделать вывод, что несмотря на хорошую теоретическую проработку темы в области биологии эпидемии чумы, исторические исследования по теме «Черная смерть на территории России» носят крайне непоследовательный характер и пока не сложились в единую исследовательскую школу. На этом фоне именно историография «Эпидемии Черной смерти в Улусе Джучи» находится в более лучшем положении, нежели исследования, посвященные чуме на Северо-западе Руси.

Ключевые слова: Эпидемия «Черная смерть», Улус Джучи, западная и отечественная историографии, генетические исследования чумной бактерии, природные очаги чумы, синантропические виды степных грызунов, легочная и бубонные формы чумы, климатические изменения.

Для цитирования: Хайдаров Т.Ф. Историография эпидемии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи (1814–2016) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 164–192. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.164-192

Эпидемии чумы на территории Улуса Джучи были такими же бедствиями, как и в Западной Европе и на Ближнем Востоке. Впрочем, и в западной, и в отечественной историографии до сих пор существует ряд неоднозначных оценок данного исторического факта. В современной западной историографии по поводу места и роли территорий Золотой Орды в распространении «Черной смерти» существуют две кардинально расходящиеся точки зрения [67; 70; 83; 84; 85; 91]. Сторонники первой, исходя из основанных на европоцентризме субъективных оценок, полностью отрицают саму возможность возникновения и распространения эпидемий чумы на территории средневекового татарского государства [74; 75]. Сторонники второй, основываясь на взглядах современных отечественных авторов, вслед за ними рассматривают эту тему в контексте экономических, урбанистических, социально-политических исследований русско-татарских взаимоотношений и церковной истории [68; 69; 73; 80; 81].

До последнего времени западные исследователи свои незнания первоисточников на татарском и русском языке компенсировали за счет активного привлечения в свои научные изыскания созданные на сопредельных территориях или в контактных районах Улуса Джучи арабские, византийские и латинские источники. Такой исследовательский подход к изучению данной темы позволял лишь отчасти реконструировать распространение «Черной смерти» на территории Золотой Орды. Из всех письменных источников в западной историографии активнее всего используются лишь отрывки из хроник флорентийца Маттео Виллани и юриста из Пьяченцы Габриэле де Муси. Исходя из данных, приведенных в этих источниках, был сделан вывод, что эпидемия чумы в Западной Европе началась после применения против осажденной Каффы (Феодосии) в 1347 г. войсками хана Джанибека бактериологического оружия (трупы умерших от чумы людей) [71, s. 34; 89]. Исходя из этого исторического факта, в западной историографии до последнего времени главенствовала точка зрения, что именно на Крымском полуострове и находится первый очаг этой эпидемии. Именно эта мысль прослеживается в монументальных трудах, посвященных «Черной смерти», К. Бергольда и О.Й. Бенедиктова [69; 70; 71].

Значительные подвижки в этой тематике произошли только в последние десятилетия, когда для генетического исследования стали доступны данные, полученные из археологических раскопок. На сегодняшний день наибольший интерес для отечественных исследователей должна вызвать опубликованная в 2015 г. статья европейских климатологов [88]. Базируясь на проведенных в 2013–2014 гг. исследованиях с использованием дендрохронологического анализа европейской и азиатской растительности¹, и прокси-климатических ис-

¹ Дендрологический анализ – это метод, основанный на исследовании зависимости годовичного радиального прироста дерева от комплекса метеорологических факторов и, прежде всего, от количества тепла и влаги. При помощи дендрохронологического анализа получают так называемый индекс прироста древесных колец, который затем возможно перевести в температурные значения. Однако в настоящий момент удовлетворительных климатических реконструкций для центральной части территории Русской равнины, построенных с использованием дендрологических данных, не существует. Связано это с тем, что оптимальные результаты этот метод даёт, когда в качестве индикатора колебаний температуры используются характеристики роста деревьев, произрастающих в условиях

следованиях осадочных пород, расположенных близ водоемов чумных очагов (СЕИ)², было сделано следующее заключение: большую роль в начале чумных эпидемий в России и в Европе сыграл локализованный в районе Каспийского моря природный эпидемический очаг. Дальнейшее распространение чумы было напрямую связано с изменением климата и миграционных потоков из евразийских степей крупной массы грызунов. Это практически свело на нет господствовавшее в европейской науке предположение: «Черная чума» – это форма европейской портовой бубонной чумы.

Европейские исследователи сопоставили более семи тысяч записей о вспышках чумы в Европе с данными о климатических колебаниях в Европе и Центральной Азии за исследуемый период и пришли к выводу, что вспышки чумы в Европе действительно соответствовали климатическим колебаниям. Относительно среднеазиатских климатических данных, то здесь присутствовал временной промежуток в 30 лет для Европы и в 15 лет для территории Улуса Джучи (плюс-минус один год) между климатическими изменениями и крупными вспышками чумы в Средней Азии. Таким образом, заключили европейские исследователи, знаменитая ордынская вспышка 1346–1348 гг. стала следствием крупной среднеазиатской вспышки 1331 г. и предшественницей русско-ордынской вспышки 1363–1367 гг. Вспышка 1392/93 гг. стала предшественницей московского мора 1408/09 гг. и общеордынской вспышки 1428–1430 гг. При этом было отмечено существование следующей закономерности: перед каждой большой вспышкой фиксировались резкие перепады зимних и летних температур [88]. Исходя из полученных данных и сравнив их с представленными в исследовании М.В. Долса по Ближнему Востоку, европейская климатологическая группа утвердилась во мнении, что чума в Западной Европе скорее всего была явлением непостоянным, а периодически возникающим вследствие функционирования бесперебойной торговли на Великом Шёлковом пути. Впрочем, заключили европейские исследователи, большую роль в этом процессе сыграли наиболее крупные мигрирующие виды степных грызунов – суслик (*spermophilus undulatus*) и алтайский сурок (*marmota baibacina*) [77, 83].

Еще одним крупным исследованием в области осмысления эпидемии чумы на территории Улуса Джучи следует признать статью международной исследовательской группы во главе с датчанином С. Расмуссеном [86]. На основании полученных данных из археологических памятников бронзового века, расположенных на территории Сибири, Кавказа, Урала, Эстонии и Польши, и при сравнении с полученными в 1961–1962 гг. данными с цинхай-тибетского плато было заключено, что бактерия знаменитой в истории чело-

недостатка тепла, а именно — на северных границах леса или в предгорьях [34]. Для получения климатических данных по Золотой Орде были использованы исследования проб, полученных из пород Каракорумского хребта.

² В отечественной науке более распространен палинологический анализ данных, полученных из верхних фрагментов наиболее представительных разрезов торфяников. Эти материалы содержат ископаемую пыльцу растительности, видовой спектр которой определённым образом связан с важнейшими климатическими параметрами. Привлекательность палинологических данных заключается в том, что они дают конкретные значения температур, правда, в лучшем случае, лишь по двум – зимнему и летнему – сезонам [33, с. 164–167].

вещества бубонной чумы эволюционировала из менее патогенной формы заболевания. Исследователям удалось установить с точностью до 95% временной интервал этого события (78803 и 34659 г. д.н.э.), что в более чем в два раза удревнило первоначальные оценки этого события (28–26 тыс. д.н.э.).

Путем секвенирования зубов людей бронзового века был определен временной промежуток, когда произошло возникновение опасной для человека формы заболевания. Все взятые образцы относились либо к культурам позднего неолита, либо бронзового или раннего железного века (афанасьевская культура (2794–2782 г. д.н.э.), культура шнуrowой керамики в Эстонии (2462 г. д.н.э.), синташская культура (2163 г. д.н.э.), хоцивельская культура (2029 г. д.н.э.), андроновская культура (1686 г. д.н.э.) и капанская культура (951 г. д.н.э.). Поэтому было сделано следующее заключение – бубонная форма чумы возникла примерно между 7022–5021 гг. д.н.э., что в свою очередь также является прямым доказательством более древнего события, чем считалось до сих пор. Предыдущая оценка, высказанная в 2013 г., относилась эту дату к временному промежутку между 6409–1505 гг. д.н.э. Более подробный анализ чумной бактерии определил возможный год мутации 2746 г. д.н.э.

Исходя из вышесказанного, исследовательская группа во главе С. Расмуссеном пришла к выводу, что опасные для человека штаммы чумы существовали в конце IV тыс. д.н.э. Первые массовые чумные эпидемии практически на всем пространстве Евразийского континента были отмечены в исторических источниках начала III тыс. д.н.э. При этом стоит говорить лишь о легочной и септических формах чумы. Именно с эпидемией легочной формы чумы были связаны крупное сокращение и миграция населения, а также социальные и экономические потрясения конца IV – начала III тыс. д.н.э. Впрочем, в отличие от штаммов чумы Первой и Второй пандемий о полной адаптации болезнетворной бактерии к блохам и их носителям нельзя говорить вплоть до начала I-го тыс. д.н.э.

Но, пожалуй, самым крупным исследованием по теме «Чума в Улусе Джучи», получившей наибольшее количество критических замечаний, стала совместная статья исследователей Казанского федерального университета (Казань, Россия) и Института науки об истории человечества Макса Планка (Йена, Германия) [89]. Используя данные генетического анализа зубов, найденных в погребениях времен «Черной смерти» в Барселоне, Эльвангене (Германия) и Булгаре (Республика Татарстан, Россия), исследователи пришли к выводу, что практически все зафиксированные в исторических источниках и современные эпидемии чумы были вызваны одним и тем же штаммом бактерии, обнаруженной на территории России.

Радиоуглеродный анализ сопутствующего материала из археологических раскопок (вещественных источников и монет) позволил определить примерный временной промежуток крупных вспышек в трех городах (Барселона (1300–1420), Булгар (1298–1388), Эльванген (1486–1627)), что в значительной степени коррелируется с данными, указанными в письменных источниках (1362/63 гг. для булгарских данных) [89, p. 875].

Все полученные таким образом данные анализа методом полиразмерной цепной реакции – секвенирования геномов (ПЦР) находок в средневековых погребениях – позволили группе Й. Краузе сравнить их с ранее опубликован-

ными результатами исследований современных проб чумы, сделанных в мире и на территории стран бывшего Советского Союза [77, р. 3]. В результате был сделан вывод, что вторая пандемия чумы, известная более как «Черная смерть», имела совершенно иную картину развития. В первую очередь под сомнение была поставлена теория о происхождении европейской чумы середины XIV в. исключительно из расположенных южнее пустыни Сахары африканских природных очагов. Во-вторых, было признано, что на всем пространстве европейского континента во время второй пандемии чумы активность проявлял штамм бактерии чумы, имеющий восточное происхождение, то есть пришедший по Великому шелковому пути из глубин Азии. Следовательно, было отклонена теория локального развития эпидемии «Черной смерти» [89, р. 876]. В этом случае анализ проб из расположенного на востоке европейского континента средневекового захоронения в г. Булгар позволил группе Й. Краузе несколько по-иному взглянуть на проблему возникновения и распространения бактерии чумы во время второй пандемии. Из всего выше сказанного можно заключить, что подверглась критике господствующая в современной западной науке теория возникновения и распространения чумы исключительно с жизнедеятельностью черной крысы. Скорее всего, заключили авторы статьи, первостепенное значение в этом вопросе имели несколько крупных эпидемических очагов, расположенных восточнее Каспийского моря и связанных с Великим шелковым путем.

По признанию членов исследовательской группы, практически до последнего времени господствующая точка зрения связывала процесс возникновения эпидемии чумы прежде всего с очагами, расположенными на юге Китая, а распространении эпидемии – с водными путями. Поэтому по-прежнему остается очень много спорных вопросов. Для разрешения последних в будущем перспективными выглядят исследования археологических находок, полученные с Кавказа и Поволжья, а также наблюдения за миграционными путями степных грызунов. Именно учет этих фактов скорее всего позволит понять природу этого исторического явления [89, р. 880].

Последние достижения западной научной мысли лишь подтверждают разработки отечественных исследователей в области исследования «Черной смерти на территории Руси». Сама тема «Эпидемии Черной смерти на территории Улуса Джучи» как отдельное направление в отечественной историографии стала развиваться, начиная с 1990-х гг. До этого её развитие происходило в рамках единой исследовательской темы «Эпидемии и развитие медицины в средневековой Руси». Первым научным исследованием стала монография немецкого врача В.М. Рихтера [47]. Именно с неё и берет начало вся отечественная историографическая традиция описания эпидемии «Черной смерти на Руси». Основными постулатами, высказанными в этом исследовании, стали: 1) первая вспышка чумы на Руси стала пришедшая из Франции и Антиохии киевская эпидемия 1090 гг.; 2) в русской летописной традиции чумы обозначалась одним словом – «морovým поветрием» или мором. Самые массовые моры населения пришлось на 1187, 1215, 1230, 1251 и 1278 гг.; 3) вплоть до начала «Черной смерти» в середине XIV в. эпидемии чумы (1128, 1187, 1230 и 1237 гг.) охватывали в основном крупные города Северо-западной Руси (Полоцк, Смоленск, Новгород, Псков); 4) параллельно с эпидемиями летописные источники фиксировали плохие климатические явления и распространения

среди населения других эпидемических заболеваний (тифа, холеры); 5) первоначально «Черная смерть» разразилась в районе Астрахани и уж после вспыхнула в Западной Европе. Лишь в 1351/52 гг. она вернулась в русские земли; 6) самые крупные вспышки в русских княжествах были отмечены в 1360, 1363, 1388, 1409, 1414, 1410, 1417, 1419–1430, 1442, 1465–1467, 1478, 1486/87, 1506, 1521, 1523, 1543, 1551, 1561/62, 1566, 1584–1598 гг.; 7) ежедневная смертность в самые пиковые годы могла достигать от 70 до 100 человек, а в одну могилу могли быть захоронены от 7 до 20 трупов умерших; 8) главными причинами возникновения эпидемии и столь массовой смертности среди населения в русских княжествах являлись установившийся климат и отсутствие подготовленных в европейских университетах врачей; 9) спад смертности среди населения во времена правления царя Федора Иоанновича произошел вследствие создания системы карантин, появлении подготовленных в Западной Европе врачей и создания централизованной системы карантин.

В целом исследователь не склонен оценивать положительное влияние ордынского ига на развитии медицины в русских землях [47, с. 191]. Однако В.М. Рихтер пришел к мнению, что на развитие последней большое влияние оказали пришедшие из ордынских земель средневековые арабские медицинские трактаты [47, с. 215–221]. Одним из главных теоретических вопросов, на который он попытался ответить, существовала ли зависимость распространения чумы на территории русских княжеств от эпидемий чумы в Золотой Орде. Отвечая на этот вопрос, историк исходил из точки зрения хрониста XVII в. Петрея. Согласно замечаниям последнего: «Москвитяне, находящиеся за Казанью и в Татарии, ничего не знают о моровой язве, а одни те только, кои живут на границах, как-то в Новгороде, Пскове, Смоленске и пр.» [85, р. 617]. Исходя из этих слов, можно сделать заключение, что сам В. Рихтер старался отрицать само существование первоочагов чумы на территории Улуса Джучи. Таким образом, установившаяся в отечественной науке точка зрения о приносном характере эпидемии чумы из Западной Европы на Русь, как и фиксация крупнейших вспышек заболевания исключительно в северо-западных русских городах, брали свое начало во взглядах именно этого исследователя.

Следующий шаг в осмыслении данной темы сделал выдающийся русский историк Н.М. Карамзин. В опубликованном в 1816–1817 гг. труде «История государства Российского», на основании подробного анализа текста 4-й Новгородской летописи историку удалось в целом передать информацию о многочисленных вспышках чумы в землях Улуса Джучи. Однако сделано это было без анализа формы заболевания и специального выделения из общей массы исторических событий вспышек чумы. В своих общих оценках событий он придерживался точки зрения В. Рихтера [37].

Вплоть до начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. исследования по данной тематике носили эпизодический характер и в основном затрагивали исследования вспышек чумы XVIII–XIX вв. [10; 20; 26]. Не был исключением в этом ряду опубликованный в 1860 г. труд С.М. Соловьева, который в целом повторял оценку В.М. Рихтера и Н.М. Карамзина [50]. Исключением в этом ряду следуют признать исследование Х. Витта, акцентировавшего внимание на влиянии природно-климатических условий на возникновение и распространение эпидемии чумы [11].

Определенный исследовательский вектор в отечественных научных кругах в понимании эпидемии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи заложила опубликованная в 1867 г. монография немецкого ученого Г. Гейзера [17]. Согласно его точки зрения, вторая пандемия чумы являлась крупнейшей эпидемией за всю историю человечества по количеству погибших. Район зарождения болезни исследователь локализовал в районе Индийских Гималаев, где с давних пор известна местная форма чумы («пали или Индийская чума»). Согласно историческим описаниям, данная болезнь распространяется посредством контакта с самим больным или его вещами. Болезнь, скорее всего, попала в Европу на кораблях венецианских и генуэзских беженцев, бежавших из зараженных итальянских факторий в Причерноморье (Тане и Каффе), располагавшихся в ордынском Крыму [17, с. 117].

Именно эти выводы легли в основу крупной научной статьи военного врача Л.Р. Рейтлингера [46]. Появление данной работы было обусловлено эпидемией бубонной чумы, разразившейся во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Восточной Анатолии. Главным достоинством этого исследования стало признание роли в распространении чумы взаимодействия с больным живым организмом (контагиозная теория распространения эпидемии), то есть фактически была на несколько лет раньше опровергнута теория заражения через грязь (теория миазматического способа заражения).

Большой толчок в осмыслении эпидемии чумы сыграла произошедшая в 1878 г. в селе Ветлянки (Астраханская губерния) вспышка заболевания. Данному событию был посвящен целый номер журнала «Известия и ученые записки императорского университета», а историческому анализу были посвящены три крупные статьи в нем [12; 59; 64]. Если суммировать все сказанное исследователями относительно чумных эпидемий на территории Золотой Орды и русских княжеств, можно сделать следующие выводы: 1) крупные вспышки чумы на этих территориях происходили в период между второй половиной лета – началом зимы, то есть до наступления крупных холодов; 2) в летописных текстах была отмечена повторность возникновения эпидемии каждые 8–10 лет; 3) основными районами распространения болезни стали территории Северо-западных русских княжеств (Псков и Новгород), но не отрицалось происхождение чумы на Нижней Волге; 4) основным способом передачи заболевания по преимуществу был контагиозный; 5) на Руси были распространены две формы чумы: бубонная («мряха железаю») и «Черная смерть», характеризовавшаяся кровохарканием; 6) вплоть до начала XVII в. на Руси борьба с заболеванием ограничиваясь простым окуриванием помещения; 7) самые крупные вспышки были отмечены в 1352, 1404–1406, 1425, 1430, 1442, 1465–1467, 1487, 1521, 1553, 1556, 1567, 1654 гг.

Чуть позднее профессор Н.Ф. Высоцкий, основываясь на исследовательских данных месопотамских и курдистанских эпидемических очагов, высказал предположение, что одним из возможных путей попадания чумы на Нижнюю Волгу могли выступить Закавказье и Персия. Персидский очаг был локализован в районе кладбищ священного для шиитов иракского города Кербела [31, с. 44]. Кавказский эпидемический очаг чуть позднее русские исследователи вслед за французским врачом Й.Д. Толзаном локализовали в горных районах Западной Армении и Анатолии. При этом движение эпидемии в этих

районах происходило не с востока на запад, а с расположенных на севере вершин гор вниз на юг, в долины [52, с. 9].

В середине 1880-х гг. исследования в области клиники чумы и истории ее вспышек в России продолжились. Главным образом они были связаны с началом проведения полевых исследований нижеволжских степей. По результатам этих научных изысканий в 1884 г. была опубликована монография Н.К. Щепотьева [65]. В этом исследовании автор обоснованно доказывает существование на территории Астраханской губернии активного природного очага чумы. Наличие благоприятных природно-климатических условий, состава почвы и обширной дельты реки Волги напрямую способствуют формированию здесь различных эпидемических заболеваний (малярии, чумы и холеры), а географическая близость Нижнего Поволжья к странам Востока лишь ускоряла этот процесс. Поэтому крупнейшие вспышки 1346, 1363/64 и 1655/56 гг., скорее всего, имели местное происхождение [65, с. 18–19].

Значительно пролили свет на развитие эпидемии чумы на территории Золотой Орды данные, вошедшие в 1884 г. в «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Тизенгаузена. Они позволили отечественным исследователям назвать приблизительную цифру погибших в Крыму (85 тыс. человек) [56, т. 1, с. 442, 529–530].

Следующий подъем интереса к теме «Эпидемии чумы в Улусе Джучи» был напрямую связан с началом в 1894 г. в Юго-восточной Азии Третьей пандемии чумы и последующими научно-практическими исследованиями в противочумной лаборатории форта Александра I в Кронштадте [21, с. 14]. В результате исследовательских работ, проводившихся группой во главе с доктором В.И. Исаевым, лабораторным путем доктором Вержбицким был доказан способ передачи чумы посредством непосредственного контакта с больным и его одеждой, а также при укусе зараженных от больных домашних животных паразитов (блох и клопов). В связи с популярностью в европейской науке в XIX в. теории распространения эпидемии посредством запакованного товара, местная дорожная сеть была очень хорошо проанализирована, а сама теория была подвергнута резкой критики и фактически опровергнута [52, с. 71]. В основе доказательной базы использовалась точка зрения, что только носители белковой среды – живой организм, будь он в живом или мертвом состоянии, – может выступить в качестве переносчика чумы. При этом не отрицалось сама возможность передачи болезни посредством личного контакта с личными вещами больного. Другими достижениями исследовательской группы доктора В.И. Исаева стало признание наличия на Нижней Волге активного эпидемического очага, отличавшегося наличием благоприятных природно-климатических условий для проживания большой массы синантропических видов степных грызунов [45, с. 16–17].

Под влиянием этих исследований в период между 1897 и 1905 гг. в свет выходят работы, посвященные средневековым морам в русских княжествах [13; 28; 31]. В этих исследованиях, несмотря на то что главенствовала классическая трактовка распространения чумы в русских княжествах исключительно через Псков и Новгород, был признан и фактор нижеволжских вспышек в истории средневековых русских эпидемий. Анализ основного корпуса письменных источников на русском, латинском и арабском языках позволил авторам говорить о двух пиковых периодах эпидемий чумы. Первый традиционно обозначался с

1346 по 1367 гг., второй пришелся на период с 1407–1430 гг. [31, с. 20]. Авторы этих исследований признавали, что несмотря на присутствие в текстах русских летописей информации преимущественно об эпидемиях, охватывавших северо-западные русские города (Псков, Новгород и Смоленск), вспышки чумы, возникшие на Нижней Волге, были также отмечены. К последним они относили эпидемии чумы, произошедшие в 1346–1348, 1363–1367, 1374–1377, 1396, 1428, 1430, 1478, 1553 и 1568 гг. Большую роль в процессе распространения болезни и обмена знаниями о способах борьбы с этим явлением сыграла существовавшая на тот момент система входивших в Великий Шёлковый путь трансконтинентальных сухопутных трактов. Исходя из этого, было признано активное использование в этот период восстановленного днепровского речного пути, который позволил ознакомить русское общество с основными способами лечения эпидемии, разработанные в Византии и на арабском востоке (жжение костров на площадях и даже в жилищах, карантин охваченных чумой городов) [31, с. 12].

В последующие годы отечественные исследователи средневековой эпидемии «Черной смерти» столкнулись с нехваткой конкретных данных по этому заболеванию. В 1900–1910-х гг. в результате проделанных полевых исследований была описана клиника и способы борьбы с заболеванием [13; 15]. Большую роль в этих изысканиях сыграла научная деятельность Д.К. Заболотного. Являясь активным сторонником теории контагиозной передачи чумы между животными и людьми, проживавшими на территории природных чумных очагов [24], в результате практических исследований в манжурских степях в 1922 г. исследователь смог сформулировать гипотезу природной очаговости чумы. Согласно ей, именно проживающие в природных очагах чумы степные дикие грызуны, вследствие своей восприимчивости и легкой заражаемости, могут долгое время являться хранителями чумных бактерий [25].

Несмотря на все достижения Д.К. Заболотного в области осмысления природы чумы, основой теоретических взглядов отечественных ученых в 1920–1940-х гг. стала климатическая гипотеза возникновения эпидемий крупного советского климатолога и географа М.А. Боголепова [3]. Согласно последней, в годы, близкие к 3, 6, 7 и 9-му десятилетию каждого века, происходит резкое изменение климата. Вследствие этого в степях, расположенных на востоке Великой Русской равнины, происходит резкий подъем носителей эпидемических заболеваний при одновременном сокращении количества выпавших осадков, что в значительной степени влияло на складывающуюся политическую обстановку. Так, во второй половине XIV в. прямым следствием наиболее засушливых периодов стали следующие исторические события: московско-твердское противостояние, нашествие Ольгерда и татар на Северо-восточную Русь, Куликовская битва, возвышение империи Тамерлана и Белой Орды, приход к власти в Золотой Орде хана Тохтамыша [3, с. 4].

Климатическая гипотеза М.А. Боголепова легла в основу взглядов крупного советского ученого А.Л. Чижевского. Уже в самом начале своей научно-исследовательской деятельности в 1915 г. исследователь стремится доказать свой главный тезис: «Периодичность вспышек эпидемий и пандемий, эпизоотии, эпифитий находится в прямой связи с возмущениями физических факторов внешней («космо-теллурической») среды» [14, с. 4]. В 1930 г. ограниченным тиражом вышло исследование, посвященное эпидемиям, где на основе собранного из исторических хроник статистического материала доказыва-

лось существование теснейших связей коллективных реакций живых организмов с периодической активностью Солнца или с почти неуловимыми изменениями во внешней среде [60]. Фактически этой монографией А.Л. Чижевский завершает формирование хорошо обдуманной концепции «эпидемических катастроф». В итоге, ученому удалось достаточно полно представить изменения, происходившие в человеческом социуме. Наиболее показательным примером в данном случае выступает одна из самых страшных за всю историю человечества эпидемия «Черной смерти» (*mors nigra*). Практически все очевидцы событий отмечали восточное происхождение эпидемии и сопровождавшиеся весь период эпидемии масштабные природные и космические явления (положение небесных тел, землетрясения, параллельные эпидемии сифилиса и холеры, туманы и вредные испарения).

В своих изысканиях А.Л. Чижевский признавал значение трудов профессора Д.К. Заболотного. Именно взгляды обоих ученых легли в основу теоретической базы исследований располагавшихся на территории СССР природных очагов чумы. Практическую реализацию этих научных изысканий возглавил академик Е.Н. Павловский. В период с 1938 по 1946 гг. им были обобщены и сформулированы основные постулаты теории природной очаговости трансмиссивных болезней человека [44]. Согласно последней, одним из главных факторов возникновения эпидемии чумы является активная хозяйственная деятельность человека, приводящая как быстрому изменению границ природных очагов заболевания, так и ускорению миграционных потоков среди представителей животного мира. При этом большое значение для ускорения процесса возникновения заболевания играют климатические изменения. Таким образом, одним из идеальных регионов зарождения эпидемии чумы были определены слабозаселенные лесостепные или степные районы Северной Евразии. При этом одним из важных факторов, напрямую влияющих на жизнедеятельность местных носителей чумы (степных грызунов), выступает изменение уровня Каспийского моря [44, с. 158–160].

Под влиянием теории академика Е.Н. Павловского в 1957 г. в Новосибирске была защищена докторская диссертация по биологии А.А. Максимова, посвященная природным очагам туляремии. В опубликованной в 1960 г. на основе текста диссертации монографии говорилось, что одной из причин возникновения эпидемий чумы является существующая в природе взаимосвязь между ландшафтной экологией с гелиобиологией [42].

Исследования академика Е.Н. Павловского привели в начале 1960-х гг. к общему подъему интереса к теме средневековых эпидемий чумы. Среди опубликованных в этот период работ можно выделить исследования профессора Н.Г. Богоявленского [4; 5] и совместную монографию К.Г. Васильева и А.Е. Сегал [9]. Именно в этих исследованиях впервые в отечественной историографии была собрана и проанализирована основная масса всех летописных сообщений, относящихся к теме средневековых эпидемий чумы и других инфекционных заболеваний, распространенных в тогдашнем обществе и среди домашних животных (цинга, различные виды тифов, сибирская язва), массовому голоду среди населения и основным методам борьбы с этой напастью (карантин, окуливание, сжигания, удаленное захоронение тел павших от болезней, мытье щелочью денег и др.).

Завершающим аккордом исследования природных эпидемических очагов явилась в 1973 г. защита докторской диссертации А.А. Лисицына, посвящённой Волго-Уральскому (нижневолжскому) природному очагу чумы [41]. По мнению исследователя, данное природное образование на севере граничит с Сыртовым Заволжьем и Общим Сыртом, на юге – Каспийским морем, на востоке – рекой Урал, на западе – рекой Волгой. Базируясь на исследованиях Е.Н. Павловского, Ю.Т. Ралля, Н.П. Миронова, И.Х. Султанаева и В.В. Кучерука, автор исследования заключает, что прародиной чумной бактерии стал паразит, возникший на сурках в Средней Азии в кайнозойскую эру. Дальнейшая эволюция последнего была напрямую связана с жизнедеятельностью процветающего в среднеазиатских пустынях эпохи плиоцена вида степного кочующего грызуна (суслик).

Само появление чумного очага в Волго-Уральском регионе было обусловлено сложившимися в результате отступления 4–5 тысяч лет назад на юг вод Каспийского моря и благоприятными природно-климатическими условиями. Именно трансгрессия и регрессия уровня данного водоема и определяла в историческом прошлом активизацию нижневолжского эпидемического очага. Зафиксированные в районе очага крупные остатки широколиственных лесов в целом подтверждали предположения о наличии в прошлом периодов с благоприятными природно-климатическими условиями, а также о достаточной близости расположения местной биоты к горизонту и сравнительное частое колебание уровня местных грунтовых вод [41, с. 17]. С другой стороны, здесь отмечен сравнительно хороший рост травянистой и кустарниковой растительности, что в свою очередь обеспечивает основную массу корма и защиту для многих травоядных животных. Все эти факторы позволяют достаточно быстро увеличить численность местных видов. При этом ситуация кардинально может измениться. Из-за резкого наступления вод Каспийского моря на территорию расположенного здесь природного чумного очага происходит изменение миграционной активности местных носителей чумной бактерии – полуденных и гребенчатых песчанок, домовых мышей и обыкновенных полевок [41, с. 18].

В начале 1980-х гг. в отечественной историографии наметилась тенденция расширения источниковой базы исследования за счет публикации среднеазиатских и кавказских источников. Так, в 1982 г. в узбекистанском филиале АН СССР была завершена работа над одним из крупнейших медицинских средневековых источников – «Канон врачебной науки» Абу Али ибн Сины (Авиценны). Для большего понимания видения средневековыми врачами клиники и методов лечения чумы важна 4-я книга этого сочинения. В этом произведении Ибн Сина акцентировал внимание на методах лечения при гнойных воспалениях, общей характеристике лихорадок и заразных болезней [27, с. 125–129].

Параллельно с публикацией труда Ибн Сины для отечественного исследователя стали доступны труды армянских средневековых врачей. Мхитар Герацци стал одним из первых врачей в средневековой Армении, высказавших предположение о существовании контагиозности, т.е. заразности болезней. Мхитар Герацци писал о свойстве инфекционных болезней передаваться от больных людей или животных здоровым, восприимчивым людям (животным) путем передачи возбудителя при непосредственном контакте или через фак-

торы передачи. В своем знаменитом труде «Утешение при лихорадках» он смог описать заражение и развитие заболевания, а также известные способы лечения. Другой известный средневековый армянский врач Амирдовлат Амасиаци в своем трактате «Полезьа медицины» подчеркивал влияние климатических условий и окружающей природы на здоровье и способы лечения [8].

Отдельного внимания заслуживает публикация в 1980 г. в Ташкенте труда персидского летописца Фасих ал-Хасафи [58]. В нем в достаточно подробной форме перечислены азербайджанские и персидские вспышки чумы второй половины XIV – первой половины XV в., что в значительной степени позволяет расширить представления о характере и направлениях распространения эпидемии в землях Улуса Джучи. Так, согласно данным этого источника, на территории современного Азербайджана и северного Ирана были зафиксированы несколько крупных эпидемий чумы (1359/60; 1392/93; 1406/07). При критическом анализе текста данного источника сразу же возникает спорный момент. Почему, несмотря на знания о разновидностях эпидемических заболеваний, восточные летописцы частенько используют лишь одно понятие – холера? С одной стороны, можно предположить о существовании схожей с русскими летописцами традиции описывать одним словом несколько явлений. С другой, если взять за основу выше указанную точку зрения отечественного профессора Н.Ф. Высоцкого о существовании крупного природного эпидемического очага чумы в Закавказье и на севере Ирана, то можно предположить, что все ордынские вспышки второй половины XIV – первой половины XV вв. происходили через 2/3 года после кавказско-персидских (1363–1367, 1396, 1408/09). Следовательно, эпидемии холеры 1336/37, 1345/46 и 1434/35 гг. могли быть эпидемиями чумы и стать в свою очередь предвестниками нижеволжских вспышек 1338/39, 1348/49, 1437/38 гг. Впрочем, лишь данные, полученные в результате генетического анализа костных остатков, позволят разрешить возникший научный спор.

С публикацией среднеазиатских и закавказских источников в отечественной историографии начался пересмотр взглядов на возникновение и распространение чумы на территории Улуса Джучи и русских княжеств. В конце 1980-х гг. были опубликованы работы, посвященные истории климата, эпидемий и голода в человеческих сообществах на пространствах северной Евразии [7]. Наиболее полно это тема раскрыта в исследовании С.М. Бараша [2]. В своем труде, отталкиваясь от идей А.Л. Чижевского, автор монографии попытался связать влияние солнечной активности на возникновение и распространение инфекционных заболеваний (чумы, оспы, холеры, гриппа, кишечных заболеваний и других инфекций). При этом в исследовании большое внимание уделено климатическим изменениям, произошедшим на территории Улуса Джучи в период эпидемии «Черной смерти». Основной причиной всех этих явлений были названы масштабные климатические изменения XIV в., получившие название *Малого ледникового периода* [2, с. 130].

В начале 1990-х гг., в связи с распадом СССР и последовавшим за этим общим отказом от марксистско-ленинской идеологии, определявшей основную исследовательскую повестку в исторических исследованиях, в отечественной историографии начался бурный подъем интереса к западным исследованиям в области региональной истории. Одним из исследователей, попавших в сферу интересов отечественных ученых, стал видный американский

тюрколог Ю. Шамильоглу. В своей статье, посвященной истории татарского народа, он попытался реконструировать события, происходившие в Золотой Орде и Булгарском улусе во время «Черной смерти» и после [87]. Исходя из анализа текстов русских летописей, арабских источников («*Tatimmat al-muxtasar fi axbâr al-baṣar*» и «*Igd al-Jumân*», сочинения историков Абу-ль-Фида, Ибн ал-Варди, ал-Макризи), среднеазиатских несторианских и болгарских надгробий, ученый пришел к выводу, что бубонная чума из Средней Азии достигла золотоордынских городов в 1346 г. Из осажденной монгольскими войсками генуэзской Кафы (Феодосия) болезнь перебралась в Константинополь, Италию и на Ближний Восток. Русские летописи хорошо фиксируют возвращение бубонной чумы на Русь в 1349–1353, 1360, 1364–1366, 1374, 1396 гг. Кроме того, они указывают на располагавшийся на территории Золотой Орды природный очаг заболевания.

Свои выводы Ю. Шамильоглу базировал на идеях У. Мак-Нила [82; 83]. Согласно им, массовые эпидемии являлись одними из важнейших факторов в истории человечества, повлиявшими на культуру и экономику. Исходя из этого тезиса, по мнению американского исследователя, прямыми следствиями эпидемии чумы стали осложнение внутривосточной обстановки в Золотой Орде, резкое сокращение населения государства, децентрализация, культурный и технологический регресс, полное исчезновение волжско-булгарского языка в связи с гибелью городской болгарской знати. Со взглядами американского историка в целом согласны современные отечественные исследователи Д.М. Исаков и И.Л. Измайлов [32]. Согласно их точке зрения, возникшая в середине XIV в. эпидемия бубонной чумы легла на благоприятную почву скопившегося из-за голода в золотоордынских городах большого числа людей. Причиной возникновения в Золотой Орде голода явилось резкое похолодание, массовый падеж скота и аридизация степи, то есть процесс сокращения количества выпавших осадков при увеличении испарений влаги с поверхности, вызванных бурным развитием сельского хозяйства и активной вырубкой местных лесных массивов. После этого чума несколько раз кругами возвращалась в Дешт-и Кыпчак, буквально выкашивая население, особенно в перенаселенных городах [29, с. 684].

Улусу Джучи «Черная смерть» нанесла просто катастрофический удар. Только по данным, приведенным Ибн-ал Варди, число погибших в Крыму в эпидемию 1346–1347 гг. достигло 85 тысяч жителей³. В результате этих событий в Нижнем Поволжье стал наблюдаться закат городской жизни, совпавший с общим кризисом трансазиатской торговли по Великому шелковому пути. Что в итоге ускорило общее падение благосостояния городов Дешт-и Кыпчака и наступление кризиса золотоордынской экономики. В завершении всего в Улусе Джучи усилился процесс децентрализации страны с последующим обособлением наиболее развитых феодальных окраин империи (Булгария, Крым, Сибирь и Кок-Орда) [32, с. 202–205].

В конце 1990-х в отечественной науке начинается новый всплеск интереса к теме «Черной смерти». В 1998 г. академиком РАН И.В. Домарадским была опубликована монография [21]. В ней исследователь попытался проана-

³ Ссылка о числе погибших в Крыму в 1346–1347 гг. приведена в сноске перевода текста Ибн-ал Варди в сборнике В.Г. Тизенгаузена [56, с. 530].

лизировать взгляды отечественных и зарубежных ученых на это заболевание. Согласно его точки зрения, родиной «Черной смерти» была определена область, обозначенная в ряде средневековых трактатов под словом «Katau». Именно отсюда эпидемия по торговым путям распространилась в Европу, Русь, Золотую Орду, Аравию, Египет и далее в страны средиземноморского региона. К катастрофическому сокращению численности населения могла привести активизация несколько природных очагов, располагавшихся между 48–49° северной и 40–41° южной широты [21, с. 19]. Причем, согласно приведенным в исследовании таблицам, на территорию Улуса Джучи приходится порядка 70% от общего числа природных чумных очагов СНГ [21, с. 22–23]. Именно в этих очагах и произошло возникновение «Черной смерти». Наиболее опасными с эпидемиологической точки зрения считаются очаги, находящиеся на стыках между районами распространения дикой чумы и поселениями. В Золотой Орде расстояние между ними было столь мало, что увеличившееся поголовье носителей чумной бактерии (крыс) в середине XIV в. привело к возникновению опасной для людей пандемии чумы [21, с. 24].

Вопрос о чуме в Золотой Орде в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. был поднят в работах Н.Д. Русева [49], В.В. Трепалова [57], Э.С. Кульпина-Губайдуллина [38; 39; 40] и М.Г. Крамаровского [36].

Одним из первых комплексных исследований по чуме в Улусе Джучи следует признать монографию Н.Д. Русева. Правда, в отличие от опубликованных ранее в 1990-х гг. исследований Ю. Шамильоглу, в этой работе акцент сделан на менее изученный в историографии Золотой Орды регион – междуречье р. Дуная и Днестра. Исходя из того, что данный район являлся контактной зоной и точкой пересечения интересов Запада и Востока, автор исследования обобщил практически все достижения в изучении отдельных сторон истории городов Нижнего Подунавья и Поднестровья. Используя данные письменных, археологических и нумизматических источников, Н.Д. Русев пришел к выводу, что большую роль в истории Молдавии сыграла пандемия чумы 1346–1353 гг.

Автор исследования считает, что болезнь на эту территорию пришла из Улуса Джучи. Однако, из-за отсутствия достаточного количества письменных источников о распространения чумы в землях Дешт-и-Кыпчака, единственным крупным письменным источником по данной теме выступают византийские хроники Иоанна Кантакузина VI. Данные, приведенные в этом источнике, в целом, считает исследователь, коррелируются с данными нумизматических исследований Л.Л. Полевого, М.Г. Мухамадиева и Ф.М. Шабульдо. Обозначенные в письменном источнике как «северные скифы» жители Золотой Орды, заключает историк, пострадали ничуть не меньше, чем европейцы. Основной причиной массовой гибели населения являлся не низкий уровень санитарии, а присутствие в нижневолжских степях природных очагов чумы. Причем большую роль в распространении эпидемии сыграл благоприятный климат и широкая сеть торговых путей [49, с. 53].

При этом одним из результатов этого процесса, как показывает нумизматический материал, стала массовая миграция населения в более безопасные районы. Переселение не могло произойти позднее 753 г.х. (1352–1352 гг.), но и ранее 751 г.х. (1350–1351 гг.). И, скорее всего, предполагало несколько волн переселения [49, с. 55], что в свою очередь увеличило центробежные

тенденции и рост внутривосполитических противоречий между городским населением, состоявшем по преимуществу из покоренных оседлых народов, и кочевой знатью [49, с. 57]. Все это в итоге и привело к окончательному распаду Улуса Джучи.

Более поздний исторический период был освещен в монографии В.В. Трепалова. Исследователь при освещении данной темы основывался на двух источниках личного характера: записках А. Дженкинсона и сочинениях князя Курбского [19; 51]. Если исходить из двух приведенных источников, то можно сделать определенные выводы относительно событий середины XVI в. Эпидемия чумы разразилась в Ногайской и Заволжской Орде сразу же после занятия русскими войсками Астрахани в 1556 г.⁴ Причем эпидемия чумы стала развиваться на фоне масштабной засухи, чрезвычайно холодной зимы, турьяемии домашних животных и последовавшим за тем массовым голодом среди населения Ногайской, Заволжской и Перекопской Орд. Такие масштабные бедствия ногайцев продолжались по крайней мере до 1559 г., что и нашло свое отражение в датированных 1558 г. записях А. Дженкинсона. Причем сам английский путешественник, описывая события ровно через два года после князя Курбского, указывает на множественность моров, что скорее всего свидетельствовало о параллельной вспышке нескольких эпидемических заболеваний. Об общем количестве погибших можно найти у князя следующие слова: «И так того народу Измальтескаго мало за Волгою осталось, едва пять тысячей военных, его же было подобно песку морскому». В целом, заключает отечественный исследователь, в Московском государстве о бедствиях в Ногайской Орде прекрасно были осведомлены, но не сочувствовали. Взаимное истребление и массовое вымирание «бусурман» воспринималось как возмездие за прежние беспокойства, причиненные Руси, и в целом как Божья кара им. Этими соображениями и объяснялось отсутствие всяческого желания оказания помощи татарскому населению со стороны астраханской русской администрации и местных воевод. «Однако их плохо приняли и мало им помогли: большое число их умерло от голода; их мертвые тела кучами валялись по всему острову (на Волге под Астраханью. – В.В. Трепалов), непогребенные, подобные зверям» [57, с. 285–286].

Более глубинно к осмыслению темы «Черной смерти в Улусе Джучи» подошёл Э.С. Кульпин-Губайдуллин. Согласно его точки зрения, основной причиной возникновения эпидемии чумы в 1340-х гг. в Улусе Джучи являлось не общение падения санитарии в густонаселенных средневековых городах, как это было принято считать в исторической науке [39, с. 55], а географическое расположение этих поселений в традиционных для эпидемий жарких районах. Причем сам исследователь вслед за другим отечественным историком В.Л. Егоровым считал, что одной из видимых черт ордынских городов являлось наличие центрального отопления, канализации и общественных бань. Наличие последних, плюс учет при строительстве строений отхожих мест на расстоянии до 50 метров значительно снижало эпидемическую опасность [22, с. 76].

Главной причиной появления «Черной смерти» в Улусе Джучи, по мнению исследователя, стал резкий рост численности прожорливой полуденной песчанки, превратившейся на тот момент в основного вредителя ордынского сель-

⁴ В работе В.В. Трепалова указан 1554 г.

ского хозяйства. Согнанный с традиционных мест обитания степных районов, после отбора пищи у копытных животных во время наступившей засухи середины 1340-х гг. этот вид грызунов стал влиять на людей путем распространения чумы. Численно выросшее при Узбек-хане население Золотой Орды вынужденно было бороться за контроль над основными пастбищами. Контроль над распределениями последних был потерян ордынскими ханами еще в начале XIV в. Поэтому разразившуюся в 1360-х гг. «Великую замятню», считает историк, нужно рассматривать как борьбу за ресурсы, маршруты кочевков, зимние пастбища – гарантии выживания населения [39, с. 112].

Впрочем, единственным видимым недостатком исследований Э.С. Кульпина-Губайдуллина является указание только на две волны чумы в Улусе Джучи (1346–1348 гг. и 1428–1429 гг.) [38, с. 144]. Хотя в приведенных в качестве доказательства текстах русских летописей перечисляются несколько больше дат, связанных с чумными волнами. О чем еще в начале XIX в. писал русский историк Н.М. Карамзин.

Уже во втором издании своей книги историк подвергает сомнению ранее высказанные тезисы в отношении эпидемии чумы в Улусе Джучи [40, с. 101–103]. В первую очередь он значительно расширяет перечень носителей заболевания за счет включения синантропических видов диких и домашних животных. При этом болезнь может быть вызвана как при помощи укуса зараженных блох, так и воздушно-капельным путем при разделке больных домашних животных. В отличие от Западной Европы, где основными носителями, как правило, выступали черные крысы, болезнь в Золотую Орду могла попасть посредством зараженных верблюдов и купцов. Сюда, в городские караван-сарай и происходило проникновение среднеазиатской чумы.

Последствия этой эпидемии для татарского государства были более колоссальными, чем в Западной Европе. В первую очередь это привело к увеличению числа переселившегося населения нижеволжских городов и росту работоторговли. С одной стороны, это стабилизировало экологическую обстановку в Улусе Джучи, а с другой, привело к ускорению изменений в ландшафте лежавших на севере земель [40, с. 103].

Интересный сюжет об эпохе «Черной смерти в Улусе Джучи» был обнаружен М.Г. Крамаровским в тексте, датированном 1367 г., письма 63-х летнего Франческо Петрарки к своему другу, генуэзскому епископу Гвидо Сетте [36]. Согласно данным этого источника, сразу же после вспышки чумы в Причерноморских степях разразился голод. Ситуация отягощалась последствиями венецианско-генуэзской войны 1350–1355 гг. за обладание Черным морем и начавшейся в Золотой Орде «Великой замятней». Однако, если следовать тексту письма, считает М.Г. Крамаровский, ордынско-генуэзская черноморская торговля, несмотря на резкий рост цен на хлеб, продолжала функционировать за счет увеличения работоторговли в крымских городах [36, с. 174–175, 180]. При анализе начала «Черной Смерти» автор статьи подчеркивает влияние неблагоприятных погодных явлений (засухи), а годом начала чумы в Золотой Орде называется 745 г.х. (17.06.1341 – 05.06.1342) [36, с. 177].

В середине 2000-х гг. произошел качественный скачок в понимании природы развития (этиологии) и механизма развития (патогенеза) *Черной смерти*. Большой вклад в изучение средневековой чумы на территории Улуса Джучи внесли исследования супругов Супотницких [54; 55] и Сунцовых [54].

В их работе активно продвигаются идеи, высказанные в начале XX в. Д.К. Заболотным. Согласно предложенной ими трактовки событий, влияние на возникновение и распространения эпидемии чумы на эти территории сыграло взаимодействие человека с природными чумными очагами – *реликтовым северо-западным, Великим Евразийским чумным «изломом»* и центрально-азиатским в Монголии. Все авторы исходили из гипотезы Р. Поллитцера, что основной причиной начала «Черной смерти» стало проникновение сурочьего подвита из Центральной или Средней Азии через Крым (Каффу) в Европу и Северную Африку. Наиболее вероятно, вынос микроба чумы из природного сурочьего очага (*Marmota baibacina*) произошёл в районе оз. Иссык-Куль и был связан с хозяйственной деятельностью жителей Улуса Джучи и ближайших среднеазиатских территорий в 1330–1340-х гг.

В конце 2000-х г. в отечественной науке наметилась тенденция обобщения и переосмысления общей темы «средневековые эпидемии чумы на Руси». В результате саратовским исследователем Д.В. Михелем была опубликована историографическая статья, засвидетельствовавшая сближение западной точки зрения с отечественной [43]. Другой обобщающей работой стало исследование иркутского профессора РАЕ В.С. Ганина [16]. Он отметил, что первые вспышки чумы на Руси были зафиксированы в начале XI в., после чего неоднократно возвращались. Следует признать, что в данной работе впервые в отечественной историографии были даны приблизительные цифры умерших в результате эпидемии чумы. В 1090 г. в Киеве после двух недельного мора умерло порядка 7 тысяч человек. Во время эпидемии «Черной смерти» во второй половине XIV – начале XV в., согласно летописным данным, погибло порядка 250 652 чел. В 1552–1553 гг. было погребено порядка 25 тыс. тел [16, Ч. 1, с. 172–173].

Параллельно с появлением историографических исследований в отечественной науке наметилась тенденция пересмотра сложившихся постулатов в области экологии и теории вопроса. В 2009 г. В.И. Артюхиным была опубликована статья, акцентировавшая внимание на экологических предпосылках «Великой замятни» и «Черной смерти» [1]. Основываясь на данных многочисленных исторических источников, а также экологических, геологических и биологических исследований, автор статьи обоснованно стал утверждать, что одним из важных факторов, предопределившим эти события, стало значительное повышение в начале XIV в. уровня Каспийского моря. Наступивший в конце XV – XVI вв. «Малый ледниковый период» не позволил ханам Золотой Орды завершить модернизацию экономики [1, с. 328], а начавшаяся во второй половине XIV в. в ордынских городах *Орначъ, Сарае и Бездежи* эпидемия «Черной смерти» еще более усугубила экономическое положение. Таким образом, несмотря на меньшую плотность населения, его смертность, и прежде всего массовая убыль среди воинского сословия Улуса Джучи от эпидемии, имела куда большие последствия, чем в остальных странах [1, с. 319].

Экологический, культурологический, политико-религиозный факторы эпидемии «Черной смерти», хотя и были отмечены в опубликованных в начале 2010-х гг. статьях И.Т. Русева [48], Е.Г. Еманова [23] и Н.С. Борисова [6], но в целом представленные в них оценки событий носят явно компилятивный характер, основанный на точках зрения более ранних исследователей. В этих условиях идеи уральского профессора С.А. Нефедова, высказанные в опубли-

ликованном в 2010-м году 2-х томном исследовании, представляют достаточно оригинальное умозаключение в области изучения данной темы [30]. На основе данных неомальтузианских демографических циклов, периодически возникающих в истории из-за перенаселения, исследователь пришел к выводу, что наиболее страшными по последствиям для средневекового Улуса Джучи явились не собственно «Черная смерть» второй половины XIV в., а её повторные вспышки конца XIV – начала XV вв. Положение ухудшили нашествие Идегея в 1408/09 гг., начавшаяся в Великом княжестве Московском Феодальная война, крестьянские бунты, массовый голод и масштабное похолодание климата. Последствия этой волны чумы на территории Улуса Джучи отмечались вплоть до 1500 г. Главным образом они выразились более чем в двукратном сокращении населения, резком падении цен на хлеб и объема каменного строительства, прерывании более чем на 50 лет русской летописной традиции. Именно после этих событий в русской культуре утвердилось представление о «Великом море», а некоторые сословия стали отсчитывать время от этих событий [30, Т. 1, с. 159].

Не последнее место в отечественной историографии в осмыслении средневековой эпидемии чумы занимают труды Т.Ф. Хайдарова и Д.А. Долбина. На основе текстов русских, арабских и византийских письменных источников второй половины XIV – начала XV вв. были определены основные крупные вспышки [61, 62, 63, 78]. При этом было доказано влияние крупных рек в распространении «Черной смерти». Если в случае с Волгой этот факт не вызывал отрицательной оценки в отечественной историографии, то вопрос с Днестром остается до сих пор не осмысленным. Однако, если строго следовать летописным текстам, то тогда не вызывает вопросов указание на находившиеся в вассальной зависимости от Улуса Джучи днепровские русские города (Полоцк, Киев, Чернигов). Поэтому спорным становится тезис о возврате чумы в 1349 г. исключительно только из Германии и Скандинавии. Также анализ русских летописных текстов позволил раскрыть некоторые подробности «Великой замятни» и политических процессов начала XV в. в Улусе Джучи, Великих княжествах Литовском и Московском.

Таким образом, накопленные отечественными учеными данные относительно темы эпидемии чумы на территории Улуса Джучи позволяют уже сейчас переосмыслить ход событий и воссоздать полную эпидемическую картину прошлого. Однако без комплексного и междисциплинарного анализа археологических находок эпохи *Черной смерти* и налаживания диалога с коллегами из других стран и научных дисциплин, говорить о качественном прорыве в данной области не приходится. Наоборот, будет наблюдаться возврат к ранее высказанным идеям. Безусловно, более чем за двухвековое существование данной темы в отечественной историографии было сформулировано немало прорывных идей. Однако отсутствие диалога между представителями различных дисциплин делало любые умозаключения по этой тематике в лучшем случае теориями, требующими обширной доказательной базы. И то, что тема «Черной Смерти» на территории Улуса Джучи после распада СССР получила второе дыхание, позволяет отечественной историографии не только занять должное место в мировой науке, но и сформировать новую исследовательскую школу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артюхин Ю.В.* Природные катаклизмы как одна из причин «Великой замятни» в Золотой Орде и появление Азака // Боспорские исследования. 2009. Вып XVI. С. 314–334.
2. *Бараиш С.И.* История неурожаев и погоды в Европы (по XVI в.н.э). Л., 1989. 237 с.
3. *Боголепов М.А.* О колебаниях климата европейской России в историческую эпоху. С приложением материалов, извлеченных из русских летописей. М., 1908. 114 с.
4. *Богоявленский Н.А.* Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. М., 1960. 326 с.
5. *Богоявленский Н.А.* Медицина у первоселов русского севера. М., 1964. 160 с.
6. *Борисов С.В.* Чума и возвышение Москвы // Родина. 2014. № 5. С. 61–64.
7. *Борисенко Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 522 с.
8. *Вардамян С.А.* Медицина в древней и средневековой Армении. Ереван, 1982. 59 с.
9. *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М., 1960. 397 с.
10. *Виллие Я.* Практические замечания о чуме, составленные главным по армии медицинским инспектором. СПб., 1829. 36 с.
11. *Витт Хр.* О свойствах климата Валахии и Молдавии и так называемой Валахской язве, которая свирепствовала во второй русской армии, в продолжение последней турецкой войны. СПб, 1842. 357 с.
12. *Высоцкий Н.Ф.* Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655 (с картой) // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1879. Т. 46. С. 55–75.
13. *Габричевский Г.Н.* Бубонная чума и меры борьбы против нея. (С одной таблицей рисунков). М., 1897. 26 с.
14. *Газенко О.Г.* Предисловие / Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 4–11.
15. *Галанин М.И.* Бубонная чума: ее историко-географическое распространение, этиология, симптоматиология и прифилактика. СПб., 1897. 316 с.
16. *Ганин В.С.* История Чумы // КЛИО. 2006. №2(33), ч. 1, с. 169–177; №3 (34), ч. 2, с. 180–187.
17. *Гейзер Г.* История повальных болезней. СПб., 1867. Т. 1–2. 735 с.
18. *Дёрбек Ф.А.* История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905. 385 с.
19. *Дженкинсон А.* Путешествие господина Антонина Дженкисона из Москвы в России до города Бухары в Бактрии в 1558 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Перевод Ю. Готье, предисловие Г. Новицкого. М., 1937. 307 с.
20. *Добронравов С.Ф.* Краткое рассуждения о чуме (*pestis*). М., 1837. 74 с.
21. *Домарадский И.В.* Чума: К 100-летию противочумной службы России. М., 1998. 176 с.
22. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. 245 с.
23. *Еманов Е.Г.* Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского государственного. Серия История. 2013. № 2. С. 49–54.
24. *Заболотный Д.К.* Чума (*Pestis bubonica*). Эпидемиология, пантогенез и профилактика. (С XI табл. в красках и 50 рис.). СПб., 1907. 94 с.
25. *Заболотный Д.К.* Организация и результаты обследования эпидемических очагов чумы // Архив биологических наук. 1922. Т. XXII.
26. *Зейдлиц К.К.* О чуме. СПб., 1842.

27. *Ибн Сина*. Моровая лихорадка и то, что с ней однородно, то есть лихорадка при оспе и при кори // Канон врачебной науки. Перевод с арабского М.А. Салье. Ташкент, 1982. Кн. 4. С. 125–129.
28. Из прошлого. Чума в Нижнем Новгороде (Исторический очерк Г.И. Родзевича). Н.-Новгород, 1897. 14 с.
29. *Измайлов И.Л.* Экологические катаклизмы // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 682–686.
30. История России. Факторный анализ. В 2 т. М., 2010–2011.
31. История чумных эпидемий преимущественно в России, с картою. Заслуженного ординаторского профессор Высоцкий Ф.М. / Лекции о чуме, читанные студентам и врачам в Императорском Казанском университете профессорами: Высоцким Ф.М., Любимовым Н.М., Котовщиковым Н.И. Казань, 1897. С. 1–62.
32. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007. 356 с.
33. *Климанов В.А., Никифорова Л.Д.* Изменения климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Докл. АН СССР. 1982. Т. 267. № 1. С. 164–167.
34. *Клименко В.В., Слепцов А. М.* Климат и история России в IX–XVI вв. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://sleptsov.chat.ru/Climruss.htm> Дата обращения: 11.01.2017
35. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1988. Кн. 1, Т. IV. С. 166–170; Кн. 2, Т. V. С. 124–126.
36. *Крамаровский М.Г.* Богатство, хрупкое как сон. Петрарка о бедах Скифии // Античная древность и средние века. 2002. Вып. 33. С. 169–186.
37. *Кренке А.Н., Золотокрылин А.Н., Попова В.В., Чернавская М.Е.* Реконструкция динамики увлажнения и температуры воздуха за исторический период (по природным показателям) / Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989. С. 34–38.
38. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Экологический критерий цивилизованности // Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации М., 2004. С. 127–158.
39. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 2005. 240 с.
40. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Золотая Орды: Судьбы поколений. М., 2011. 192 с.
41. *Лисицын А.А.* Генезис и ландшафтно-экологические особенности волго-уральского природного очага чумы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора биологической наук. Саратов, 1973. 49 с.
42. *Максимов А.А.* Природные очаги туляремии. М.; Л., 1960. 290 с.
43. *Михель Д.В.* Историческая наука и чума // Диалог со временем альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 25/2. С. 221–232.
44. *Павловский Е.Н.* Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов. М., 1964. 211 с.
45. *Польнова А.Л.* Медико-санитарное описание киргизских степей внутренней Букеевской орды и пограничных местностей // Сборник работ по чуме издаваемый под редакцией Главного Врачебного Инспектора. СПб., 1907. Вып. 2.
46. *Рейтлингер Л.Р.* Исследования по истории чумы в России // Военно-медицинский журнал. 1877. Ч. 55. С. 53–83.
47. *Рихтер В.М.* История медицины в России. М., 1814. Ч. 1. 462 с.
48. *Русев И.Т.* Антропогенная трансформация природных очагов чумы в Северо-Западном Причерноморье // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2011. Том 24 (63). № 4. Ч. 1. С. 244–360.
49. *Русев Н.Д.* На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. Кишинёв, 1999. 240 с.
50. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1860. Кн. 2. 871 с.

51. Сочинение князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные. Редакция Г.З. Кузнецвич. СПб., 1914. 646 с.
52. *Страхович И.В.* Чума Астраханского края, её история, эпидемиология и обзор правительственных мероприятий // Сборник работ по чуме издаваемый под редакцией Главного Врачебного Инспектора. СПб., 1907. Вып. 2.
53. *Сунцов В.В., Сунцова Н.И.* Чума. Происхождение и эволюция эпизоотической системы (экологические, географические и социальные аспекты) М., 2006. 247 с.
54. *Сунотницкий М.В., Сунотницкая Н.С.* Очерки истории чумы: В 2 кн. М., 2006.
55. *Сунотницкий М.В.* «Черная смерть». К загадкам пандемии чумы 1346–1351 гг. // Универсум. 2004. № 3.
56. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.
57. *Трепалов А.А.* История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.
58. *Фасих ал-Хавафи.* Фасихов свод / Пер. Д.Ю. Юсуповой. Ташкент: Фан, 1980.
59. *Флоринский В.М.* Материалы для изучения чумы // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1879. Т. 46. С. 25–54.
60. *Чижевский А.Л.* Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца. М., 1930.
61. *Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А.* Влияние второй пандемии чумы на самоидентификацию европейских стран // Фундаментальные и прикладные науки сегодня. Материалы III международной научно-практической конференции. 22–23 мая 2014 г. Noth Carlestone, 2014. Ч. 2. С. 18–23.
62. *Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А.* Вторая пандемия чумы в Золтой Орде и её последствия // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 96–112.
63. *Хайдаров Т.Ф.* Эпидемия «Черной смерти» в русских княжествах и в Золотой Орде (1345/46 – 1430): предпосылки и последствия // Исторически часопис. 2015. кн. LXIV. С. 9–42.
64. *Шпилевский С.М.* О чуме в Казани в царствовании Алексея Михайловича (замечка по поводу двух предыдущих сообщений) // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1879. Т. 46. С. 76–77.
65. *Щепотьев Н.К.* Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии (с 2 политипажами и с приложением карты и плана). Казань, 1884. 164 с.
66. *Alexander J.T.* Bubonic plague in early modern Russia: public health and urban disaster. Baltimor, 1980. 385 p.
67. *Alef G.* The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power // Forschungen zur osteuropischen Geschichte. 1970. Bd. 15. P. 15–58.
68. *Alef G.* Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. London, 1983.
69. *Benedictow O.J.* The Black Death, 1346–1353: the complete history. Woodbridge, 2004. 506 p.
70. *Bergdolt K.* Die Pest 1348 in Italien. 50 zeitgenossischen Quellen. Mit einem Nachwort von Gundolf Keil. Heidelberg, 1989. 195 s.
71. *Bergdolt K.* Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. Muenchen: C.H. Beck, 2000. 268 s.
72. *Bideleux R.* Siedlungsformen der Ostslawen // Wieser Enzyklopaedie dea Europaischen Ostens. Vol 12. Kontinuitaeten und Brueche: Lebensformen – Alteingesessenen – Zuwanderer von 500 bis 1500. Klagenfurt. 2008. S. 170–178.
73. *Bjoern P.Z., Dunkelberg H.* The History of the Plague and research on the causative agent *Yersinia pestis* // International Journal of the Hygiene and Environmental Health. 2004. № 207. P. 158–165.
74. *Christakosa G. et al.* Recent results on the spatiotemporal modelling and comparative analysis of Black Death and bubonic plague epidemics // Public Health. Vol. 121. 2007. P. 700–720.

75. Cui Y. *et al.* Historical variations in mutation rate in an epidemic pathogen, *Yersinia pestis* // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2013. Vol. 110. P. 577–582.
76. Dols M.W. The second plague pandemic and its recurrences in the Middle East: 1347–1894 // *J. Econ. Soc. Hist. Orient*. 1979. №22. P.162–189.
77. Gage K.L., Kosoy M.Y. Natural history of plague: perspectives from more than a century of research // *Annu. Rev. Entomol.* 2005. №50. P. 505–528.
78. Khaidarov T.F., Dolbin D.A., Kravtsova O.A., Tuchbatova R.I. Biological Aspects of the Historical Urban Development of Jochi Ulus (Latter Half of the 13–14th Centuries) // *The Social Sciences*. 2015. Vol. 10(6). P. 1047–1053.
79. Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor // *Russian History*. 1975. Vol. 2. P. 53–67.
80. Langer L.N. Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries // *Canadian-American Slavic Studies*. 1976. Vol. 10. P. 351–368.
81. Li Y. *et al.* Different region analysis for genotyping *Yersinia pestis* isolates from China // *PLoS ONE*. 2008. № 3(5). P. 1–10.
82. McNeill W.H. *Europe's Steppe Frontier, 1500–1800*. Chicago, 1964. 264 p.
83. McNeill W.H. *Plagues and Peoples*. Harmondsworth. 1979. 368 p.
84. Norris J. East or west? The geographic origin of the Black Death // *Bull. Hist. Med.* 1977. Vol. 51. P. 1–24.
85. *Peterejus de Erlafunda* Moscoeitische Chronika. Leipzaga, 1620.
86. Rasmussen S. *et al.* Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years ago // *Cell*. 2015. № 163. P. 571–582.
87. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. 1993. № 12(4). P. 447–457.
88. Schmid B.V. *et al.* Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2015. Vol. 112. P. 3020–3025.
89. Spyrou A.M. *et al.* Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // *Cell Host & Microbe*. 2016. Vol. 19. P. 874–881.
90. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // *Historical review*. 2002. Vol. 8. No. 9. P. 971–975.
91. Zhgenti E. *et al.* Genome Assemblies for 11 *Yersinia pestis* Strains Isolated in the Caucasus Region // *Genome Announc.* 2015.

Сведения об авторе: Хайдаров Тимур Фаритович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-1909-5727> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). Email: timkh2000@yandex.ru

Поступила 07.01.2017 г.

Принята к публикации 02.03.2017 г.

HISTORIOGRAPHY OF THE EPIDEMIC OF “BLACK DEATH” ON THE TERRITORY OF JUCHID ULUS (1814–2016)

T.F. Khaydarov

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation
E-mail: timkh2000@yandex.ru*

Objective: to examine the main works and theories of foreign and domestic authors, which has considered the theme of “Black death” on the territory of the ulus of Jochi in 1814–2016.

Research materials: at the present stage of development of historical science the way out from methodological crisis is the most pressing issue. As international experience shows, progress towards the knowledge of the past is only possible through interaction with other disciplines, such as genetics or biology. At the moment, the epidemic of “Black Death” is rightfully considered one of these research topics. This event was of great importance in the history. Raged for several hundreds of years and killed up to a third of the then population, the plague significantly changed the face of human societies, accelerated the transition to a new economic system, to the culture and philosophy of Modern times. However, until recently research on this topic mainly focused on studying either biology of the plague, or the study of reality emerged after the “Black Death”. In these circumstances, the transition to interdisciplinarity, which occurred in recent years in Western science, allowed not only more comprehensive approach to the study of this topic, but to expand the regions under study and to include among them, in the first instance, Northern Eurasia and its most important part – Juchid ulus. In general, Western historiography had not yet developed an unambiguous assessment of the “Black Death” in this region. This is partly due to lack of experience with written sources in the Tatar and Russian languages as well as due to not long period of work with archaeological sources. At the same time, domestic science has more than 200 years of experience in understanding of this problem, but it suffers from several disadvantages.

Results and novelty of the research: on the basis of historiographical material, the article manages to conclude that despite a thorough theoretical study of a subject in the field of biology of the plague, a historical study on the “Black Death in Russia” is extremely inconsistent and did not yet form a united research school. Against this background, the historiography of the epidemic “Black Death” in the Juchid ulus is situated in a better position than the research on the plague in the North-Western Rus’.

Keywords: epidemic “Black Death”, Juchid ulus, Western and Russian historiography, genetic study of plague bacteria, natural foci of plague, synantropic types of steppe rodents, pneumonic and bubonic plague, climate change.

For citation: Khaydarov T.F. Historiography of the Epidemic of “Black Death” on the Territory of Juchid Ulus (1814–2016). *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 164–192. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.164-192

REFERENCES

1. Artyukhin Yu.V. Prirodnye kataklizmy kak odna iz prichin «Velikoy zamyatni» v Zolotoy Orde i poyavlenie Azaka [Natural Disasters as One of the Causes of the “Great Turmoil” in the Golden Horde and the Emergence of Azak]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporus Studies]. 2009, Vol. XVI, pp. 314–334. (In Russian)

2. Barash S.I. *Istoriya neurozhaev i pogody v Evropy (po XVI v.n.e)* [History of Crop Failures and Weather in Europe (till 16th century AD)]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1989. 238 p. (In Russian)
3. Bogolepov M.A. *O kolebaniyakh klimata evropeyskoy Rossii v istoricheskuyu epokhu. S prilozheniem materialov, izvlechennykh iz russkikh letopisey* [About Fluctuations in the Climate of European Russia in the Historical Era. With Application Materials Extracted from the Russian Chronicles]. Moscow, 1908. 114 p. (In Russian)
4. Bogoyavlenskiy N.A. *Drevnerusskoe vrachevanie v XI–XVII vv* [About Fluctuations in the Climate of European Russia in the Historical Era. With Application Materials Extracted from the Russian Chronicles]. Moscow, 1960. 326 p. (In Russian)
5. Bogoyavlenskiy N.A. *Medsina u pervoselov russkogo severa* [Medicine among the First Settlers of the Russian North]. Moscow, 1964. 160 p. (In Russian)
6. Borisov S.V. Chuma i vozvyshenie Moskvy [The Plague and the Rise of Moscow]. *Rodina*. [Homeland]. 2014, no. 5, pp. 61–64. (In Russian)
7. Borisenko E.P., Pasetkiy V.M. *Tysyacheletnyaya letopis' neobychnykh yavleniy prirody*. [The Thousand-Year Chronicle of Extraordinary Natural Phenomena]. Moscow, 1988. 522 p. (In Russian)
8. Vardanyan S.A. *Medsina v drevney i srednevekovoy Armenii*. [Medicine in Ancient and Medieval Armenia]. Erevan, 1982. 59 p. (In Russian)
9. Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istoriya epidemiy v Rossii* [History of Epidemics in Russia]. Moscow, 1960. 397 p. (In Russian)
10. Villie Ya. *Prakticheskie zamechaniya o chume, sostavlennye glavnym po armii meditsinskim inspektorom* [Practical Observations on the Plague]. St. Petersburg, 1829. 36 p. (In Russian)
11. Vitt Khr. *O svoystvakh klimata Valakhii i Moldavii i tak nazyvaemoy Valakhskoy yazve, kotoraya svirepstvovala vo vtoroy russkoy armii, v prodolzhenie posledney turetskoy voyny* [On the Properties of the Climate of Wallachia and Moldavia]. St. Petersburg, 1842. 357 p. (In Russian)
12. Vysotskiy N.F. *Chuma pri Aleksee Mikhayloviche 1654–1655 (s kartoy)* [Plague under Alexei Mikhailovich in 1654–1655 (with map)]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta* [Scientific Notes of Imperial Kazan University]. 1879, Vol. 46, pp. 55–75. (In Russian)
13. Gabrichievskiy G.N. *Bubonnaya chuma i mery bor'by protiv neya. (S odnoy tablitsy risunkov)* [Bubonic Plague and Measures to Combat It (with one drawing table)]. Moscow, 1897. 26 p. (In Russian)
14. Gazenko O.G. Predislovie [Foreword]. Chizhevskiy A.L. *Zemnoe ekho solnechnykh bur'* [Chizhevsky A.L. Terrestrial Echo of Solar Storms]. Moscow, 1976, pp. 4–11. (In Russian)
15. Galanin M.I. *Bubonnaya chuma: eya istoriko-geograficheskoe rasprostranenie, etilogiya, simptomatologiya i profilaktika* [Bubonic Plague: Its Historical and Geographical Spread, Etiology, Symptomatology and Prophylaxis]. St. Petersburg, 1897. 316 p. (In Russian)
16. Ganin V.S. *Istoriya Chumy* [History of the Plague]. *KLIO*. 2006, no. 2 (33), Vol. 1, pp. 169–177; no. 3 (34), Vol. 2, pp. 180–187. (In Russian)
17. Geyzer G. *Istoriya poval'nykh bolezney* [History of Epidemic Diseases]. St. Petersburg, 1867. Vol. 1–2, 735 p.
18. Derbek F.A. *Istoriya chumnykh epidemiy v Rossii s osnovaniya gosudarstva do nastoyashchego vremeni* [History of Plague Epidemics in Russia from the Founding of the State until the Present Time]. St. Petersburg, 1905. 385 p. (In Russian)
19. Dzenkinson A. *Puteshestvie gospodina Antonina Dzenkisona iz Moskvy v Rossii do goroda Bukhary v Baktirii v 1558 g.* [Journey of the Lord Antonin Jankinson from Moscow in Russia to the City of Bukhara in Bactria in 1558]. *Angliyskie puteshestvenniki v*

Moskovskom gosudarstve v XVI veke. Perevod Yu. Got'e, predislovie G. Novitskogo [English Travelers in the Moscow State in the 16th century. Translated by Y. Gauthier. Foreword by G. Novitsky]. Moscow, 1937. 307 p. (In Russian)

20. Dobronravov S.F. *Kratkoe rassuzhdeniya o chume (pestis)* [Brief Discourse on the Plague (*pestis*)]. Moscow, 1837. 74 p. (In Russian)

21. Domaradskiy I.V. *Chuma: K 100-letiyu protivochumnoy sluzhby Rossii*. [The Plague: To the 100th Anniversary of anti-Plague Service of Russia]. Moscow, 1998. 176 p. (In Russian)

22. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow, 1985. (In Russian)

23. Emanov E.G. *Velikaya pandemiya serediny XIV v. kak final srednevekovoy istorii* [The Great Pandemic of the middle of the 14th century as the Final of Medieval History]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo. Seriya Istoriya* [Bulletin of the Tyumen State University. Series of History]. 2013, no. 2, pp. 49–54.

24. Zabolotnyy D.K. *Chuma (Pestis bubonica). Epidemiologiya, pantogenez i profilaktika. (S XI tabl. v kraskakh i 50 ris.)* [The Plague (*Pestis bubonica*). Epidemiology, Panthogenes and Prevention (with 11 colored tables and 50 drawings)]. St. Petersburg, 1907. 94 p. (In Russian)

25. Zabolotnyy D.K. *Organizatsiya i rezul'taty obsledovaniya epidemicheskikh ochagov chumy* [Organization and Results of a Survey of Epidemic Foci of the Plague]. *Arhiv biologicheskikh nauk* [Archives of Biological Sciences]. 1922. Vol. 22. (In Russian)

26. Zeydlits K.K. *O chume* [About the the Plague]. St. Petersburg, 1842. (In Russian)

27. Ibn Sina. *Morovaya likhoradka i to, chto s ney odnorodno, to est' likhoradka pri ospe i pri kori*. [Plague Fever and That Is Homogeneous with It, That Is, the Fever during Smallpox and Measles]. *Kanon vrachebnoy nauki*. Perevod s arabskogo M.A. Sal'e [Kanon vrachebnoy nauki. Perevod s arabskogo M.A. Sal'e]. Tashkent, 1982, Vol. 4, pp. 125–129. (In Russian)

28. *Iz proshlogo. Chuma v Nizhnem Novgorode (Istoricheskiy ocherk G.I. Rodzevicha)* [From the Past. The Plague in Nizhny Novgorod (Historical sketch by G.I. Rodzevich)]. Nizhny Novgorod, 1897. 14 p. (In Russian)

29. Izmaylov I.L. *Ekologicheskie kataklizmy* [Ecological Disasters]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) XIII – seredina XV v.* [History of Tatars since Ancient Times. Juchid Ulus (Golden Horde). 13th– middle of the 15th centuries]. Kazan, 2009, vol. III, pp. 682–686. (In Russian)

30. *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz*. [History of Russia. Factor analysis. In 2 Vols.]. Moscow, 2010–2011. (In Russian)

31. *Istoriya chumnykh epidemiy preimushchestvenno v Rossii, s kartoyu*. Zasluzhennago ordinatorskogo professor Vysotskiy F.M. [History of Plague Epidemics Mostly in Russia, with a Map. By Honored Professor F.M. Vysotsky]. *Lekcii o chume, chitanyia studentam i vracham v Imperatorskom Kazanskom universitete professorami: Vysokim F.M., Ljubimovym N.M., Kotovshikovym N.I.* [Lectures about the Plague Red to Students and Doctors in Imperial University of Kazan by Professors: F.M. Vysotsky, N.M. Lyubimov, N.I. Kotovshikov]. Kazan, 1897, pp. 1–62. (In Russian)

32. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethno-Political History of Tatars (3rd – 16th centuries)]. Kazan, 2007. 356 p. (In Russian)

33. Klimanov V.A., Nikiforova L.D. *Izmeneniya klimata na severo-vostoke Evropy za poslednie 2000 let*. [Climate Change in the North-East of Europe for the Last 2000 Years]. *Doklad AN SSSR* [Presentation for USSR Academy of Sciences]. 1982, vol. 267, no. 1, pp. 164–167. (In Russian)

34. Klimenko V.V., Sleptsov A.M. *Klimat i istoriya Rossii v IX–XVI vv.* [Climate and History of Russia in the 9th–16th centuries]. Available at: <http://sleptsov.chat.ru/Climruss.htm> Accessed 11.01.2017

35. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Moscow, 1988. Book 1, Vol. IV, pp. 166–170; Book 2, Vol. V, pp. 4–6, pp. 124–126. (In Russian)
36. Kramarovskiy M.G. Bogatstvo, khрупкое kak son. Petrarka o bedakh Skifii [The Riches Fragile Like a Dream. Petrarch about the Troubles of Scythia]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages]. 2002, Vol. 33, pp. 169–186. (In Russian)
37. Krenke A.N., Zolotokrylin A.N., Popova V.V., Chernavskaya M.E. Rekonstruktsiya dinamiki uvlazhneniya i temperatury vozdukha za istoricheskiy period (po prirodnyim pokazatelyam) [Reconstruction of the Dynamics of Moisture and Air Temperatures over the Historical Period (based on natural indicators)]. *Paleoklimaty pozdnelednikov'ya i golocena* [Paleoclimates of Late Glacial and Holocene]. Moscow, 1989, pp. 34–38. (In Russian)
38. Kul'pin-Gubaydullin E.S. Ekologicheskiy kriteriy tsivilizovannosti [Environmental Criteria of Civilization]. *Zolotaya Orda: fenomen stepnoj gorodskoy civilizatsii* [The Golden Horde: Phenomenon of the Steppe Urban Civilization]. Moscow, 2004, pp. 127–158. (In Russian)
39. Kul'pin-Gubaydullin E.S. *Zolotaya Orda. Problemy genezisa Rossiyskogo gosudarstva* [The Golden Horde. Problems of Genesis of the Russian State]. Moscow, 2005. 240 p. (In Russian)
40. Kul'pin-Gubaydullin E.S. *Zolotaya Ordy: Sud'by pokoleniy*. [The Golden Horde. Fates of Generations]. Moscow, 2011. 192 p. (In Russian)
41. Lisitsyn A.A. *Genezis i landshaftno-ekologicheskie osobennosti volgo-ural'skogo prirodnogo ochaga chumy. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora biologicheskoy nauk* [Genesis and Landscape-Ecological Peculiarities of the Volga-Ural Natural Plague Focus. Abstract of dissertation of the doctor of biological sciences]. Saratov, 1973. 49 p. (In Russian)
42. Maksimov A.A. *Prirodnye ochagi tulyaremii* [Natural Foci of Tularemia in USSR]. Moscow-Leningrad, 1960. 290 p. (In Russian)
43. Mikhel' D.V. Istoricheskaya nauka i chuma. [Historical Science and the Plague]. *Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noy istorii*. [Dialogue with Time: Almanac of Intellectual History]. 2008, Vol. 25/2, pp. 221–232. (In Russian)
44. Pavlovskiy E.N. *Prirodnaya ochagovost' transmissivnykh bolezney v svyazi s landshaftnoy epidemiologiyey zoonozov* [Natural Focality of Transmissible Diseases in Connection with Landscape Epidemiology of Zoonoses]. Moscow, 1964. 211 p. (In Russian)
45. Pol'nova A.L. Mediko-sanitarnoe opisanie kirgizskikh stepey vnutrenney Bukeevskoy ordy i pograniichnykh mestnostey. [Health Description of the Kirghiz Steppes of Inner Bukey Horde and Border Areas]. *Sbornik rabot po chume izdavaemyj pod redakciej Glavnogo Vrachebnogo Inspektora* [Collection of Works on the Plague Published under the Editorship of the Chief Medical Inspector]. Saint Petersburg, 1907. Vol. 2. (In Russian)
46. Reytinger L.R. Issledovaniya po istorii chumy v Rossii. [Studies in the History of Plague in Russia]. *Voenno-meditsinskij zhurnal* [Military-Medical Journal]. 1877, Vol. 55, pp. 53–83. (In Russian)
47. Rikhter V.M. *Istoriya meditsiny v Rossii* [History of Medicine in Russia]. Moscow, 1814. Vol. 1. 462 p. (In Russian)
48. Rusev I.T. Antropogennaya transformatsiya prirodnykh ochagov chumy v Severo-Zapadnom [Anthropogenic Transformation of Natural Foci of Plague in the North-Western Black Sea Region]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Taurida National University]. 2011, Vol. 24 (63), no. 4, Part 1, pp. 244–360. (In Russian)

49. Rusev N.D. *Na grani mirov i epokh. Goroda nizoviy Dunaya i Dnestra v kontse XIII – XIV vv.* [On the Verge of the Worlds and Eras. City in the Lower Reaches of the Danube and Dniester in the late 13th – 14th centuries]. Kishinev, 1999. 240 p. (In Russian)
50. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. St. Petersburg, 1860. Vol. 2. 871 p. (In Russian)
51. *Sochinenie knyazya Kurbskogo* [Writings of Prince Kurbsky. Vol. 1: Original Compositions]. Red. G.Z. Kuzcevich. St. Petersburg, 1914. 646 p. (In Russian)
52. Strakhovich I.V. Chuma Astrakhanskogo kraya, ee istoriya, epidemiologiya i obzor pravitel'stvennykh meropriyatiy. [Plague in Astrakhan Region, Its History, Epidemiology and Overview of Government Interventions]. *Sbornik rabot po chume izdavaemyj pod redakciej Glavnogo Vrachebnogo Inspektora* [Collection of Works on the Plague Published under the Editorship of the Chief Medical Inspector]. St. Petersburg, 1907. Vol. 2. (In Russian)
53. Suntsov V.V., Suntsova N.I. *Chuma. Proiskhozhdenie i evolyutsiya epizooticheskoy sistemy (ekologicheskie, geograficheskie i sotsial'nye aspekty)* [The Plague. Origin and Evolution of Epizootic System (ecological, geographical and social aspects)]. Moscow, 2006. 247 p. (In Russian)
54. Supotnitskiy M.V., Supotnitskaya N.S. *Ocherki istorii chumy: V 2 kn.* [Essays on the History of Plague: In 2 volumes]. Moscow, 2006. (In Russian)
55. Supotnitskiy M.V. «Chernaya smert'». K zagadkam pandemii chumy 1346–1351 gg. [The “Black Death”. To the Mysteries of the Plague Pandemic of 1346–1351]. *Universum*. 2004, p. 3. (In Russian)
56. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy, t. I, izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I: Extracts from Arab Writings]. Saint Petersburg, 1884. 579 p. (In Russian)
57. Trepalov A.A. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, 2002. 752 p. (In Russian)
58. Fasikh al-Khavafi. *Fasikhov svod*. Per. D.Yu. Yusupovoy [Fasih al-Hawafi. Fasih's Code. Translated by D.U. Yusupova]. Tashkent, 1980. (In Russian)
59. Florinskiy V.M. Materialy dlya izucheniya chumy [Materials for the Study of Plague]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta* [Scientific Notes of Imperial Kazan University]. 1879. Vol. 46, pp. 25–54. (In Russian)
60. Chizhevskiy A.L. *Epidemicheskie katastrofy i periodicheskaya deyatel'nost' Solntsa* [Epidemic Disasters and Periodic Activity of the Sun]. Moscow, 1930. (In Russian)
61. Khaydarov T.F., Dolbin D.A. Vliyanie vtoroy pandemii chumy na samoidentifikatsiyu evropeyskikh stran [Effect of the Second Plague Pandemic on the Identity of European Countries]. *Fundamental'nye i prikladnye nauki segodnya. Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 22–23 maja 2014 g.* [Fundamental and Applied Sciences Today. Proceedings of the III international scientific-practical conference. 22–23 May, 2014]. North Carleston, 2014, Vol. 2, pp. 18–23. (In Russian)
62. Khaydarov T.F., Dolbin D.A. Vtoraya pandemiya chumy v Zoltoy Orde i ee posledstviya [The Second Plague Pandemic in the Golden Horde and Its Consequences]. *Golden Horde Review*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 3, pp. 96–112. (In Russian)
63. Khaydarov T.F. Epidemiya «Chernoy smerti» v russkikh knyazhestvakh i v Zolotoy Orde (1345/46 – 1430): predposylki i posledstviya [Epidemic of the “Black Death” in the Russian Principalities and the Golden Horde (1345/46 – 1430): Background and Consequences]. *Istorijski chasopis*. Belgrad, 2015, Vol. LXIV, pp. 9–42. (In Russian)
64. Shpilevskiy S.M. O chume v Kazani v tsarstvovanii Alekseya Mikhaylovicha (zametka po povodu dvukh predydushchikh soobshcheniy). [On the Plague in Kazan in the Reign of Alexei Mikhailovich (note about two previous relations)]. *Uchenye zapiski*

Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [Scientific Notes of Imperial Kazan University]. 1879, Vol. 46, pp. 76–77. (In Russian)

65. Shchepot'ev N.K. *Chumnye i kholernye epidemii v Astrakhanskoy gubernii (s 2 politipazhami i s prilozheniem karty i plana)* [Plague and Cholera Epidemics in Astrakhan Gubernia (with 2 policypages with insertion of maps and plan)] K., 1884. 164 p. (In Russian)

66. Alexander J.T. *Bubonic plague in early modern Russia: public health and urban disaster*. Baltimor, 1980. 385 p.

67. Alef G. The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power. *Forschungen zur osteuropischen Geschichte*. 1970. Bd. 15, pp. 15–58.

68. Alef G. *Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy*. London, 1983.

69. Benedictow O.J. *The Black Death, 1346–1353: the complete history*. Woodbridge, 2004. 506 p.

70. Bergdolt K. *Die Pest 1348 in Italien. 50 zeitgenossischen Quellen. Mit einem Nachwort von Gundolf Keil*. Heidelberg, 1989. 195 p. (In German)

71. Bergdolt K. *Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters*. Muenchen, C.H. Beck, 2000. 268 p. (In German)

72. Bideleux R. Siedlungsformen der Ostslawen. *Wieser Enzyklopaedie dea Europaeischen Ostens*. Vol. 12. *Kontinuitaeten und Brueche: Lebensformen – Alteingesessenen – Zuwanderer von 500 bis 1500*. Klagenfurt, 2008, pp. 170–178. (In German)

73. Bjoern P.Z., Dunkelberg H. The History of the Plague and research on the causative agent *Yersinia pestis*. *International Journal of the Hygiene and Environmental Health*. 2004. No. 207, pp. 158–165.

74. Christakosa G. et al. Recent results on the spatiotemporal modelling and comparative analysis of Black Death and bubonic plague epidemics. *Public Health*. Vol. 121. 2007, pp. 700–720.

75. Cui Y. et al. Historical variations in mutation rate in an epidemic pathogen, *Yersinia pestis*. *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2013. Vol. 110, pp. 577–582.

76. Dols M.W. The second plague pandemic and its recurrences in the Middle East: 1347–1894. *EconSocHistOrient*. 1979, pp. 22, pp. 162–189.

77. Gage K.L., Kosoy M.Y. Natural history of plague: perspectives from more than a century of research. *Annu. Rev. Entomol*. 2005. №50, pp. 505–528.

78. Khaidarov T.F., Dolbin D.A., Kravtsova O.A., Tuchbatova R.I. Biological Aspects of the Historical Urban Development of Jochi Ulus (Latter Half of the 13th–14th Centuries). *The Social Sciences*. 2015. Vol. 10(6), pp. 1047–1053.

79. Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor. *Russian History*. 1975. Vol. 2, pp. 53–67.

80. Langer L.N. Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries. *Canadian-American Slavic Studies*. 1976. Vol. 10, pp. 351–368.

81. Li Y. et al. Different region analysis for genotyping *Yersinia pestis* isolates from China. *PLoS ONE*. 2008. № 3(5), pp. 1–10.

82. McNeill W.H. *Europe's Steppe Frontier, 1500–1800*. Chicago, 1964. 264 p.

83. McNeill W.H. *Plagues and Peoples*. Harmondsworth. 1979. 368 p.

84. Norris J. East or west? The geographic origin of the Black Death. *Bull. Hist. Med*. 1977. Vol. 51, pp. 1–24.

85. *Petrefus de Erlafunda Moscoeitische Chronika*. Leipzag, 1620. (In German)

86. Rasmussen S. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years ago. *Cell*. 2015. No. 163, pp. 571–582.

87. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey*. 1993, No. 12(4), pp. 447–457.

88. Schmid B.V. et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe. *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2015. Vol. 112, pp. 3020–3025.
89. Spyrou A.M. et al. Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics. *Cell Host & Microbe*. 2016. Vol. 19, pp. 874–881.
90. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa. *Historical review*. 2002. Vol. 8., No. 9, pp. 971–975.
91. Zhgenti E. et al. Genome Assemblies for 11 *Yersinia pestis* Strains Isolated in the Caucasus Region. *Genome Announc.* 2015.

About the author: Timur F. Khaydarov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-1909-5727> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: timkh2000@yandex.ru

Received January 7, 2017

Accepted for publication March 2, 2017

ДОКУМЕНТЫ

УДК 930.272

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.193-199

ПИСЬМО ЛАДИСЛАВА, ФРАНЦИСКАНСКОГО
КУСТОДИЯ ГАЗАРИИ (КАФФА, 10 АПРЕЛЯ 1287 ГОДА)*Роман Хаутала*^{1,2}¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация*² *Университет Оулу
90570, Оулу, Финляндия
E-mail: romanhautala@gmail.com*

Следующее ниже письмо брата Ладислава, францисканского кустодия Газарии (то есть Северного Причерноморья), содержит интересное описание столкновения католических миссионеров с мусульманскими резидентами Солхата. В своем письме брат Ладислав описывает обстоятельства этого конфликта, возникшего летом 1286 года между францисканцами Солхата и местными мусульманскими жителями, возмущенными обыкновением католиков звонить в колокол на своей церкви. В ходе конфликта солхатские мусульмане снесли этот колокол и разрушили католическую церковь, вызвав своими действиями подачу жалобы со стороны францисканцев, обращенную к хану Тула-Буге и Ногаю. В ответ на петицию миноритов, джучидские правители направили в Солхат своих представителей, которые, несмотря на личную приверженность к мусульманской вере, сурово наказали обидчиков францисканцев, позволив миноритам восстановить свою церковь и повесить на ней три колокола на месте одного разрушенного.

Перевод письма снабжен необходимыми комментариями, которые будут расширены в будущей монографии автора. Здесь будет уместно отметить, что данное письмо было детально проанализировано в недавней статье венгерской исследовательницы Сильвии Ковач [4, p. 157–164].

Латинский текст письма воспроизводится по изданию Джироламо Голубовича, основывавшемуся на кодексе Оттобони 2115 из Ватиканской библиотеки (fol. 62) [3, p. 444–445].

В тексте также учтены разночтения из более ранних изданий текста: [8, no. 250, s. 248–250 (обозначается как **Starzer & Redlich**); 2, p. 165, nota 1 (обозначается как **Eubel**)].

Ключевые слова: Золотая Орда, религиозная политика Джучидов, исламизация, католическое миссионерство, латинские источники.

Для цитирования: Хаутала Р. Письмо Ладислава, францисканского кустодия Газарии (Каффа, 10 апреля 1287 года) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 193–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.193-199

Латинский текст

In Christo sibi Karissimo patri, fratri Laurentio¹, misso per fratres de Tartaria ad Venerabilem Patrem Ministrum Generalem, fr. Ladizlaus dictus Custos de Gazma² pacem in Domino sempiternam.

Karitati vestrae innotescat me litteras vestras anno Domini MCCLXXXVII, feria sexta³ majoris hebdomadae recepisse, in quibus petebatis a me, qualiter frater Moyses⁴ redierit de curia Imperatoris. De reditu dicti fratris duxi vobis respondendum bona fide, quae non solum ad notitiam Christianorum, verum etiam omnium Sarracenorum et aliorum infidelium in istis partibus habitantium devenerunt.

Dictus enim fr. Moyses eodem anno, quo vos a nobis recessistis, sanus et salvus est reversus, et multo melius et prosperius quam sperabamus, Domino ipsum meritis fratrum dirigente. Imperatores enim Thelebuga et Nohay, et singuli singulos de baronibus suis potiores transmiserunt, et tertium ad hoc ambasiatorem specialem, ut, quosunque isti pro destructione ecclesiae et campanae depositione condemnassent, ille tertius sine aliqua exceptione et pecuniae interventione manu propria, casu aliquo non obstante, iugularet. Veniens itaque ille tertius secundo die Sancti Dominici de augusto, crucem portans cum insigniis imperatorum et vexillis, potenter intravit civitatem Solhatensem cum comitantibus ipsum omnibus Latinis et aliis Christianis infinitis, cum processione admirabili, fratribus quoque letaniam praecinentibus, pertransiit omnes vicos et plateas civitatis memoratae; et cum esset Sarracenus, faciebat omnes Sarracenos percuti velut canes. Potiores etiam Sarracenorum videntes sibi periculum mortis imminere, dimissis omnibus, quae habebant, ad silvam vicinam civitati confugerunt, ibique bene per septem dies latuerunt. Dictus vero nuntius pro campana, quam deposuerant cum iniuria, suspendit tres campanas cum maxima gloria et Christianorum infinita laetitia. Cum fratres omnes, nimio terrore percussi, poeniterent⁵ et Dominum quantum poterant exorarent, ne propter ipsos vel eorum occasione aliqui morerentur, ille mirabilis Deus qui mirabiliter in omnibus operatur, miraculose nos liberavit; quia, quos morte credebamus instanti puniendos, pro damno punivit [poena] pecuniae temporalis. Verum enim, subito sententia mutata ab Altissimo mirabiliter, fuerunt plus quam sexcentis millibus asperorum expediti. Quantam vero illi dederint pecuniam, nescio vobis scribere certitudinem, quia fuit, sicut videbatur, quasi sine numero.

In eisdem quoque diebus venit Jaylak⁶ imperatrix, maior et potentior uxor Nohay, et intravit civitatem memoratam videre locum fratrum et ecclesiam cum campanis. Ibique rogavit, ut fratres eam baptizarent et fide Katholica informarent, et locum voluit in civitate quae vocatur Kerqueti⁷, baptizandi. Cumque ibi ivissem ego frater Ladizalus dictus Custos una cum fratre Stephano gardiano de Capha, praesente archiepiscopo Armenorum cum universo suo clero, nec non et Gregorum⁸ sacerdotibus et clericis quam pluribus, licet omnibus reluctantibus et

¹ Starzer & Redlich: *Laurencio*.

² Правильно: *de Gazaria* [3, p. 444, nota 1].

³ Starzer & Redlich: *III*; Eubel: *IV*.

⁴ Starzer & Redlich; Eubel: *Moses*.

⁵ *peterent* [3, p. 444, nota 5].

⁶ Starzer & Redlich; Eubel: *Jaylak*.

⁷ Возможно, *Kerqueri* [6, p. 77, nota 2; 1, p. 232].

⁸ *Graecorum* [3, p. 445, nota 2].

invitis, fuit per manus nostras baptizata. Et ipsa domina cum magna instantia petivit, ut fratres manerent in eo loco, ubi fuit baptizata, fecitque nobis locum dari in civitate memorata, in quo ego fr. Ladizalus dictus Custos, una cum fratre Paulo quondam gardiano de Saray, erexi ecclesiam et domos necessarias instauravi ad honorem matris Virginis gloriosae. In eodem loco, dicta domina, Ymor filium Molday dominum⁹ terrae procuratorem nobis assignavit, et praecipit ei sub poena capitis nos ab omnibus iniuriis custodire, quas nobis possent illi Sarraceni irrogare.

Interim autem dum frater Moyses Vicum pervenisset, millenarius populi illius, qui dicitur Argum misit filium singulariter, cum esset paganus, postulando, ut ad illum populum duos fratres mittere dignaretur propter Deum, qui, fideles ibidem existentes, ad fidem catholicam reformarent, et converti volentes baptizarent, dictisque fratribus ipse dominus tam in animalibus quam domibus et omnibus aliis necessariis provideret. Causa autem mota fuit ista, quae ipsum incitavit: quia in eodem populo, quidam Tartarus nobilis et potens, cuius uxor pluribus annis a daemonio vexabatur, cui nec magorum, nec phitonum malitia posset subvenire, tandem post multa mala, quibus dictus populus a dicta muliere gravabatur, fecit eam ad ecclesiam fratrum nutu Dei deportari; votoque emisso tam a marito quam a memorata [uxore], quod fidem reciperent christianam, si eam Deus per fratrum orationes liberaret a periculo supradicto, fuit miraculose coram omnibus liberata meritis beatissimi patris nostri Francisci et orationibus fratrum mediantibus: multa tandem postulatione instantium, tam maritus quam ipsa fuerunt cum suis omnibus baptizati.

Alia quoque puella aequae nobilis Tartari filia et potentis de eodem populo, fuit simili modo liberata, et cum tota domo patris nec non et amicis et parentibus baptizata.

Haec igitur omnia, si videbitur, poteritis venerabili patri Ministro generali recitare et petere fratres ab eodem, ut tam ad curiam imperatricis memoratae, quam ad populum supradictum aliquos ex nobis possimus destinare; et si mittere voluerit, mittantur secundum articulum regulae.

Data in Capha, feria vi ante Dominicam *Quasi modo geniti*¹⁰ [die 10 aprilis] anno Domini MCCLXXXVII.

Item noveritis, quod frater Urbanus de Nestorianis conversus, et Tlceu¹¹ heremita et Nicolaus clericus, qui custodiebant capellam Sancti Nicolai, et Karichinus Ungarus interpres noster, sunt ingressi viam carnis universae.

Перевод

Своему возлюбленнейшему во Христе отцу, брату Лаврентию, отправленному братьями из Тартарии к преподобному отцу генеральному министру¹², брат Ладислав, называемый кустодием Газарии¹³, с пожеланием вечного мира в Господе.

Да будет известно вашей милости, что в год Господень 1287, в пятницу¹⁴ великой Страстной седмицы¹⁵ я получил ваше письмо, в котором вы спра-

⁹ Возможно, *domini* [6, p. 78–79, nota 2].

¹⁰ 1-е Петра 2: 2.

¹¹ Starzer & Redlich: *Flceu*.

¹² Маттео д'Акваспарта [3, p. 444, nota 1].

¹³ В тексте ошибочно: *Газмы*.

¹⁴ Starzer & Redlich; Eubel: *среду*.

¹⁵ 2 апреля [3, p. 444].

шивали у меня, каким образом брат Моисей вернулся от двора императора. О возвращении упомянутого брата меня сподвигло достоверно ответить вам то, что стало известно не только христианам, но также и всем сарацинам и другим неверным, проживающим в этих краях.

Ибо упомянутый брат Моисей в тот же год, когда вы от нас отбыли, вернулся целый и невредимый, в намного лучшем состоянии и намного больше преуспевший, чем мы надеялись, ведомый Господом по заслугам самого брата. Ибо императоры Телебуга и Ногай направили каждый по одному из наиболее выдающихся из своих баронов и третьего особого посла с той целью, чтобы если первые обвинят кого-либо в разрушении церкви или сносе колокола, то этот третий без всякого исключения или денежного заступничества накажет того своей собственной рукой вне зависимости от обстоятельств. И так прибыв на следующий день после праздника Святого Доминика в августе¹⁶ и неся крест с императорскими регалиями¹⁷ и знаменами, тот третий вошел с военной силой в город Солхат в сопровождении всех латинян и других бесчисленных христиан и с торжественной процессией, как и вместе с поющими литанию братьями, прошел через все улицы и площади упомянутого города. И хотя он был сарацином, поразил всех сарацин словно собак. Даже самые выдающиеся из сарацин, видя нависшую над ними угрозу их жизни, бежали, бросив все, что имели, в близлежащий с городом лес, где они и прятались в течение добрых семи дней. Упомянутый же посол повесил на место колокола, который они незаконно сняли, три колокола с великим почетом и к бесконечной радости христиан. И поскольку все братья, пораженные чрезвычайным страхом, молили Господа и, насколько могли, к нему взывали, дабы никто не погиб из-за них или по этому случаю, чудесный Бог, чудесным образом все вершащий, чудесным же образом нас избавил: так как тех, кого, как мы полагали, ожидало немедленное наказание смертью, он наказал наказанием их мирского имущества. Ибо поистине, сразу же после того как Всевышний чудесным образом изменил приговор, они должны были выплатить в компенсацию более чем шестьсот тысяч аспров. Сколько же денег они дали послу, я не могу написать вам с достоверностью, поскольку их было, как я видел, почти бесчисленное количество.

Также в те же дни прибыла императрица Яйлак, старшая и наиболее могущественная жена Ногая, и вошла в упомянутый город, чтобы увидеть местопребывание братьев и церковь с колоколами. Там же она просила братьев крестить ее и наставить в католической вере, и хотела быть крещенной на месте в городе под названием Керквети¹⁸. Когда же я, брат Ладислав, называемый кустодием, пришел туда вместе с братом Стефаном, гвардианом [конвента] Каффы, в присутствии архиепископа армян со всем его клером, как и множества священников и клириков греков, хоть все они противодействовали этому и противились, она была крещена нашими руками. И сама же госпожа просила с величайшей настойчивостью, чтобы братья остались в том месте, где ее крестили, и повелела дать нам место в упомянутом городе, на котором я, брат Ладислав, называемый кустодием, вместе с братом Павлом, ранее бывшим гвардианом Сарая, возвел церковь и заложил необходимые здания в честь прославленной матери Девы. И в том же месте упомянутая госпожа назначила нам в

¹⁶ 1286 года [3, p. 444; 6, p. 77].

¹⁷ тамгами [1, p. 232].

¹⁸ Кырк-Ер [7, p. 89; 6, p. 77, nota 2; 1, p. 232].

защитники Имора, сына Молдая и господина¹⁹ той земли, и повелела ему под угрозой смерти охранять нас от всех незаконностей, которые нам могли бы причинить эти сарацины.

А в то время, пока брат Моисей добирался до Викаума²⁰, тысячник того народа по имени Аргум²¹ послал особливо сына, будучи язычником, испрашивая, чтобы братья соизволили послать к тому народу двоих братьев во имя Бога, дабы они преобразили в католическую веру правоверных, там пребывающих, и крестили желающих обратиться. И сам господин также выразил желание снабдить упомянутых братьев как животными, так и домами, и всем другим необходимым. Движущей же причиной, побудившей его к этому, было следующее: поскольку среди того же народа некий знатный и могущественный тартарин, чью жену многие годы терзал демон и которой не могли помочь вредоносность магов и вещунов, наконец, после множества вреда, принесенного упомянутому народу указанной женой, он решил отослать ее в церковь братьев на волю Бога. И как муж, так и упомянутая [жена] приняли обет, что они примут веру, если Бог ее избавит от вышеназванной напасти посредством молитв братьев. В присутствии всех она была чудесно избавлена заслугами святейшего отца нашего Франциска и посредством молитв братьев. Наконец, по их крайне настоятельной просьбе как муж, так и она были крещены со всеми своими подчиненными.

Также другая девочка, дочь столь же знатного и могущественного тартарина из того же народа, была избавлена схожим образом и крещена вместе со всем домом отца, как и с друзьями и родственниками.

Итак, все это, если вам будет угодно, вы можете зачитать преподобному отцу генеральному министру и просить у него же братьев, чтобы мы смогли направить некоторых из нас как ко двору упомянутой императрицы, так и к вышеназванному народу. И если он захочет их отправить, пусть они будут направлены согласно разделу устава [Ордена].

Написано в Каффе в пятницу перед воскресеньем Октавы Пасхи [10 апреля], в год Господень 1287.

Также найдите, что брат Урбан, обращенный из несториан, как и отшельник Тлкеу и клерик Николай, заботившиеся о капелле Святого Николая [в Каффе], и Карикиний Венгр, наш переводчик, вступили на путь всякой плоти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bratianu G. I. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noir au XIIIe siècle.* Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1929. xii + 359 p.
2. *Bullarii Franciscani epitome, sive summa bullarum in ejusdem bullarii quattuor prioribus tomis relatarum.* Eubel K. (ed.). Apud Claras Aquas: Coll. S. Bonaventurae, 1908. 349 p.
3. *Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano.* Tomo II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913. iv + 641 p.
4. *Kovács Sz. A Franciscan Friar's Letter From the Crimea (1287) // Acta Orientalia*

¹⁹ Возможно, Молдая, господина той земли [6, p. 78–79, nota 2].

²⁰ Вичины [7, p. 90; 6, p. 77–78, nota 2; 5, p. 101–102; 1, p. 232].

²¹ Вероятно, Аргун [6, p. 77–78, nota 2].

Academiae Scientiarum Hungarica. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2016. Vol. 69/2. P. 157–164.

5. *Laurent V.* Un évêque fantôme ou la Bitzina taurique // *Echos d'Orient*. Paris: Institut français d'études byzantines, 1939. Vol. XXVIII. P. 91–103.

6. *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar" // *Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique*. Vol. II. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p.

7. *Richard J.* La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome: École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p.

8. *Starzer A., Redlich O.* Eine Wiener Briefsammlung zur Geschichte des Deutschen Reiches und der österreichischen Länder in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts // *Mittheilungen aus dem vaticanischen Archive*. Vol. II. Wien: In Commission bei F. Tempsky, 1894. lx + 422 s.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107> (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

Поступила 11.01.2017 г.

Принята к публикации 3.03.2017 г.

A LETTER OF LADIZLAUS, THE FRANCISCAN CUSTODIAN OF GAZARIA (CAFFA, APRIL 10, 1287)

Roman Hautala^{1,2}

¹ *Sh.Marjani Institute of History,
Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu 90570, Finland
E-mail: romanhautala@gmail.com*

The following letter of Friar Ladizlaus, Franciscan Custodian of Gazaria (that is, of the Northern Black Sea region), contains an interesting description of the collision between Catholic missionaries and Muslim residents of Solkhat. In his letter, Friar Ladizlaus describes the circumstances of the conflict that arose in the summer of 1286 between the Franciscans of Solkhat and local Muslim residents who were angered by Catholics' habit of sound a bell on their church. During the conflict, the Solkhat Muslims demolished this bell and destroyed the Catholic church. In turn, the Franciscans submitted a complaint against their actions to khan Tula-Buga and Nogay. In response to the Minorites' petition, Jochid rulers sent their representatives to Solkhat. Despite personal commitment to the Muslim

faith, these representatives severely punished Franciscans' offenders and allowed the Minorites both to rebuild their church and to hang three bells instead of one destroyed earlier.

Letter's translation is provided with the necessary comments, which will be expanded in the future monograph of the author. It is appropriate to note that the letter was analyzed in detail in a recent article of the Hungarian researcher Szylvia Kovács [4, p. 157–164].

The Latin text of the letter is reproduced according to Girolamo Golubovich's edition based on the Codex Ottoboniana 2115 from the Vatican library (fol. 62) [3, p. 444–445].

Discrepancies from the followin earlier editions are also taken into account in the text: [8, no. 250, s. 248–250 (referred to as **Starzer & Redlich**); 2, p. 165, nota 1 (referred to as **Eubel**)].

Keywords: Golden Horde, religious policy of the Jochids, Islamization, Catholic missionary activity, Latin sources.

For citation: Hautala R. A Letter of Ladizlaus, the Franciscan Custodian of Gazaria (Caffa, April 10, 1287). *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 193–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.193-199

REFERENCES

1. Bratianu G. I. *Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noir au XIIIe siècle*. Paris, Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1929. xii + 359 p. (In French)
2. *Bullarii Franciscani epitome, sive summa bullarum in ejusdem bullarii quattuor prioribus tomis relatarum*. Eubel K. (ed.). Apud Claras Aquas, Coll. S. Bonaventurae, 1908. 349 p. (In Latin)
3. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Tomo II. *Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1913. iv + 641 p. (In Italian, Latin)
4. Kovács Sz. A Franciscan Friar's Letter From the Crimea (1287). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 2016, Vol. 69/2, pp. 157–164.
5. Laurent V. Un évêque fantôme ou la Bitzina taurique. *Echos d'Orient*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1939, Vol. XXVIII, pp. 91–103. (In French)
6. Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar"*. Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Vol. II. Paris, Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p. (In French)
7. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p. (In French)
8. Starzer A., Redlich O. *Eine Wiener Briefsammlung zur Geschichte des Deutschen Reiches und der österreichischen Länder in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts*. Mittheilungen aus dem vaticanischen Archive. Vol. II. Wien, In Commission bei F. Tempsky, 1894. lx + 422 s. (In German, Latin)

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107> (1, Pentti Kaiteeran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland). E-mail: romanhautala@gmail.com

Received January 11, 2017

Accepted for publication March 3, 2017

**«РЕЧИ» ГОНЦА СИГИЗМУНДА II МИХАИЛА ГАРАБУРДЫ
КРЫМСКОМУ КАЛГЕ МУХАММЕД-ГИРЕЮ (1559 Г.)**

А.А. Горский^{1,2}

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Российская Федерация*

² *Институт российской истории РАН
117036, Москва, Российская Федерация
E-mail: gor-ks@yandex.ru*

В статье впервые полностью публикуются «речи» гонца короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Михаила Гарабурды калге Крымского ханства Мухаммед-Гирею, захваченные в 1559 г. воеводой Д.Адашевым и предъявленные Иваном Грозным литовской стороне в 1562 г. Посольство Михаила Гарабурды в Крым и днепровско-крымский поход Д.Адашева имели место в 1559 г. О грамоте Сигизмунда и «речах» его гонца говорится и в посольской книге Великого княжества Литовского. Примечательно, что грамота Сигизмунда и «речи» М.Гарабурды были использованы российской стороной только в ходе переговоров 1562 г., т.е. через три года после того, как они оказались в Москве.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Крымское ханство, посольские речи, Сигизмунд II, Мухаммед-Гирей, Михаил Гарабурда.

Для цитирования: Горский А.А. «Речи» гонца Сигизмунда II Михаила Гарабурды крымскому калге Мухаммад Гирею (1559 г.) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 200–205. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.200-205

В пяти русских рукописных сборниках второй половины XVI – XVII вв. (сходных по своему составу) содержится подборка документов, объединенных темой взаимоотношений с восточными мусульманскими государствами. В них помещены: ярлык-послание хана Большой Орды Ахмата великому князю Ивану III, шертная грамота ногайского бия Исмала Ивану Грозному (1557 г.), «речи» гонца короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа Михаила Гарабурды калге (наследнику престола) Крымского ханства Мухаммед-Гирею, т.н. «турецкого царя вольная грамота некоему русину», запись о посольстве казанских князей крымскому хану с текстом их послания (1549 г.) и ярлык хана Золотой Орды Узбека митрополиту всея Руси Петру.

В древнейшем из сборников – ГИМ, собр. Забелина № 419 (начало 1560-х гг. [14, с. 153, прим. 1; 1, с. 94]) большая часть листов с данным комплексом документов ныне утрачена, сохранилась лишь концовка «вольной грамоты русину» и запись о посольстве казанских князей с начальной частью их письма в Крым (л. 94–95). Полностью подборка сохранилась в четырех сборниках, составленных в XVII столетии:

РГБ, ф. 236 (собр. Попова), № 59 (2521) (кон. 1610-х – 1620-е гг. [1, с. 93, примеч. 12]), л. 131 об. – 140 об.

РГАДА, ф. 181 (МГА МИД), № 591 (1620-х или 1630-х гг. [2, с. 192–193; 1, с. 93, примеч. 10]), л. 781 – 795 об.

ГИМ, собр. Синодальное, № 272 (30–40-х гг. XVII в. [2, с. 191–192; 1, с. 93, примеч. 7]), л. 401 – 409 об.

ГИМ, собр. Черткова, № 165-1 (конца XVII в. [2, с. 225–228]), л. 225 – 227 об.

Забелинский список был, по-видимому, протографом, к которому восходят остальные сборники сходного состава [1, с. 96–97, стемма на с. 100]. Из содержания ясно, что составлялся он лицом, близким к митрополичьей кафедре и одновременно царскому двору (поскольку составитель имел доступ к перехваченным документам дипломатической переписки и мог включать тексты их переводов в свою рукопись).

Ярлык Узбека митрополиту Петру встречается и помимо рассматриваемой группы сборников¹. Шертная грамота Исмаила сохранилась также (в другом переводе) в составе посольской книги по связям Русского государства с Ногайской Ордой [11, оп. 2, д. 14, л. 1; оп. 1, д. 5, л. 26 – 26 об.; 7].

Ярлык Ахмата, «вольная грамота русину» и письмо казанских князей крымскому хану не фиксируются нигде, кроме указанных сборников. Два последних документа опубликованы и изучены И.В. Зайцевым [3; 4]. Ярлык Ахмата, долгое время известный только по Синодальному сборнику, издан по всем спискам автором этих строк в 2012 г. [1].

Единственный не привлекавшийся ранее исследователями документ из рассматриваемого комплекса – «речи» Михаила Гарабурды Мухаммед-Гирею – также заслуживает внимания. О появлении этого документа в Москве говорится в посольской книге по связям с Литвой и Польшей за 1562 год. Текст «речей» вместе с текстом грамоты короля Сигизмунда хану Девлет-Гирею, по утверждению российской стороны, был захвачен воеводой Даниилом Адашевым при переправе литовских гонцов через Днепр. Написаны грамота и «речи» были «татарским письмом». Иван IV, исходя из содержания этих документов, предъявил претензии литовской стороне в подстрекательстве Крымского ханства к войне против России. Оба документа были переданы литовскому послу Б. Корсаку [13, с. 63]². Далее в посольской книге приводятся тексты переводов грамоты и «речей». При этом если грамота короля приведена полностью, то «речи» Михаила Гарабурды – только с середины, со слов «Божиею милостию недругу нашему отомстиши» [10, № 6, л. 178 – 181 об.; 13, с. 63–67]³.

Посольство Михаила Гарабурды в Крым и днепровско-крымский поход Д. Адашева имели место в 1559 г. [9, № 101, 102, с. 157–163; 8, с. 277, 279–280]. О грамоте Сигизмунда и «речах» его гонца говорится и в посольской книге Великого княжества Литовского. В записи о посольстве М. Гарабурды

¹ Он является фальсификатом, созданным около 1550 г. [6].

² «И мы ту твою грамоту, что послали еси перекопскому, и рѣчи, что говорилъ Михайло отъ тебя калѣ, послали къ тебѣ въ сей своей грамотѣ на обличенье твоимъ неправдамъ» – писал Иван Сигизмунду. Эта информация (с уточнением, что захвачены документы были, когда литовские гонцы возвращались из Крыма) приведена и в официальном московском летописании [8, с. 297].

³ В публикации 1892 г. текст «речей» напечатан с ошибками; в частности, пропущены слова «а твоему царевичеву величеству Багатыря царевичевы поминки дастъ».

упоминается королевский «листъ, до цара писаный», в ответном послании Девлет-Гирея – «слова» Гарабурды с обещанием поминков в случае, если крымцы нападут на землю «князя великого Московского» [9, № 101, 102, с. 157, 161–162]. В наказе Сигизмунда послу в Крым С. Тишковичу (1562 г.) упоминаются «листъ и всказъ, што есьмо съ Кракова до цара писали, и въсказывали черезъ дьяка нашего, Михайла Гарабурду», захваченные московской стороной и переданные Б. Корсаку [9, № 140, с. 214–215]⁴.

Примечательно, что грамота Сигизмунда и «речи» М. Гарабурды были использованы российской стороной только в ходе переговоров 1562 г., т.е. через три года после того, как они оказались в Москве. Между тем посольства из Литвы приезжали и в 1560, и в 1561 гг., причем в октябре 1560 г. посольство возглавлял не кто иной, как Михаил Гарабурда [12, № 43, с. 624–629]⁵. Но в 1560 г. Иван Грозный рассчитывал заключить с Сигизмундом Августом союз; в частности, рассматривался вопрос о браке царя с сестрой короля Екатериной. К 1562 г. ситуация изменилась: фактически между Россией и Литвой уже шли военные действия [15, с. 246–250, 258–262, 291–292]. В этих условиях припрятанный «козырь» был пущен в ход.

Далее приводится текст «речей» Михаила Гарабурды по наиболее раннему списку – РГБ, ф. 236 (собр. Попова), № 59 (2521), л. 133–134. В примечаниях приводятся имеющие содержательное значение варианты из списка РГАДА, ф. 181 (МГА МИД), № 591, л. 783 об.–785 об. (второго по хронологии и с точки зрения текстологии сборника [1, с. 100]; ниже обозначается как М) и из посольской книги [10, № 6, л. 181 – 181 об.] (ниже обозначается как ПК).

(л. 133) Посолство литовского короля Жигимонъта крымскому царю и царевичу

Великие Орды волнаго человека калги Магметъ Киръеву Киръеву⁶ царевичу величеству. Толко пожалуешь, государь, извещен⁷ твоему величеству: вчера в четвергъ отца твоего цареву величество велѣлъ намъ у себя быти, челом ударити, и тогда волнаго человека цареву величеству государя своего великаго короля Жигимонта Августа, короля ляцкого и великаго князя литовскаго, и рускаго, и прускаго, и жемоцкаго, и мазовецкаго. По государя своего королеву велѣнью отца твоего волнаго человекѣ|| (л. 133 об.) цареву величеству сказали есмѣ Магмет Киръевы поминки, а твоему цареву величеству сказываем Богатыря царевичевы поминьки, для того чтобы цареву величество с честіем на конь съѣлъ и Московъскую землю воевал. И толко по твоему приятелному посолству, по твоему слову отца твоего цареву величе-

⁴ Послу Тишковичу предписывалось объяснить хану, каким образом эти документы попали в руки неприятеля. Неясно, на чем основано предположение А.Л. Хорошкевич, что грамота короля хану, переданная Корсаку, – это одна «из грамот, отправленных в Крым с Григорием Кайдашем», ездившим туда в конце 1560 г. [15, с. 292, прим. 461]. И русская, и литовская посольские книги, и летописное известие прямо указывают, что речь идет о документе, привезенном в Крым Михаилом Гарабурдой.

⁵ М. Гарабурда позже стал одним из виднейших дипломатов Речи Посполитой.

⁶ В М второе Киръеву зачеркнуто.

⁷ В М извещаем.

ство на Москву пойдет, и повоюет Мо[с]кву⁸. Только царево величество сам не поедеть, ино бы твое величество шед своею ратию недруга нашего московскаго землю повоюешь, Божию милостию недругу нашему отмстиш, и за тот год колико повоюешь, отца твоего цареву величеству Магметъ Кирѣвы [царевы]⁹ поминки дасть, а твоему царевичеву величеству Богатыря царевичевы поминки дасть. Те поминки на всяк годъ государь нашъ король вашему величеству учнет давати, а твое бы величество с недруга нашего с московскаго князя заблю¹⁰ свою за все не сносил еси.||(л. 134) А которые города у которого государя короля недруг нашъ московской князь неправдою поимал, да держит, даи Боже ваше величество з Божию милостию тѣ бы города у московскаго из рукъ взял да государю нашему королю отдали есте. Государь король царева величества с болшим его послом Аккушъ уланом подлинно вѣдомо учинить и в своей грамотѣ написавъ вашему величеству известит и шертную свою грамоту пришлеть, вашему бы величеству то прямо вѣдомо было. Государя нашего великаго короля государя князя слуга Харабурда Михаила тау нѣ¹¹ челом ударили вашему величеству.

Заголовок принадлежит, несомненно, составителю сборника, на что указывает неточность в передаче титулатуры – «король литовский». Под «Магмет-Киреевыми» и «Богатыревыми» поминками имеются в виду особо богатые посольские дары, некогда вручавшиеся хану Мухаммед-Гирею (1515–1523) и его сыну «царевичу» Богатырю. Слово «тау» после имени гонца является, скорее всего, оставленной без перевода формулой выражения почтения, встречающейся в документах по связям постордынских государств между собой и с Россией [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский А.А. Ярлык Ахмата Ивану III // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48).
2. Емченко Е.Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
3. Зайцев И.В. «Вольная грамота» турецкого султана «некоему русину» // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003.
4. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004.
5. Зайцев И.В. «Таусалам»: из истории золотоордынского дипломатического церемониала // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011.
6. Зимин А.А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.
7. Кобеко Д.Ф. О шертной грамоте ногайского князя Измаила // Записки Русского археологического общества. Новая серия. Т. 1. СПб., 1886.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965.
9. Посольская книга Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. Т. 1.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 127.

⁸ В П с пропущено.

⁹ Царевы читается в М и ПК, в П пропущено.

¹⁰ В ПК саблю.

¹¹ В М и ПК тау и.

12. Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887.
13. Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892.
14. Турилов А.А. Книга раздачи «поминков» при хиротонии ростовского архиепископа Тихона (1489 г.) // Древнерусское и поствизантийское искусство: Вторая половина XV – начало XVI века. М., 2005.
15. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Сведения об авторе: Антон Анатольевич Горский – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (117036, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: gor-ks@yandex.ru

Поступила 13.01.2017 г.

Принята к публикации 02.03.2017 г.

**“SPEECHES” OF SIGISMUND II’S COURIER, MIKHAIL GARABURDA,
ADDRESSED TO THE CRIMEAN QALGA MUHAMMAD GIRAY (1559)**

A.A. Gorsky^{1,2}

¹ *Lomonosov Moscow State University
Moscow 119991, Russian Federation*

² *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
Moscow 117036, Russian Federation
E-mail: gor-ks@yandex.ru*

The author of the article for the first time publishes completely the “speeches” of Mikhail Garaburda – the courier of the Polish king and the Great Lithuanian prince Sigismund II – addressed to Qalga of the Crimean Khanate Muhammad Giray, which were intercepted in 1559 by the voivode D.Adashev and presented by Ivan the Terrible to the Lithuanian side in 1562. Both the embassy of Mikhail Garaburda in the Crimea and the Dnieper-Crimean campaign of D.Adashev took place in 1559. The Ambassadorial book of the Grand Duchy of Lithuania speaks about Sigismund’s charter and the “speeches” of his courier. It is noteworthy that Sigismund’s charter and M.Garaburda’s “speeches” were used by the Russian side only in the course of the negotiations in 1562, that is, three years after they had been delivered to Moscow.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Crimean Khanate, ambassadorial speeches, Sigismund II, Muhammad Giray, Mikhail Garaburda.

For citation: Gorsky A.A. “Speeches” of Sigismund II’s Courier, Mikhail Garaburda, Addressed to the Crimean Qalga Muhammad Giray (1559). *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 200–205. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.200-205

REFERENCES

Gorsky A.A. Yarlyk Akhmata Ivanu III [Akhamt’s Yarlyk Granted to Ivan III]. *Drevnyaya Rus’: voprosy medievistiki* [Ancient Rus’: Issues of Medieval Studies]. 2012. № 2 (48). (In Russian)

2. Emchenko E.B. *Stoglav: issledovanie i tekst* [Stoglav: Study and Text]. Moscow, 2000. (In Russian)
3. Zaytsev I.V. «Vol'naya gramota» turetskogo sultana «nekoemu rusinu» [“Free of Merit” of the Turkish Sultan Granted to a “Certain Rusin”]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2002: Rossiya i tyurkskiy mir* [Studia Turcologica. 2002: Russia and the Turkic World]. Moscow, 2003. (In Russian)
4. Zaytsev I.V. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom: Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV – pervaya polovina XVI vv.)* [Between Moscow and Istanbul: The Juchid States, Moscow and the Ottoman Empire (early 15th – first half of the 16th centuries)]. Moscow, 2004. (In Russian)
5. Zaytsev I.V. «Tausalam»: iz istorii zolotoordynskogo diplomaticheskogo tseremoniala [“Tausalam”: From the History of the Golden Horde Diplomatic Ceremonial]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2009–2010* [Studia Turcologica. 2009–2010]. Moscow, 2011. (In Russian)
6. Zimin A.A. Kratkoe i prostrannoe sobraniya khanskikh yarlykov, vydannykh russkim mitropolitam [Short and Lengthy Collections of Khans’ Yarliks Granted to the Russian Metropolitans]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god* [Archaeographic Yearbook for 1961]. Moscow, 1962. (In Russian)
7. Kobeko D.F. O shertnoy gramote nogayskogo knyazya Izmaila [About the Shert Charter of the Nogai Prince Ishmael]. *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Archaeological Society]. Novaya seriya. Vol. 1. St. Petersburg, 1886. (In Russian)
8. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 29. Moscow, 1965. (In Russian)
9. *Posol'skaya kniga Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo* [The Ambassadorial Book of Metrics of the Grand Duchy of Lithuania]. Moscow, 1843. Vol. 1. (In Russian)
10. *Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 79. (In Russian)
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 127. (In Russian)
12. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society]. Vol. 59. St. Petersburg, 1887. (In Russian)
13. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society]. Vol. 71. St. Petersburg, 1892. (In Russian)
14. Turilov A.A. Kniga razdachi «pominkov» pri khirotonii rostovskogo arkhi-episkopa Tikhona (1489 g.) [The Book of Distribution of the “Pominki” Related to the Consecration of the Rostov Archbishop Tikhon (1489)]. *Drevnerusskoe i postviziantskoe iskusstvo: Vtoraya polovina XV – nachalo XVI veka* [Old Russian and Post-Byzantine Art: Second half of the 15th – the beginning of the 16th centuries]. Moscow, 2005. (In Russian)
15. Khoroshkevich A.L. *Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI veka* [Russia in the System of International Relations of the middle of the 16th century]. Moscow, 2003. (In Russian)

About the authors: Anton A. Gorsky – Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow (27 Lomonosovsky Prospect, campus building 4, Moscow 119991, GSP-1, Russian Federation); Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (19 Dmitriya Ul'yanova Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: gor-ks@yandex.ru

Received January 13, 2017

Accepted for publication March 2, 2017

**О НАДЕЛЕНИИ НАРОДОМ, ЗЕМЛЕЙ, ЛЕСАМИ И ВОДАМИ
НОГАЙСКИХ БЕЕВ ИЗ РОДА УСЕРГЕН, КЫПЧАК,
БУРДЖАН И ТАМЬЯН**

М.И. Ахметзянов¹, И.М. Миргалеев²

¹ *Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: zolotayaorda.centru@mail.ru*

² *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация
E-mail: dilnur1976@mail.ru*

Публикуется грамота, написанная на татарском языке и выданная русской администрацией ногайским татарам, которые поступили на службу московскому царю, за что получили земли на Южном Урале. В грамоте говорится о четырех ногайских беех из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян. Грамота сохранилась в виде копии от 1838 года. В документе перечисляются земли на Южном Урале, которые были пожалованы этим четырем родам. В ней говорится, что «некоторым» из этих беев (князей) дали земли, людей, а «некоторые» получили тарханство. По мнению авторов, время составления грамоты относится к рубежу XVI–XVII веков.

Грамота раскрывает начальный процесс вхождения четырех ногайских родов в этно-сословие «башкорт».

Ключевые слова: грамота, Казанское ханство, Южный Урал, ногайские племена, башкиры.

Для цитирования: Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 206–212. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.206-212

Найденная во время археографической экспедиции в Азнакаевском районе Республики Татарстан грамота русской администрации Казани ногайским беям родов усерген, кыпчак, бурджан и тамьян, которая находилась среди других татароязычных документов и татарских шежере, позволяет проследить историю заселения Южного Урала ногайскими татарами и поступление их на службу московскому царю. Как известно, позже эти роды были включены в сословие башкир-вотчинников (асаба башкорт) и впоследствии стали одними из основных башкирских родов.

Эта грамота, написанная на татарском языке и сохранившаяся в копии от 1838 года, созвучна и с некоторыми данными поздних башкирских шежере, опубликованных Р.Г. Кузеевым. Ногайские татары активно заселяли Волго-Уральский регион¹ и, скорее всего, эта грамота могла принадлежать той части ногайских татар, которые заселили юго-восток современного Татарстана, а часть их родственников получила от русской администрации в Казани земли

¹ Продвижение ногайских татар достигло реки Вятки; например, известно, что некий Ханмирза бей со своими людьми заселил бассейн реки Вятка [1, с. 188].

на Южном Урале. В документе перечисляется, что «некоторые» из этих приглашенных получили земли, людей, а «некоторые» получили и тарханство. Здесь налицо тот факт, что эти племена были расселены по завоеванным Москвой татарским землям Казанского ханства, западным территориям Сибирского ханства и землям Ногайской Орды на Южном Урале. Перед Москвой стояла задача как можно быстрее заселить эти территории, которые «пустовали» после бедствий, свалившихся на голову ногайцев в последней четверти XVI века, и организовать охрану новой границы. На наш взгляд, именно эти племена в 1630 году и разгромили калмыков [2, с. 27].

Причем эти роды еще не названы башкирами, что свидетельствует о том, что описываемые события происходили после падения Казанского ханства и до вытеснения из Приуралья Кучум-хана и его сыновей. На наш взгляд, речь идет о рубеже XVI–XVII веков.

Часть этих ногайских племен получила земли на Южном Урале с условием, что они будут нести военную службу. Этот надел назван в источнике «особой землей Бурджан», что в оригинале звучит как «Бөржанның асабуи йиридүр» и отражает процесс формирования асаба-башкорт – термина русского происхождения, которым обозначали башкир-вотчинников. Эта новое сословие должно было нести охрану юго-восточных границ Московии. Русская администрация называла их башкирцами; скорее всего, термин был связан с административной системой Казанского ханства, так как в верховьях Камы, как известно, был расположен башкирский улус Казанского ханства, население которого несло службу по охране северо-восточных границ Казанского ханства. Очевидно, основу этого нового сословия составляли иштяки; позже в XVII веке в их состав вошли татарские племена Сибирского ханства, такие как табын, катый и салджунит. Теперь же с изменениями политических границ отпала потребность наличия особого служилого сословия на верховьях Камы и московская администрация переселила иштяков-башкир южнее, прежде всего на ногайские земли, где они должны были нести охрану новых границ Московского государства. В их состав власти впоследствии «вливали» новые группы населения. Эта же грамота показывает процесс вхождения четырех ногайских родов в сословие «башкорт»; в дальнейшем именно эти четыре племени стали самой многочисленной частью современного башкирского народа. Информация из этого документа, что «Великий император князь-царь Иван Васильевич присоединил им народ» показывает, что ногайским беям в подчинение было предоставлено какое то население. Безусловно, здесь речь идет прежде всего об иштяках.

В конце документа указаны пять подписантов грамоты; однако вызывает недоумение, что в тексте написано «кул куймадылар» (перевод: *не подписали*). Скорее всего, переписчик здесь вместо «куйдылар» по не внимательности (?) или же в силу ветхости оригинала, написал «куймадылар», добавив лишнюю букву «мим». Это подтверждается и тем, что из пяти подписантов двое – Алхасов Степан и Пиркутов Михаил – не одобрили документ; что тоже трудно себе представить. Просто, из-за нечитабельности оригинала переписчик после их имен не дописал слово «хуп», что дословно с татарского переводится как одобряю.

Такая ситуация показывает, что в начале XIX века для переписчика было важно сохранить старый документ как, возможно, семейную реликвию, а не

как юридический документ. Также это показывает и то, что часть ногайцев была расселена и дальше на запад от Южного Урала, и, в отличие от тех, кто получил «асабуй йир» за военную службу, они были распределены и в другие сословия и, в отличие от своих собратьев на Южном Урале, вошли в состав татарского народа.

Документның тексты²

“961 нче йылда гакрәбнең 6 нчы көнендә Русийә жәмәгәтьләре Казан шәһрине йавлаб алды. Шул шәһәрдә йортлар бина кыйлыб, моның бәгъдендә түрт оругы хан – Үсәргәндән Бикбау кенәз, Кыбчакдан Мишәүле Каракужак кенәз, Бөржәндән Ички би кенәз, икенчесене Бурансы би кенәз, Тамыйандан Шыгалы Шакман би-кенәз чакыруы буйынча Казан шәһәрине бардыйлар.

Олуг император кенәз сар Иван Василич үзләренә табиғь рәгайәнә³ идүб, йирләренә һәм суларыны үлчәб бирүргә грамота кыйлдылар. Кайуларының илтимаслары буйынча ул олуг шаһымыз фәрманы куәтенчә анлауны табиғь рәгайәтлүлеккә алыб – кайуларга тархан исеме куйылыб, мәрхәмәт идүб һәм йирләруга, суларуга үлчәмәк өчүн Нугай, Себер йулларында йазулар жибәрүб, кайу йазуында караб биләнә торган чахра (сәхра. – М.Ә., И.М.) йирүләрүн һәм урманларун, акар суларун мөшавәрә идүб үлчәтдиләр.

Кайуының өчүн төлке йасагын түләдиләр. Шул мөшавәрә⁴ иткән йирләрин мондыйн түбән мәгълүм улынур. Йазылмышы урынларындан – ул Йайык сувы буйлаб, түбәнгә чиге Сарайчык, йаки Йайык буйлаб үрге чиге Бүзжавыйл, Сакмар су исемле... Иш... ике сузым... башындин аякынача Сайулмышның башындин Каравылның ташындин... Малык йылгасындан Йалгыз Өйәнкегәчә, Нугай Кичүендән үтә Иртөбәкдән Үксез Түбәгәчә сулык Каракашлы, Өвәлгәш Карагайдан, Күр Йувардан Калмаш Башындан Су Тавынача, Сакмарның Алты тотыр ташындан Кийембирде Түбәгәчә, Таналыйкның Тугайынача, Йайыкның Бүзтирәккәчә йараклы Хан Кара Урманы аркылы Камышлауның Куш Убадан Уйрук Тавдан Жим суынача Үсәргән илә Кыбчак, Тамыйан, Бөржәндур. Андыйн Чыгыр әтрафы бүлгән чиге Сарайышкулын, Өч үзәннең сувы агышы илә өч сазының тараулары илән Үрге чиге Түлән килгәч, Бөржәнның асабуй йиридүр.

Өвәл Үсәргәннең Бикбау кенәз Мишәүле Карый кенәз. Әмма ушбу Кыбчак кенәз Бөржәнның искечә икенче исеме Борынчы би кенәз. Тамыйанның Шыгалы Шыкмай.

Әмма ушбу мөшавәрәт улмаклар Казан шәһәренең кинәгәсинә йазылмышдыр һәм төлке йасаганы түләгәнләр һәм төлке табулмаган хәлдә, шул вакытда төлке йитмеш бишәр акча түләдиләр.

Тәхкыйк илә ул олугъ император хәзрәтләринен олуг убши кул куймадылар:

Ибан Бабилов – хуб

Эчтапан Чискалов – хуб

Алхасов Чтапан...

Пиркутов Михаил

Бильский хуб

Кубийә күчүрелди 1838 нче гыйнварның 2 нче көнендә.

² Мирасханэ, ИЯЛИ АН РТ. Коллекция 99, шифр 470.

³ Рәгайәнә – народ одного государства.

⁴ Мөшавәрә идүб – посоветовавшись.

Русский перевод⁵

В 961 году, шестого октября, русский народ завоевал город Казань. Построили в этом городе дома, после этого четыре хана племен (оруг) – князь Бикбау из рода Усерген, князь Мишауле Каракуджак из рода Кыпчак, князь Ички би из рода Бурджан, второй князь Бурансы би, князь Шыгалы Шакман би из рода Тамьян – по приглашению поехали в город Казань.

Великий император князь-царь Иван Васильевич присоединил им народ и велел, измерив, поделить земли и воды и дал об этом грамоту. По просьбе некоторых с помощью приказа нашего великого царя (шаха) они взяли с собой народ, некоторым дав названия тарханы, оказав милость, с целью измерения и раздела дарованных земель и вод были разосланы письма в Ногайские и Сибирские дороги, чтобы, согласно этим письмам, земли, которые были отданы им для владения, были измерены и обсуждены, и эти пустынные земли, леса и воды были поделены.

Для некоторых определили платить лисий ясак. По этим территориям поделенных земель было известно следующее; написано об этих местах – по реке Яик, нижняя граница которой Сарайчык, или по Яику верхняя граница Бузжавыл, река называется Сакмар. Иш... с начала да конца два протяжения... с начала до конца Сайулмышы, начало с камней Каравыла... с реки Малак до Ялгыз Уянке; с Ногай Кичу (ногайского перехода) до Укsez Тубе в землях Иртубека; водоем Каракашлы; с Эувалгы Карагая, с Кур Йувара, с вершины Калмыш до Водяного холма; с камней Алты тотыр Сакмара до Кiemбирде Тубе, до долины Таналыка, до местности Бузтирек в Яике; через лес Хан Кара в местности Камышлау с Куш Уба, с холма Уйрук до реки Джим – усергену и кыбчак, тамьян, бурджан. Местность Чыгыр, границей разделения которой является Сараешкул, верхней границей Тулен, русло трех рек и трех болотистых мест является особой землей бурджан.

⁵ Перевод на русский язык Хафизов З.Т., Миргалеев И.М.

Сначала из усерген Бикбау князь, Мишауле Карый князь, который кыпчак князь, по старому другое название Бурынчы би князь из бурджан. Шыгалы Шыкмай из тамьян.

Все это написано в документах города Казани. Платили лисий ясак. Если лис не находили, платили по 75 акче.

С подтверждением слов великого императора не подписали (?) документ следующие люди:

Иван Бабилов – одобряю

Степан Чискалов – одобряю

Алхасов Степан

Пиркутов Михаил

Бильский – одобряю

Переписан 2 января 1838 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов А.Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 3. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. С. 186–190.

2. Калмыков Н.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во; Карачаево-Черкес. отд-ние, 1988. 230, [2] с. ил.

Сведения об авторах: Марсель Ибрагимович Ахметзянов – доктор филологических наук, профессор, главный н.с. отдела рукописей, научного и архивного фонда Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (420014, ул. Карла Маркса, 12, Казань, Российская Федерация). E-mail: zolotayaorda.centra@mail.ru

Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>** (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Поступила 12.01. 2017 г.

Принята к публикации 05. 03. 2017 г.

**ON THE ALLOTMENT OF NOGAI BIYS
FROM THE USERGEN, KIPCHAK, BURJAN AND TAMYAN CLANS
WITH THE PEOPLE, LAND, FORESTS AND WATERS**

M.I. Akhmetzyanov¹, I.M. Mirgaleev²

¹ G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: zolotayaorda.centra@mail.ru

² Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation
E-mail: dilynur1976@mail.ru

The published charter is written in the Tatar language and was granted by the Russian administration to the Nogai Tatars who entered the service of the Moscow Tsar and received for that lands in the Southern Urals. The charter refers to four Nogai biys from the Usergen, Kipchak, Burjan and Tamyran clans. The charter is preserved in a copy of 1838. The document lists the lands in the Southern Urals that were granted to these four clans. The charter says that “some” of these biys (princes) received lands and people, but “some” of them received the status of Tarkhan. According to the authors, the charter was compiled at the turn of the 16th–17th centuries.

The charter reflects the beginning of the process of infusion of four Nogai clans into the ethnic state of “Bashkort”.

Keywords: charter, Kazan Khanate, Southern Urals, Nogai tribes, Bashkirs.

For citation: Akhmetzyanov M.I., Mirgaleev I.M. On the Allotment of Nogai Biys from the Usergen, Kipchak, Burjan and Tamyran Clans with the People, Land, Forests and Waters. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 206–212. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.206-212

REFERENCES

1. Bulatov A.B. Nekotorye materialy o nogaysko-tatarskikh svyazyakh v proshlom [Some Materials on the Nogai-Tatar Relations in the Past]. *Materialy po tatarskoy dialektologii* [Materials on Tatar Dialectology]. Is. 3. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1974, pp. 186–190. (In Russian)
2. Kalmykov N.Kh., Kereytov R.Kh., Sikaliyev A.I.-M. *Nogaytsy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [The Nogai People. Historical and Ethnographic Essay]. Cherkessk, Stavropol'skoe knizhnoe Publ.; Karachaevo-Cherk. otd-nie, 1988. 230 p., [2] with il. (In Russian)

About the authors: Marsel I. Akhmetzyanov – Dr. Sci. (Philology), Leading Research Fellow at the Department of Manuscripts, Research and Archival Fund, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (12, Karl Marks Str., Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: zolotayaorda.centra@mail.ru

Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: dilynur1976@mail.ru

Received January 12, 2017

Accepted for publication March 5, 2017

УДК 929.52.09

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.213-219

**РОДОСЛОВИЕ КРЫМСКИХ ХАНОВ СОГЛАСНО
«УМДЕТ АЛ-АХБАР» АБДУЛГАФФАРА КЫРЫМИ¹***Дерья Дерин Пашаоглу**Караденизский технический университет**61080, Трабзон, Турция**E-mail: derinderya@ktu.edu.tr*

Статья посвящена родословию Гиреевых, составленному согласно сочинению Абдулгаффа Кырыми «Умдет ал-ахбар». Абдулгаффар Кырыми был большим знатоком тюрко-татарской истории; свое историческое сочинение он написал в 1747 году по османско-турецкой традиции, т.е. автор дал подробную информацию об истории пророков начиная с Адама, об истории ислама, об исламских тюркских государствах, о государстве Сельджуков и Османском государстве, о Чингиз-хане и его сыновьях. Причем, большая часть сведений была им собрана из местных источников того периода. Но основная часть произведения – это история о Джучи-хане и о его детях, и история Крыма. Поэтому Абдулгаффар Кырыми так подробно дает генеалогию Гиреевых и последовательность их правления в Крымском ханстве.

Генеалогия Абдулгаффа Кырыми начинается с Чингиз-хана и о его дочерях (Кучи Бике, Чечган Бигим, Тумалын Бигим, Эльйатун Бигим, Туралы Бигим) и жен, которых у него было около пятиста, но только пять из них были уважаемыми; например: Борте Кучин Биим, Кулан Бигим, Суюган Хатун Бигим, Кёкчи Бигим, Йексулу Бигим.

Вниманию специалистов предлагается список крымской династии Гиреевых, начиная с Хаджи Гирея до Арслан Гирея. Сравнивая составленный на основе «Умдет ал-ахбар» список ханов Гиреевых с написанными на данную тему исследованиями, можно обнаружить некоторые разночтения. На взгляд автора для решения этих проблем необходимо, кроме генеалогических и иных нарративных источников, привлечь и данные нумизматики и большой корпус писем крымских ханов правителям различных стран.

Ключевые слова: Абдулгаффар Кырыми, «Умдет ал-ахбар», Гиреиды, Чингиз-хан, Золотая Орда, Крымское ханство.

Для цитирования: Дерин Пашаоглу Д. Родословие крымских ханов согласно «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффа Кырыми // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 213–219. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.213-219

В этой работе мы предлагаем список крымской династии Гиреевых, составленный на основе сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффа Кырыми. Как известно, в этом сочинении даются обширные сведения о Чингиз-хане и его потомках, о Золотой Орде, о Крымском ханстве. Также автор дает достаточно много оригинальной информации о Гиреидах. Абдулгаффар Кырыми был большим знатоком тюрко-татарской истории; в своем труде, кроме различных документов из крымской канцелярии и своих наблюдений, он использовал более 20 исторических трудов [3].

¹ Перевод с турецкого языка И.М. Миргалеева.

Написанное в 1747 году рукописное произведение Абдулгаффара Кырыми – «Умдет ал-ахбар», – является частью османско-турецкой традиции написания истории. Это первый рукописный источник, освещающий историю Крыма на основе местных источников, и о котором еще не было серьезных исследований. Автор дал подробную информацию об истории пророков начиная с Адама, об истории ислама, об исламских тюркских государствах, о государстве Сельджуков и Османском государстве, о Чингиз-хане и его сыновьях; большая часть сведений была собрана из местных источников того периода. В части о Джучи-хане и его детях и истории Крыма, которые были целью написания произведения, опираясь на собственные наблюдения, другие местные источники и рассказы, автор приводит очень важные сведения об условиях того времени, произошедших событиях, войнах, о внутренних делах государства, о положении беев и народа.

Род Абдулгаффара Кырыми происходил от Бек Султана, сына Мамай бека и Бисулу Хануш, дочери Джанибек-хана из рода хана Джучи. В ханстве он занимал посты церемониймейстера, советника и некоторое время был кадием. Его происхождение и занятие важнейших государственных должностей позволяли ему получать информацию об истории правившего в Крыму рода. Поэтому в его сочинении имеется информация как о государственной организации Золотой Орды и Крымского ханства, так и о способах ведения государственных дел, политических спорах Гиреев. Также дается подробная информация о личных качествах ханов, беев и мирз.

Достаточно интересная информация имеется у Абдулгаффара Кырыми и о женах и дочерях Чингиз-хана. Согласно «Умдет ал-ахбар», первой женой Чингиз-хана была дочь Конграта Ноян Бахадыра – Борте Кучин Биим. О других его женах и дочерях информации мало. Согласно выдержке автора из «Тарих-и Апушка», Чингиз-хан взял себе в привычку брать себе в жены красивых дочерей падишахов и беев захваченных им земель. Таким образом, у него было около пятиста жен [4, л. 245-б], однако только пять из них были уважаемыми:

Борте Кучин Биим: дочь Конграта Ноян Бахадыра.

Кулан Бигим: дочь Тайран Суйун из ила Меркит, был сын Кюлган.

Суйуган Хатун Бигим, от нее родился один сын, который умер в младенчестве

Кёкчи Бигим: дочь падишаха Хытая.

Йексулу Бигим: дочь бея племени Йесуган Санлы Тамар.

От первой жены, дочери Конграта Ноян Бахадыра, Борте Кучин Бигим, было пять дочерей:

Кучи Бике – отдал за сына Икрат-хан Гюнбога;

Чечган Бигим – отдал за Туралджы-курегана из ила Ойрат;

Тумалын Бигим – отдал за бея племени Конграта-куреган;

Эльятун Бигим – отдал за владельца племени Ал-кутун, Таджер-Керан-курегана;

Туралы Бигим – отдал за сына Онк-хана [4, л. 246-а].

Ниже приводим список крымских ханов Гиреев, которые, согласно данным Абдулгаффара Кырыми взошли на крымский трон.

Дата вступления на престол	Ханы Гирейды и сведения о них, данные в «Умдет ал-ахбар»
	Хаджи Гирей. Правил 18 лет и умер в 870 году хиджры
	Менгли Гирей-хан бин Хаджи Гирей-хан, умер в 920 году
920 год (1524–1525)	Мехмед I Гирей-хан бин Менгли Гирей
943 год (1536–1537)	Саадет Гирей бин Менгли Гирей, правил 14 лет
957 (?) год (1550)	Ислам Гирей-хан бин Менгли Гирей
957 год (1550)	Сахиб Гирей-хан
?	Девлет I Гирей-хан бин Мубарек Гирей бин Менгли Гирей. Его называли «Дагт-алган Девлет Гирей», что означает «получивший престол». Правил 27 лет, умер в 985 году
985 год (1578–1579)	Мехмед II Гирей-хан бин Менгли ? Гирей-хан, правил 4 года
992 год (1584)	Ислам Гирей-хан бин Менгли ? Гирей
996 год (1587–1588)	Гази I Гирей бин Менгли Гирей. Был ученым, совершенным, справедливым и остроумным поэтом, известен как Хюсеин Байкара своего времени
1005 год (1596–1597)	Фатих Гирей Султан
X.? (1607–1608)	Гази Гирей Султан (вторично), умер в 1016 году
1016 год (1607–1608)	Селамет Гирей-хан бин Девлет Гирей
1019 год (1610–1611)	Джанибек Гирей-хан бин Мубарек Гирей бин Девлет Гирей
1030 год (1620–1621)	Мехмед III Гирей-хан бин Девлет Гирей
1037 год (1627–1628)	Джанибек Гирей-хан (вторично)
1046 год (1636–1637)	Инайет Гирей-хан бин Гази Гирей-хан
1048 год (1638–1639)	Бахадыр Гирей-хан бин Селамет Гирей
1051 год (1641–1642)	Мехмед IV Гирей-хан бин Селамет Гирей-хан
1054 год (1644–1645)	Ислам III Гирей бин Селамет Гирей-хан Халим, набожный и сострадательный
1067 год (1656–1657)	Вторично Мехмед IV Гирей-хан бин Селамет Гирей-хан (Суфи Мехмед-хан). Обретя покой, во второе правление делал упор на религию – его стали называть Суфи

1075 год (1664–1665)	Адиль Гирей бин Чобан Гирей
1082 год (1671–1672)	Селим I Гирей-хан бин Бахадыр Гирей-хан. Будучи умным, терпеливым, старательным ханом завоевал доверие народа. Прославившись умом и храбростью, был ханом 4 раза
1089 год (1678–1679)	Мурад Гирей-хан бин Мубарек Гирей бин Селамет Гирей
1094 год (1682–1683)	Хаджи II Гирей-хан бин Крым Гирей-хан Селамет Гирей-хан. Был смелым богатырем и на редкость среди потомков Чингиза – очень старательным
1095 год (1683–1684)	Вторично Селим I Гирей-хан
1102 год (1690–1691)	Саадет II Гирей-хан. Из-за его слепоты на один глаз, народ Крыма считал, что и сердце у него слепое, и прозвал его Сюкур Саадет Гирей
1103 год (1691–1692)	Сафа Гирей-хан бин Сафа Гирей Султан бин Селамет Гирей
1104 год (1692–1693)	В третий раз ханом стал Хаджи Селим I Гирей-хан
1111 год (1699–1700)	Девлет II Гирей-хан бин Селим Гирей-хан, старший сын Хаджи Селим Гирей-хана. Был небольшого роста, превзошел в смелости и отваге своего отца, не любил ложь и вмешательство, делал упор на религию
1115 год (1703–1704)	В четвертый раз ханом стал Хаджи I Селим Гирей-хан
1116 год (1704–1705)	Гази II Гирей-хан бин Хаджи Гирей-хан (Селим I Гирей). Мягкосердечный, обладал качествами смелого богатыря-воина, был высокого роста. Его тело с белым лбом, плоской грудью и с львиным взглядом прямо внушало всем гордость
1120 год (1707–1709)	Каплан Гирей-хан бин Хаджи Гирей-хан (Селим I Гирей). Был смелым и работающим, способным в делах султаната и эмирата, среднего роста с темно-русыми бровями, веками и бородой. В середине своей жизни он заболел подагрой, его руки и ноги оказались нетрудоспособными, но он, подобно здоровому человеку, держал контроль в своих руках
1120 (1708–1709)	Вторично ханом стал Девлет II Гирей-хан
1125 год (1713)	Вторично ханом стал Каплан Гирей-хан
1128 год (1715–1716)	Кара Девлет Гирей-хан бин Адиль Гирей-хан бин Селамет Гирей

	Саадет III Гирей бин ал-Хадж Селим Гирей-хан
1137 год (1724–1725)	Менгли II Гирей-хан бин ал-Хадж Селим Гирей-хан
1143 год (1730–1731)	В третий раз Каплан Гирей бин ал-Хадж Селим Гирей-хан
1149 год (1736–1737)	Фатих Гирей-хан бин Девлет Гирей-хан Гази
	Вторично Менгли II Гирей-хан бин ал-Хадж Селим Гирей-хан
1152 год (1739–1740)	Селамет II Гирей-хан бин ал-Хадж Селим Гирей
	Селим Гирей-хан
	Арслан Гирей-хан

Если сравнить составленный на основе «Умдет ал-ахбар» список ханов Гирейдов с написанными на данную тему исследованиями, мы обнаружим некоторые различия, а именно:

Согласно родословной крымских ханов Хасана Ортекина [5, s. 11], начиная с образования ханства ханы правили в следующем порядке: Хаджи Гирей-хан, Айдар-хан, снова Хаджи Гирей-хан, Нур Девлет-хан, Менгли Гирей-хан, Нур Девлет-хан, Джанибек и Менгли Гирей-хан.

Тогда как в произведении Абдулгаффара Кырыми в этот период упоминается только Хаджи Гирей-хан и Менгли Гирей-хан. Согласно А.Н. Курату [2, s. 212], после Хаджи Гирея престол передавался из рук в руки Менгли Гирея и Нур Девлет Гирея. Однако Абдулгаффар Кырыми не упоминает о Нур Девлет Гирее. Согласно Мехмеду Сюрейя [1, s. 418], четвертым ханом стал Гази I Гирей-хан, однако и о Гази Гирее в этот период нет сведений.

Согласно Абдулгаффару Кырыми, ставший восьмым ханом Мехмед II Гирей был сыном Менгли Гирея. Й. Озтюрк считает, что это был сын Девлета – Семин Мехмед [6, s. 491]. Однако Кырыми пишет, что ставший в 920 году третьим ханом Мехмед I был тоже сыном Менгли Гирея. Также согласно Кырыми, ставший девятым по счету ханом Ислам Гирей был сыном Менгли Гирея. Однако сын Менгли Гирея, Ислам Гирей, был пятым по счету ханом и был убит преемником Сахиб Гирей-ханом. По этой причине считается, что либо у Менгли Гирея было два сына под именем Ислам Гирей, либо Кырыми допустил ошибку в именах. В других произведениях нет информации, чьим сыном был Ислам Гирей. Упомянувшийся в произведении как одиннадцатый по счету хан Фатих Гирей-хан отсутствует у Й. Озтюрка, но на его месте он ставит Токтамыш Гирея, которого также нет в произведении Кырыми.

Между данными в произведении под номерами 16 и 17 – вторично севшим на престол Джанибек Гирей-ханом и Инайет Гирей-ханом, – согласно Й. Озтюрку [6, s. 495], ханами становились вторично Мехмед III Гирей-хан и Джанибек II Гирей-хан. Начиная с Инайет Гирей-хана список крымских ханов у разных авторов совпадает.

Все эти разночтения в источниках требует более детальных исследований как генеалогий крымских ханов, так и последовательность их правления. Несомненно, необходимо, кроме генеалогических и иных нарративных источников привлечь и данные нумизматики и большой корпус писем крымских ханов правителям различных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Süreyya Mehmed*. Sicilli Osmani, IV/II, İstanbul: Sebil Yayınevi, 1998. 509 s.
2. *Kurat Akdes Nimet*. IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz’in Kuzeyindeki Türk Kavim Ve Devletler. Ankara, Murat Kitabevi Yayınları, 2002. 515 s.
3. *Кырымлы Абдулгаффар*. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
4. *Kırımî Abdülgaffar*, Umdetü't-Tevarih, 1747. Стамбул. Библиотека Сулеймания, коллекция рукописей Эсад Эфенди. № 2331. 329 л.
5. *Ortekin Hasan*. Kırım Hanları Şeceresi. İstanbul: Burhaneddin Matbaası, 1938. 12 s.
6. *Öztürk Yücel*. Kırım Hanlığı // *Türkler Ansiklopedisi*. С. 8. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. S. 480–512.

Сведения об авторе: Дерья Дерин Пашаоглу – Ph.D. (история), доцент кафедры истории Караденизского технического университета (61080, Трабзон, Турция). E-mail: derinderya@ktu.edu.tr

Поступила 13.01. 2017 г.

Принята к публикации 03.03.2017 г.

GENEALOGY OF THE CRIMEAN KHANS ACCORDING TO “UMDET AL-AKHBAR” BY ABDULGAFFAR KYRYMI

Derya Derin Paşaoğlu

Karadeniz Technical University

Trabzon 61080, Turkey

E-mail: derinderya@ktu.edu.tr

The article considers the genealogy of the Girayids contained in “Umdet al-Akhbar” by Abdulgaffar Kyrymi. Abdulgaffar Kyrymi was a great connoisseur of the Turkic-Tatar history. He wrote his historical work in 1747 according to the Ottoman-Turkish tradition, that is, the author gave detailed information about the history of the prophets since Adam, the history of Islam, Islamic Turkic states, the State of Seljuks and the Ottoman State, Chinggis Khan and his sons. Moreover, he collected most of the information from local sources of that period. But the main part of the work contains the history of Juchi Khan, his children and the history of the Crimea. It is for this reason that Abdulgaffar Kyrymi gives such a detailed genealogy of the Girayids and the sequence of their rules in the Crimean Khanate.

Abdulgaffar Kyrymi’s genealogy begins with Chinggis Khan and his daughters (Kuchi Bike, Chechgan Bigim, Tumalyn Bigim, Elyatun Bigim, Turaly Bigim) as well as

with his 500 wives. But only five of them were respected: Borte Kuchin Biim, Kulan Bigim, Suyugan Khatun Bigim, Kökchi Bigim, Jeksulu Bigim.

List of the Crimean dynasty of the Girayids is offered here to specialists, beginning with Haji Giray to Arslan Giray. Comparison of the list of the Girayid khans contained in “Umdet al-Akhbar” with researches on this topic reveals some differences. In the opinion of the author, to solve these problems, along with genealogical and other narrative sources, it is also necessary to use the numismatics data and a large corpus of letters of the Crimean khans to the rulers of various countries.

Keywords: Abdulgaffar Kyrymi, “Umdet al-Akhbar”, Girayids, Chinggis Khan, Golden Horde, Crimean Khanate.

For citation: Derin Paşaoğlu D. Genealogy of the Crimean Khans according to “Umdet al-Akhbar” by Abdulgaffar Kyrymi. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 213–219. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.213-219

REFERENCES

1. Süreyya Mehmed. *Sicilli Osmani*, IV/II. İstanbul, Sebil Yayınevi, 1998. 509 p. (In Turkish)
2. Kurat Akdes Nimet. IV–XVIII. *Yüzyıllarda Karadeniz'in Kuzeyindeki Türk Kavim Ve Devletler*. Ankara, Murat Kitabevi Yayınları, 2002. 515 p. (In Turkish)
3. Kyrymi Abdulgaffar. *Umdet al-akhbar*. Kniga 1: *Transkriptsiya, facsimile* [Umdet al-Akhbar. Book 1: Transcription, facsimile]. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Is. 1. Transkriptsiya Der'ya Derin Pashaoglu; otv. redaktor I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014. 420 p. (In Russian, Ottoman)
4. Kırımî Abdülgaḥḥar. *Umdetü't-Tevarih*, 1747. Stambul. Biblioteka Suleymaniya, kolleksiya rukopisey Esad Efendi. № 2331. 329 fols. (In Ottoman)
5. Ortekin Hasan. *Kırım Hanları Şeceresi*. İstanbul, Burhaneddin Matbaası, 1938. 12 p. (In Turkish)
6. Öztürk Yücel. Kırım Hanlığı. *Türkler Ansiklopedisi*. C. 8. Ankara, Yeni Türkiye Yayınları, 2002, pp. 480–512. (In Turkish)

About the author: Derya Derin Paşaoğlu – Ph.D. (History), Assistant Professor, Department of History, Karadeniz Technical University (Trabzon 61080, Turkey). E-mail: derinderya@ktu.edu.tr

Received January 13, 2017
Accepted for publication March 3, 2017

НАСЛЕДИЕ

УДК 930.2(091)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.220-225

ВЫМЫШЛЕННОЕ СВАТОВСТВО
БЕЗЫМЯННОГО АСТРАХАНСКОГО ХАНА*Роман Хаутала*^{1,2}¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация*² *Университет Оулу
90570, Оулу, Финляндия
E-mail: romanhautala@gmail.com*

Следующий ниже текст воспроизводится по рукописной копии письма, сделанной итальянским гуманистом Джан Винченцо Пинелли (1535–1601) и содержащейся в кодексе Амброзианской библиотеки в Милане (*R 104 sup.*, fol. 194^r) [см. описание кодекса в: 3, по. 341, р. 125]. Данный кодекс (объемом в 588 листов) содержит итальянские и латинские тексты XVI века чрезвычайно разнообразного содержания, не позволяющего определить ни имя автора воспроизводимого письма, ни дату его написания. Тем не менее упоминание имени «Лютера» в послании позволяет говорить, что оно должно было быть написано в XVI веке, а указание на главную цель письма – сватовство к безымянной королеве – дает возможность выдвинуть довольно смелую (но, на данный момент, не доказанную) гипотезу, что это послание могло быть адресовано приближенным польской королевы Боны Сфорца и вдове короля Сигизмунда I Старого с 1 апреля 1548 года. Следуя этой гипотезе, предполагаемым автором этого письма мог быть правитель Астрахани Ямгурчи или же крымский хан Сахиб-Гирей. Однако данное предположение остается только гипотезой, и автор настоящей статьи выражает надежду, что будущие исследователи смогут идентифицировать как автора письма, так и его адресатов.

Как бы то ни было, письмо, не указывающее имени его автора и даты написания и очевидно отличающееся от официальной формы посланий татарских правителей, имеет несомненно фиктивный характер¹. Несомненно, данное послание относится к литературному жанру вымышленных писем правителей, ставшему чрезвычайно популярным в Европе начиная со второй половины XV столетия. В качестве иллюстрации этого жанра, автор настоящей статьи приводит «послание» турецкого султана татарам и их «ответ» из коллекции вымышленных «Писем великого Турка» [1, fol. 18^r] Лаудивия Иерусалимского, имевшей относительно широкое распространение в Европе в последней четверти XV века, переизданной 18 раз в различных городах Западной Европы, согласно «Сводному каталогу названий инкунабул» Британской библиотеки (<http://istc.bl.uk/search/search.html>), и также изданной в переводе на итальянский язык Лодовиком Долче в 1563 году [2, р. 51].

¹ Не исключено, что автор этого вымышленного письма стремился подвергнуть критике излишне толерантное, по его мнению, отношение к лютеранам в Польском королевстве, включив в послание фразу: «Вы лелеете Лютера, я покровительствую разбойникам».

Ключевые слова: татарские правители XVI века, королевство Польши, коллекция манускриптов Амброзианской библиотеки в Милане, литературный жанр вымышленных писем, латинские источники.

Для цитирования: Хаутала Р. Вымышленное сватовство безымянного астраханского хана // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 220–225. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.220-225

Письмо безымянного астраханского хана, кодекс XVI века из Амброзианской библиотеки в Милане, R 104 sup., fol. 194^r (с позволения докторской коллегии этой же библиотеки)

Letter of unnamed Astrakhan khan, codex of the 16th century from the Biblioteca Ambrosiana in Milan, R 104 sup., fol. 194^r (with permission of Board of Doctors of the same library)

I. Письмо астраханского хана

Латинский текст

Nos Caesar Tartarorum Praecoviae, Astrachan
flagellum Dei

Mea grammata uobis scribo, omnibus congregatis Urozouiae statim ad res aduentabo: Reginam quamuis senem uxorem ducam. Egregius sum, fortis in amando, multum pecuniarum habeo, panem mihi fortunea² lucrabor, uinum

² fortunate?

adustum conficio ipsemet, salfrantum, Torlamisium praeparo, equas, et equos commedo, boues non emo, ad fidem non consentio. Papam honoro, in templum non eo, sub dio Deum oro, Uos Papam colitis, ego ago spolia. Uos Lutherum amplectimini, ego latrones foueo. Libertates dabo magnas, quantum quilibet habent uxores, ad regnum citissime properabo.

Перевод

Мы, Цезарь татар Прековий³, Астрахани
бич Бога

Мои строки вам пишу, всем собравшимся во Врозовий⁴, немедленно перейду к делу: Королеву, какой бы старой ни была, возьму в жены. Я высококороден, неколебимый в любви, имею много богатств, хлеб себе благополучно (?) добуду, сам изготавливаю жженое вино⁵, шафран, Торлаமிழий (?) готовлю, ем кобыл и коней, быков не покупаю, с [христианской] верой не в согласии. Папу почитаю, в храм не хожу, под открытым небом молюсь Богу, вы чтите Папу, я гонюсь за добычей. Вы лелеете Лютера, я покровительствую разбойникам. Вольности дам великие, сколько каждый имеет жен, в королевство очень скоро поспешу.

II. Фрагмент из “Писем великого Турка” Лаудивия Иерусалимского

Латинский текст

TVRCVS TARTARIS

Quod multis sepe usu euenit: ut uel metu aliquo aut necessitate in alios plerumque deteriores fiant: uobis quippe natura loci tribuit omnium fore pessimos qui uelut incondita uulgi barbaries nullis legibus tenemini. Cum tamen ad nos pecunias nec in tempore legatos miseritis: illas quidem exhibere nobis per uim debere ostenditis.

TARTARI TVRCO

Stultum est profecto te a nobis exigere: qui aliorum spoliis ac rapto uiuamus, atque ab his legationem frustra expectas: qui non orandi studium: sed belli gerendi curam foris suscipiunt. Mores praeterea nostros iam admirari nequaquam debes: cum parum absint a ritu ferarum. Nam qui maiorum instituto ius ipsum in armis habent: cedibus preda ac rapinis pro legibus utuntur.

Перевод

Турок татарам

Со многими часто случается так, что либо из-за какого-то страха, или из необходимости они нередко становятся более скверными по отношению к другим. И действительно, местная природа сделала вас из всех наисквернейшими, теми, кто словно беспорядочное варварское простонародье не придер-

³ Перекопа?

⁴ в Варшаве?

⁵ водку, горилку.

живаются никаких законов. Тем не менее, поскольку вы не послали к нам своевременно ни денег, ни послов, вы со своей стороны показали, что я должен заставить вас отдать их силой.

Татары турку

Совершенно глупо тебе выдвигать требования нам, кто живет военной добычей и грабежом других. И ты напрасно ждешь посольства от тех, кого заботит не умение пахать, но вести войну в открытом поле. Кроме того, ты совсем не должен поражаться нашим нравам, которые немногим отличаются от обычаев зверей. Ибо те, кто располагают правом оружия, более веским, чем установленное право, пользуются им для захвата добычи и разбоя вместо законов.

Благодарности

Выражаю мои искренние благодарности Владиславу Гулевичу и Илье Зайцеву за ценнейшие замечания в отношении интерпретации текста. Разумеется, исключительно автор настоящей статьи остается целиком и полностью ответственным за потенциальные ошибки в прочтении и интерпретации латинского текста письма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Laudivio Zacchia (Laudivius Hierosolymitanus)*. Epistolae magni Turci. Treviso, ca. 1475 // Баварская государственная библиотека: 4° Inc.s.a. 1197 p. 22 fols.
2. Lettere del Gran Mahvmeto imperadore de' Tvrchi: scritte a diversi re, prencipi, signori, e repvblliche, con le risposte loro; ridotte nella volgar lingua da m. Lodovico Dolce. Insieme con le lettere di Falaride Tiranno de' gli Agrigentini. Vinegia: Gabriel Golito de' Ferrari, 1563. 192 p.
3. *Revelli P.* I codici ambrosiani di contenuto geografico con XX tavole fuori testo. Milano: Luigi Alfieri, 1929. 196 p.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107> (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

Поступила 17.01.2017 г.

Принята к публикации 06.03.2017 г.

**FICTIONAL MARRIAGE PROPOSAL
OF ANONYMOUS ASTRAKHAN KHAN*****Roman Hautala***^{1,2}¹ *Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation*² *University of Oulu
Oulu 90570, Finland
E-mail: romanhautala@gmail.com*

The following text is reproduced from a handwritten copy of the letter made by the Italian humanist Gian Vincenzo Pinelli (1535–1601) and contained in one codex of Ambrosiana Library in Milan (*R 104 sup.*, fol. 194^r) [see the description of the codex in: 3, no. 341. p. 125]. This codex (588 folios) contains Italian and Latin texts of the 16th century of extremely diverse content, which does not allow to determine neither the name of the author of the reproduced letter, nor the date of its writing. Nevertheless, a reference to the name of “Luther” in the letter suggests that it must have been written in the 16th century and an indication of the main purpose of the letter – matchmaking to anonymous queen – makes it possible to put forward quite a bold (but, for now, unproven) hypothesis that this letter might be addressed to approximates of the Polish Queen Bona Sforza and the widow of King Sigismund I the Old starting with the April 1, 1548. Following this hypothesis, the alleged author of the letter could be the ruler of Astrakhan Yamgurchi or the Crimean khan Sahib Giray. However, this assumption remains only a hypothesis, and the author of this article hopes that future researchers will be able to identify both the author of the letter and its recipients.

Be that as it may, this letter is of undoubtedly fictitious character since it does not indicate the name of its author and the date of writing and obviously differs from official form of the Tatar rulers’ letters. Undoubtedly, this letter refers to the literary genre of fictional letters of the rulers, which became extremely popular in Europe since the second half of the 15th century. As an illustration of this genre, the author of this article presents a “letter” of the Turkish sultan to the Tatars and their “response” from the fictional collection of “Letters of the Great Turk” [1, fol. 18^r] of Laudivius Hierosolymitanus, which was a relatively widespread in Europe in the last quarter of the 15th century, republished 18 times in different cities of Western Europe according to *Incunabula Short Title Catalogue* of the British Library (<http://istc.bl.uk/search/search.html>) as well as published in Italian translation in 1563 by Lodovico Dolce [2, p. 51].

Keywords: Tatar rulers of the 16th century, kingdom of Poland, collection of manuscripts in the Biblioteca Ambrosiana in Milan, literary genre of fictional letters, Latin sources.

For citation: Hautala R. Fictional Marriage Proposal of Anonymous Astrakhan Khan. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 220–225. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.220-225

Thanks

I express my sincere thanks to Vladislav Gulevich and Ilya Zaytsev for valuable comments on the interpretation of the text. Of course, only the author of this article remains fully responsible for potential errors in the reading and interpretation of the letter’s text.

REFERENCES

1. Laudivio Zacchia (Laudivius Hierosolymitanus). *Epistolae magni Turci*. Treviso, ca. 1475. *Bayerische Staatsbibliothek*: 4° Inc.s.a. 1197 p. 22 fols. (In Latin)
2. *Lettere del Gran Mahvmeto imperadore de' Tvrchi: scritte a diversi re, prencipi, signori, e repvbliche, con le risposte loro; ridotte nella volgar lingua da m. Lodovico Dolce. Insieme con le lettere di Falaride Tiranno de' gli Agrigentini*. Vinegia, Gabriel Golito de' Ferrari, 1563. 192 p. (In Italian)
3. Revelli P. *I codici ambrosiani di contenuto geografico con XX tavole fuori testo*. Milano, Luigi Alfieri, 1929. 196 p. (In Italian)

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107> (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland). E-mail: romanhautala@gmail.com

Received January 17, 2017

Accepted for publication March 6, 2017

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.226-229

“UNDER THE SHADOW OF THE DOG” – A NEW MONOGRAPH ABOUT THE GOLDEN HORDE AND ITS PRESENCE IN THE BALKANS

(BOOK REVIEW: ALEKSANDAR UZELAC. POD SENKOM PSA.

TATARI I JUŽNOSLOVENSKE ZEMLJE U DRUGOJ POLOVINI XIII VEKA

[UNDER THE SHADOW OF THE DOG. TATARS AND SOUTH SLAVIC LANDS IN THE SECOND HALF OF THE THIRTEENTH CENTURY]. BELGRADE, UTOPIJA PUBL., 2015. 324 p.+ 12 p. WITH COLOR ILLUSTRATIONS)

Dejan Radičević*University of Belgrade**Belgrade 11000, Serbia**E-mail: dradi-cev@f.bg.ac.rs*

The article offers a critical review of the book of Serbian historian Aleksandar Uzelac, dedicated to the analysis of the relations between the Golden Horde and the Medieval Balkan Slavic states – Bulgaria and Serbia in the second half of the thirteenth century. The book is based on the wide corpus of Slavic, Latin, Byzantine and Oriental sources, archeological and numismatic findings, toponymy, as well as folklore tradition. The author offered a very insightful overview of the political relations between the Golden Horde and the Balkans, migratory movements of the populations from the Pontic Steppes to the Balkan region, and in addition he also dealt with the image of the Tatars in the eyes of its Christian contemporaries. The pivotal figure of the book is Nogai, whose career, status within the Golden Horde and achievements are analysed in detail. Moreover, armed with impressive erudition, the author challenged and revised many established misconceptions in Serbian and Bulgarian historiography. Another asset of the book is vivid and dynamic presentation of its contents, aimed not only at the specialists, but also the general audience. The shortcomings of this monograph are relatively few, with respect to omission of some archeological materials, but they do not diminish the general value of the monograph in question.

Keywords: new monograph, written sources on the history of the Golden Horde, 13th century, Nogai, Serbia, Bulgaria.

For citation: Radičević D. “Under the Shadow of the Dog” – A New Monograph about the Golden Horde and Its Presence in the Balkans (Book Review: Aleksandar Uzelac. Pod Senkom psa. Tatari i južnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka [Under the Shadow of the Dog. Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Belgrade, Utopija Publ., 2015. 324 p.+ 12 p. with color illustrations). *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 226–229. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.226-229

In the previous year, Belgrade based publisher Utopia specialized for scholarly and popular historical literature, issued a monograph which may be considered as a pioneer work in Serbian medieval studies. The book, titled “Under the Shadow of the Dog – the Tatars and the South Slavic states in the second half of the thirteenth century” (Serbian title: *Pod senkom Psa – Tatari i južnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka*), is in fact amended and revised text of the doctoral dissertation of

Aleksandar Uzelac, a Research Associate of the Institute of History, Belgrade. It follows the Tatar influence in the Balkans, from the Mongol invasion of Europe to the death of Nogai (the "Dog" from the book title), an influential member of the Juchid line who in the late thirteenth century created de facto independent state in the western parts of the Black Sea steppes.

Besides the longer introduction and concluding remarks, the book is divided into seven chapters. It contains general index, summary in English language and bibliography, presented in the form of abbreviations of the titles cited in more than one place in the text. It is noteworthy that it is furnished with carefully selected color illustrations, photographs, miniatures and maps that have not only the aesthetic value. Among them one may mention a little known fresco from the Monastery of Dečani that depicts the Bulgarian-Cuman attack on the city of Thessaloniki in 1207. It is the only visual representation of the Cumans in Serbian medieval art, and one of the rare European ones that have been preserved; thus, it is of interest to the general scholarship.

At first glance, it may be noticed that the structure of the book does not follow precisely chronological pattern. In the Introduction (pp. 11–30), the author provided the overview of the sources, geographical considerations, as well as detailed explanation of technical and historical terms used in the book (such as the nomadism, the Golden Horde and Ulus of Juchi, the usage of the term "Tatars" in the sources as an ethnonym, exonym and politonym, etc.). First three chapters revolve around the Mongol invasion, establishment of the Golden Horde and the consequences of these events in the Balkans. The first chapter titled "The Storm above the Southeast Europe" (*Oluja nad jugoistočnom Evropom*, pp. 31–58), deals with the Mongol invasion and the passage of the Mongol armies through Serbian and Bulgarian lands. It is followed by the "Establishment of the Tatar sphere of Influence" (*Stvaranje tatarske sfere uticaja*, pp. 59–88), a chapter focused on the internal developments in the Golden Horde and the first decades of Bulgarian-Tatar relations, shrouded into obscurity due to the lack of sources. The third section – "The Time of Temptations" (*Vreme iskušenja*, pp. 89–120) deals with several smaller topics – the settlement of the Cumans in Serbia and Bulgaria on the eve of the Mongol Invasion, the mutual relations between the two Slavic states and separatist movements in Bulgarian lands during the second half of the thirteenth century, in which the descendants of the Cumans had an active and prominent role.

The main protagonist of the second part of the book is Nogai. Chapter four, "Nogai and his era" (*Nogaj i njegovo doba*, pp. 121–157), as the title suggests, follows the career of the Tatar commander from its beginnings in the Juchid-Hulaguid war to the apogee of his power. The next segment of the monograph, titled "Ulus of Nogai – the state within the state" (*Nogajev ulus – država u državi*, pp. 158–183) deals with the economic, social and religious conditions in the territories under Nogai's control, in the western part of the Black Sea steppes, as well as its geographic extent. The sixth chapter, which bears the same title as the book itself – "Under the Shadow of the Dog" (*Pod senkom psa*, pp. 185–230) is focused upon the relations between Nogai and the South Slavic world during the last two decades of the thirteenth century, an era during which the Tatar influence in the Balkans reached its heyday. This chapter describes and analyzes complex political relations between Nogai, Serbian king Milutin, Byzantine emperor Andronicus II, Bulgarian emperor George I Terter and prince Šišman, who ruled the northwestern Bulgarian lands. The last chapter of the book, "The end of an Era" (*Kraj jedne epohe*, pp. 231–257) is focused upon the civil war between Nogai and Tokhta and its consequences, most importantly the immigration and the settlement of the Tatar and Alan groups from the Nogai's lands in Bulgaria and Serbia.

The book of Dr. Uzelac is based on the wide corpus of Slavic, Latin, Byzantine and Oriental sources, archeological and numismatic findings, toponymy, as well as folklore

tradition. Armed with impressive erudition, the author challenged and revised many established misconceptions, such as the alleged hostage status of Bulgarian prince Theodore Svetoslav, son of George I Terter, who resided in the Nogai's lands at the end of the thirteenth century (pp. 198–203). Equally important is analysis of the nature of dependant status of the Serbian state of King Milutin and its ephemeral incorporation into the Tatar sphere of influence (pp. 219–224). In addition the author managed to correct chronology and timeframe of many important events in the Balkan history in which the Tatars participated. Throughout the book and especially in the “Concluding remarks” (*Zaključna razmatranja*, pp. 259–265), the ambivalent role that the Tatars played in the thirteenth century Balkans – as an external menace and as a protective force and valuable military resource of the South Slavic states, diligently and meticulously elaborated. This circumstance, together with the fact that the book is written in a vivid and dynamic style, aimed not only at the scholarly audience, but to the wider circle of readers interested in medieval history, is undoubtedly one of its main assets.

The shortcomings of this monograph are relatively few. Several important findings from the territory of Croatia related to the Mongol invasion are omitted as well as the discussion of the scarce archeological material which may be related to the Mongol passage through Serbian lands in the spring of 1242, despite the fact that it may corroborate the author's hypothesis about the route of Mongol invaders via so-called “Zeta road” (pp. 55–56). The phenomenon of the Tatar fear in the South Slavic world is not treated as a separate subject, although the author presented several neglected, but nonetheless extremely intriguing, apocryphal sources that provide further insight into the impact of the Mongol advance on the local societies (pp. 57–58). One important indirect consequence of Nogai's death and defeat, which lead to the temporary weakening of the Tatar influence in the region of the lower Danube, namely the emergence of the independent Principality of Wallachia in the beginning of the fourteenth century is unfortunately left out of the book.

These remarks are not aimed to, and should not diminish the general value of the monograph in question. In all, the study of Dr. Uzelac is very welcome refreshment in the Serbian medieval studies, whose importance is not limited only to the Serbian and Bulgarian historiography. After the works of the Hungarian scholar I. Vasary (*Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans*, Cambridge, 2005) and Bulgarian historians P. Pavlov and G. Vladimirov (*Zlatnata orda i balgarite*, Sofia, 2009), another study dedicated to the Tatar influence in the Balkans appeared, and most importantly, the one that greatly extends our knowledge of this phenomenon and goes several steps further than the earlier scholarship. Undoubtedly, it will become a standard reference title for the future historical and archeological researches. In this aspect one may applaud the fact that the author and the publisher decided to make the book freely available in electronic form and we may only hope that a slightly revised English or Russian edition of the book, which will take into account the above mentioned remarks and suggestions, will appear soon.

REFERENCES

1. Uzelac A. *Pod Senkom psa. Tatari i južnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka* [Under the Shadow of the Dog. Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Belgrade, Utopija Publ., 2015. 324 p.+ 12 p. with color illustrations. (In Serbian)

About the author: Dejan Radičević – Ph.D., Assistant Professor, Department of Archaeology, Faculty of Philosophy, University of Belgrade (Belgrade 11000, Serbia). E-mail: dradicev@f.bg.ac.rs

Received January 13, 2017

Accepted for publication March 4, 2017

**«ПОД СЕНЬЮ ПСА» – НОВАЯ МОНОГРАФИЯ
О ПРИСУТСТВИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА БАЛКАНАХ**
(РЕЦ. НА: АЛЕКСАНДАР УЗЕЛАЦ. ПОД СЕНКОМ ПСА. ТАТАРИ
И ЈУЖНОСЛОВЕНСКЕ ЗЕМЉЕ У ДРУГОЈ ПОЛОВИНИ XIII ВЕКА.
БЕОГРАД: УТОПИЈА, 2015. 324 с. +12 с. КОЛОР ИЛУСТРАЦИЈА)

Дејан Радичевич

*Универзитет Белграда
11000, Белград, Србија
E-mail: dradi-cev@f.bg.ac.rs*

Данная рецензия представляет критический обзор книги сербского историка Александра Узелаца, посвященной анализу отношений между Золотой Ордой и средневековыми балканскими славянскими государствами – Болгарии и Сербии – во второй половине XIII века. Книга основана на обширном корпусе славянских, латинских, византийских и восточных источников, археологических и нумизматических находок, топонимии, а также фольклорной традиции. В книге представлен очень обстоятельный обзор политических отношений Золотой Орды с Балканским регионом, миграции населения из Понтийских степей в Юго-Восточную Европу, а также образа татар в глазах их христианских современников. Главной фигурой книги является Ногай, чья карьера, статус и достижения в Золотой Орде анализируются в деталях. Кроме того, автору, отличающемуся впечатляющей эрудицией, удалось оспорить и пересмотреть многие укоренившиеся заблуждения в сербской и болгарской историографии. Еще одним преимуществом книги является яркая и динамичная презентация иллюстративного материала, который заинтересует не только специалистов, но и широкую аудиторию. Недостатков в этой монографии относительно немного, которые связаны с упущением некоторых археологических материалов, но они не умаляют общую ценность рассматриваемой монографии.

Ключевые слова: новая монография, письменные источники по истории Золотой Орды, 13 век, Ногай, Сербия, Болгария.

Для цитирования: Radičević D. « Under the Shadow of the Dog » – A New Monograph about the Golden Horde and Its Presence in the Balkans (Book Review: Aleksandar Uzelac. Pod Senkom psa. Tatari i južnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka [Under the Shadow of the Dog. Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Belgrade: Utopija Publ., 2015. 324 p. + 12 p. with color illustrations) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 226–229. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.226-229

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Узелац А. Под сенком Пса. Татары и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015. 324 с. +12 с. колор илустрација.

Сведения об авторе: Дејан Радичевич – Ph.D., доцент, отделение археологии, факультет философии, Университет Белграда (Белград 11000, Сербия). E-mail: dradi-cev@f.bg.ac.rs

Поступила 13.01.2017 г.
Принята к публикации 4.03.2017 г.

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.230-238

**«...НАМ НЕИЗВЕСТНО, ЧТО ЭТО ЗА НАРОД, ОТКУДА ОН ВЗЯЛСЯ,
И КУДА СТРЕМИТСЯ». МОНГОЛЬСКАЯ ЭКСПАНСИЯ
В СВЕТЕ ПУБЛИКУЕМЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Ф.Н. Веселов¹, А.В. Майоров²

^{1,2} Санкт-Петербургский Государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация

¹ E-mail: veselovfedor@gmail.com

² E-mail: a.v.maierov@gmail.com

В данной статье рассматривается недавно опубликованная монография Р. Хаутала «От “Давида, царя Индий” до “ненавистного плебса сатаны”. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах». Представленная антология является наиболее полным на сегодняшний день сводом латинских источников, созданных до вторжения монгольских полчищ в страны католической Европы и касающихся происхождения монголов, их завоеваний, целей Западного похода. Отмечается не только высокий уровень подачи исторического материала в указанной работе, но и проделанная автором монографии обширная исследовательская работа, позволившая ученому сделать ряд оригинальных и весьма убедительных выводов. С другой стороны, авторы статьи считают возможным дополнить вышеназванное исследование целыми комплексами источников, позволяющими масштабнее представить как дипломатические отношения европейских правителей с руководителями монгольских армий, так и христианские интерпретации неизвестного и грозного врага, внезапно появившегося на границах католического мира. В частности, обращено внимание на отрывок из Хроники Альбрика де Труа-Фонтен, который может быть интерпретирован не только в свете битвы между монгольской и русской армиями на р. Калка, источники по дипломатическим связям Священной Римской империи с монголами, русские источники эсхатологических осмыслений европейскими книжниками Западного похода татар.

Ключевые слова: латинские средневековые письменные источники, Западный поход монголов, монгольские завоевания.

Для цитирования: Веселов Ф.Н., Майоров А.В. «...нам неизвестно, что это за народ, откуда он взялся, и куда стремится». Монгольская экспансия в свете публикуемых письменных источников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 230–238. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.230-238

История империи Чингиз-хана и его потомков, оказавшая столь значительное влияние на весь евразийский континент «от моря до моря», еще с первых папских миссий середины XIII в. и до нынешнего времени привлекает внимание ученых-историков всего мира. Однако исследование исторического феномена мертво без привлечения источника, отражающего интерпретацию события современниками – письма, послания, миссионерские отчеты, даже хроники и летописи содержат, порой суждения мимолетные, но, тем не менее, дающие представление об оценке реалий автором произведения. Слухи о монголах появляются в Латинском мире в период V Крестового похода на Святую землю и достигают своего апогея в момент нашествия армий Бату на страны центральной, восточной и южной Европы.

При этом, всего за двадцать лет отрывочные сведения о далеком азиатском народе, щедро подкрепленные европейскими христианскими легендами и апокрифами, трансформировались из представления о монголах, как об армии христианского востока, спешащей на помощь христианам Европы против сарацин, до сатанинских предвестников апокалипсиса. Тем интереснее представляется изучение совокупности латинских источников, посвященных татаро-монголам и созданных до прямого столкновения Европы с армиями кочевой империи, и ее подробного изучения папскими миссионерами впоследствии. Именно этому вопросу посвящена обширная монография Романа Хауталы – «От “Давида, царя Индий” до “ненавистного плебса сатаны”». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах».

Монография логически делится на две большие части: исследование отношения к монголам в латинском мире до 1241 г., основанное на источниках, и, собственно, сами источники, представленные в хронологической и тематической последовательности, снабженные комментариями и пояснениями.

Первая часть разделена на три главы, в соответствии с которыми в дальнейшем и представлены источники.

В первой главе автор делает выводы весьма значимые для понимания отношения в Латинском мире к сведениям о завоеваниях монголов в Азии. Во-первых, это касается сопоставления мощной моральной подоплеки V Крестового похода, связанной с идеей *Ad Liberandam* – формой Исхода-освобождения во имя спасения христианского общества, идеи единения всего христианского мира, и восточного и западного, для освобождения Иерусалима, и первых сведений о монгольских завоеваниях Хорезма, полученных европейцами с востока. Хаутала отстаивает, таким образом, тот факт, что отождествление монголов с армией царя Давида только исходя из того, что они сражались против мусульман, не совсем верна, и исходит также и из морального состояния и религиозных чаяний католического общества после IV Латеранского собора. Первое отождествление армий Чингиз-хана, проводивших военную кампанию в Хорезме, с победоносным христианским правителем появляется в Европе после нескольких отчетов крестоносцев 1221 г., созданных на базе несторианских сведений, как доказывает с помощью анализа их текстов автор, имевших оригинальное происхождение из среды багдадского несторианского патриарха. На базе сопоставления текстов первого европейского упоминания о битве на Калке и писем грузинской королевы Русудан 1223 г. автор делает вывод и о времени появления первых европейских *со-мнений* в целях монгольских военачальников.

Во-вторых, весьма важной представляется атрибуция автором монографии и определение источников Послания латинского патриарха Иерусалима папе¹, содержащего сведения о повторном завоевании монголами Закавказья. Время создания письма определяется началом 1230-х гг., таким образом, указывается время поворота в европейском сознании: восприятие монголов уже как бича Божьего в образе варварского народа, хотя и христианского вероисповедания. Эсхатологические настроения в сообщениях о монголах получают мощное развитие после 1236 г. – появления «Истории сражений Александра» за авторством Квиликакино из Сполето, где монголы впервые отождествляются с древ-

¹ В самом письме не содержится ни имени адресата, ни его составителя, ни других основных атрибутивных данных.

ними апокалиптическими народами, которые должны явиться в конце мира. В дальнейшем европейские авторы развивают концепцию сопоставления монголов с «запертыми» народами, упоминаемыми в христианских апокрифах, и к концу 1230-х воспринимаются как несомненные враги католического мира.

Новаторским в отечественной историографии является то, что автор обращает внимание исследователей на влияние на монгольское нашествие 1241–1242 гг. и последующее изучение Орды опыта тесных контактов с кочевниками, который уже существовал в преддверии монгольской инвазии у католического мира. Имеются в виду взаимоотношения королевства Венгрии с куманами, и им посвящена отдельная глава. Взаимоотношение королевства с кочевниками представлено автором через призму деятельности двух католических орденов: Тевтонского, призванного Андреем II защитить территории венгерского королевства от набегов куманов, с чем рыцари успешно справлялись до своего изгнания в 1225 г.; и принявшего эстафету ордена братьев-проповедников, начавших среди куманов миссионерскую деятельность, приведшую к основанию Куманской епархии. Приводимые автором аргументы позволяют опровергнуть теорию о том, что феномен обращения некоторой части западных куманов в христианство был связан с глобальными изменениями в Великой степи первой трети XIII в. – неудачи и успехи в прозелитической деятельности среди кочевников автор связывает прежде всего с активностью орденских братьев и венгерских монархов. Лишь в 1236–1237 гг. активизация куманского апостолата связывается непосредственно автором с западным походом Бату, которому логично посвящена третья глава монографии.

В третьей главе рассмотрены сведения о Западном походе монголов. В первую очередь это свидетельства доминиканских монахов-проповедников, активизация деятельности которых связывается автором с миссионерскими успехами среди куманов в начале 1230-х гг. Отчеты доминиканцев изобилуют сведениями, полученными на востоке – в Волжской Булгарии, «земле мадьяр», на Руси, от беженцев – о судьбоносном решении курултая 1235 г., о уже свершенных завоеваниях монголов, о разворачивании их армий на границах Руси; наконец, о продолжении похода на запад в католическую Европу. Вторая группа источников – это ультиматумы, собственно, монгольских военачальников, которые не сохранились, но упоминаются и в доминиканских отчетах, и в некоторых европейских хрониках; сопоставление сведений последних двух групп источников позволяет автору предположить, что составлялись они, скорее всего, в канцелярии хана Бату. Наконец, несомненная информированность Латинского мира об агрессивных намерениях Чингизидов актуализирует грозные эсхатологические объяснения их нашествия в конце 1230-х гг. и дает пищу для разного рода пророчеств, сохранявших актуальность и в течении последующих столетий.

Во второй части монографии представлена сами документы – всего более девяноста писем, предписаний, грамот, посланий, фрагментов из хроник и отчетов. Основной принцип отбора источников – хронологический, основанный на их происхождении не позднее 1241 г. В основу принципа издания памятников положено воспроизведение и перевод наиболее раннего списка манускрипта, либо наиболее раннего его издания, поскольку часть источников была напечатана в Европе еще в XVI в. При наличии разночтений в разных редакциях и вариантах, они приводятся на основе сопоставления ранних изданий источ-

ника, либо исходя из наиболее авторитетных критических публикаций документа. При наличии значимых разночтений в редакциях памятника он приводится в разных вариантах целиком.

Вероятно, желание автора, с одной стороны ограничить масштабы исследования хронологическими рамками, а с другой максимально полно представить изучаемый материал привели к вынужденным погрешностям при отборе материала. Так, делается исключение для четырех документов: отрывков из хроник Альберика де Труа-Фонтен и Матфея Парижского, «Горестной песни» магистра Рогерия и сочинения Свиперта из Порроха. Р. Хаутала объясняет это следующим образом: хроники Альберика и Матфея Парижского, хотя и были завершены после 1241 г., начаты были еще в 1230-е гг.; сочинение Свиперта необходимо для включения в монографию, так как оно ценно свидетельствами о ранней миссионерской деятельности доминиканцев; а включение «Горестной песни» магистра Рогерия, связано с тем, что она содержит «...свежие воспоминания о нападении монголов и переселении половцев». Впрочем, аргументация, касающаяся включения последнего источника, представляется неубедительной, поскольку на тех же основаниях в антологии могли бы быть представлены и «История архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского, большей частью составленной во второй половине 1240-х гг. [1, с. 18] и содержащей вполне свежие сведения о монгольском нашествии на Венгрию, и *Анналы Бертонского монастыря*, содержащие документы по расследованию о том, кто такие татары, проведенному на I Лионском соборе в 1245 г.

Кроме того, введенная погрешность предоставляет возможность для включения в монографию комплекса источников, касающихся версии о тесных дипломатических контактах императора Фридриха II с руководителями западного похода монголов. Несмотря на то, что автор упоминает отрывки из Хроник Матвея Парижского и Альберика из монастыря Трех Источников, содержащие указания на то, что Фридрих, равно как и иные европейские монархи, получал некие требования от монгольских военачальников, дальнейшее развитие дипломатических отношений накануне вторжения не освещено. Между тем, не только идеологические противники императора, но и его сторонники указывают на принципиальную возможность сговора правителя Священной Римской империи и монгольских ханов. О том, что послы Фридриха II были замечены в расположении кочевников, пишут как активный участник создания антиимператорской коалиции Альберт фон Бехайм, так и лояльный к главе священной империи Матвей Парижский, который многократно упоминает о распространявшихся в Европе слухах о союзе между Фридрихом и монголами. Дальнейшее развитие событий Западного похода – опустошение только тех земель, правители которых были противниками императора – красочно подтверждает теорию сговора [8, с. 68–94].

Существенен и тот факт, что часть источников, заново переведенных автором уже была издана с переводом на русский язык и снабжена научным комментарием [2; 3; 4; 5; 6; 9; 13; 14; 16]. При этом, автор не указывает в археографических предуведомлениях к публикациям источников никого из перечисленных нами в сноске авторов, кроме С.А. Аннинского, хотя в списке литературы в конце монографии часть этих авторов отмечена. Вместе с тем, переводы Хроники Матвея Парижского, посланий венгерских миссионеров, Хроники Генриха Латвийского, сочинений Жака (Якова) де Витри, Хроники Альберика

из монастыря Трех Источников, Хроники Риккардо из Сан-Джермано, «Истории сражений Александра Великого» Квиликино из Сполето, даже несмотря на то, что автором учитываются позднейшие критические издания данных источников за рубежом, не вносят существенных поправок в существующие переводы. С другой стороны, и это необходимо отнести к заслугам автора, перевод «Горестной песни магистра Рогерия» работы Р. Хаутала намного удачнее и точнее изданного в 2012 г. перевода А.С. Досаева [14] – даже поверхностное сравнение переводов выявляет две смысловые ошибки у последнего. Так, предложение «*Cessare igitur debebat in hoc malivolentia populorum*» переведено у А.С. Досаева с потерей смысла: «*Цезарь же из-за этого был нелюбим народом*» [14, с. 23], у Р. Хаутала: «На том, следовательно, должна была *прекратиться* неприязнь народа» [15, с. 434]. Текст «...*nodum in stupa et pilum in ovo invenire mendaciter satageban*», содержащий фразеологический оборот, тоже переведен Досаевым с ошибкой, придающей ему обратное значение: «...лживо старались найти узел в пакле и *копье* в яйце» [14, с. 25], перевод Р.Хаутала: «...хлопоча только о том, чтобы лживо искать узел в пакле и *волос* в яйце» [15, с. 436]. Хроника Риккардо из Сан-Джермано [13] также переведена точнее существующего перевода на русский язык и с учетом ее второй редакции. Наконец, часть источников, это касается и некоторых фрагментов упомянутой Хроники Матвея Парижского [15, с. 153–162, с. 402–405, 412], Хроники Альберика из монастыря Трех Источников [15, с. 130, 175, 282, 294, 397–399, 409–411, 417–419] действительно издаются на русском языке впервые. Это послания римских пап к правителям и клиру Венгрии и ответы последних 1220-х – 1230-х гг., «Диалог о чудесах» Цезария Гейстербахского, письмо папы Григория IX королю Англии Генриху III, фрагменты из «Дамиаттской истории» Оливера из Падерборна, фрагменты «Анналов Данстейпла».

Помимо того, при анализе и комментировании источников ученый не всегда учитывает множественность вариантов их трактовки. Так, в группе латинских сведений о битве на р. Калка содержится отрывок из хроники Альберика из монастыря Трех Источников, в котором засвидетельствовано, что сражавшиеся русские были истреблены как и бесчисленное множеством неких язычников-«прутенов»: «*de Prutenis quoque paganis absque numero interfecit*». Прутенами в части латинских источников называются балтские племена [10, с. 270–271] пруссов, тем не менее их появление в сообщении о битве русских с монголами в далеких от Балтики половецких степях автор монографии никак не комментирует. Вероятно, объяснение этого феномена кроется в том, что в тексте Альберика смешиваются два разных сюжета: битвы русских и половцев с монгольским войском на Калке и поражения пруссов-«прутенов». Касательно истории Балтских народов, событием, одновременным с битвой на Калке, явился крестовый поход против пруссов-язычников 1222–1223 гг., вдохновителем которого был Христиан, первый епископ Прусский. Эта путаница в рассказе французского хрониста связывается А.В. Майоровым с созвучностью имени царя *Давида* – мифического предводителя монгольских армий – и имени князя *Даниила* Галицкого, возможного участника похода против пруссов 1222–1223 гг. [7, с. 57–58]. Кроме того, нужно учитывать, и об этом свидетельствует сам Хаутала, что Альберик не выезжал за пределы провинции, где был расположен его монастырь, а пользовался лишь приносимыми сведениями путешественников или братьев-цистерцианцев из иных монастырей [15, с. 120]. Зна-

чит, вполне вероятно, что на основе фонетического сходства этнонимов и личных имен, хронист объединил два события в одной записи, а, следовательно, сама запись может трактоваться как источник по двум, не связанным между собой, фактам, а это, в свою очередь, требует включения дополнительного комментария к источнику.

Наконец, кроме ближневосточных несторианских сведений на эсхатологические настроения, отразившиеся в латинских документах, касающихся монголов, могла повлиять и еще одна группа источников. Это древнейшие сохранившиеся русские хроники – Новгородская Первая летопись старшего извода и Лаврентьевская летопись, – содержащие первые сведения о битве на Калке, в которых в статье за 1224 г. монголы ассоциируются с запертым апокалиптическим народом из Откровения Мефодия Патарского [11, стб. 445–446; 12, с. 215]. Именно это объяснение приносит с собой в Европу, во время своего второго путешествия в земли Великой Венгрии, брат-доминиканец Юлиан, сообщаящий, что один русский клирик во время их следования по территориям Руси рассказывал, что татары – это мадианиты (моавитяне русских летописей), побежденные Гедеоном согласно книге судей [15, с. 390]. Учитывая очень быстрое и весьма широкое распространение письма Юлиана по Европе, о чем свидетельствует сам автор монографии [15, с. 373], нельзя однозначно отрицать, что подобная интерпретация не могла оказать влияние на латинские источники 1230–1250-х гг. [9, с. 135–136, 138, 151, 155, 180–181], и, в частности, на приводимые автором Хронику Матвея Парижского и Анналы Уэйверлейского аббатства.

Тем не менее, суммируя положительные качества работы и высказанные замечания, нужно признать, что, выход труда Р. Хаутала – это веха в источниковедении по монгольским завоеваниям. Монография включает в себя не только самостоятельное исследование, которое содержит ряд оригинальных и вполне убедительных выводов, но и является наиболее полным на данный момент сводом всех известных исторической науке латинских источников по монгольским завоеваниям, созданным до 1241 г. Этот факт тем более важен в свете того, что до недавнего времени существовала определенная лакуна в источниковедении монгольских завоеваний, связанная с относительно небольшим количеством введенных в научный оборот западных источников в русском переводе, тогда как восточные публикуются еще с позапрошлого столетия. Особую ценность изданию придает взятый автором антологий за основу высокий уровень публикации источников, благодаря которому каждый документ снабжен не только переводом на русский язык, но и археографическим предуведомлением, развернутыми комментариями и примечаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова О.А.* Фома Сплитский. История архидьяконов Салоны и Сплита / пер., комм. О.А. Акимова. М., 1997. 319 с.
2. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Ч. 3. М.-Л., 1940. С. 71–112.
3. *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского М.-Л., 1938. 607 с.
4. *Горелов Н. С.* Царствие Небесное: легенды крестоносцев XII–XIV веков. СПб., 2006. 444 с.

5. Горелов Н.С. Книга странствий. СПб., 2006. 318 с.
6. Горелов Н.С. Послания из Вымышленного царства. СПб., 2004. 220 с.
7. Майоров А.В. *Illustri regi Russiae*: королевский титул русских князей в первой половине XIII в. // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 53–62.
8. Майоров А.В. Завершающий этап Западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 1. С. 68–94.
9. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, пер., комм. М., 1979. 268 с.
10. *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Пер., прим., статья, библиография В.И. Матузова. М., 1997. 383 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд. второе. Л., 1926. 286 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. 531 с.
13. *Рикардо из Сан-Джермано*. Хроника / пер. с лат. И. Дьяконов. 2012. Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Riccardo_St_Germano/pred.phtml?id=1778.
14. *Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами: латинский текст и перевод / пер. с латин. яз., вступ. ст. и комм. А.С. Досаева. СПб., 2012. 300 с.
15. Хаутала Р. От “Давида, царя Индий” до “ненавистного плебса Сатаны”. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 496 с.
16. Юрченко А.Г. Историческая география политического мира. Образ Чингизхана в мировой литературе XIII – XV вв. М., 2006. 640 с.

Сведения об авторах: Федор Никитович Веселов – ассистент кафедры музеологии, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: veselovfedor@gmail.com

Александр Вячеславович Майоров – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Поступила 14.01.2017 г.

Принята к публикации 07.03.2017 г.

**“...WE DO NOT KNOW, WHO ARE THEY, WHERE ARE THEY FROM
AND WHAT ARE THEIR AIMS”. THE MONGOL EXPANSION
IN THE LIGHT OF PUBLISHED LATIN SOURCES**

F.N. Veselov¹, A.V. Maiorov²

*^{1,2} Saint Petersburg State University
199034, Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ E-mail: veselovfedor@gmail.com

² E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

This article is primarily dedicated to the monograph of R. Hautala “From ‘David, King of the Indies’ to ‘Detestable Plebs of Satan’: An Anthology of Early Latin Information about

the Tatar-Mongols”. One can find that this anthology is the most complete collection of Latin sources, which were created before the Mongol invasion of the European states and concerning the Mongols, their genesis and aims of the Western campaign. The authors state that the mentioned study includes not only the high-level presentation of handwritten artifacts, but extensive research, providing a number of original and decisive conclusions as well. On the other hand, the authors of the paper mention complexes of sources, which could provide more detailed image of diplomatic relations between European monarchs and heads of the Mongol armies, Christian interpretations of threatening and unknown enemy who unexpectedly appeared on the borders of Catholic world. Particularly, the authors point on the fragment from Alberic of Trois-Fontaines, which could be described not only as a source on the Russian-Mongol battle, as well as on the sources on diplomatic relations between the Holy Roman Empire and Mongol rulers, Russian sources that had own impact on the European scholars’ eschatological interpretations of the Tatar invasion.

Keywords: Latin medieval written sources, Mongol Western campaign, Mongol invasions.

For citation: Veselov F.N., Maierov A.V. “...We do not know, who are they, where are they from and what are their aims”. The Mongol Expansion in the Light of Published Latin Sources. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 230–238. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.230-238

REFERENCES

1. Akimova O.A. *Foma Splitskiy. Istoriya arkhid'yakonov Salony i Splita*. Per., komm. O.A. Akimova [Thomas of Split. History of Archdeacons of Salon and Split. Translated and commented by O. Akimova]. Moscow, 1997. 319 p. (In Russian)
2. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII – XIV vv. o tatarakh i vostochnoy Evrope [Reports of Hungarian Missionaries of the 13th – 14th centuries about Tatars and Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv – Historical Archive*. Part 3. Moscow, Leningrad, 1940, pp. 71–112. (In Russian)
3. *Genrikh Latviyskiy. Khronika Livonii*. Vved., per. i komment. S.A. Anninskogo [Henry of Latvia. Chronicles of Livonia. Annot., translation and comments by S. Anninskiy]. Moscow – Leningrad, 1938. 607 p. (In Russian)
4. Gorelov N. S. *Tsarstvie Nebesnoe: legendy krestonostsev XII–XIV vekov* [Kingdom of Heavens: Crusaders’ Legends of the 12th – 14th centuries]. St. Petersburg, 2006. 444 p. (In Russian)
5. Gorelov N.S. *Kniga stranstviy* [The Book of Travels]. Saint Petersburg, 2006. 318 p. (In Russian)
6. Gorelov N.S. *Poslaniya iz Vymyshlennogo tsarstva* [Messages from the Mythical Kingdom]. St. Petersburg, 2004. 220 p. (In Russian)
7. Mayorov A.V. Illustri regi Russiae: korolevskiy titul russkikh knyazey v pervoy polovine XIII v. [Illustri regi Russiae: King’s Title of Russian Princes in the first half of the 13th century]. *Stratum plus*. No 6. 2015, pp. 53–62. (In Russian)
8. Mayorov A.V. Zavershayushchiy etap Zapadnogo pokhoda mongolov: voennaya sila i taynaya diplomatiya [The Final Stage of Mongol Invasion of Europe: A Military Force and Secret Diplomacy]. *Zolotoordynkoe obozrenie – Golden Horde Review*. No 1. 2015, pp. 68–94. (In Russian)
9. Matuzova V.I. *Angliyskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv.: Teksty, perevodi, kommentarii* [English Medieval Sources of the 9th – 13th centuries: texts, translations and comments]. Moscow, 1979. 268 p. (In Russian)

10. *Petr iz Dusburga. Khronika zemli Prusskoy*. Per., prim., stat'ya, bibl. V.I. Matuzova [Peter of Dusburg. Chronicle of Prussian Land. Translation, article, bibliography by V. Matuzova]. Moscow, 1997. 383 p. (In Russian)
11. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 1. *Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Lavrent'evskaya chronicle]. Second edition. Leningrad, 1926. 286 p. (In Russian)
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 3. *Novgorodskaya letopis' po Sinodal'nomu kharateynomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3. Novgorodskaya Chronicle by the Sinodal'niy Transcript]. St. Petersburg, 1888. 531 p. (In Russian)
13. *Rikardo iz San-Dzhermano. Khronika*. Per. s lat. I. D'yakonov [Riccardo of San Germano. Chronicle. Translation by I. D'yakonov]. 2012. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Riccardo_St_Germano/pred.phtml?id=1778. (In Russian)
14. *Rogeri. Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami: latinskiy tekst i perevod*. Per. s latin. yaz., vstup. st. i komm. A.S. Dosaeva [Master Roger. Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars: Latin text and translation. Translation, article and comments by A. Dosaev]. St. Petersburg, 2012. 300 p. (In Russian)
15. Roman Hautala. *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany"*. *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, King of the Indies" to "Detestable Plebs of Satan": An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan, 2015. 496 p. (In Russian)
16. Yurchenko A.G. *Istoricheskaya geografiya politicheskogo mira. Obraz Chingizkhana v mirovoy literature XIII – XV vv.* [Historical Geography of Political World. Image of Chinggis Khan in the World Literature of the 13th – 15th centuries]. Moscow, 2006. 640 p. (In Russian)

About the authors: Fedor N. Veselov – Teaching Assistant of the Department of Museology, Institute of History, Saint Petersburg State University (5, Mendelevskaya Liniya, Saint Peterburg 199034, Russian Federation). E-mail: veselovfedor@gmail.com

Alexander V. Maiorov – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Museology, Institute of History, Saint Petersburg State University (5, Mendelevskaya Liniya, Saint Peterburg 199034, Russian Federation). E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Received January 14, 2017

Accepted for publication March 7, 2017

УДК 94(571)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.239-243

**«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»:
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О КНИГЕ**

З.А. Тычинских^{1,2}, Г.Ф. Габдрахманова³

¹ *Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
626152, Тобольск, Российская Федерация*

² *Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева
(филиал) Тюменского государственного университета
626150, Тобольск, Российская Федерация
E-mail: zaituna.09@mail.ru*

³ *Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация
E-mail: medi54375@mail.ru*

В статье презентуется коллективная монография «История и культура татар Западной Сибири», вышедшая в 2015 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ. Показывается, что данная книга – это первый академический научный труд, в котором комплексно, многоаспектно аккумулированы практически все имеющиеся в современной науке (демографии, генетики, языкознания, истории, этнографии и этносоциологии) материалы, связанные с формированием и развитием тюрко-татарского населения Западной Сибири с древнейших времен до начала XXI века. Особенностью монографии является ее этнотерриториальный подход: в центре внимания авторов – все тюрко-татарское население Западной Сибири, которое формировалось в разные исторические периоды и включает в себя два основных компонента – население, именуемого в этнографической науке «сибирскими татарами», и группу татар, переселявшихся (в основном с Поволжья) в сибирский регион на протяжении XVI–XX вв. Книга сопровождается большим числом иллюстраций, которые были собраны во время экспедиций авторов в сельских поселениях татар Западной Сибири, во время археологических раскопок, в многочисленных архивах и музеях России. Многие фотоматериалы представляются впервые.

Ключевые слова: татары, Западная Сибирь, история, культура.

Для цитирования: Тычинских З.А., Габдрахманова Г.Ф. «История и культура татар Западной Сибири»: некоторые заметки о книге // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 239–243. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.239-243

В конце 2015 г. в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа» Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ и Тюменским государственным университетом (Центром по изучению историко-культурного наследия сибирских татар при филиале в г.Тобольске) была подготовлена и издана коллективная монография «История и культура татар Западной Сибири» (Казань, 2015. 728 с. + 56 с. цв. вкл.) [1]. Это первый академический научный труд, в котором комплексно, многоаспектно аккумулированы практически все имеющиеся в современной науке материалы, связанные с формированием и развитием тюрко-татарского населения Западной Сибири с древнейших времен до

начала XXI века. В монографии представлены основные новейшие исследования в области демографии, генетики, языкознания, истории, этнографии и этносоциологии. Авторами книги стали 52 исследователя из 26 научных, образовательных, архивных и музейных учреждений России – гг. Москвы, Казани, Тюмени, Омска, Тобольска, Новосибирска, Кемерово, Кургана, Рязани, а также из Казахстана. Книга сопровождается большим числом иллюстраций, которые были собраны во время экспедиций авторов в сельских поселениях татар Западной Сибири, во время археологических раскопок, в многочисленных архивах и музеях России. Многие фотоматериалы презентуются впервые.

Особенностью монографии является ее этнотерриториальный поход: в центре внимания авторов – все тюрко-татарское население Западной Сибири, которое формировалось в разные исторические периоды и включает в себя два основных компонента – население, именуемого в этнографической науке «сибирскими татарами», и группу татар, переселявшихся (в основном с Поволжья) в сибирский регион на протяжении XVI–XX вв. В коллективной монографии была предпринята попытка объединения исследований ученых в течение многих лет занимающихся изучением различных аспектов истории и культуры этих разных групп западносибирского тюрко-татарского сообщества.

Монография состоит из введения, 6 глав и приложения. Во введении (автор – З.А. Тычинских) представлена история изучения тюрко-татарского населения Западной Сибири, начало которой относится к трудам путешественников и сибирскому летописанию XVII–XVIII вв. Показывается вклад участников Академических экспедиций XVIII в. Раскрывается деятельность современных научных школ и отдельных исследователей, занимающиеся изучением татар Сибири.

Первую главу монографии открывает статья А.Н. Багашева, в которой дана антропологическая характеристика сибирско-татарского населения региона. Автор считает, что, несмотря на ряд особенностей их типов, «основной компонент антропологической структуры всех сибирских татар имеет общую основу, уходящую корнями в эпоху бронзы и раннего железного века». В следующей статье «Своеобразие генофонда» представлены первые результаты новейших генетических исследований тоболо-иртышских татар, проведенных в 2012–2014 гг. в Тюменской области под руководством М.Б. Лавряшиной и Е.В. Балановской. Авторы доказывают, что имеется «большое разнообразие не только внутри сибирских татар, но и других народов с этнонимом «татары». Ими подчеркивается, что «подразделенность генофонда, преобладание разных генетических компонентов в популяциях указывает на разные источники формирования современного генетического разнообразия разных групп татар». Далее в главе представлена демографическая характеристика и география расселения татарского населения (Н.А. Томилов и С.Н. Корусенко), этапы формирования у них этносословной структуры (Д.М. Исхаков и З.А. Тычинских). В статье Д.Б. Рамазановой на основе ее многолетних полевых исследований рассмотрены языковые особенности сибирских татар. Завершает главу работа Х.Ч. Алишиной «Топонимические легенды».

Во второй главе книги в статьях Ю.С. Худякова, Б.Е. Кумекова, В.В. Трепавлова, А.В. Белякова и других авторов раскрывается процесс формирования тюрко-татарского населения Западной Сибири в разные исторические эпохи, начиная с древнетюркского времени. Доказывается, что ключевым

этапом стал период Улуса Джучи. После распада этой империи произошла деконсолидация татарского этносоциального организма, а позже, в XV–XVI вв. татары развивались в рамках различных познезолотоордынских юртов, хотя сохраняли тесные экономические и культурные связи. В Западной Сибири это были Тюменское и Сибирское ханства.

Особое внимание хочется обратить на источниковедческую статью И.А. Мустакимова по истории владений Шибана и Шибанидов в золотоордынское время, в которой рассмотрен комплекс персо- и тюркоязычных исторических источников. Среди последних автор выделяет, прежде всего, анонимную хронику «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.), которая по содержанию и композиции послужила образцом для шейбанидской историографии – хроник, созданных в XVI в. при дворе Мухаммед-Шейбани-хана и его преемников. Также выделяются сочинения Абдаллаха Насраллахи (Балхи) «Зубдат ал-асар» (около 1525 г.), Утемиш-хаджи «Чингиз-наме» (1550 г.), Абу-л-Гази-хана «Шаджара-и тюрк ва могул» (1660-е гг.), Сейида Мухаммеда Ризы «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбар мулук татар» (1737 г.) и Абдулгаффара Кырыми «Умдат ал-ахбар» (1740-е гг.). Комплекс персидских источников представлен хрониками Масуда б. Османа Кухистани «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (1540-е гг.), Хафиз-и Таныша «Шараф-наме-йи шахи» («Абдулла-наме») (1580-е гг.), Махмуда б. Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (1630-е гг.), Мухаммед Юсуфа мунши «Тарих-и Муким-хани» (начало XVIII в.).

В статье курганского историка Д.Н. Маслюженко показано, что формирование тюрко-татарской государственности позднего средневековья на юге Западной Сибири связано с вхождением этого региона в состав Монгольской империи, показаны этапы становления государственности, а также место Шибанидов в политической истории Золотой Орды. В статьях Д.М. Исхакова, Д.Н. Маслюженко, А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова большое внимание уделено рассмотрению средневековых политий Сибири – Тюменского и Сибирского ханства. Показано, что Сибирское ханство было одним из «осколков» Золотой Орды и как другие татарские ханства во многом унаследовало основные черты ее административно-политического устройства.

Следующие три главы монографии дают развернутую этнографическую характеристику различных этнографических групп татар Западной Сибири. Исследователи гг.Омска, Казани, Тюмени (Ф.С. Баязитова, Ф.М.Буреева, Г.И. Зиннатуллина, О.П. Коломиец, А.В. Матвеев, Ф.С. Сайфулина, Е.Ю. Смирнова, С.В. Сулова, Л.Р. Сурметова, М.Н. Тихомирова, Р.К. Уразманова, Н.А. Халиков, А.А. Ярзуткина) представили богатую и разнообразную материальную и духовную культуру татарского населения. В ряде статей большое внимание уделено тем компонентам культуры сибирских татар, которые имели повсеместное распространение у татар разных регионов и являлись общезтническими. В статьях А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой, Р.Х. Рахимова, Д.М. Исхакова рассматривается процесс проникновения и распространения ислама в Сибири, его этнокультурные особенности.

Последняя глава посвящена этносоциальным процессам у татар обследуемого региона во второй половине XX в. и в постсоветский период. Ее значительная часть построена на материалах специального этносоциологического исследования, проведенного в 2014–2015 гг. под руководством Г.Ф. Габдрахмановой. Результаты научно-аналитических изысканий авторов главы

раскрывают современную этнополитическую, этнокультурную этноязыковую ситуацию, особенности идентичности татар западносибирского региона. Роль ислама в современной жизни продемонстрирована в статье И.В. Боброва, М.С. Черепанова, А.Л. Шишелякиной. Н.Г. Хайруллина представила динамику этнокультурных процессов у татар региона на материале социологических исследований, проведенных ею в Тюменской области.

В приложение включены списки литературы и источников. Здесь же размещены указатели: именной и политико-географический, а также перечень этнических, этнополитических, этносоциальных и этноконфессиональных терминов. В отношении татар Западной Сибири такая аналитическая работа проделана впервые.

Книга, несмотря на ее фундаментальность, не претендует на завершенность. На данном этапе редакционной коллегией преследовалась задача наиболее полной интеграции имеющихся на сегодняшний день научных знаний о тюрко-татарском населении Западной Сибири, накопленных в разных региональных научных центрах. Взгляды авторов не всегда совпадали: сказывалась разная методика исследовательских работ, локальная направленность научных интересов и т.д. Тем не менее, данный труд отвечает на многие сложные вопросы истории и культуры татарского населения Западной Сибири, ставит новые исследовательские задачи перед научным сообществом. Например, материалы монографии показали, что к настоящему времени наиболее полно описаны сибирские татары. Другие же группы татарского населения региона еще ждут своих исследователей. Много спорных моментов и во взглядах на формирование, характер сибирско-татарской этнической общности, характер и степень ее взаимосвязей с разными этнотерриториальными группами татар и с другими тюркскими народами. Надеемся, что исследователи продолжат изучение тюрко-татарского населения Западной Сибири и в дальнейшем внесут свой вклад в комплексный анализ сложных исторических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2015. 728 с. + 56 с. цв. вкл.

Сведения об авторах: Зайтуна Аптрашитовна Тычинских – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (626152, ул. им. Академика Юрия Осипова, 15, Тобольск, Российская Федерация), доцент Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (626150, ул. Знаменского, 58, Тобольск, Российская Федерация). E-mail: zaituna.09@mail.ru

Гульнара Фаатовна Габдрахманова – доктор социологических наук, доцент, зав. отделом этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: medi54375@mail.ru

Поступила 14.01.2017 г.

Принята к публикации 01.03.2017 г.

“THE HISTORY AND CULTURE OF THE WESTERN SIBERIAN TATARS”: SOME NOTES ABOUT THE BOOK

Z.A. Tychinskikh^{1,2}, G.F. Gabdrakhmanova³

¹ Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk 626152, Russian Federation

² D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute (Branch of Tyumen State University)
Tobolsk 626150, Russian Federation
E-mail: zaituna.09@mail.ru

³ Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation
E-mail: medi54375@mail.ru

The article presents a collective monograph “The History and Culture of the Western Siberian Tatars” published in 2015 by Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences. This book is the first academic work, which integrated and multidimensionally accumulated almost all materials (of demography, genetics, linguistics, history, ethnography and ethnosociology) available in modern science related to the formation and development of the Turkic-Tatar population of Western Siberia from ancient times to the early 21st century. The monograph is distinguished by the ethnoterritorial approach: the authors focus on the entire Turkic-Tatar population of Western Siberia, which was formed in different historical periods and includes two main components – population called in ethnographic science the “Siberian Tatars” and the group of Tatars who migrated (mainly from the Volga region) to the Siberian region during the 16th–20th centuries. The book contains a large number of illustrations, which were collected during the expeditions of the authors in the rural settlements of the Tatars of Western Siberia, during archaeological excavations, in numerous archives and museums in Russia. Many photos are presented for the first time.

Keywords: Tatars, Western Siberia, history, culture.

For citation: Tychinskikh Z.A., Gabdrakhmanova G.F. “The History and Culture of the Western Siberian Tatars”: Some Notes about the Book. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 239–243. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.239-243

REFERENCES

1. *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri. Monografiya* [The History and Culture of the Western Siberian Tatars. Monography]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, «Artifakt» Publ., 2015. 728 p. + 56 p. of colored inserts. (In Russian)

About the authors: Zaytuna A. Tychinskikh – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Academician Yuri Osipov Str., Tobolsk 626152, Russian Federation), Assistant Professor, D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute, (Branch of Tyumen State University (58, Znamenskiy Str., Tobolsk 626150, Russian Federation). E-mail: zaituna.09@mail.ru

Gulnara F. Gabdrakhmanova – Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: medi54375@mail.ru

Received January 14, 2017

Accepted for publication March 1, 2017

ХРОНИКА

УДК 930.253(438)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.244-247

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ XIII ФАИЗХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ»
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 4–6 МАЯ 2016 Г.)**

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
198099, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ropot@mail.ru*

XIII Фаизхановские чтения были проведены в Санкт-Петербурге 4–6 мая 2016 г. В этом году конференция была посвящена Золотой Орде и ее наследию, по случаю 750 летия основания этого государства. Конференция была организована Духовным управлением мусульман Российской Федерации, Государственным Эрмитажем, Московским государственным университетом, Санкт-Петербургским государственным университетом, Институтом востоковедения, Институтом восточных рукописей и других.

Состоялись два пленарных заседания и четыре секции с около 100 спикеров из разных регионов России, а также из Финляндии, Франции, Казахстана, Украины, Узбекистана. Большая часть докладов и презентаций вызвала вопросы и дискуссии. Собранные работы конференции планируется опубликовать в 2017 году.

Ключевые слова: международная научно-практическая конференция, Фаизхановские чтения, наследие Золотой Орды, народы Евразии, международное научное сотрудничество.

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. Международная научно-практическая конференция XIII Фаизхановские чтения «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии» (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 244–247. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.244-247

4–6 мая 2016 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная научно-практическая конференция «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии» в формате XIII Фаизхановских чтений. Организаторами мероприятия выступили Духовное управление мусульман Российской Федерации, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт востоковедения РАН (Москва), Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и ряд других научных и общественных организаций.

Основной день работы конференции, 5 мая, прошел в гостинице «Эрмитаж». В рамках конференции прошли два пленарных заседания, на первом из которых выступили заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации Д.З. Хайретдинов, а также видные ученые – В.В. Трепавлов, М.Г. Крамаровский, Т.И. Султанов и др. Основная же работа проводилась в четырех секциях: «Источниковедение, историография и историософия истории Золотой Орды», «Культура и внутренняя жизнь Золотой Орды и золотоордынских государств», «Отношения центр-периферия и международные связи Золотой Орды», «Политическая и социальная история Золотой Орды и золотоордынских государств». В работе конференции приняли участие ученые из различных регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Крым, Воронеж, Курган и др.), а также из Казахстана, Узбекистана, Украины, Франции, Финляндии.

Доклады, представленные участниками конференции, имели различную направленность, в целом соответствуя заявленной тематике. Ряд докладов носил, в целом, обзорный характер: некоторых из них были посвящены общим тенденциям в изучении Золотой Орды и даже вопросам преподавания ее истории в средних и высших образовательных заведениях – в частности, выступления А.Ш. Кадырбаева (Москва), О.П. Кобзевой и О.А. Махмудова (оба докладчика – Ташкент, Узбекистан). К сожалению, далеко не все присутствовавшие на заседаниях ученые являлись работниками сферы образования и поэтому вряд ли могли оценить по достоинству методологические аспекты представленных докладов, отметив лишь то, что в фактическом отношении в них не прозвучало ничего принципиально нового.

Большинство же докладов отражало результаты новейших исследований в области истории, источниковедения, материальной и духовной культуры Золотой Орды и пост-ордынских государств. Хотелось бы отметить, что тематика секций была сформулирована достаточно четко, и большинство докладов оказалось в рамках соответствующей секции (что не так уж часто бывает на подобных массовых научных мероприятиях). Неудивительно, что практически все тематические доклады вызвали немало вопросов, а порой – и оживленные дискуссии.

Пожалуй, к числу наиболее интересных докладов следует отнести те, в которых авторы сообщали о новых источниках по истории Золотой Орды, ее наследников и других тюрко-монгольских государств Евразии – в частности, выступления Р. Хауталы (Оулу, Финляндия), сообщившего о новых латинских источниках по истории Золотой Орды и религиозной политике ее правителей, Э.Д. Зиливинской о новых археологических памятниках золотоордынского времени в Западном Казахстане, А.Г. Юрченко (Санкт-Петербург), продемонстрировавшего новые археологические находки эпохи Монгольской империи. Также значительный интерес представляли доклады, авторы которых предприняли попытки (пусть и не бесспорные) по-новому взглянуть на ранее обсуждавшиеся эпизоды истории Золотой Орды и пост-ордынских государств, дать новые трактовки известных событий, развеять некоторые стереотипы – в качестве примеров можно назвать доклады Д.Н. Маслюженко (Курган) о событиях 1563 г. в Сибирском ханстве, М.В. Моисеева (Москва) и Б.Р. Рахимзянова (Казань) об отношениях Москвы с татарскими ханствами

после падения Большой Орды, К.З. Ускенбая (Алматы, Казахстан) о времени начала казахской государственности.

Наряду с докладами, посвященными конкретным аспектам истории, историографии и источниковедения Золотой Орды и пост-ордынских государств, были представлены и доклады междисциплинарного характера. При этом далеко не все из них можно счесть удачной попыткой применений междисциплинарного подхода. Так, например, в докладе Ж.М. Сабитова (Астана, Казахстан) была предпринята попытка характеристики административной реформы Бату в 1240-е гг., однако автору так и не удалось доказать, что действия этого правителя действительно являлись реформой. Аналогичным образом Ю.В. Селезнев (Воронеж) в докладе «Возникновении суверенитета и юрисдикции ордынского хана (монгольского кагана) на территории Руси» несколько запутался в трактовке этих правовых понятий, в результате чего его построения не выглядели достаточно обоснованными. Подобные примеры подтверждают необходимость сотрудничества в изучении Золотой Орды представителей разных наук и научных дисциплин, взаимного консультирования ученых разных специальностей, о чем уже неоднократно говорилось на подобных мероприятиях ранее.

Также нельзя не упомянуть, что в рамках работы конференции в очередной раз нашли отражение особенности национальных школ в изучении Золотой Орды, что проявилось в различных трактовках одних и тех же событий, оценки роли различных этносов в истории Улуса Джучи и государств Евразии. Примером тому – довольно бурная дискуссия, имевшая место между А.Ш. Кадырбаевым и Д.М. Исхаковым на первом пленарном заседании и посвященная оценке роли казахов и татар в формировании и развитии золотоордынской государственности.

В целом же можно отметить, что XIII Фаизхановские чтения прошли успешно. Многочисленный состав участников, представительство различных регионов России и даже иностранных государств свидетельствует о неугасающем интересе к истории Золотой Орды и ее наследников. Кроме того, прозвучавшие доклады убеждают, что в истории Улуса Джучи до сих пор имеется немало «белых пятен», нуждающихся в изучении, а также – что сохранилось немалое число источников, которые следует ввести в научный оборот и тщательно изучать.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528> (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: ropot@mail.ru

Поступила 30.11.2016 г.

Принята к публикации 11.01. 2017 г.

THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE
XIII FAIZKHANOV READINGS
“THE HERITAGE OF THE GOLDEN HORDE IN THE NATIONHOOD
AND CULTURAL TRADITIONS OF THE PEOPLES OF EURASIA”
(ST. PETERSBURG, MAY 4–6, 2016)

R.Yu. Pochekaev

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg 198099, Russian Federation
E-mail: ropot@mail.ru*

XIII Faizkhanov Readings have been held in St. Petersburg on May 4–6, 2016. This year the conference was devoted to the Golden Horde and its heritage in Eurasia on occasion of the 750 years from foundation of this state. The conference was organized by the Spiritual Administration of Moslems of the Russian Federation, State Hermitage, Moscow State University, St. Petersburg State University, Institute of Oriental Studies, Institute of Oriental Manuscripts and others.

There were two plenary sessions and four sections with about 100 speakers from different regions of Russia as well as from Finland, France, Kazakhstan, Ukraine, Uzbekistan. Most part of presentations caused questions and debates. The proceeding of the conference is to be published this year.

Keywords: international scientific-practical conference, Faizkhanov Readings, heritage of the Golden Horde, peoples of Eurasia, international academic cooperation.

For citation: Pochekaev R.Yu. The International Scientific-Practical Conference XIII Faizkhanov Readings “The Heritage of the Golden Horde in the Nationhood and Cultural Traditions of the Peoples of Eurasia” (St. Petersburg, May 4–6, 2016). *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 244–247. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.244-247

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci (Jurisprudence), Docent, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528> (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Received November 30, 2016
Accepted for publication January 11, 2017

УДК 002.55

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.248-251

**РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА «ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
(КАЗАНЬ, 18 МАРТА 2017 Г.)**

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, Российская Федерация
E-mail: lusiia@mail.ru*

18 марта 2017 г. состоялось расширенное заседание редколлегии научного журнала «Золотоордынское обозрение», посвященное 5-летию со дня первого выпуска журнала. Протокол № 5 от 18.03.2017 г.

Ответственные за политику журнала отчитались о направлениях своих работ следующими докладами:

Миргалеев И.М., к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова (ЦИЗОТХ) Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, главный редактор журнала.

Отчет о работе журнала. Стратегическое видение развития журнала.

Хакимов Р.С., д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета.

Отчет о работе редакционной коллегии журнала.

Гиниятуллина Л.С., младший научный сотрудник ЦИЗОТХ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, технический редактор.

План развития сайта журнала. Роль онлайн-версии в продвижении журнала и его индексации в российских и международных базах научного цитирования.

Роман Хаутала, Ph.D. (история), старший научный сотрудник ЦИЗОТХ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент, историческое отделение гуманитарного факультета университета Оулу (Финляндия), редактор английских текстов журнала.

Стратегия развития англоязычной части журнала.

Сайфетдинова Э.Г., к.и.н., старший научный сотрудник ЦИЗОТХ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, выпускающий редактор.

Аксанов А.В., к.и.н., старший научный сотрудник ЦИЗОТХ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, выпускающий редактор.

Работа института рецензирования журнала.

Вместе с членами редколлегии в заседании приняли участие и приглашенные гости:

Мишель Балар, эмерит-профессор средневековой истории, Институт исследований Византии, ислама и Средиземноморья в Средневековье, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна (Франция);

Дэниэл К. Уо., эмерит-профессор, Университет Вашингтона, главный редактор журнала «The Silk Road» (Сиэтл, США);

Мирко Сарделич, отделение истории Хорватской академии наук и искусств (Загреб, Хорватия);

Александар Узелац, научный сотрудник, Институт истории (Белград, Сербия).

Участники высоко оценили работу редакционной коллегии, отметили важность работы членов редакционного совета и института рецензирования. Высказали необходимость сохранения планов по включению журнала «Золотоордынское обозрение» в международные наукометрические базы данных. Утвердили отчеты, прозвучавшие на заседании, и пожелали успехов коллективу. Член редколлегии журнала, Александар Узелац, предложил включить в план работы редакционной коллегии журнала конкретные мероприятия по работе с редакционным советом, ежегодно проводить совместные заседания редакционной коллегии. Также участниками было рекомендовано чаще публиковать дискуссионные материалы в журнале.

В своих выступлениях участники заседания отметили высокий научный уровень журнала, его заслуженный авторитет и признание не только в нашей стране, но и за рубежом, и пожелали редколлегии и редакции журнала дальнейшей плодотворной и результативной работы.

Заседание постановило:

1. Работу журнала «Золотоордынское обозрение» и его редакционной коллегии признать удовлетворительной.

2. Редакционной коллегии активнее добиваться увеличения папки статей журнала.

3. Активизировать работу редакционного совета. С этой целью включить в план работы редакционной коллегии мероприятия по организации, координированию и направлению деятельности членов редакционного совета – проведение совместных совещаний редакционной коллегии и редакционного совета.

Ключевые слова: журнал, сайт, рецензент, цитирование, индексация журнала.

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Расширенное заседание редакционной коллегии журнала «Золотоордынское обозрение» (Казань, 18 марта 2017 г.) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 248–251. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.248-251

Сведения об авторе: Гиниятуллина Люция Сулеймановна – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усмано-ва, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила 18.03.2017 г.

Принята к публикации 20.03.2017 г.

**EXTENDED MEETING OF THE EDITORIAL BOARD
OF THE “GOLDEN HORDE REVIEW” (KAZAN, MARCH 18, 2017)**

L.S. Giniyatullina

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420111, Russian Federation
E-mail: lusiia@mail.ru*

The extended meeting of the Editorial Board of the “Golden Horde Review” dedicated to the fifth anniversary of the first issue of the journal was held in Kazan on March 18, 2017.

Responsible for the journal’s policy reported on the directions of their work with the following reports:

Mirgaleev I.M., Cand. Sci. (History), Head of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the journal.

Report on the Journal’s Work: Strategic Vision of the Journal’s Development.

Khakimov R.S., Dr. Sci. (History), Director of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Vice President of Tatarstan Academy of Sciences, Academician of Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board.

Report on the Editorial Board’s Work.

Giniyatullina L.S., Research Fellow of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Technical Editor.

Plan for the Development of the Site of the Journal. The Role of the Online Version in Promoting the Journal and Its Indexing in Russian and International Scientific Citation Bases.

Roman Hautala, Ph.D. (History), Senior Research Fellow of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Department of History, University of Oulu (Finland), English Texts’ Editor.

The Development Strategy of the English-Language Part of the Journal.

Sayfedinova E.G., Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Issuing Editor.

Aksanov A.V., Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Issuing Editor.

Work on the Review of the Journal.

The following invited guests took part in the meeting together with the members of the Editorial Board:

Michel Balard, Emeritus Professor of Medieval History, Institute of Research on Byzantium, Islam, and the Mediterranean in the Middle Ages, University Paris 1 – Panthéon-Sorbonne (Paris, France)

Daniel Clarke Waugh, Emeritus Professor, History Department, University of Washington, Editor-in-Chief of the journal “The Silk Road” (an annual publication of the Silkroad Foundation) (Seattle, USA);

Mirko Sardelić, Department of History, Croatian Academy of Sciences and Arts (Zagreb, Croatia);

Aleksandar Uzelac, Research Associate, Institute of History (Belgrade, Serbia).

The participants highly appreciated the work of the Editorial Board, noted the importance of the Editorial Board's members' work as well as the reviewing institution's work. They pointed to the need to adhere to the plan to include the "Golden Horde Review" in the world's scientometric databases. The participants approved the reports of the meeting and wished the successes to the Editorial Board. The member of the Editorial Council, Aleksandar Uzelac, proposed to include in the plan the specific activities for working with the Editorial Council and carry out annual joint meetings of the Editorial Board. The participants recommended as well to publish the discussion papers more frequently.

In their speeches, the participants of the meeting noted the high academic level of the journal, its deserved authority and recognition not only in our country, but also abroad. They wished the further fruitful and effective work to the Journal's Editorial Board.

The meeting has decided:

1. to recognize the work of the "Golden Horde Review" and its Editorial Board as satisfactory;
2. the Editorial Board should actively seek to increase the number of articles and the volume of the journal;
3. to activate the work of the Editorial Council. To this end, it is necessary to organize, coordinate and direct the activities of the members of the Editorial Council: to hold joint meetings of the Editorial Board and the Editorial Council.

Keywords: journal, website, reviewer, citation, indexing of the journal.

For citation: Giniyatullina L.S. Extended Meeting of the Editorial Board of the "Golden Horde Review" (Kazan, March 18, 2017). *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 248–251. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.248-251

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: lusiia@mail.ru

Received March 18, 2017

Accepted for publication March 20, 2017

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

Правила для авторов смотрите на сайте журнала: <http://goldhorde.ru>

Instructions to authors look at the website of the journal: <http://goldhorde.ru>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2017. Т. 5, № 1

GOLDEN HORDE REVIEW. 2017. Vol. 5, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 20.03.2017 г. Формат 70×108 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 15,75 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>